

академик

Евгений Викторович Тарле
ЖЕРМИНАЛЬ и ПРЕРИАЛЬ

3-е издание

М.: издательство Академии Наук СССР. 1957. 360 с.

1-е издание книги акад. Е.В.Тарле "Жерминаль и прериаль" вышло в свет в 1937 г., 2-е, переработанное и дополненное автором, - в 1951 г. При подготовке к печати настоящего издания устраниены неточности и ошибки, обнаруженные в предыдущих изданиях.

Отв.редактор Энна Адольфовна Желубовская

Веб-публикация: Vive Liberta, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Глава первая. Основные черты социально-экономической обстановки между 9 термидора и 12 жерминаля

Глава вторая. Термидорианцы и правые группировки

Глава третья. «Вершина» (последние монтаньеры)

Глава четвертая. Жерминаль

Глава пятая. Между 12 жерминаля и 1 прериала

Глава шестая. Первое прериала

Глава седьмая. Второе и третье прериала

Глава восьмая. Четвертое прериала

Глава девятая. Прериальский террор

Глава десятая. После казней

Заключение

Документы и литература

A.Матьез. Термидорианская реакция / перевод с франц. С.Гурвич,
предисловие Ц.Фридлянда

A.Собуль. От террора к Консульству: национальная проблема и социальные
реальности

A.Собуль. Проблемы труда во II году Республики. Максимум заработной платы
в Париже и события 9 термидора

В.Далин. М.-А. Жюльен после 9 термидора

Г.Кунов. Политические кофейни: парижские силуэты времен Великой
французской революции

Г.Черткова. Гракх Бабеф во время термидорианской реакции

Д.Бовыкин. Год 1795: несостоявшаяся реставрация

В.Сергиенко. Французские конституционные монархисты в эмиграции: группа
Мунье, Малуз, Мале дю Пана

В.Сергиенко. Конституционные монархисты - эмигранты времен Французской
революции

Е.Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции

К.Андерсон. Франция времен Директории в «Дневниках» Т.-У.Тона

К.Добролюбский. Классовая борьба в парижских секциях в первые месяцы
после 9 термидора

К.Добролюбский. Термидор

К.Добролюбский. Термидорианская реакция и общественное настроение в
Париже во время Термидорианской реакции по наблюдениям немцев-
очевидцев

К.Раткевич. Французские рабочие в годы Великой революции

М.Домманже. «Равные» и Конституция 1793 года

П.Щеголев. К характеристике экономической политики термидорианской
реакции

П.Щеголев. После термидора: очерки по истории термидорианской реакции

С.Лотте. "Республиканское сословие": из истории французского
предпролетариата XVIII в.

С.Моносов. Очерки по истории Якобинского клуба

Р.Монье. Сент-Антуанское предместье (1789-1815)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жерминаль и прериаль были последними массовыми выступлениями «плебейских» предместий Парижа в эпоху французской революции, величайшей из буржуазных революций европейского прошлого.

Были в эту весну 1795 г. налицо: самоотверженная готовность к борьбе с беспощадным классовым врагом, раздражающее чувство и запоздалое сознание какого-то рокового обмана, совершенного имущими классами 9 термидора, было желание вернуть упущеный момент, померяться силами с убийцами Робеспьера, которым слишком легко достался успех, притянуть к ответу спекулянтов и воров, наживающихся на голоде неимущей массы; были даже, по-видимому, некоторые зачаточные попытки организованного выступления. Но не было ни своих признанных вождей, ни разработанной и усвоенной рабочими политической программы, которая шла бы дальше требования восстановления конституции 1793 г. и мер по борьбе с голодом и дороговизною, не было даже подготовленной согласованности в действиях и выступлениях между революционной массой и мелкобуржуазными «последними монтаньярами», которые жизнью свою заплатили за свое личное выступление 1 прериала, но жертва которых оказалась политически бесплодною. Отсутствие чего бы то ни было похожего на свою рабочую партию, на свою политическую организацию, с их классовых вождей, на свою планомерную тактику — жестоко сказалось в дни 1, 2, 3 и 4 прериала. Но в истории мирового пролетариата эти дни занимают огромное и навеки памятное место, хотя, конечно, это было вовсе не чисто пролетарское восстание: это было восстание столичной плебейской массы,

в которую рабочие входили лишь как одна из составных частей. За всю историю французской революции нельзя назвать ни одного революционного выступления, которое до такой степени было бы именно выступлением (и значительным по своим размерам выступлением) неимущих против имущих. Вместе с тем не было ни одного движения за весь революционный период, которое имело бы такие роковые для революции последствия, как полное разоружение всего рабочего населения Антуанского предместья, если не считать более грандиозного по общему своему политическому значению события 9 термидора. Восторжествовавшая буржуазия, после своего военного «похода 4 прериала», полностью использовала победу над враждебным классом. Только детальное изучение документов, относящихся к жерминальскому и прериальскому восстаниям, может показать, до какой степени этот резко-классовый характер борьбы был осознан уже современниками, свидетелями и участниками.

В дни побед рабочий класс не должен забывать историю своих героических поражений.

Поразительная скучность специальной литературы по истории жерминаля и прериала 1795 г. заставила меня обратиться исключительно к источникам и принудила подвергнуть самостоятельному обследованию даже такие вопросы, которые лишь косвенно и отдаленно касались моей темы. Многие рукописи оказались настолько полны интереса и научного значения, что я чрезвычайно жалею о невозможности привести их целиком. Желая все же сделать их хоть сколько-нибудь доступными читателю, я даю довольно большие выдержки *.

Собственно, только в старой (1867 г.) книге Жюля Кларти «Les derniers montagnards» есть очень скучные и случайные ссылки на неизданные документы, на которых основана моя книга. Даже Альбер Матьез в своей книге о термидорианской реакции ни разу не ссылается на эти документы в небольшой главе о жерминале и прериале. Нечего и говорить о новейшей книге «Les thermidoriens» Лефевра, сплошь основанной на работе Матьеза, так же, как и остальная, имеющаяся открыто (или замаскированно)

* Архивный материал, приводимый мною в конце книги, дается в той транскрипции, которая свойствена документам конца XVIII в.

компилятивный характер литература, затрагивающая так или иначе историю этих двух восстаний. В советской историографии должно отметить страницы, посвященные этой теме, в книге одесского профессора Добролюбского «Термидор», выгодно отличающейся своей добросовестностью от других, вышедших еще под извращающим воздействием «школы» Покровского.

При таком положении разработки вопроса (вернее, при полном отсутствии специальной разработки) нам представилось необходимым дать себе (и читателю) отчет о том, как рисуют эти выцветшие, пожелтевшие, бледными, расплывающимися буквами писанные рукописи то, что происходило в эту памятную весну 1795 г.

Маркс и Энгельс, которых влекла к себе эта тема вследствие их всегдашней живейшей научной любознательности и постоянного исключительного интереса к революционным моментам социальной борьбы в прошлом, неоднократно упоминают в своих произведениях о жерминальском и прериальском восстаниях, но, кроме отдельных замечаний в мемуарной литературе, у них почти ничего не было для систематического ознакомления с этими событиями. Имевшаяся литература, за вычетом разве указанной книги Жюля Кларти и нескольких страниц в общей работе Эдгара Кинэ, ничего, кроме беглой и бледной схемы, не давала.

Но они правильно оценили события.

«Французская революция была социальным движением от начала до конца», — сказал в своей речи «Празднество наций в Лондоне» Энгельс, поясняя предварительно, что он имеет в виду в данном случае:

«Уже эта революция не была просто борьбой за ту или иную государственную форму... Связь между большинством восстаний того времени и голодом; значение, которое имело продовольственное снабжение столицы и распределение запасов уже начиная с 1789 г.; декреты о максимуме цен, законы против скупщиков жизненных припасов; боевой клич революционных армий: «Война дворцам, мир хижинам» ...» *. Наконец, революционный лозунг «Карманьолы» о том, что республиканец должен иметь не только оружие и храбрость (*«du fer et du coeur»*), но так-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, изд. 2, стр. 588.

же и хлеб («du pain»), — вот чем Энгельс юморизует свои слова. Восстания в жерминале и прериаляе и были, прежде всего, восстаниями из-за нужды, протестом против скупщиков, борьбой за хлеб против эксплуататоров, «конфисковавших революцию» в пользу своего кармана.

Конечно, оба восстания 1795 г. не были и не могли еще быть названы восстаниями пролетариата, хотя в них и участвовало главным образом население рабочих предместий.

Слабость и неорганизованность восставших сыграла и не могла не сыграть свою конечную роковую роль. Оба восстания окончились поражением. Но это не мешает им считаться по праву явлениями крупного исторического значения.

«...Революция побеждает, если она двигает вперед передовой класс, наносящий серьезные удары эксплуатации. Революции при этом условии побеждают даже тогда, когда они терпят поражение», — эти слова Ленина вспоминаются тут невольно *.

Эта мысль приложима и к геройскому поражению борцов плебейской массы Парижа в жерминале и прериаляе 1795 г. Пулей, штыком и гильотиной ответила на эти восстания победившая буржуазия в жерминале и прериаляе. Испуг собственнических классов породил неистовую злобу и жестокость.

Оба восстания показали все-таки торжествовавшим победителям, что 9 термидора еще не все их враги были подавлены.

В истории мировой борьбы эксплуатируемых против эксплуататоров «мрачные герои» жерминаля и прериаляя, как назвал одного из них Герцен, никогда забыты не будут.

* В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 341.

Глава первая

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ МЕЖДУ 9 ТЕРМИДОРА И 12 ЖЕРМИНАЛЯ

Общие экономические условия существования парижской рабочей массы между 9 термидора и 12 жерминаля. — Последние времена максимума. — «Имущие» и «неимущие».

I

Приступая к рассмотрению общей экономической обстановки, в которой жила парижская неимущая масса — и прежде всего рабочие предместья — в суровую зиму 1794/95 г. и весну 1795 г., мы коснемся, в первую очередь, вопроса о том, в какие продовольственные условия была поставлена эта масса. Этот вопрос, конечно, тесно связан с другим: насколько продолжавшееся еще несколько месяцев после 9 термидора существование максимума отражалось (или не отражалось) на жизни рабочего класса и как жилось рабочему классу после формальной отмены максимума. Постараемся с возможной краткостью ответить на этот вопрос.

В тот момент, когда — весною, летом и осенью 1793 г. — городская беднота добивалась (и добилась) таксации, а в Конвенте монтаньяры (не говоря уже о жирондистах) одни — упирались, противились, другие — замалчивали и откладывали эту меру, — она без всякого сомнения, представлялась единственным средством спасти от голода рабочий класс и вообще всю городскую бедноту, средством хоть сколько-нибудь обуздить спекуляцию, средством, наконец, поддержать армию и спасти республику. Мелкобур-

жуазной стихия, психология интересов ремесла, мелкой хождьища, душа торгового, промышленного или земельного «хозяйчика» были так сильны в якобинцах, что они долго (в революционные эпохи нескольких месяцев — очень долгий срок) не понимали, что все равно от этой меры им никак не уйти, если вообще им неудобно поставить под угрозу или погубить революцию. Максимум прошел и был введен в действие. При продолжающемся и ревниво охраняемом господстве принципа частной собственности, при далеко не разгромленной старой и при быстро растущей новой буржуазии, как земельной, деревенской, так и городской; при упорном и сознательном сопротивлении капитала — закон о максимуме в последние три месяца 1793 г. и в первую половину 1794 г. поддерживался суровыми мерами, угрозою закона о подозрительных, наконец, угрозою гильотины. Но даже эти меры оказывались мерами довольно мало действенными: спекуляция ухитрялась, несмотря ни на что, брать барыши, прятать товары, перепродавать их из-под полы, в задних комнатах лавок; землевладельцы то скрывали урожай, то вывозили его на более отдаленные рынки, то не засевали земли в достаточном количестве и т. д. Тем не менее закон оставался законом, спекуляция вынуждена была действовать в подполье.

Рабочие, правда, жаловались на неисполнение закона, но раздражало их не столько это обстоятельство, сколько то, что и рабочий труд был таксирован и что эта часть закона о максимуме применялась и ограждалась как собственниками, так во многих местах в провинции и властями гораздо более ретиво и беспощадно, чем статьи, касавшиеся тяжакции продовольствия.

Сегодня землевладельцы требовали предоставления им рабочих рук, которые работали бы по тарифу. Они грозили в противном случае невозможностью выполнить казенные подряды, а следовательно, кормить Париж и армию; завтрака — власти требовали, чтобы рабочие заводов, работающие на оборону, не смели и думать об увеличении платы сверх установленной тарифа.

Достаточно сказать, что за четыре дня до 9 термидора в Париже шла речь о стачечном движении среди оружейников. Если буржуазия, если собственническая стихия была сильна и очень давала себя чувствовать уже зимою 1793/94 г.; если уже с весны 1794 г. она не столько отби-

валась, сколько сама все чаще переходила в наступление, то после 9 термидора это движение пошло усиливающимся темпом. И не то чтобы все термидорианские победители этого сознательно желали, — этот пестрый конгломерат политических группировок и не мог иметь одинаковую социально-экономическую базу, стремиться к одной цели. Левые термидорианцы, постепенно убеждавшиеся в своем роковом для них самих ослеплении, конечно, никак не желали рассматривать 9 термидора как «каз от максимума». Правые термидорианцы не высказывались до поры до времени вполне определенно, а все выжидали и осматривались. И, разумеется, ни те, ни другие, если бы и хотели, не могли бы уже остановить тот процесс, который наметился еще до 9 термидора и стал все ускоряться с осени 1794 г.

Рабочая масса столицы раньше тех и других заметила, что, собственно, она 9 термидора и не выиграла, а проиграла, и что если было плохо при неполном и неудовлетворительном применении закона о максимуме, то совсем стало худо при совершенном его неисполнении; что спекуляция, действующая с опаской и оглядкой, все же предпочтительнее спекуляции, орудующей совершенно открыто и безбоязненно.

Как же относилась парижская плебейская масса к закону о максимуме в занимающие нас восемь месяцев: 9 термидора (27 июля 1794 г.) — 12 жерминаля (1 апреля 1795 г.)? Ответ на этот вопрос не легко поддается вполне отчетливой и доказательной формулировке.

Почти на середину этого периода, а именно на декабрь (4 нивоза) 1794 г., падает закон об отмене максимума, так что с этого момента приходится говорить об отношении не столько к максимуму, сколько к идее максимума, к легенде о нем. Тут именно очень и очень нужно отличать реальный, исторический факт от легенды.

В основе, в идее, максимум, как он мыслился требовавшего его введения парижской массой весною, летом и ранней осенью 1793 г., был несомненно мерою, которая должна была приостановить очень выгодное для спекулянтов и финансистов, но крайне вредное для неимущих, обесценение ассигнаций; мерой, которая могла обеспечить малоимущей, живущей трудами рук своих городской массе доступность предметов первой необходимости; словом, мерой,

которая являлась и могущественным подспорьем для революционного правительства и прежде всего спасением от недоедания и всякого рода лишений, уже начавших терзать неимущее население городов вообще и Парижа в частности. Без закона о максимуме, без реквизиций, как и без все новых эмиссий бумажных денег, нельзя было бы ни успешно вести войну с первой коалицией, ни подавить громадные контрреволюционные восстания, ни, наконец, извлечь из деревни все то, что нужно было для спасения городов от голодной смерти. Первая, самая насущная, непосредственная задача — прокормление громадной поднятой против внешних и внутренних врагов армии и обеспечение ее всем необходимым — не могла быть разрешена без максимума. Однако уже за несколько месяцев до 9 термидора стало все больше и больше выясняться, что если сил революционной диктатуры и угрозы террористической кары хватает на то, чтобы сдержать армию, без которой республике и всем революционным завоеваниям грозила гибель, и на то, чтобы снабжать города хотя бы минимальным количеством предметов потребления, то никаких сил, средств и угроз недостаточно, чтобы обеспечить городскому населению правильное, законное, справедливое распределение этих скучных материальных благ. При существовании частной собственности длительное, последовательное и точное применение закона о максимуме оказалось невозможным. Богатые раздбывали для себя все или почти все, что хотели; неимущим сплошь да рядом доставались крохи. Не зная, как положить конец очевидной, вопиющей ежедневной несправедливости, как утихомирить возмущение голодающих рабочих, правительственные агенты кое-где (например, Клод Жавог в Сент-Этьенне зимою и весною 1794 г.) просто прибегали к конфискации имущества состоятельных людей и к раздаче его, в той или иной форме, неимущим. Но, конечно, все эти отдельные мероприятия не были решением общего вопроса. Мало того, что богатые (и просто состоятельные) люди, в обход максимума, в обильном количестве доставали для личного своего потребления все то, что фактически было недоступно для рабочего класса, но они еще приялись спекулировать, торговать тайным образом по вольным ценам, искусственно задерживая в своих руках редкий товар, перевозя его тайком с места на место.

В то же время быстро шедшая тогда в гору сельскохозяйственная буржуазия, крупные, средние, мелкие землевладельцы и просто нуждавшиеся в батраках крестьяне, словом, все те производители или, шире говоря, продавцы сельскохозяйственных ценностей, которые на каждом шагу всеми способами нарушали и обходили закон о максимуме, пользуясь им, по примеру городских торговцев, только для обострения спекуляции, — все они вдруг стали требовать от властей предоставления им наемной рабочей силы по установленной законом расценке. А в городах сотни и сотни рабочих в то же время реквизировались властями для работ во всех производствах, нужных для снабжения армии, причем оплата труда тоже определялась по максимуму... Все эти обстоятельства привели к тому, что и десяти месяцев не прошло со времени издания закона о максимуме, как он уже перестал возбуждать в рабочей среде сколько-нибудь широкое упование. И рабочие предместья, столь безучастно на первых порах встретившие падение и казнь Робеспьера, сначала как будто даже и не подумали привести это событие в связь с судьбами закона, от которого они уже перестали ждать улучшения своей участи.

Но постепенно, как упомянуто, стало выясняться, что есть для рабочих нечто гораздо худшее, чем даже плохое исполнение закона о максимуме, а именно — внезапная если не юридическая, то фактическая его отмена в той экономической обстановке, которая оказалась налицо после 9 термидора. Тяжело было часами простоявать в очередях у лавок и затем получать порченую провизию, потому что хорошая тайком и за ущербенную цену уже ночью сбыта кому следует; но еще тяжелее было не получать ничего. Трудно было бороться со спекулянтами, часто тщетно грозя им судебными и административными карами, но еще труднее стало с ними разговаривать, когда они окончательно перестали бояться каких бы то ни было преследований. Только существование угрозы судебной и административной кое-как (правда, слабо и во многих местах мало реально) сдерживало спекулянтов. После 9 термидора спекуляция сразу приняла неслыханные размеры. В очень многих частях республики фактически закон о максимуме так же мало соблюдался от 9 термидора до 4 нивоза, как и после этой последней даты, когда он был формально отменен Конвентом.

Не забудем, что налицо был большой и сильный класс, отчасти старая, отчасти новая буржуазия, новые капиталисты, которые, казалось, только и ждали 9 термидора, чтобы открыто выйти на арену и водворить желанное им царство «свободной конкуренции». Сдерживать их хоть сколько-нибудь возможно было только террором. Этот класс сразу почувствовал себя владыкою жизни. Уже с ранней осени 1794 г. он не переставал толкать термидорианское правительство на полную отмену максимума. Но термидорианцы были осторожны, они предпочитали ждать и, только удостоверившись окончательно, что максимум имеет сильных врагов, прекрасно знающих, чего они хотят, и не имеет по-настоящему убежденных и решительных защитников даже в тех слоях, которые в свое время, в 1793 г., так страстно требовали его введения, — только тогда термидорианский Конвент отменил этот закон.

Но как раз в то время, когда погибал и, наконец, погиб закон о максимуме, начала расти и шириться легенда о нем. Ведь отмена его (фактическая — с осени 1794 г., юридическая — зимою того же года) совпала в городах с жестоким и повсеместным обострением нужды. Голодающей городской (и прежде всего столичной плебейской) массе не могла, конечно, не прийти в голову всячесма простая и наглядная истина: если закон о максимуме был слабой и часто недействительной уздой для спекулянтов, то отменить его, ни чем не заменяя, не значит помочь голодающим, а значит лишь предоставить спекулянтам полнейшую свободу действий, избавить их от последних признаков каких бы то ни было помех и затруднений. Постепенно эта мысль стала, по-видимому, складываться еще и так: Робеспьер пытался по мере сил бороться за проведение в жизнь закона о максимуме, и нужно было энергично продолжать и усиливать деятельность в этом направлении, а вместо этого его преемники, воры, грабители и эксплуататоры, отдали народ на съедение и разграбление скупщикам, спекулянтам, стремящимся известить его голодом (*les accapareurs, les agioteurs, les affameurs du peuple* — как они тогда именовались). Это запоздалое признание закона о максимуме еще не сделалось общим лозунгом, но уже зимою 1794 г. и весною 1795 г. оно начало становиться довольно заметным психологическим фактором.

II

9 термидора в настроениях рабочей массы проявился разнобой; перед этим были стачки в мастерских, работающих на оборону, было подавление этих стачек, было известное разочарование и раздражение и по поводу нарушений закона о максимуме и по поводу стремления хозяев использовать этот закон во вред рабочим для уменьшения необходимой (при их прожиточном минимуме) заработной платы; с другой стороны, рабочие предместья просто были захвачены врасплох: их никто ни о чем не предупредил, и появление Анрио, промчавшегося по Антуанскому предместью с криком: «Робеспьер арестован, мошенники и негодяи торжествуют!», в самом деле могло вызвать лишь полное недоумение и беспокойство, потому что никто ничего в тот момент не понял. А на другой день все уже было кончено¹.

Разумеется, термидорианцы очень хорошо понимали, насколько облегчено было их дело растерянностью или безучастностью рабочих предместий 9 и 10 термидора. Полиция с удовольствием отметила, что когда членов Коммуны (погибших за попытку или, точнее, за разговоры о необходимости отстоять Робеспьера) везли на казнь, рабочие издевались над ними, называли их «*foutus maximit*», срываю таким образом свое раздражение по поводу слишком низкой таксации заработной платы, утвержденной Парижской коммуной как раз 5 термидора, т. е. за четыре дня до переворота². Комитет общественного спасения поспешил признать, что рабочие основательно ропщут против этой тaksации, и заявил, что он займется ее исправлением, чтобы привести заработную плату в соответствие с ценами на предметы первой необходимости. Конечно, такое обещание было необходимо, чтобы задобрить на первых порах рабочий класс столицы.

Очень характерно, что Коммуна знала, как ненависть на рабочим эта выгодная для работодателей, но разорительная для рабочего класса тaksация труда.

В ночь с 9 на 10 термидора, в часы, предшествовавшие занятию Ратуши силами Конвента, Парижская коммуна составила возвзвание к гражданам с призывом сопротивляться перевороту. Возмущаясь врагами Робеспьера, Коммуна упоминает в этом возвзвании Барера; желая очернить

его в глазах рабочих предместий, она подчеркивает, что именно он посодействовал фиксации заработной платы рабочих с целью «заставить их погибнуть от голода»³. Воззвание так и не увидело света, потому что Коммуна была арестована и казнена два дня спустя; рукописный же текст его был найден несколькими месяцами позже при ревизии опечатанных бумаг опального и казненного муниципалитета. Из этого текста мы ясно видим, что Парижская коммуна очень хорошо понимала, в какое невозможное положение ставит рабочего человека применение закона о максимуме к его заработной плате. Конечно, если бы данное воззвание дошло до предместий, рабочий люд мог бы задать два вопроса: во-первых, почему Парижская коммуна раньше не пробовала бороться против такой фиксации заработной платы, и, во-вторых, почему единственной областью, где закон о максимуме фактически и очень строго выполнялся, была именно область заработной платы, тогда как землевладельцы, купцы, промышленники всячески нарушали тот же закон?

Мы тут не пишем истории конца максимума, а поэтому удовольствуемся лишь несколькими характерными штрихами, выбирая притом лишь те из них, которые ближе относятся к нашей теме.

Всего два месяца прошло после казни Робеспьера, и уже мы видим немыслимую раньше смелость спекулянтов. Дело не в том, что нарушаются закон о максимуме: это случалось и при Робеспьере. Но характерны размеры этих нарушений. Из Парижа вывозятся большие количества хлеба, народ на это жалуется, власти (в служебной переписке) признают, что факт указан правильно⁴. Другими словами: правительство с большими усилиями и затратами ввозит из провинции хлеб, чтобы кормить столицу по дешевой цене, и этот же хлеб, вследствие темных проделок каких-то спекулянтов и вошедших с ними в соглашение властей, кем-то беззаконно скапуяется и в «больших количествах» контрабандно вывозится из столицы обратно в провинцию, конечно, для продажи по «вольной цене».

Этот маневр вошел в практику и стал бытовым явлением. В течение осени и зимы 1794/95 г. исполнительные органы администрации не перестают на него указывать, отмечая (совершенно справедливо), что подобные злоупотребления уничтожают всякую возможность правильного

расчета и планомерного удовлетворения потребностей столицы⁵. В течение долгих месяцев явно происходит какая-то сложная и грандиозная спекуляция, немыслимая без прямого пособничества властей, дающая неслыханные барыши одним и усиливающая хроническое голодающие других.

По характерному наблюдению Фэна (впоследствии секретаря Наполеона и барона империи), после 9 термидора правительственные машины как-то так распустилась, полиция настолько утратила энергию, что пути сообщения вследствие этого стали небезопасны⁶. Этим он объясняет и затруднения с продовольственными транспортами. Объяснение это весьма расплывчато и в такой общей форме просто неверно. Когда нужно было без суда ссылать в Кайенну, на «сухую гильотину», или гильотинировать по приговору военного суда, или расстреливать в ходе гражданской войны, — термидорианцы никогда не обнаруживали ни малейшего отсутствия энергии; напротив, выявлялись басьи ее запасы. Спекулянты среди бела дня сворачивали транспорты хлеба с парижской дороги на другие пути не потому, что у полиции не хватало энергии, а потому, что и эта полиция, и гражданские власти, и армейские комиссии сплошь да рядом были куплены того же ширящейся спекулянтской стихией, в руках которой были и Тальены, и Фрероны, и Роверы, и Бурдоны, и все комитеты.

Жюльян, один из вождей «золотой молодежи», ярый враг Робеспьера, вспоминая о времени после 9 термидора, тоже отмечает вялость и внезапно наступившую «слабость» правительственного аппарата, и прежде всего в области борьбы за продовольствие Парижа. «Безнаказанная алчность предпринимателей» доходила, в самом деле, до неслыханных размеров: через тот или иной департамент проходит обоз с продовольствием, направляясь в Париж, но до места назначения он не доходит, потому что местные спекулянты, очевидно, столкнувшись с конвойрами, овладевают этой казенной кладью и обращают ее в свою пользу⁷. При Робеспьере подобные операции могли повести прямым путем к гильотине; после 9 термидора они сходили с рук вполне безнаказанно.

Правда, Комитет общественного спасения после сбора урожая 1794 г., в конце августа, постановил, что собствен-

ники и арендаторы земли обязаны вывозить на рынок определенную часть собранного зерна, определяемую местными властями в соответствии с общим количеством хлеба, принадлежащего данному лицу, с таким расчетом, чтобы рыночные цены были обеспечены хлебом в течение целого года. Но тут же была сделана оговорка, сильно смягчавшая это требование в интересах землевладельцев: они вольны были сами выбирать тот рынок, куда хотят представить приезжающуюся с них долю зерна. Другими словами: они могут выбирать тот, хотя бы далекий от них, рынок, где есть надежда продать подороже. Разумеется, при таком порядке, рыночные цены на наиболее бедных районах могли остаться совсем худо снабженными⁸.

Между прочим, тогда же стали поступать в Конвент усиленно окрашенные в черный цвет донесения местных властей о состоянии урожая, о положении землевладельцев и т. п. Комиссия торговли и снабжения предупреждала Конвент, что в этих донесениях много неправды и преувеличений: земельные собственники лгали и преувеличивали бедственность своего положения со специальной целью избавиться от реквизиций, а местная администрация, «по слабости», подкрепляла эти лживые жалобы своим авторитетом и тем самым вводила Конвент в заблуждение⁹. Конечно, дело было не в «слабости», а в сознательном потворстве местных властей интересам землевладельцев.

Нужно при этом сказать, что не центр, а именно местные органы проявляли больше всего попустительства и способствовали развалу и обессилению закона о максимуме. «Бюро», заведывавшее максимумом, в первые времена после 9 термидора — и в термидоре, и в фрютидоре, и в вандемье, и даже в брюмере, — напротив, продолжает настаивать на необходимости исполнения этого, как оно выражается, «спасительного закона» (*cette loi salutaire*)¹⁰, строго выговаривает местным властям за пополнование от него отступить¹¹, готово преследовать спекулянтов, которые частным образом скапывают у землевладельцев зерно, вследствие чего рынок оказывается пуст, и даже местных властей, попутительствующих спекулянтам и облегчающих эти злоупотребления¹², следят также и за тем, чтобы фабриканты получали нужное им сырье, например шерсть, по ценам, установленным максиму-

мом¹³, — неуклонно требуя вместе с тем, чтобы и сами фабриканты сукон не плутовали, а продавали свои товары по максимуму, причем, в случае их уклонения от закона, местным властям предписывается проявлять величайшую настойчивость в борьбе с этим явлением¹⁴. Часто Бюро грозит не только нарушителям закона, но и должностным лицам, которые недостаточно энергично борются с этими последними, причем сулит им суровые наказания, прямо поминая о карах, установленных в самом разгаре революционного террора¹⁵.

Когда местные власти пытаются, действуя в пользу «фабрикантов», произвести нажим на закон, Бюро их останавливает, требуя точного исполнения закона. Так, еще до термидорианского переворота Комитет общественного спасения издал (22 мессидора)¹⁶ постановление, одним из пунктов которого (§ 8) повышалась расценка некоторых тканей. Кое-где местные власти под прямым воздействием «фабрикантов» пытались подвести под этот пункт также и такие ткани, которые там вовсе не были обозначены, — но Бюро с этой тенденцией боролось. И, например, администраторы округа Бар-сюр-Орнен получили выговор за подобное пополнование. Выговор, правда, был обложен в мягкую форму, так как речь шла только о проекте нового постановления, нарушающего постановление 22 мессидора, но, во всяком случае, выговор был сделан, и проект не приведен в исполнение¹⁷. Мало того, рекомендовалось слепое повиновение закону о максимуме: «вам поручено исполнение закона, и самое верное средство его поддержать — это слепо ему повиноваться (*c'est de lui obéir aveuglement*)». Замечу, что в данном случае местные власти пытались не только беззаконно повысить расценку некоторых тканей, но и освободить от обязанности повиноваться строгим контрольным правилам, установленным 22 мессидора, тех ткачей, которые работают «за свой счет» и по заказу частных лиц. Эта часть проекта тоже не была одобрена Бюро¹⁸. Речь тут шла о ткачах, которым заказчик доставляет пряжу для дальнейшей переработки, — как это известует из бумаги Бюро от того же числа, отправленной национальному агенту указанного округа Бар-сюр-Орнен¹⁹.

Цитированные два документа вполне ясно рисуют дело: купцы и скопщики, дававшие заказы кустарям и заин-

тересованные в том, чтобы сбывать явно худшие ткани по ценам, установленным за ткани лучшего качества, желали избавить работавших на них кустарей (точнее, самих себя) от контроля качества материй, который именно и был установлен 22 мессидора, чтобы положить конец этому мошенническому обходу закона о максимуме. Мы видим, что еще в брюмере III года Бюро отказывается узаконить подобные пополнования. Но вся эта бюрократическая бумагная строгость не приводит к цели: со всех сторон в Бюро стекаются сведения о повсеместном и ежедневном нарушении закона. Вдруг прорываются нотки, которые довольно недвусмысленно показывают, как обстояло дело — не на бумаге, а в действительности — в эти последние времена существования максимума: 28 брюмера Бюро вынуждено отвечать на запрос национального агента округа Сомюр — составлять ли протоколы о нарушении закона о максимуме? Характерен не только запрос, но и то, что он сделан 8 фрюктидора, а отвечают на него 28 брюмера, т. е. спустя более $2\frac{1}{2}$ месяцев. Любопытно, что Бюро, по-видимому, никак не удивляется самому вопросу. «Несомненно, что национальные агенты коммун могут составлять протоколы, дабы констатировать нарушение закона о максимуме, это их истинный долг» и т. д.²⁰. Столь же явно в других случаях отмечается «презрение» к закону о максимуме со стороны населения и выражается «удивление» по поводу его безнаказанного нарушения, а также по поводу того, что подобный факт «ускользает» от наблюдения местных властей²¹.

Уже начиная с фримера, в ответ на просьбы подчиненных о точных решениях и властных инструкциях, Бюро максимума стало отдельваться загадками в стиле Пифии. Агент с места доносит о своем твердом намерении исполнять и заставлять других исполнять закон о максимуме, не скрывая, однако, трудностей, на которые он, очевидно, при этом наталкивается (*effets fâcheux des efforts*). А начальство отвечает на это донесение так: «Неприятное положение, в котором ты находишься, вероятно, не долго продлится. Национальный конвент декретом от 17 фримера препроводил соединенным комитетам общественного спасения, торговли, законодательства и финансов соображения, предложенные для оживления торговли республики, которую (торговлю) парализовали злоупотребления зако-

ном о максимуме»²². Что мог вывести из этой намсредио неясной «дипломатической» ноты чиновник, который вел на местах и без того непосильную борьбу с землевладельцами, купцами, барышниками и спекулянтами? Приведенная отписка всего лишь образчик, характерный для самых последних времен максимума.

Правда, и во фримере попадаются «строгие» бумаги, — например, по поводу нарушений все того же постановления от 22 мессидора, — с требованием «удвоить усердие и деятельность» в преследовании бывовых²³, но все это, при сопоставлении с другими фактами, звучит неубедительно. Несколько само Бюро в это время изверилось в фактическом исполнении закона о максимуме, явствует из пессимистического общеего его заключения в письме к администрациям округа Маренн от 26 фримера (т. е. за восемь дней до отмены максимума): «Мы согласны с вами, что если бы этот закон одинаково исполнялся всею республикой, то народ испытывал бы меньше затруднений в продовольствии. Только честные люди страдают от закона о максимуме, потому что они ему подчиняются, тогда как мошенники открыто его нарушают»²⁴. И Бюро советует ждать благих результатов от подготовляемых Конвентом мер к прекращению «стольких злоупотреблений» и к возвращению «изобилия» в республике²⁵. (Уже 17 фримера Конвент поручил своим комитетам выработать меры к оживлению торговли и пр., т. е. к отмене максимума.) «Злоупотребления», по словам Бюро, происходят «от неисполнения (*l'inobservation*)» закона о максимуме по очти во всех округах²⁶.

Еще в середине брюмера (в ноябре 1794 г.) Робер Лендэ пробовал провести ряд целесообразных, по его мнению, изменений в законе о максимуме: он предвидел тяжелые последствия в случае, если этот закон будет сразу и без всяких замен уничтожен. Но большинство Конвента не могло сочувствовать Лендэ, когда он говорил о возможном росте ажиотажа, о спекуляциях, о жестоких затруднениях, грозящих беднякам при внезапном введении «свободы торговли»: ведь это большинство своими интересами и симпатиями было гораздо более связано именно с теми социальными слоями, которые могли нажиться при свободе торговли, чем с бедняками, которым угрожали недоступные цены на продукты первой необходимости.

4 нивоза (24 декабря 1794 г.) закон о максимуме был отменен. Правда, реквизиции для снабжения армии, Парижа и тех городов, которые не могли прокормиться, остались в силе, но все было так устроено, что, конечно, интересы собственников и спекулянтов стояли на первом плане, а интересы потребителя — на втором. Так, например, Буасси д'Англа, прибравший к рукам продовольственное дело, провел декрет, в силу которого «земледельцы» (т. е. собственники зерна) имели право хранить у себя не подлежащее реквизициям количество хлеба, необходимое им, чтобы прокормиться с семьей в течение шести месяцев. Робер Лендэ поспешил обратить внимание Буасси д'Англа на все злоупотребления, которые могут отсюда произойти, и тот в конце концов сдался. Однако на практике взяточники и спекулянты совокупными усилиями и под всевозможными предлогами продолжали успешно обходить установленные законом реквизиции.

Когда Конвент совсем потерял свой престиж в глазах масс, возник и упорно держался слух, что самая отмена максимума была огромной спекуляцией, на которой нажились депутаты.

В парижской Национальной библиотеке имеется в высшей степени характерная листовка, изданная в Вандее в сентябре 1795 г. Это пародийный эдикт знаменитого вождя вандейцев, Шаретта, изданный якобы им «в пользу спекулянтов, скупщиков, мошенников, обирая и разорителей народного достояния». В этом памфлете мнимый Шаретт рекомендует своим сторонникам говорить, что Конвент есть корень всего существующего зла: «если он уничтожил максимум, то только потому, что он скупил все по законной цене и захотел все перепродать во сто и во много раз дороже»²⁷. Ясно, что подобные слухи существовали и крепко держались, если, спустя девять месяцев после отмены максимума, их еще приходилось опровергать путем подобных манифестов.

За восемь месяцев, отделяющих 9 термидора от 12 жерминаля, рабочие предместья, по-видимому, передумали много горьких дум относительно максимума и его отмены. Это явствует хотя бы из той ярой полемики против максимума, которой предался Буасси д'Англа в самый день жерминальского восстания. При этом он уже вполне откровенно подчеркивал, что после 9 термидора закон о мак-

симуме был «парализован», хотя и не сразу отменен²⁸. Зная, конечно, что парижская голодающая масса после опыта восьми месяцев смотрит на максимум не так, как до термидорианского переворота, Буасси д'Англа уже не боится выступить против неизвестного закона; что до реквизиций, то они являются, по его мнению, мерою, достойной восточных деспотов, но несовместимой с «мудрым и кротким правлением».

Речь эта была сказана как раз перед вторжением народной массы в Конвент, в исторический день 12 жерминаля. Конечно, гибкие доводы против максимума в устах Буасси д'Англа могли только усилить в рабочих предместьях начавшуюся вскоре после 9 термидора реакцию в пользу максимума. Ведь Буасси д'Англа именно и был одним из типичных представителей разбогатевших на чужом голоде социальных слоев...

А между этим днем первого (жерминальского) восстания и вторым восстанием (приориальным) в лицо парижскому народу была брошена кровавая, полная яда и мстительного торжества, насмешка, напомнившая о многом, что было так легко и без сопротивления потеряно.

Когда в одиннадцатом часу утра 18 флораля (7 мая 1795 г.) везли на казнь Фукье-Тенвиля, государственного обвинителя робеспьеровских времен, и бежавшая за телегою толпа осыпала его неистовыми ругательствами и проклятиями,— он не молчал. По показанию очевидцев, бледный, с горящими глазами, скрученный веревками и привязанный к телеге человек отвечал толпе. Правительственный «Moniteur» туманно отмечает, что Фукье-Тенвиль отвечал «самыми страшными предсказаниями»²⁹. Из других показаний мы знаем, что он улыбался и кричал народу: «ступайте за хлебом (allez chercher du pain). Его гильотинировали последним по порядку из шестнадцати человек, казненных в Париже в это утро, и палач, по яростному требованию толпы, схватил за волосы его отрубленную голову и показал ее на все четыре стороны. Но насмешливый окрик Фукье-Тенвиля остался в памяти...

III

Плебейским предместьям столицы, столько раз в течение шести лет, по популярному тогда выражению, «спа-

савшим революцию», все сице не верилось, что они спасали ее для кого-то другого, что исторический процесс оборачивался не так, как, казалось бы, можно было рассчитывать, и что, по оригинальному выражению одного современника (Левассера, депутата в Конвенте от департамента Сарты), «народу» приходится «уйти в отставку». Эти слова, в психологии Левассера, именно и осмысливали то, что произошло в жерминиале и прериаля.

Но, пока не были проиграны эти две битвы, уходить «в отставку», т. е. на голод и на безропотное подчинение,казалось невозможным. Люди, перед которыми трепетал сначала королевский двор, потом трепетали Учредительное и Законодательное собрания и сам Конвент, гроза Европы,— эти люди к весне 1795 г. стали понимать, кто восторжествовал 9 термидора, кто уничтожил максимум, ничего взамен не давая и тем ухудшая положение, кто в деревне прячет хлеб, а в городе им спекулирует.

Статистика 1789 г. хорошо знала противоположение ста тысяч или трехсот тысяч и т. д. привилегированных «всему народу» или «25 миллионам французов». Теперь, зимю 1794/95 г., уже начали кое-где поговаривать о необходимости истребить «миллион купцов», которые доводят до голода «25 миллионов людей»³⁰. Это весьма интересное знамение времени.

В том-то и дело, что именно в это время голодающее население плебейских предместий явственно увидело перед собой давно уже перед ним стоявшего могучего и деятельного противника. Задолго до 9 термидора этот противник пробовал влиять на события, придавая им ту или иную окраску. После 9 термидора авансцена политической жизни с первых же месяцев оказалась прочно занятой ставленниками той же враждебной рабочему классу стихии, к каким бы разновидностям политической мысли они ни принадлежали, какой бы тактики ни придерживались.

Над экономической историей французской буржуазии в эпоху революции можно и должно работать, потому что это, в сущности, один из центральных элементов всей новой французской истории вообще. Конечно, нельзя написать полное, исчерпывающее исследование на эту тему на основании одних только материалов Национального архива (хотя даже эти скучные — по сравнению с законными научными запросами — материалы тоже почти не

подвергались обследованию); нельзя разрешить эту научную задачу, даже прибавив к этим материалам обильнейшую, довольно хаотическую, документацию, разбросанную по департаментским, муниципальным, коммунальным архивам и по архивам торговых палат. Задача так обширна, она представляет такие характерные, совершенно своеобразные трудности, что требует, быть может, усилий целого поколения исследователей, предварительного появления ряда монографий, посвященных истории больших движимых и недвижимых состояний во Франции, систематической истории возникновения и развития отдельных капиталистических предприятий, фабрик, банков, сельскохозяйственных и винодельческих фирм и т. д. К слову сказать, работая над историей рабочего класса эпохи французской революции, я имел неоднократно случай знакомиться с некоторыми из таких частных, «семейных», по существу, архивов; правда, они не дали мне ничего нового и важного по специально интересовавшему меня вопросу о рабочих, но зато я убедился, что они дают очень много для истории капитала. Во всяком случае эта экономическая история французской буржуазии в эпоху революции пока только начинает разрабатываться. Но, изучая историю послетермидорианской эпохи, мы, даже не зная составных частей и эволюции этих составных частей французского капитала, не пытаясь еще в строгой точности установить отдельные категории собственнической Франции того времени, должны безусловно признать наличие в только что вышедшем из революционных бурь обществе очень серьезной, очень заметной социально-политической силы собственнических классов.

Эта сила отчетливо знала в 1794 г., зачем ей нужно покончить с максимумом,— как знала, еще при терроре, каким образом отчасти повернуть максимум в свою пользу, а отчасти его сабotировать; эта сила в 1795 г. оказалась достаточной, чтобы в жерминиале и прериаля победить опасность слева, шедшую из рабочих предместий, 13 вандемьера — опасность справа, поднимавшуюся со стороны реставраторов старого режима — роялистов; эта сила в 1796 г. позволила буржуазной республике покончить с заговором Бабефа, и она же, в 1799 г., позволила генералу Бонапарту столь же легко покончить с республикой.

Для нашей непосредственной темы важно пока отметить одну черту. Новая, послереволюционная французская буржуазия переживала в рассматриваемый момент период быстрого роста и истинно хищнического накопления. Ажиотаж, игра на понижение ассигнаций, скупка и перепродажа земель, чуть ли не официально терпимые мошенничества с казенными поставками на армию, на флот, на снабжение Парижа, скупка, припрятывание и незаконные перемещения продовольственных припасов,— вот на каких дрожжах буйно росла и ширилась новая социальная сила. Конечно, были у нее и другие питательные корни и живительные соки, но нам тут нужно заметить именно указанную особенность.

Это был золотой век поставщиков,— вспоминает современник,— и из дальнейших его пояснений видно, к каким проделкам прибегали эти «поставщики», особенно наживавшиеся на отравлении солдат всякой гнилью. Роскошные дворцы, изысканные обеды, балы,— иногда, правда, и тюрьма, но тоже не прежняя грозная тюрьма робеспьеровских времен, откуда верная дорога на гильотину, а другая, гораздо более веселая, где можно устроиться с большими удобствами, даже с роскошью, тем более что ведь это недолго: вот бытовая обстановка этих хищников. Официальной биржи еще не было, но биржа «частная» процветала,— и крайне сомнительные сделки превращали сегодняшнего парикмахера в завтрашнего миллиона, тогда как вчерашний миллионер в один день спускал все, что успел наворовать за время революции³¹. Спекулировали все, до светских дам включительно. Негласная биржа орудовала в Пале-Рояль, где происходили самые крупные спекулянтские операции.

«Кто главные деятели ажиотажа? — вопрошают одна анонимная брошюра 1795 г. и пересчитывает те категории населения, откуда выходят эти дельцы (*les principaux agioteurs*): «бывшие финансисты», которые вложили свои капиталы в товары и играют то на понижение, то на повышение, покупая и продавая эти товары; бывшие судейские чиновники (*anciens officiers de judicature*), бывшие банкиры, менялы, маклеры (*agens de change et courtiers*); служащие в разных учреждениях, которые, по окончании служебных часов, «употребляют остаток дня на это бесчестное дело»; рантье, которые уже не могут жить на

прежние доходы и ищут подсобных заработков «в разбое, вместо того, чтобы искать его в труде»; разные клерки нотариусов и т. п.; «слуги и рабочие, которых лень заставляет обращаться к гнусным спекуляциям», и т. д. Но горестнее всего анонимному автору признать, что даже «земледельцы и мельники», непосредственные производители хлеба, тоже принимают либо участие в преступной спекуляции, «постоянно переходя от своих работ в Пале-Рояль, чтобы там придумывать средства морить голодом сограждан»³².

Напомню, кстати, что последнее показание подтверждается и другими источниками.

Корреспонденты, тайно сносиившиеся с эмигрантом Малле-дю-Паном, доносили ему, что деревня, продающая продукты по вздутым ценам, богатеет и в общем довольна существующим режимом; собственническая деревня наживается на голодающих городах³³. При Робеспье она была раздавлена, а теперь дышит свободно и получает «сказочные барыши». Зажиточные крестьяне предаются торговым расчетам, ажиотажу, приобретают дорогую мебель, наперевес скупают конфискованные у эмигрантов земли³⁴. Начавшегося расслоения крестьянства роялисты не замечали.

Как мы видим, и в этом свидетельстве подчеркивается тот факт, что деревенские собственники в 1795 г. непосредственно и систематически занимались спекуляциями.

Франция богата, утверждает автор цитированной выше брошюры, но ее богатства сосредоточились ныне «в салонах, в роялистских будуарах, в темных и недоступных кабинетах банкиров и капиталистов»³⁵. Подобные жалобы очень характерны для 1795 г.: обыватель, мелкобуржуазный потребитель, чуял какую-то таинственную, внезапно, как ему иногда казалось, возникшую и сразу необычайно окрепшую силу, вертящую Конвентом и правительством, но не выступающую с открытым забралом, а скрывающуюся где-то в недоступных недрах.

И на глазах у всех этой таинственной силе позволялось ни с чем не считаться: власти как-то вяло, растерянно, спустя рукава относились к самым неприкрытым, к самым откровенным грабительским деяниям.

Эмиссии ассигнаций следовали во все ускоряющееся темпе, и каждая из них обогащала дельцов, близких и пра-

вительству, каждая ставила жертвы спекуляции во все более отчаянное положение.

Вот как рисуется финансовое положение или, точнее, кризис ассигнаций в интересующие нас весенние месяцы 1795 г. по докладу, сделанному несколько месяцев спустя в Совете старейшин членом этого Совета Лекульте-Кантле на основании данных правительственныех комитетов, сообщенных Конвенту в жерминале Жоанно и 29 прериаля Ребелем. В жерминале III (1795) года ассигнаций было в обращении на общую сумму несколько больше семи с половиною миллиардов ливров; через два месяца, в конце прериаля того же года, их было почти вдвое больше: на общую сумму в тринацать миллиардов. В жерминале еще считалось, что сумма от шести до семи ливров ассигнациями равнозначна одному ливру звонкой монетой; в прериаля за один ливр звонкой монетой уже давали пятьдесят ливров ассигнациями: обесценение шло еще быстрее, чем эмиссии³⁶. Не трудно себе представить, как легко было при такой финансовой неустойчивости и запутанности положения спекулировать на товарах, на реальной покупательной силе непрерывно выпускаемых бумажных денег. Тут даже указанное соотношение — один к пятидесяти — часто оказывалось слишком «оптимистически» высчитанным.

Но зато эти щедрые эмиссии позволяли правительственный комитетам не скучиться на выдачу всякого рода субсидий и авансов туче дельцов и спекулянтов, суевившихся около Конвента и его руководящих деятелей. Правительство давало громадные подряды на снабжение армии и столицы продовольствием; на выполнение этих-то подрядов и выдавались часто крупные казенные субсидии. Так, например, в первых числах июня 1795 г. руанские негоцианты Фонтенуа и Левассер получили поручение закупить для казны за границею сто тысяч квинталов хлеба в зерне. На эту операцию им была выдана вперед сумма в десять миллионов ливров³⁷. Конечно, даже при умеренном казнокрадстве один подобный подряд мог обогатить торговую фирму. Громадная финансовая сила, колоссальное биржевое влияние сосредоточивались в правительственныех комитетах.

Современники видели всю эту пляску миллионов, этот буйно распущий ажиотаж, это открытое взяточничество,

хищничество и казнокрадство, дружно объединившиеся в особенности на грабеже и мошенничествах с казенными поставками. Но в 1795 г. об этих явлениях говорилось только очень робко, редко, неумело и анонимно. В то, что припасов нет, верили очень мало,— это надо запомнить; голод объясняли именно спекуляцией и сложными, огромными, разносторонними, если можно так выразиться, мошенничествами³⁸. Некоторые представители тех слоев буржуазии, которые считали себя обойденными, причисляли себя к эксплуатируемым, объясняли именно отсутствием в Париже «большой» торговли и крупной промышленной жизни легкость, с какой спекулянты, путем обманов, распространения панических слухов и т. п., могли грабить как государство, так и частного потребителя³⁹. Разорительные для казны подряды, иногда в один месяц обогащающие целую шайку поставщиков и спекулянтов,— вот явление, заметно выделявшееся среди прочих в процессе создания и роста новой буржуазии.

По свидетельству современников, в эти первые времена после 9 термидора появилась роскошь, какой не видели с начала революции. Если мы вчитаемся, например, в показания Тибодо, то мы увидим, что он говорит не о появлении богатства, а лишь о том, что обнаружилась его внешняя сторона: обеды, балы, концерты, праздники, пышные охоты и т. д. А богатство уже существовало, оно только не смело прежде проявляться так открыто. Кто же были эти осмелевшие богачи? «Банкиры, поставщики и дельцы»⁴⁰. Это была, очевидно, новая буржуазия, выросшая и окрепшая уже в годы революции, аферисты, финансисты, скупщики земель, биржевые агенты. Ведь если реквизиции и закон о максимуме разоряли одних, то других именно эти меры обогащали: на организованном обходе этих мер было построено их богатство.

Среди этой новой буржуазии были очень заметны и представители дореволюционного торгово-промышленного мира. Блиставший в салоне г-жи Тальен финансист, поставщик и спекулянт Уврар был сыном бумажного фабриканта: в 1789—1794 гг. он умудрился успешными спекуляциями составить себе большое состояние и в эти (1795—1796) годы делал огромные дела. Он сам рассказывает, например, что именно в это время он, в компании с другим капиталистом, скупил в Бордо партию колониальных

продуктов; и эта операция через три месяца дала на одну его личную долю прибыли больше полумиллиона франков золотом. Не забудем при этом, что Габриэль Уврар сообщает в своих мемуарах лишь о ненаказуемых уголовно финансовых своих успехах, о прочих же предпочитает молчать⁴¹. Через Тальена и особенно через Барраса Уврар прибрал к рукам огромные поставки на флот и отчасти на армию. Этот хищник, который в 1798 г. мог дать взаймы Директории десять миллионов франков золотом, очень характерен для своего времени.

В своем роскошно отделанном замке Ренси и в других своих дворцах Уврар устраивал пиршества и празднества, которые мало уступали былым торжествам версальского двора. Это поколение французской капиталистической буржуазии отличалось большим размахом, проявляло какую-то ширь и безудержность, вовсе не свойственные ни их предшественникам, ни их наследникам,— ни предреволюционной буржуазии, ни банкирам и купцам, лавочникам и биржевикам времен реставрации или Луи-Филиппа. Некоторые бытовые черты тех людей, о которых у нас идет речь, напоминают не столько умеренные и аккуратные буржуазные фигуры, вроде героев Скриба или Бальзака, сколько замоскворецких самодуров Островского. Взять хотя бы блиставшего в те же годы и в тех же салонах, что и Уврар, впоследствии его компаньона и такого же, как и он, хищника, — Сегена. Этот Сеген выдумал какой-то новый способ дубления кожи, который должен был дать французской армии несокрушимые сапоги и тем самым «способствовать победе республики над европейскими тиранами». Конвент, не долго думая, приказал (в январе 1795 г.) реквизировать кожу и предоставить ее Сегену, причем дал ему для этого нового производства два поместья. Из дубления по новому способу ничего не вышло, сапоги разваливались, но Сеген продолжал действовать и богатеть, уже нажив на этих сапогах миллионы и перейдя к новым спекуляциям. Так же, как и Уврар, он швырял деньгами, оригинальничал, безобразничал, катался по Парижу в роскошном экипаже, но одетый в халат, устраивал великолепные приемы и выходил к гостям в домашних туфлях; задавал в своем поместье (в Жуи) ночные празднества с фейерверками и распоряжался, чтобы искры от фейерверка летели в лицо гостям; те в панике разбегались

и при этом падали в ямы, прикрытые сверху листьями⁴². Его дом был полон редчайших картин, убран с неслыханной роскошью; в конюшнях стояло сорок лошадей; он собирал драгоценнейшие скрипки Страдивариуса и, по-видимому, просто не знал, куда и на что выбрасывать деньги. Все это проделывалось на глазах люто голодающей столичной бедноты.

Потребности Парижа должны были удовлетворяться в первую голову, и когда, например, в морские порты приходили грузы риса, они прежде всего направлялись в столицу; если другим городам давалось разрешение на то или иное количество драгоценного продукта, то как бы в качестве награды за исправное снабжение Парижа хлебом и другими продуктами⁴³.

После 9 термидора была казнена наиболее активная и революционная часть муниципалитета. В просторечии этот погибший на гильотине сектор Коммуны стал распространительно именоваться заговорщикою коммуною (*la Commune conspiratrice*). Казнь ее, как определенно говорят источники, была истолкована именно в том духе, что можно отынне не исполнять изданных ею постановлений относительно вывоза хлеба из города⁴⁴. К первому мессидору в столице было накоплено запасов, которых должно было хватить на четыре месяца. Но немедленно после 9 термидора надзор ослабел, постановления Коммуны перестали исполняться, кары за явное нарушение закона о максимуме прекратились, и вследствие всего этого стала наблюдаться тревожно усилившаяся утечка хлеба из Парижа. Учреждения, специально соприкасавшиеся с вопросом о снабжении столицы, напрасно пытались время от времени побудить правительенную власть к проявлению строгости и применению репрессий.

Но в эти первые месяцы после термидора мудрено было ждать от правительства сколько-нибудь выдержанной линии поведения. Пестрота и разноречивость классовых интересов, с которыми должны были считаться термидорианские победители, неизбежно породили бы разнобой и несогласованность в их политике даже в том случае, если бы они сами не представляли собою (особенно на первых порах) очень разносоставной группы, наскоро сколоченной для специального политического задания и теперь, после своей победы, после гибели Робеспьера, оказавшейся

лицом к лицу с неожиданно сложной социально-экономической обстановкой. Ссориться с торговой буржуазией? Со спекулянтами? С финансовой мощью негласной биржи и улицы Вивьен (где сосредоточивались банки)? И, значит, с Национальной гвардией «центральных» буржуазных секций? Давить городскую буржуазию и одновременно деревенских собственников, заставляя этих последних, если нужно, строжайшими мерами не саботировать сбора урожая и других сельскохозяйственных работ? На это термидорианцы не шли. А без этого,— как кормить Париж, где нужно считаться с многочисленной потребительской беднотою, а в частности, с обширным, скученным в определенных кварталах, рабочим населением? Наши источники живо отражают эти колебания правительственный мысли поздней осенью 1794 г.⁴⁵.

Таким-то образом и вышло, что накопленный на четыре месяца запас начал быстро таять, новый реквизированный хлеб стал поступать после 9 термидора гораздо более тую, чем до той поры,— а спекулянты стали распродавать незаконно вывозимый из столицы хлеб уже не по соседству, а в дальних местах, очевидно, убедившись, что перевозка более безопасна, чем можно было думать, и что, следовательно, нужно считаться лишь с тем, где сейчас цены на хлеб повыше. Образовалась специальная и очень прибыльная отрасль торговли мошеннически вывезенным столичным хлебом⁴⁶.

Выпуская из Парижа, явно вопреки закону, большие количества хлеба, вывозимые всевозможными спекулянтами, власти в то же время вдруг принимались сурово преследовать всякого, кто выходил за городскую черту, захватив с собою хлеба для собственного пропитания. Комитет общественного спасения, правда, пытался оградить жителей от подобного произвола, однако при свете других источников все эти слишком ретивые преследования за вынесенную из города краюху хлеба кажутся какой-то комедией, именно затем и разыгрывавшейся, чтобы под личиной этой строгости покровительствовать подлинному спекулянтскому вывозу хлеба из столицы⁴⁷.

С транспортными средствами тоже не ладилось. В портах Остенде, в Дюнкерке, в Кале, в Гавре лежали мешки с зерном, предназначаемые для Парижа,— а доставить их в Париж оказывалось очень затруднительно. Всю осень,

особенно во весь брюмер, шла оживленнейшая бюрократическая переписка, но толка не выходило⁴⁸. Какая-то пружина была сломана.

Вот образчик того, что происходило: в течение зандемьера и брюмера в Амьен прибыло 61 000 квинталов зерна, предназначенного для Парижа; попало же в столицу всего 7000 квинталов. Местные власти спорили, утверждали, будто они получили всего 37 503 квинтала, из которых отправили в Париж 24 321 квинтал, но и они признавали, значит, огромную «утечку» хлеба. Прибавлю, что более чем вероятна правдивость именно первых двух цифр (61 000 и 7000)⁴⁹.

И, тем не менее, у нас есть свидетельство, что полное исчезновение хлеба не грозило Парижу даже накануне 12 жерминаля и что хлебные склады были полны⁵⁰. Но выдаваемый паек оставался, конечно, по-прежнему убогим.

Умный старый циник Калонн неоднократно с раздражением доказывал своим соратникам, эмигрантам-роляристам, что напрасно тешить себя надеждой на голод во Франции. Он и европейским монархамсоветовал не верить в эту иллюзию. Он считал «абсурдом» и «химерой» умозаключать от стесненного продовольственного положения столицы к отсутствию хлеба во всей стране вообще, и, как человек реально мыслящий, указывал, что революционными мерами можно добить хлеб быстрее, чем обычными, общепринятыми. По его убеждению, во Франции есть и хлеб, и звонкая монета,— и только вследствие неумелости властей собственники ухитряются припрятывать и то и другое⁵¹. Калонн ошибался: дело было не только и не столько в «неумелости», сколько в том, что правительство, всецело опиравшееся на собственнические классы, не могло и не хотело применять к ним эти «революционные меры».

В заседании 28 вантоза, т. е. за две недели до событий 12 жерминаля, Буасси д'Англа сообщил, что из 636 тысяч человек, составляющих население Парижа, 324 тысячи получили за день 27 вантоза по полфунта хлеба, а 312 тысяч — по одному фунту. Он осторожно говорит не о ежедневных выдачах, а о выдаче одного определенного дня, зная прекрасно, что таких благополучных дней было очень немного. Но фактически Буасси был, конечно, прав,

указывая, что парижане в лучшем положении, чем жители других городов: они не только имеют хлеб чаще и в большем количестве, чем другие, — так как правительство больше всего озабочено именно прокормлением столицы, — но и платят за него гораздо дешевле: по 3 су фунт, тогда как в юду он стоит свыше 20 су. Буасси д'Англа должен был бы прибавить, во-первых, что в юду — означает города, так как у крестьян в подавляющем большинстве департаментов хлеба сколько угодно,—а во-вторых, что, говоря о цене, он имеет в виду казенные пайки, так как вольной продаже в том же Париже фунт хлеба стоил в эту бедственную весну не 3 су, а 7—8—10—15 и даже более франков, и спекуляция непрерывно повышала эти цены.

В течение всей зимы и всей весны 1795 г. мы встречаем в целом ряде полицейских докладов одно и то же повторяющееся указание: припасы на парижских рынках имеются в изобилии, но они дороги: *les subsistances sont toujours abondantes, mais chères* (иногда *très chères* или *extrêmement chères*)⁵². С середины фримера начинают попадаться и особые указания на ухудшающееся качество хлеба. В плювиозе уже временами отмечается такое увеличение дорожеизны, что малосостоятельным гражданам невозможно существовать, вследствие чего всеобщее недовольство растет⁵³. В вантозе полиции уже самой приходится употреблять такие выражения, как *устрася ющаяя дорожеизна* (*subsistances d'une cherté effrayante*)⁵⁴.

Зима была холодная, и это, конечно, обостряло нужду. В начале 1795 г. (в январе — феврале) административные власти отмечают усиливающееся недовольство и ропот. Брожение принимает порою весьма недвусмысленную форму: в первую очередь подвергаются нападениям хлебопекарни и булочники⁵⁵. С каждым днем усиливалось и ожесточение городской голодающей массы против собственнической деревни, не желающей давать ни мяса, ни зерна, спекулирующей своими продуктами, подкупавшей администрацию. Там, где трудно было продать хлеб по выгодной цене, землевладелец или фермер предпочитал откармливать им птицу, лишь бы не пустить на рынок без достаточной, по его мнению, наживы⁵⁶.

Во многих местах проявлялась настоящая ярость голодающего города против крестьянина, прячущего свой хлеб.

Речь заходила о вооруженных экспедициях против алчных земледельцев, пользующихся декретом о свободе торговли, чтобы морить голодом городское население⁵⁷. Нельзя без негодования смотреть на поведение земледельцев, пишут из провинции агенты власти: революция дала крестьянину все, а он делает все, чтобы ее погубить⁵⁸. Что и среди крестьян есть батраки и голодающие полупролетарии, об этом умалчивалось.

Еще весною, летом и осенью 1794 г. для сельских работ не хватало рабочих рук, скота и перевозочных средств: снабжение армий в 1794 г. было налажено лучше, чем в 1792 и 1793 гг., но именно поэтому реквизиции чувствительнее отзывались на местах. Затем появились два очень удобных предлога для совершению безопасного, почти легализованного нарушения закона о максимуме: по закону 26 фрюктидора продажа и покупка семян для посева не подчинялись общей таксации, а, согласно постановлению 12 вандемьера, из реквизиций было изъято количество зерна, потребное для прокормления владельца и его семьи. Обоими этими изъятиями очень злоупотребляли⁵⁹. Нечего и говорить, что, под влиянием общего политического изменения, сами власти и тут смотрели сквозь пальцы на эти злоупотребления и нарушения закона. Наши документы жалуются, что едва можно было найти такого собственника, который согласился бы признать, что, по обеспечении его самого и его семьи, у него остается излишек хлеба. Далее: если, с одной стороны, деревня стала более тую давать хлеб городу, то, с другой стороны, жестоко усилился уже отмеченный выше спекулянтский, часто мошеннический ввоз казенного хлеба из города. Власти, как явствует из цитируемого нами документа, отлично зная, что административные органы подкуплены спекулянтами, деликатно говорили об их «беспечности, чтобы не сказать больше». Этой же причиной, конечно, объяснялась и та «крайняя слабость», которая также отмечается властями. И внезапная, совсем неслыханная дерзость спекулянтов, доходившая до последних пределов, и все эти, тоже беспредельные и ничуть не скрываемые, «беспечности» и «слабости» администрации,— все это, как и вдруг обнаружившееся бессилие реквизиций, объяснялось свидетелями наблюдателями полным прекращением репрессий в области продовольственных отношений,— ибо, говорит

со скорбной иронией цитируемый документ, успешное проведение реквизиций держалось не только на патриотизме, но и на терроре.

И все же, помимо этих вполне открытых беззаконий, получать хлеб из деревни становилось нелегко.

Уже с осени 1794 г. не прекращались слухи о предстоящей в более или менее близком будущем отмене закона о максимуме. Эти слухи, разумеется, тоже сыграли вполне определенную роль; землевладельцы делали все от них зависящее, чтобы по возможности скрыть продукты, надеясь вскоре дождаться вольных цен и только тогда выпустить зерно на рынок⁶⁰. Это тоже следует принять в соображение, говоря об обстоятельствах голодной зимы 1794—1795 гг.

Провинциальные власти плутовали в самых обширных размерах, и когда из центра их запрашивали о количестве поступающего провианта, о состоянии складов, о морском подвозе хлеба и т. д., они часто даже не трудились отвечать. Комиссия по продовольствию, например, очень хотела знать имена, способности, степень благонадежности смотрителей складов, но это законное любопытство удовлетворялось весьма скромно⁶¹. Широкий разгул воровства и расхищения казенного имущества начался задолго до Директории. Этому много способствовали беспорядок в производстве и несогласованность в действиях отдельных ведомств. Сегодня, беззаконно, по личному соглашению местных властей, из запасов, предназначенных для Парижа, брали на нужды армии, а завтра оказывалось не трудно, под предлогом также нужд армии, взять из тех же запасов в пользу собственного кармана. Точно так же местные самоуправления незаконно задерживали то, что по закону должно было поступить в распоряжение центрального правительства⁶².

Как ни тяжело было продовольственное положение столицы, оно все же было лучше, чем во многих и многих провинциальных городах и mestechках. Дело в том, что для снабжения Парижа принимались как-никак чрезвычайные меры; а те города, которые не были тесно связаны с землей, с деревней, оказывались в отчаянном положении: в этих небольших городах правительство не боялось голодных бунтов, да и мудрено было, в самом деле, прокормить казенным хлебом все города Франции. Вот по-

чему и происходили истории вроде той, которая случилась с рабочими венсенского порохового завода: шла война, и, разумеется, прокормить во что бы то ни стало этих рабочих было важнее и нужнее, чем любую другую категорию граждан. И вот окружным военным складам приказывается (19 вантоза) доставлять муку венсенским рабочим. Но так как никакой муки они все-таки не получают, приходится издать новый декрет: для прокормления рабочих порохового завода разрешается вывозить муку из Парижа⁶³. А вот и другой пример: в Амьене — голод, но достать для этого города хлеб нельзя, так как свыше велено все забирать для Парижа, — не драться же против высших властей, с горечью пишет представитель этих же властей, посланный помочь Амьену⁶⁴. Конечно, дело дошло до голодного бунта, до насильственного захвата обозов, принадлежавших военному ведомству, и т. д. Все это случилось в Амьене 14 жерминаля⁶⁵. Представителя народа, командированного в этот город, Бло (Blaux), жестоко избили и чуть ли не убили. Но и он считает нужным утверждать, что голод был лишь предлогом, а что все дело в заговорщиках, которые, с роялистскими целями, подкупили и напоили до-пьяна толпу⁶⁶. В Руане тоже в эти дни происходили бурные сцены, со всех сторон слышались крики: «Хлеба и короля!» или «Да здравствует Людовик XVIII! Долой Конвент!» и т. п.⁶⁷

Женщины, долгими часами простоявшие перед булочными «в очередях» или «в хвостах» (*à la queue*), часто с утра ничего не евшие и знавшие, что дома их ждут голодные дети, естественно, часто доходили до последней степени раздражения, и только слепая злоба роялистского журналиста могла выдумать сказку о каких-то «шести подкупленных негодяйках», которые вовлекают этих несчастных женщин в якобинские восстания⁶⁸. Положение было такое, что следует удивляться не тому, что весною 1795 г. в Париже произошло два восстания, а тому, что их было в этот период только два, а не больше. Объяснения насчет таинственных подкупов, злобные сплетни о людях, «притворно» падающих на улицах в обморок от истощения, — весьма характерны для их авторов.

Термидорианец, написавший и издавший уже 23 жерминаля брошюру о событиях 12 и 13 жерминаля, прикидывается, будто он не понимает, почему перед лавками обра-

зуются громадные очереди. В любопытной по своему лице-
мерию этой брошюре он ни слова не говорит о булочных,
а только о табачных магазинах, аптеках и кондитерских⁶⁹.

Борясь с «хвостами», Комитет общественного спасения постановил было, чтобы хлеб раздавался гражданам на дому. Декретом 8 жерминаля (28 марта 1795 г.) к каждой булочной приписано несколько домов, куда она должна будет развозить хлеб, выпекаемый ею из полученного от правительства определенного количества муки; печь из этой муки хлеб на вольную продажу — воспрещается; количество как получаемой муки, так и выпекаемого хлеба должно быть обозначено в особом извещении, вывешиваемом в булочной; каждый дом выбирает из числа своих жильцов доверенное лицо, которое получает полагающийся этому дому хлеб, распределяет его между жильцами и взыскивает с них деньги для уплаты булочнику. Все это, говорится в декрете, не должно препятствовать булочникам, которые не получают муки от правительства, добывать ее по вольным ценам, где угодно, и продавать выпеченный из нее хлеб кому угодно и по какой угодно цене⁷⁰. Однако уже спустя четыре дня (как раз в заседании 12 жерминаля) исполнение этого декрета было приостановлено⁷¹.

Уже в последние дни вантоза, наряду с известиями об очередях, о голодах, о женщинах, которые кричат, чтобы их лучше расстреляли картечью, чем морить голodom, мы встречаем весьма интересное упоминание о злонамеренных лицах, которые, не теряя времени, подготавливают восстание, и об увеличивающемся числе «зажигательных афиш». Самая формулировка полицейского донесения знаменательна: *les affiches incendiaires se multiplient*⁷². Ясно, что и до того полицейские агенты не раз срывали со стен подобные афиши, и только необычное их размножение, за две недели до 12 жерминаля, заставило автора донесения отметить этот факт.

Комитет общественного спасения, во главе с Буасси д'Англа, пытался свалить вину на агитаторов, на эмигрантов, на Англию. Но в устах термидорианцев подобные обвинения не внушали доверия: слишком очевидна была фальшивь всей этой, когда-то неотразимо действовавшей, аргументации и фразеологии. Очереди у булочных прини-

мали устрашающий вид. Правительство непременно должно было принять какие-нибудь меры⁷³.

Конечно, не было недостатка и в попытках объяснить голод общую политикой Конвента до 9 термидора: нарушением прав собственности, максимумом, террором и т. п. При этом обыкновенно с настойчивостью говорилось об угнетении «торговли», «земледельцев». Распространение голодной зоны объяснялось так: сначала стала голодать провинция, а потом и Париж, который она кормила⁷⁴.

Очень характерно в таких писаниях стремление чисто словесным путем закрыть пропасть между «бедными» и «богатыми», между рабочими и «купцами» и подвести всех под общее понятие «repeople», народ. Крайне жаль, что до нас не дошли те «опасные» революционные воззвания (*deux écrits dangereux*), которые распространялись в рабочих кварталах весною 1795 г. и, судя по возбужденной ими полемике, именно стремились провести резкую грань между теми, кто умирает от голода, и теми, кто на этом голода наживается⁷⁵.

Раздражение против спекулянтов принимало такие размеры, что предпринималась даже, так сказать, контрпропаганда с целью вразумить «народ» относительно душевного бескорыстия и будто бы плачевного материального положения ненавистных купцов, рантье, собственников. Выходило, что эти последние еле перебиваются и что поэтому не следует верить «террористам и якобинцам», настраивающим «народ» против богатых⁷⁶. Успеха эти успокаивающие речи не имели.

Власти были очень обеспокоены тою ежедневной, произвольно возникавшей агитацией, которая шла среди женщин, стоявших долгими часами в «хвостах». Вопрос о том, как сократить эти «хвосты», как ускорить раздачу, ставился и обсуждался властями, по-видимому, именно под влиянием этой мысли: как прекратить нежелательные пересуды раздраженных женщин и справиться с ухудшающимся настроением в народе. У нас есть характерные в этом смысле документальные свидетельства⁷⁷.

Конечно, недобросовестные действия булочников очень часто еще ухудшали положение потребителя. Они продавали подмоченный рис, плохо выпекали хлеб для того, чтобы он, оставаясь полусырым, больше весил. Вообще, они так многообразно мошенничали, так систематически

обсчитывали и обвешивали население, что правительство стало назначать специальных комиссаров для контроля раздачи риса и хлеба, однако, как мы узнаем из официальной переписки, эти комиссары, с одной стороны, обнаруживали «крайнее невежество» во всем, что касалось их непосредственных функций, а с другой стороны, брали взятки с булочников и входили с ними в тайные сделки⁷⁸.

Даже с чисто технической стороны дело раздачи продуктов было поставлено из рук вон плохо. В одних местах выдавали полфунта хлеба, в других фунт, в третьих в тот же самый день потребитель получал лишь четверть фунта⁷⁹. В одних местах выдавали рис, но не выдавали топлива (ни дров, ни угля), так что нельзя было его сварить. В других местах выдавали топливо, но не выдавали риса, хотя правила раздачи были одинаковы для всего города.

Если было место, почти столь же опасное для правительства, как и Париж, то это была, разумеется, армия, воевавшая в Вандее против шуанов и начинавшая голодать в самом буквальном смысле слова. Представитель Конвента Бодран, состоявший при этой армии, доносит (как раз в жерминале), что солдаты страдают от недостатка пищи, что у них нет сапог, а одежда совсем развалилась, и они ходят почти голыми. И он с ударением заключает: «нищета, дорогие коллеги, часто бывает дурной советчицей»; если правительство желает иметь солдат, полных энергии и республиканских чувств, то нужно их кормить. Без пищи и сапог им придется призадуматься над шуанскими соблазнами⁸⁰. Письмо было очень определенно и грозно по смыслу. Помимо всяких намеков, оно ясно говорило о дезертирствах под влиянием голода. Невозможно, пишет Бодран, ставить солдат в положение отшельников, умерщвляющих плоть⁸¹.

Нужно заметить, что по своей, так сказать, классовой структуре революционная армия 1795 и следующих годов была, конечно, несравненно более армией крестьян, чем рабочих, просто уж потому, что рабочий (да и вообще городской) элемент населения был численно ничтожен по сравнению с деревенским. Добавим, что уже в 1792 г., а особенно в 1793—1794 гг., рабочая сила в целом ряде про мыслов (и не только обслуживающих армию) была реквизирована; она вообще была так малочисленна и во многих профессиях настолько незаменима, что отдавать рабочих в

армию было невыгодно. Мне вспоминается ряд документов, в которых, напротив, идет речь о возвращении из армии в город, к покинутой работе, даже тех рабочих, которые почему-либо уже были забраны в солдаты. На офицерских местах были как люди, поднявшиеся из солдатской массы, так и представители мелкой и средней буржуазии, были кое-где и дворяне. Но, замечу, эти офицеры-дворяне были, в общем, не похожи на тех, которые в первые годы революции некоторое время послужили, а потом эмигрировали или стали подумывать об измене. Те, которые остались служить, не пошли ни за Дюмурье в его измене, ни за Пишегрю в его изменнических переговорах, ни за другими. Из военной среды вышел, между прочим, монтаньяр Субрани, дворянин по происхождению, погибший на эшафоте в прериаляе 1795 г. В общем же армия в 1795 и следующих годах исправно, покорно и беспрекословно поддерживала существующий строй против его врагов, особенно против врагов справа. Действительно, армейская масса прежде всего была враждебно настроена против роялистов. Эти последние были не только феодалами, классовыми противниками тех слоев народа, откуда главным образом вербовалась армия, — они были в глазах армии и непосредственными ее врагами, изменниками, которые вызвали к жизни коалицию воюющих против Франции держав. Армия тем больше верила в измену казненных короля и королевы, что на ее глазах преемники и наследники династических притязаний, принцы Бурбонского дома, вполне открыто объявляли своими друзьями и защитниками англичан, австрийцев, пруссаков, русских, вообще всех и каждого, кто только согласится обратить меч против Франции. И поэтому, когда нужно было либо обороняться от роялистов, как, например, 13 вандемьера, либо готовить и нанести им сокрушительный удар, как, например, 18 фрюктидора, правительство могло быть вполне уверено, что армия будет безусловно на его стороне. Но как поведет себя та же армия в борьбе с противниками слева, например, против рабочих предместий Парижа или арсенальных рабочих Тулона? Это, по-видимому, было не столь ясно. Приходилось пускаться на некоторые ухищрения, ласкать и задабривать гарнизон столицы, отделять солдат от революционеров, от «патриотов» рабочих предместий. «Le soldat choyé, caressé — et le

patriote écrasé,—voilà la république», с горечью говорил замешанный впоследствии в заговоре Бабефа поэт Сильвен Марешаль. Ласкать солдат и давить монтаньяров — этот лозунг не был провозглашен, но начал применяться очень скоро после 9 термидора

По специальному декрету рабочие должны были получать по полтора фунта хлеба в день, но получали и часто всего полфунта, да и то не всегда. Это было признано с трибуны Конвента как раз накануне событий 12 жерминаля⁸². Заметим, однако, что, по другому сведению, рабочие в предместьях (где их больше боялись) получали все-таки полагавшиеся им полтора фунта хлеба в день. Но газета, сообщающая об этом факте, тут же подчеркивает, что с предместьями обходятся лучше, чем с внутренними кварталами⁸³. Понимать это надо так: в предместьях, где перед властями стоит сплошная рабочая масса, выдается установленный законом усиленный полуторафунтовый паек; рабочий же, работающий где-нибудь в секции Тюильри, где его меньше опасаются, получает то же, что и прочие граждане, т. е. полфунта, в лучшем случае — фунт в день. Нечего и говорить, что вообще-то «внутренние кварталы», населенные буржуазией, меньше голодали, чем рабочие предместья.

Бегло, между прочим, несколько на этом не останавливаясь, как о самом обычном факте, член Конвента Бурбott, рассказывая в своем показании перед военной комиссией о своем времяпрепровождении 1 прериала, говорит о встрече со знакомым, которому он, Бурбott, сообщил, что уже 24 часа ничего не ел; тот предложил ему хлеба, и они условились (дело было утром), что если и к обеду Бурбott не получит хлеба, который ему обещали прислать из деревни, то он возьмет его у этого знакомого⁸⁴.

Брожение в первые дни жерминаля усилилось необычайно. Все термидорианские газеты наперерыв и с беспокойством это отмечают. «Хвосты» в очередях приобрели истинно устрашающие размеры и разговоры там велись такие, что и арестовывать не стоило: пришлось бы хватать всех стоявших в очередях. Конечно, в настроениях замечался поворот, благоприятный для памяти Робеспьера и кончившегося с его падением режима. Многих очень возмущало, что приходится иногда становиться в очередь с вечера и дежурить у дверей булочной всю ночь, а между тем

булочки получали муку не раньше часу ночи, иногда в четыре часа утра, что страшно задерживало выпечку. Раздражало и то, что булочники, ссылаясь на неполное получение ими должного количества муки, не могут выдавать каждому предписанное количество хлеба, т. е. фунт: если бы они формально исполняли свой долг, то часть «хвоста» осталась бы вовсе без хлеба и, конечно, разнесла бы вдребезги всю булочную. Доносилось о случаях самоубийства изголодавшихся людей⁸⁵.

По предложению Сиейса Конвент еще 1 жерминаля принял закон против мятежных сборищ (*les attroisements séditieux*) и в защиту народного представительства. Мятежные крики во время заседаний караются ссылкой; если же эти крики или угрозы задуманы заранее (*combinés d'avance*), то они навлекают на виновных смертную казнь. Целый ряд других пунктов предусматривает беспощадную борьбу против всяких попыток нападения на Конвент. Интересна мотивировка, выдвинутая Сиейсом⁸⁶.

Еще до жерминальских событий рабочих арестовывали и неопределенное время, но долго держали в арестных помещениях решительно без всякой вины и без тени фактических оснований, просто в силу заявленного в тайном полицейском донесении мнения, будто такой-то рабочий «сторонник системы Робеспьера»⁸⁷.

Полицейские агенты видели, что творится, и не скрывали от начальства своего беспокойства. Нужда в первые дни жерминаля царила самая жестокая. Людям, простоявшим иногда в очереди целую ночь напролет, сплошь да рядом все-таки приходилось возвращаться домой с пустыми руками, не дождавшись своего пайка, вследствие недостаточной выдачи муки булочникам. Да и самые пайки все больше сокращались: до трех четвертей, до полуфунта. Нужда особенно свирепствовала в рабочих предместьях, — в очередях, да и не только в очередях, громко винили спекулянтов, купцов и правительство, потакающее их проделкам⁸⁸. Не было ни хлеба, ни мяса, ни дров: не было для рабочих, для бедноты, для Антуанского и Марсельского предместий, для улицы Муфтар, для квартала Тампля. Для богатых людей — все находилось в изобилии.

Уже 7 жерминаля в Париже было неспокойно, собирались группы людей, громко требовавших хлеба и проклинивших правительство. Национальная гвардия их разго-

няла, но кровопролитных столкновений не было. Сборища продолжались и в следующие дни. Комитет общественной безопасности не был спокоен и не считал, что движение прекратилось. Зародилось движение у дверей булочных, среди женщин, измученных ожиданием. Конечно, правительство, извращая дело, пыталось представить его так, будто женщинам хлеб выдавали, а взбунтовались они по злобным поискам смутиянов (*les méchants, les turbulents*). Выходило по этой версии, что голодные женщины играли кем-то им заказанную «роль»⁸⁹.

Как сказано, очереди у дверей булочных начинали собираться уже с 8—9 часов вечера и простиавали всю ночь в ожидании начала утренней торговли и выдачи хлеба. Очереди были громадные, очень раздраженные и шумные, так что мешали спать жителям соседних домов. Шли слухи, будто народ в предместьях овладел пушками, выражались опасения, как бы крупные торговцы (*les gros marchands*) не сделали бы того же. Рабочие прямо говорили, что патрули (разъезжавшие в эти дни по городу) состоят из одних купцов.

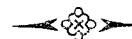
Купец, торговец (*le marchand*), изредка крупный (*gros*) торговец, — вот наиболее ходкое в те дни в устах рабочих обозначение классового противника. Купец спекулирует хлебом, он подкупил правительство и Конвент, он морит голодом рабочие предместья и он же рассыпает патрули⁹⁰.

В очередях в эти дни происходили иной раз жестокие ссоры; приходили люди, утверждавшие, что они уже несколько дней не получали хлеба. Административные власти беспокойным оком взирали на эти ежедневные огромные сборища голодных и раздраженных людей и подумывали о борьбе с этим опасным явлением. Так, в общем собрании секции инвалидов, в заседании 10 жерминаля, шел разговор о том, что «бесполезно» становиться в очередь перед булочными и другими местами выдачи с 9—10 часов вечера, так как лавки открываются лишь в 8—9 часов утра и даже позже. Не следует ли арестовывать всех, кто будет стоять в очередях до 5 часов утра, и приводить их в секцию для допроса. Если же, «к несчастью», некоторые из стоящих в очередях не получают хлеба, то им стоит только сделать соответственное заявление комиссару, и на следующий день они будут удовлетворены первыми⁹¹.

Но уже с первого жерминаля Комитеты и Конвент пред-

видели решительное выступление; наскоро прошедший проект декрета о борьбе с мятежными сборищами достаточно показывает, насколько событие 12 жерминаля не явилось неожиданным. Очень характерен доклад Сиейса, внесшего этот проект от имени комитетов. Докладчик призывает к энергичному сопротивлению всякому готовящемуся нападению, причем явно считает, что дело идет о чем-то гораздо большем, чем «голодные беспорядки»: в самом начале доклада он поминает 31 мая (1793 г.), т. е. падение Жиронды, и, с типичной для него узостью взгляда, утверждает, будто указанное событие со всеми его последствиями произошло «быть может» именно потому, что не было налицо такого закона против мятежных сборищ, проект какового он, Сиейс, как раз вот и вносит⁹².

К счастью для Сиейса и для стоявших за ним социальных слоев, вопрос об их победе не зависел от глубокомыслия старого доктринера и от степени его политической и исторической проницательности.

Г л а в а в с т о р о я

ТЕРМИДОРИАНЦЫ И ПРАВЫЕ ГРУППИРОВКИ

Термидорианцы. Роялисты-эмигранты. Мюскадены

I

Член Конвента Левассер (de la Sarthe), современник и очевидец термидорианской реакции, различает в ней три последовательных периода⁹³. Сначала реакция направляется победителями Робеспьера против их личных недругов, но по своим политическим убеждениям эти люди власти еще вполне республиканцы. Затем (когда жиронисты возвращаются в Конвент) власть враждебно поворачивается против всех дел и людей 1793—1794 гг. и против всего этого времени воздвигается гонение. Кают его деятелей, всячески порочат его традиции. Наконец, после этого начинается время, когда усиливается влияние замаскированных приверженцев реставрации Бурбонов и старого режима, целью которых является уничтожение республики, а средством — убийство людей революционного образа мыслей.

Мы должны внести поправку в это построение: зимою и весною 1794—1795 гг. наблюдается одновременное сосуществование всех трех группировок. Тотчас же после одержанной победы в общей массе термидорианцев стали обнаруживаться отдельные группировки.

В той или иной степени, с разными оттенками, не всегда одинаково формулируя свои мысли и настроения, в разные месяцы говоря разное, общая масса термидорианцев, правых монтаньяров (в противоположность левым, всегда после 9 термидора отрекавшимся от этого

названия), стояла на почве защиты интересов собственников против не-собственников, буржуазии против неимущей городской бедноты вообще и рабочих в частности; в деревне — за новую, послереволюционную собственническую массу против остатков былого дворянства, мечтавших о восстановлении привилегий и прав на землю, об отнятии конфискованных и распроданных при революции эмигрантских земель и т. д. Это отделяло термидорианцев как от «якобинцев» (левых монтаньяров, «вершины») — слева, так и от общей массы непримиримых роялистов — справа. Но и собственническая масса в городе и в деревне была пестра и разнообразна по составу, и термидорианцы были не на одно лицо: тут, как всегда, политика в той или иной степени отражала характерные черты экономики. Не всегда возможно точно и доказательно приурочить того или иного термидорианца к определенному слою или прослойке этой собственнической массы, тем более что не один из них, как сказано выше, в разное время выражал разные оттенки политической мысли. Но для непосредственной цели предлагаемого исследования углубляться в эти подробности было бы и излишне: когда эти люди видели перед собою в жерминиале и прериалие восставшую массу, они действовали с полным единодушием именно потому, что тут дело шло о борьбе имущих против неимущих, точнее — городской буржуазии против рабочих предместий.

Термидорианская группа, низвергшая и казнившая Робеспьера, проделала быструю эволюцию в восемь месяцев, отделяющих термидор от жерминаля. Я тут пока не буду говорить о левых термидорианцах, о левых монтаньярах, которые, подобно Камбону или Гужону, приветствовали падение Робеспьера, но довольно скоро — большинство из них уже осенью и в начале зимы 1794 г. — поняли истинное значение того, что произошло, и с отчаянием сообразили, кому они помогли. О них речь будет отдельно, — а тут я остановлюсь только на правых термидорианцах. Замечу, впрочем, что современники ни левых, ни правых термидорианцев такими терминами не обозначали и, говоря о Тальене, Фероне, Бурдоне и т. д., называли их просто термидорианцами (*les thermidoriens*). Будем следовать этой упрощенной терминологии, имеющей за собой весь престиж исторической давности. Эта группа тоже эволюционировала весьма ускоренно, но

все время в одном направлении: слева направо. Нас она интересует такою, какою она была уже перед наступлением жерминальских событий. Приглядимся к руководящим деятелям этой главенствующей в Конвенте группы.

Таих черта, которая больше всего бросалась в глаза и возмущала их жертвы, заключалась в лицемерном негодовании против деятелей и событий эпохи террора, хотя сами они еще накануне не только были в числе этих деятелей и принимали непосредственное участие в этих событиях, но часто проявляли наибольшую беспощадность. И, конечно, Карре был совершенно логичен, когда, уже видя ясно свою гибель, сознавая, что находится у подножия гильотины, он бросил в лицо термидорианскому Конвенту свои знаменитые слова: «Тут все виновны, все, вплоть до звонка председателя!»⁹⁴.

Но указанная группа занимает нас здесь главным образом с точки зрения социальных интересов, которые она представляла. Это — люди, бывшие люди власти, бывшие помощники и соратники Комитета общественного спасения робеспьевских времен, изменившие Робеспьеру и его уничтожившие. Во главе их стояли Тальен, Фрерон, Бурдон (de l'Oise), Баррас и др. Это именно бывшие, а вовсе не «раскаявшиеся», как их иногда называли старые историки. На «раскаявшихся» они так же мало походят, как бенгальские тигры на овец. Когда, позднею весною и летом 1794 г., они готовились к смертному бою с Робеспьером, когда затем, в первые дни термидора, в ежедневных секретных совещаниях они подсчитывали окончательно свои и вражеские силы и уставливались о точном сроке, удобном для начала сражения, они все знали твердо, что тому, кто проиграет это сражение, останется сроку до гильотины от одних до двух суток, но уж никак не больше. Один из монтаньяров, участвовавший в игре против Робеспьера, самый из них честный и очень скоро потом с отвращением отшатнувшийся от термидорианцев, Камбон,— недаром написал 8 термидора карандашом на газете (которую он ежедневно, перед 9 термидора, посыпал своей матери, чтоб дать ей знать, что он жив): «завтра либо я буду мертв, либо Робеспьер». Это в строгой точности соответствовало настроениям момента. Люди такого закала, давно привыкшие к ежедневным смертельным опасностям, взявшись на себя инициативу и весь ужасающий риск вы-

ступления в дни 8 и 9 термидора, даже и не заикались о своих планах тому «болоту» (т. е. большинству Конвента), которое до последней минуты, казалось, не знало, за кем ему пойти, и которое, окончательно примкнув 9 термидора, уже во время заседания, к заговорщикам, решило гибель Робеспьера. Эта-то группа монтаньярских заговорщиков, уничтожившая Робеспьера и отвергшая потом всю монтаньярскую программу, и была в течение интересующих нас восьми месяцев фактически во главе термидорианского большинства; эти-то люди, со всею неистовой политическою страстью, на какую они были способны, и обрушились на своих прежних товарищах, которых им не удалось сразу отправить на гильотину вместе с Робеспьером, Сен-Жюстом, Кутоном и другими, казненными 10 термидора, на другой же день после навеки памятного во всемирной истории заседания. Дерзание, всегдашняя готовность к тому, чтобы убить или быть убитым, отличают всю эту группу. Даже Фуше в этом смысле не составляет исключения. Впрочем, Фуше сейчас же после 9 термидора отошел от этой группы. Но если решительность, боевой темперамент отличают почти всех участников этой группы, то по другим своим моральным качествам они были, разумеется, далеко не равнозначащи. Ровер и Бурдон (de l'Oise) были способны решительно на все, у Тальена, у Лежандра изредка прорывалось нечто похожее на сознание некоторой неловкости, некоторые как бы воспоминания о собственном прошлом; то же бывало и у Фрерона, но он стремился заглушить это чувство потоком слов в Конвенте, неистовыми ругательствами в своей газете, бешеною агитацией среди им же организованной «золотой молодежи», о которой речь будет ниже и которую он направлял на избиение якобинцев. Были между ними и другие индивидуальные отличия. Тальен жаждал и достиг материальных благ, наслаждений, большого места на жизненном пиру. Фуше искал богатства и власти и обрел (не в 1794—1795 гг., а позже) миллионы, дворцы, золоченый, осыпанный звездами мундир наполеоновского министра полиции, герцогский титул; но Фрерон, тоже всего этого желавший, достиг к концу своей жизненной карьеры только чиновниччьего местечка в заморской колонии, куда его послал тот же Наполеон, а Бурдон (de l'Oise), еще более низменный и своекорыст-

ный, дождался лишь смерти от гнилостной лихорадки в нищей хижине в Гвиане, где он прозябал в качестве ссыльнопоселенца. Не все они умели ждать, предвидеть, не у всех были одинаковые умственные способности.

Но в тот период, которым мы занимаемся, — между термидором и жерминалем, между жерминалем и прериалем, — этих людей объединяла тесная круговая порука. Не только их надежды на будущее, но и непосредственное решение вопроса об их жизни и смерти зависело от того, удастся ли им побороть две опасности: с одной стороны, всегда возможную, всегда ими ожидавшуюся контратаку монтаньяров, а с другой — восстановление легитимной монархии, возвращение Бурбонов. В первом случае они, ненавистные ренегаты, изменники, беспощадные гонители своих вчерашних товариществ, разумеется, будут истреблены в первую голову, не только недобитыми приверженцами Робеспьера, но и некоторыми из тех, кто 8 и 9 термидора по недоразумению помогал им его низвергнуть, например, сурово-честным Камбоном и другими людьми того же типа. Во втором случае их тоже ждет неминуемая гибель: чтобы выяснить их психологию в этом отношении, достаточно напомнить, хотя бы в двух словах, о том, что говорилось и делалось в эмиграции в 1794—1795 гг. Эмигранты безнадежно ничего не хотели понимать в происходившем. Я говорю не об исключении, не о Малледю-Пане, неглупом человеке, которого ближайшее потомство склонно было иной раз производить чуть не в гении только потому, что окружавшие его соратники обнаруживали, в самом деле, совсем уже неслыханную тупость. Эмигрантская масса, в общем, была убеждена, что революцию создали изменник и гугенот Неккер, изменник Филипп Орлеанский; что если бы не беспредельная доброта и мягкость Людовика XVI, то все можно было бы своевременно уладить; что страна устала от революции и тайно жаждет приезда Бурбонов; что нужно будет впредь обращаться с народом по-отечески, но со строгостью, а главное — покарать лиц, участвовавших в революции, и, в первую голову, цареубийц (*les régicides*), т. е. всех членов Конвента, голосовавших в январе 1793 г. за смерть короля; что же касается конституции, то вполне достаточно будет восстановить, с кое-какими частичными поправками, то государственное устройство, которое существовало до

1789 г. Другими словами: всю главенствующую группу термидорианских победителей ждала, в случае реставрации, немедленная смерть. Для них знаменитая формула: «ни анархия, ни монархия — ни якобинцы, ни роялисты» — диктовалась повелительным голосом непосредственного самосохранения.

Что «правая сторона» смотрела на ренегатов-монтаньяров как на временное орудие, которое она рассчитывала сломать немедленно после победы, — мы знаем из многих показаний⁹⁵. Но «правая сторона» слишком торопилась и очень уж ускоряла все сроки. За Тальенами и Фреронами стояла в тот момент несравненно большая социально-экономическая сила, чем за роялистами, и еще много воды — и крови — должно было утечь до реставрации Бурбонов, о которой так уверенно говорилось в Лондоне и в Вене, в Кобленце и в Вероне в 1795 г.

Уже после 9 термидора обозначилась та «система малятика», или «качелей», которая потом, при Директории, сделалась основной осью всей внутренней политики правительственной власти: то преследовали роялистов, то гнали «якобинцев», то сажали в тюрьмы и тех и других. Старый монтаньян Бодо прав, когда он утверждает в своих записках, что эта политика уничтожала во всех лагерях именно наиболее сильных и мужественных людей⁹⁶.

Среди руководящих термидорианцев, как сказано, были люди с сильным характером, с волею и дерзанием. Ослабляла личную их позицию та вполне заслуженная репутация алчности, своекорыстия, взяточничества, сибаритства, продажности и предательства, которая справедливо связывалась с их именами. Захватив власть после 9 термидора, они оказались в таком положении: с одной стороны, чтобы держаться, чтобы стать под попутный ветер, им нужно было преследовать, обвинять, арестовывать, отдавать под суд, ссылать, громить с трибуны Конвента, чернить в печаги и гильотинировать многих из тех, кто в эпоху 1794—1795 гг. проводил и выполнял политику тогдашнего Комитета общественного спасения и тогдашнего большинства; с другой стороны, им (Тальену, Баррасу, Фрерону, Роверу и др.) непременно нужно было с а м и м стоять во главе преследователей, так как всякий другой непременно привлек бы их самих к ответственно-

сти⁹⁷. Ведь всего за несколько месяцев, если не недель, перед 9 термидора именно эти вожди термидорианской реакции действовали так, что самому Робеспьеру становилось жутко, тем более что он сильно (и основательно) подозревал их в подкупности, в грабеже виновных и невинных, живых и мертвых.

Робер Ленде совершенно логично указывал Конвенту что нелепо и непоследовательно сваливать все на покойного Робеспьера. Признать, что Конвент был против всех законов, против всех мер, которые он ветировал и издавал в течение ряда лет якобы исключительно из рабского страха перед Робеспьером, значило бы расписаться в собственной трусости и в полном своем ничтожестве⁹⁸. Все обвиняемые деятели дотермидорианской эпохи — Каррье, Фужье-Тенвиль, Колло д'Эрбуа — говорили то же самое: если они виновны, то виновен и сам Конвент, если Конвент невинен, то невинны и они. Когда английского короля Карла I принутили подписать *bill of attainder*, отправлявший на эшафот лорда Страффорда, король плакал слезами ярости, и семь лет спустя, перед собственной своей казнью, каялся, как в большом грехе, в том, что согласился казнить человека, с которым разделял полную ответственность за все содеянное. Конвентское большинство после 9 термидора было чуждо таким сентиментальностям: оно рубило головы тем, кто был повинен только в исполнении доктрин и предначертаний того же самого большинства перед 9 термидора, и проделывало эту операцию «без борьбы, без думы роковой», сохраняя полную безмятежность. Люди, которые Робеспьера отталкивали своей неистовою жестокостью, не гнушались делать из террора орудие собственного обогащения, те же люди больше всего и настаивали на беспощадности к побежденным монтаньярам, якобинцам, в Конвенте и вне Конвента, в Париже и в провинции.

Я не считаю уместным давать в этом специальном исследовании подробные характеристики всех руководящих деятелей данной эпохи. Но нужно, однако, сказать хоть несколько слов о некоторых из них, чтобы дать читателю более ясное представление о правящем лагере времен жерминаля и прериала.

Тальен — своею фальшивостью, дерзостью, способностью легко приходить в бешенство, мстительностью —

наводил страх на своих товарищай и часто держал в руках термидорианский Конвент. Робеспьер его явно презирал, да и не мог не знать скандального его поведения в Бордо, где он, в годину лютого недостатка припасов, кутил с Терезою Кабаррюс (на которой впоследствии женился), разъезжал в карете, окружал себя вызывающей роскошью. Все знали, что он берет взятки с подсудимых, что люди, жертвуя состоянием, откупаются от гильотины, что за деньги же в Бордо выдаются любые паспорты и т. д. Арестовав в одну ночь (30 ноября 1793 г.) более двухсот крупных бордоских купцов, Тальен доносил в Париж, что «гильотина и большие штрафы» произведут чистку среди купечества, искоренят спекулянтов и скупщиков⁹⁹; впоследствии, однако, оказывалось, что на гильотину при Тальене отправлялись большей частью те, у кого не было денег, чтобы от нее избавиться; из штрафов, наложенных на бордоское купечество, 1 325 000 франков было ассигновано на постройку госпиталя, но его даже и не начали строить, а сумма исчезла бесследно. Таких эпизодов в биографии Тальена до 9 термидора насчитывалось немало. Он был так омерзителен Робеспьеру, что тот формально воспротивился (1 жерминаля II года, т. е. 21 марта 1794 г.) напечатанию речи Тальена, хотя она была затем только и сказана, чтобы польстить Робеспьеру. Гроза явственно собиралась над головой Тальена. Жена его была арестована, и Робеспьер уже не скрывал, что идет на него походом: всякий раз, говоря о грабежах (*garines*) и грабителях, он прежде всего имел в виду Тальена, хотя под угрозой по тому же поводу находились и Ферон, и Бурдон (*de l'Oise*), и Ровер, и Фуше, и Баррас, и целый ряд других, помельче.

Но почти все эти приобретатели, грабители и взяточники умели пользоваться благоприятным стечением обстоятельств, умели бороться за свою жизнь. Они сожгли за собой корабли — грянуло 9 термидора. Тальен вышел из спасного боя в ореоле чуть ли не главного победителя. Для него наступили золотые времена быстрого обогащения, роскоши, которая не чета была прежней, бордоской, наступили времена взяток, перед которыми померкли его былие вымогательства. Еще не существовавшая легально, но реально уже могущественная биржа, спекуляция, ажиотаж, скупка,—все это нашло в лице Тальена своего

непосредственного защитника и покровителя. Недаром Диэм публично бросил ему в лицо обвинение в том, что он делает дело финансистов и банкиров, группирующихся возле биржи, вокруг тестя Тальена, банкира Кабаррюса¹⁰⁰. Для той кучки левых монтаньяров, к которой принадлежал Диэм и которую ждала в близком будущем либо гильотина, либо Гвиана, либо долгая тюрьма, была ясна тесная связь между финансовыми кругами, между новой возродившейся и переродившейся буржуазией и той безудержной реакцией, которая царила в Конвенте. Заметим, кстати, что из всех термидорианцев руководящей группы Тальен чаще всего подозревался в то время в близости к роялистским заговорщикам. Но на самом деле такого политического сближения не произошло.

Правда, жена Тальена была в душе роялисткой и хотела, чтобы роялисты посещали ее салон, но суть дела была, разумеется, не в этом; вся термидорианская группа, представлявшая разные слои собственнической Франции, новой ее буржуазии, сначала, конечно, полагала, что для защиты ее социально-экономических интересов возможнее и полезнее в данный момент сблизиться с роялистами, чем с «якобинцами». Но для такого сближения было необходимо, чтобы и роялисты заговорили не в тоне Поляниака или претендента графа Прованского, или графа Артуа, а хотя бы в тоне Малле-дю-Пана, чтобы они отрешились от жажды мести, от требования виселицы для «цареубийц», от защиты навеки погибших феодальных интересов и т. д., словом, чтобы, говоря о троне, они имели в виду трон вроде будущего наполеоновского или конституционного, по образцу 1791 г., а не совершенно уже невозможный дөрөвлюционный «прадорительский» престол. Но роялисты оказались не способны на такую эволюцию. Дело свелось к личным связям, балам, обедам, кутежам¹⁰¹.

Сложнее Тальена был другой влиятельный вожак термидорианцев. Фрерон. В нем — или, точнее, в авторе статей его газеты в 1794—1795 гг. — мы видим, с одной стороны, идеолога борьбы собственников против неимущих, с другой — то явного покровителя и друга городской спекулянтской буржуазии, то защитника городской потребительской массы против алчности и грабительства земельных собственников, то защитника этих самых земельных собственников против фермеров и т. д. Начал он (после 9 тер-

мидора) с добродетельного и чувствительного негодования на террор и террористов. А между тем Шудье, честный, непреклонный, неукротимый монтаньян, сам убежденный революционный боец, так много сделавший для усмирения восстания в Вандее, все же с отвращением говорит о неистовствах Фрерона в Тулоне и Марселе, о расстрелях по восемьсот человек, о бессмысленных разрушениях исторических памятников, домов, церквей¹⁰². Но все это было до 9 термидора; и все это самому себе простили, но никому другому не желал простить Фрерон после 9 термидора.

Цинизм этих людей был таков, что вчерашние их товарищи, которых они теперь так яростно толкали на гильотину, просто не могли прийти в себя от удивления. По словам одного из переживших это время сурово-честных и чистых монтаньяров (Бодо), нужно было самому быть свидетелем, чтобы поверить в возможность такой наглости, какую, например, обнаружил Фрерон, «весь покрытый прокажой преступлений» и в то же время обдуманно и хладнокровно отправлявший в эпоху реакции на эшафот заведомо благородных и убежденных людей¹⁰³.

Фрерон отступил от Робеспьера, как он делал все и всегда в своей жизни, движимый, конечно, исключительно свирепыми мотивами. Его новейший биограф, Рауль Арно, использовавший обильный изданный и неизданный материал, даже вчитавшийся в него и все же умудрившийся написать исчерпывающую и почти бесполезную для историка книгу, выдумал, чтобы сделать своего героя несколько симпатичнее, будто Фрерон мстил Робеспьеру за казнь Люсили Демулен, в которую он, Фрерон, в свое время был влюблен¹⁰⁴. В том нестерпимом (в смысле безвкусия) тоне, к которому в последние годы приучили публику так называемые «романизованные биографии», где быть сознательно и преднамеренно смешивается с небылицей, Арно повествует о разных душевных переживаниях Фрерона (выдуманных от начала до конца), но сравнительно мало останавливается на поведении Фрерона в период термидорианской реакции. Он совсем не выясняет его роли в деле организации и подстрекательства мюскаденов; не останавливается и на том любопытном факте, что Фрерона особенно ненавидели в парижском народе, той ненавистью, какую обыкновенно питают к ренегатам¹⁰⁵. Все знали, что он во время террора совершал (в Тулоне) такие деяния,

каких никто из самых ярых врагов не приписывал (и не смел приписать) Робеспьера, и знали, что тот же Фрерон не только участвовал в заговоре, приведшем к 9 термидора, но, спустя неделю, официально внес в Конвент бессмысличное и явно невыполнимое предложение: разрушить и снести с лица земли здание Парижской ратуши, осмелившись в ночь на 10 термидора стоять на стороне Робеспьера. Знали, что этот человек, во время террора чуть ли не превзошедший всех других своей беспощадностью, имел дерзость, после 9 термидора, постоянно требовать в своей газете казни бывших террористов и вел против них неистовую травлю. Знали, наконец, что он был одним из тех, которые погубили Робеспьера не затем, чтобы прекратить террор (как он и его друзья пытались впоследствии представить), а затем, чтобы лично избавиться от весьма настойчивых и грозных обвинений в лихомстве, вымогательстве и казнокрадстве. Он был из числа тех, кому в характере Робеспьера не нравилась и казалась опасной лишь одна черта: вражда к казнокрадам и взяточникам.

Как было уже упомянуто, газета Фрерона в разное время оказывала покровительство интересам разных собственнических групп, интересам, не всегда совпадавшим, чем и объясняются противоречия, нередко встречающиеся в этой газете. Фрерона, как только что сказано, несколько не беспокоили воспоминания о собственном недавнем прошлом. Но, в частности, он мог бы, пожалуй, утверждать, что если при режиме 1793—1794 гг. его газета преследовала «коммерсантов и богатых»; если там можно было в те годы прочесть изречение: «где много крупных коммерсантов, там много мошенников»; если он ненавидел тогда негоциантов и весь их класс, «negoциантизм»¹⁰⁶, то и в 1795 г. он, при случае, не прочь был рядиться в тогу защитника потребительской массы против алчности купцов и поставщиков предметов потребления, не прочь был громить земельных собственников и т. д. Конечно, все это несколько не мешало тому объективному факту, что Фрерон и своей газетой, и своими речами, и своими мюскаденами помогал в первую очередь именно крупноденежной буржуазии, все более усиливавшейся.

Газета Фрерона иногда настойчиво отделяет земельных собственников от арендаторов, фермеров, против которых

она мечет громы и молнии, указывая, что именно они, заключавшие договоры с собственниками, когда ассыгнации еще не были обесценены, ныне бросают этим собственникам жалкие подачки (в ничего не стоящих ассыгнациях), а сами являются подлинными помещиками, спекулируют на повышении цен, искусственно удерживают у себя продукты и т. д. Не нужно удивляться поэтому, когда в печати того времени собственники оказываются в числе страдающих элементов. Нечего и говорить, что речь в таких случаях идет только о тех из них, которые, на свою беду, сдали свои земли в аренду¹⁰⁷.

После прериальских событий Фрерон и другие идеологи режима откровенно заговорили о классовой вражде между собственниками и не-собственниками¹⁰⁸. Под первыми они понимали как деревенскую, так и городскую буржуазию: землевладельцев, которых Фрерон называет земледельцами (*les cultivateurs*), и купцов (*les négociants*). Как известно, в то время под этим последним названием часто подразумевались также и владельцы промышленных предприятий. Из противопоставляемых собственническому классу не-собственников Фрерон упоминает безземельных (*les hommes sans terres*) и рабочих (*les ouvriers*). Встречается у него также и сбивчивый, неопределенный термин: *les hommes sans industrie*, обозначающий, по-видимому, людей, не имеющих определенного занятия. Проискам этих-то людей «без земли» и «без занятий» Фрерон приписывает «ужасающее разделение» и вражду между собственниками и рабочими, возникшие, по его мнению, «в конце 1792 г.» (т. е. при созыве Конвента). Если бы Конвент был собранием собственников, он бы никогда не потерпел, чтобы сто тысяч землевладельцев во всей Франции были засажены в тюрьму. Эта теория искусственности и «ненормальности» существования классовой борьбы очень характерна не для одного Фрерона и не для одного XVIII века. Но для нас тут интересно только отметить, что Фрерон именно последствиями этой борьбы хотел объяснить рабочему отсутствие хлеба и хроническую голодаовку 1795 г.¹⁰⁹.

Тем не менее с серединой 1795 г он побаивался повторения прериальских событий. Еще под живым их впечатлением он писал об алчности землевладельцев и предлагал различные меры борьбы с ней. Почему бы, например, не

воскресить таксацию зерновых продуктов, установив для них умеренную цену, например, полуторную по сравнению с ценой, существовавшей до 1789 г.? Почему бы не требовать уплаты налога на землю натураю, т. е. в зерне, опять-таки по установленной декретом расценке? Словом, Фрерон стремится поставить землевладельца в такое положение, при котором пришлось бы весь или почти весь хлеб вынести на рынок¹¹⁰.

Раздражение против деревни, не дающей достаточно хлеба и саботирующей все усилия властей, не перестает сказываться в газете Фрерона. «Какому классу граждан революция благоприятствовала больше, чем классу крестьян-собственников? — вопрошает одна статья (4 мессидора). «И какой класс оказался и оказывается наиболее неблагодарным по отношению к революции? За последние три года крестьяне сплошь да рядом удваивали свое состояние; многие из них получают громадные барыши, а жертвовать ничем не желают¹¹¹.

Фрерон прямо взывает к властям, требуя у них репрессий против спекулянтов и мер для обеспечения урожая за потребителями, так как иначе ими завладеют «алчность и склонность», т. е., иными словами, собственники, с одной стороны, заломят высокую цену за хлеб, а с другой стороны, и вообще не выпустят его на рынок. Та же статья указывает на мошеннические проделки булочников с мукою, отпускаемою им из казенных складов для продовольствия столичного населения¹¹². А два дня спустя оказывается, что земельный собственник — тоже жертва, главное же зло в городских перекупщиках и спекулянтах.

Деревенский собственник, землевладелец, враждебно относится к горожанину. И Фрерон выступает на защиту голодающего городского потребителя против «скандаленно» богатеющего землевладельца. Это опять-таки не мешает ему тут же выступить на защиту земельного собственника против городского спекулянта, который путем всяких махинаций усиливает свой золотой запас и за счет разоряемого землевладельца и за счет обираемого городского потребителя¹¹³.

Очень показательны также для социально-экономической подоплеки термидорианских настроений мысли, высказываемые газетой Фрерона (летом 1795 г.) по вопросу о деревенских земледельческих рабочих. В своей книге о

«Рабочем классе в эпоху французской революции» (т. II) я отметил стремление землевладельцев (и властей) воспользоваться таксацией заработной платы, чтобы заполучить, в принудительном порядке, дешевый батрацкий труд. Теперь, т. е. летом 1795 г., максимум давно отменен; на все лады восхваляется и поощряется принцип свободы торговли, свободы частных сделок и т. п. и в то же самое время Фрерон печатает в своей газете следующее «письмо в редакцию»: землевладельцы нуждаются в рабочих руках, а рабочие, сознавая, что они необходимы, загордились, ставят свои условия и предъявляют слишком высокие требования, поэтому предлагается проект декрета, по которому все население, способное «работать по сбору урожая» (кроме армии и лиц, выполняющих общественные функции), подлежит реквизиции¹¹⁴.

Близкий товарищ и соратник Фрерона, Баррас, был много умнее и осторожнее. Идеология, публицистика, polemika и тому подобное интересовали его крайне мало. Действовал он вместе с Фрероном в 1793—1794 гг., вместе с ним старался выслужиться перед Робеспьером, но обоим им Робеспьер не верил и обоих презирал. Путешествуя однажды вместе с Фрероном, Баррас «потерял» как-то восемьсот тысяч ливров казенных денег, причем, в ответ на запрос по этому делу, оба объяснили, что их карета, по несчастной случайности, опрокинулась в болото, где и потонул безвозвратно портфель с казенными деньгами. Только они двое и были свидетелями этого прискорбного исчезновения. После усмирения Тулона Баррас вывез оттуда в свое имение целые возы всякого рода драгоценной клади. Девятое термидора спасло его от близкой гильотины, наравне с Фрероном, Тальеном, Фуше, Бурдоном и другими хищниками, помельче. Но после 9 термидора Баррас, уже обладавший к тому времени значительным состоянием, занял несколько выжидательную позицию. Его роскошная жизнь, пиры, любовные похождения, близкие отношения с воротилами спекуляции — все это развернулось особенно пышно уже в эпоху Директории, когда он стал фактически правителем Франции; но и в зиму 1794/95 г. на него уже многие смотрели с презрением, как на крупнейшего казнокрада и циника, как на богача, нагло швырявшего наворованными деньгами, в то время как вокруг люди умирали от голода. Но Баррас, по крайней

мере, активно не толкал недавних товарищей на гильотину, как это делали Фрероны, Бурдона, Тальены, Роверы.

Что должны были чувствовать затравленные монтаньяры, видя, что одним из самых жестоких их гонителей, одним из самых ярых реакционеров является тот самый Ровер, который в эпоху террора прославился своими неистовствами и который, по собственному признанию, подышался в свое время к Кутону, лаская любимую собачку могущественного члена Комитета общественного спасения¹¹⁵.

Ровер (маркиз Ровер де-Фонвель), удариившийся в революцию, когда это ему показалось выгодным; человек, которого даже термидорианец Дюбуа-Крансэ называет «самым отвратительным чудовищем, какое породила революция»¹¹⁶, стал деятельным орудием крайней реакции в 1794—1795 гг. и особенно весною 1795 г. Его тогда уже подозревали не только в связях с роялистами, но и в тайных сношениях с англичанами¹¹⁷. Это нисколько не помешало ему быть избранным в разгар прериальских казней (15 прериля III года) в Комитет безопасности и получить тогда же чин бригадного генерала. Еще раньше он состоял членом того же комитета, как раз с 15 нивоза по 15 флореяля (с 4 января по 4 мая 1795 г.), и, таким образом, непосредственно участвовал в ликвидации жерминальского восстания. И в жерминале и в прериале восставшие нашли в нем беспощадного и опасного врага. Именно он образовал в то время в Париже обширную шпионскую сеть.

Когда дальше у меня речь будет идти о преследованиях и казнях, читатель неоднократно встретится также с именем Бурдона. Этот Бурдон (Франсуа Бурдон, депутат от департамента Уазы, называвшийся, в отличие от своего однофамильца Леонара, Bourdon de l'Oise, а в просторечии Бурдоном Рижим, Bourdon le Roux) был человеком, которого презирали все партии, правильно считавшие его предателем и переметнутою сумою по природе. Одаренный зычным голосом, подвижностью, отсутствием какой бы то ни было брезгливости и бесспорно боевым темпераментом, Бурдон сначала делал революционную карьеру; много и часто пьяниствуя, он, под пьяную руку, невольно обнаруживал всю грубость и жестокость своей природы;

Робеспьер имел, между прочим, сведения, что в Вандее, не довольствуясь казнями, во время пьяных оргий, Бурдон собственноручно убивал людей. Победи Робеспьер 8—9 термидора, Бурдон несомненно и немедленно отправился бы на гильотину. Не называя его по имени, Робеспьер тем не менее определенно причислял его к людям, «упившимся кровью и грабежом (*gorgés de sang et de rapines*)». Бурдон это знал и 9 термидора решительно выступил против Робеспьера. После 9 термидора он отличался в Конвенте неистовой, неукротимой злобой против якобинцев, преследовал руганью и доносами своих недавних товарищ монтаньяров и всегда стоял за самые крутые меры против них. Хотя сам он любил прикидываться человеком, режущим правду в глаза и за это преследуемым клеветою¹¹⁸, в искренность его никто не верил ни тогда, когда он деятельно участвовал в терроре, направляемом монтаньярами, ни тогда, когда он принял еще более деятельное участие в терроре, направленном против монтаньяров. Как и Ровер, как и Фрерон, Бурдон был шакалом, выходящим на поле битвы, когда победа уже решена, ищающим пищи и добычи на арене побоища. Но у Фрерона и у Ровера была и более одаренная голова и более живая, еще более боевая натура.

На первые роли Бурдон не годился. Но следить, доносить, выискивать тайные и явные, прошлые и настоящие грехи, поставлять жертвы гильотине, чернить и оскорблять людей, у которых завязан рот, — все это он умел делать и делал постоянно и непрерывно.

Эмигранты отлично знали его прошлое и презирали его как человека, всегда льстившего Робеспьеру, пока тот был в силе¹¹⁹. Знали его и термидорианцы, уцелевшие монтаньяры конвентской «вершины».

Гораздо крупнее других был Мерлен (de Thionville), умный, вполне бесстрашный, энергичный, находчивый и беспринципный человек, разумеется, более д*ловой, чем какой-нибудь Фрерон, и более осторожный, чем Бурдон или Ровер. Реакцию 1794—1795 гг. он тоже хотел сделать кровавой и беспощадной, такой, чтобы гильотина работала без больших перебоев. Жил он в это время в княжеском дворце, держал кареты не только для себя, но и для всех своих любовниц, затевал в собственных парках охоты на оленей, все у него было поставлено на широкую ногу. «Это

был новый князь, возникший из демократического вихря», пишет о нем современник. И этот-то «новый князь» публично осмеливался называть «мошенниками» монтаньяров, едва ли не единственных в то время членов Конвента, голодавших в эти бедственные времена не хуже рабочих Антуанского предместья¹²⁰.

Сравнительно с только что охарактеризованными людьми гораздо пристойнее вел себя в зиму 1794/95 г. Лежандр. Для него побежденные монтаньяры все же не враги, а противники: он отдает должное их великим заслугам перед революцией, напоминает бесстрашную борьбу этих «пламенных сердец» и «горячих голов» в те дни, когда надо было низвергнуть трон, — все дело в том, думает он, что эти люди стали непригодны, когда понадобилось строить новое на руинах старого¹²¹.

Такова была формула Лежандра, вежливая, но все же выбрасывающая из политической жизни сиротливую кучку «вершины». Повторяю, говоря об этих людях, Лежандр, по крайней мере иногда, не забывал, что они еще накануне были его товарищами.

Второй группой, входившей в состав большинства термидорианского Конвента, были возвращенные после падения Робеспьера 73 жирондиста и примыкавшие к ним депутаты, изгнанные из Конвента народным восстанием 31 мая 1793 г. Далеко не все из них дожили до смерти Робеспьера. Многие были казнены в 1793 г., другие покончили самоубийством, треты не выдержали долгих скитаний, трудностей нелегального положения и тяжких лишений. Уцелевшие и вернувшиеся осенью 1794 г. в Конвент были по составу и природе столь же неодинаковы, как главенствовавшая группа монтаньярских ренегатов. Меньшинство этих возвращенных жирондистов, во главе с Луве и Ланжюине, тоже, с одной стороны, не желало восстановления монархии, с другой — не хотело воскрешения революционного террора; но у них все же сохранились кое-какие старые представления о гранях политической борьбы и ненависти; они, например, не решались объявлять монтаньяров вне закона и отправлять их на эшафот с такой легкостью, как склонен был это делать вчерашний монтаньян Франсуа Бурдон, или призывать к избиению встреченных на улице якобинцев, как это делал бывший террорист Феррон. Однако, поворотю, среди возвращен-

ных в Конвент жирондистов Луве и Ланжюине выражали настроения сходившего на нет ничтожного меньшинства; большинство же этой группы было полно жажды мести за перенесенные испытания, за казнь товарищей, за долгие гонения и, быть может, больше всего за то, что монтаньяры, весною 1793 г., согнали их с исторической арены. Своей былой контрреволюционной роли они признать не желали до конца. «31 мая» не сходило с их уст. Многие из них, сами иногда в том не признаваясь, все больше и больше приближались к монархистам. А иные просто стали монархистами. Для них или, по крайней мере, для многих из них возможность восстановления Бурбонов не была чревата столь непосредственными, личными опасностями, как для упомянутой группы монтаньярских ренегатов. Но их смущала и раздражала испепеляющая повадка эмигрантов, нежелание этих последних отказаться от каких бы то ни было старых претензий, упорное — до курьеза — нежелание понять, что старый строй и старый быт в главном своем содержании провалились бесповоротно. Жирондисты, сколько-нибудь способные к политическому мышлению, даже при желании сблизиться с монархистами, с каждым месяцем все больше убеждались, что это невозможно, что всякий, кто пойдет на такое сближение, безнадежно погибший человек. Понимал это и умеренный, смиренно и безгласно сидевший в конвентском «болоте» до самого 9 термидора и выдвинувшийся лишь теперь, зимою 1794/95 г., Буасси д'Англа, в свое время униженно льстивший Робеспьеру, а ныне громивший всех уцелевших монтаньяров. Осторожный, сдержаный, усиленно готовивший себя к почетным нейтральным или центральным ролям, Буасси д'Англа был, по сравнению с правыми термидорианцами, менее замаранным человеком, хотя, впрочем, и его обвиняли в сибаритстве, в роскошном образе жизни среди всеобщего голода¹²². Но в нем все же было меньше азартной ненависти, не было той лютой злобы, характерной для подлинных ренегатов, вроде Феррона. Его никогда не считали завзятым грабителем казны, как, скажем, Барраса, Ровера и других. Конечно, близко стоя к делу снабжения Парижа, он не мог не знать о проделках спекулянтов, о том, что на этом деле, в частности на поставках хлеба и риса, ежедневно наживаются разные темные дельцы. И мы тщетно стали

бы искать в его речах и выступлениях следов борьбы с этими спекулянтами.

Замечу, что Баррас в довольно ясных выражениях обвиняет Буасси д'Англа в продажности. Указывая, что накануне 12 жерминаля в столице оказалось мало муки — и к тому же она была попорченная,— Баррас сначала говорит о каком-то «патроне» спекулянтов, которому платили за покровительство, и вслед за тем упоминает о Буасси, «небрежности» которого приписывает эту беду с продовольствием. Все это в мемуарах Барраса так построено, что мысль автора вполне ясна¹²³. Как ни мало доверия внушает личность обвинителя, в самом обвинении нет ничего невозможного. Волею судеб Буасси д'Англа попал после 1 прериала в герой; картина, где он изображен кланяющимся отрубленной голове Феро, уже в начале 30-х годов обошла в лубочных воспроизведениях всю Францию, а слухи о попорченной муке как-то замерли.

Имя Буасси д'Англа вводит нас вместе с тем в ту область политической жизни, которую ни на минуту нельзя упускать из виду при анализе двух весенних восстаний 1795 г. Я говорю об обстановке внешнеполитической.

Был у термидорианского Конвента еще один могучий якорь, на котором он держался. Голос революционной Франции все более властно и грозно звучал в международной политике. Правда, термидорианцы главным образом пожинали то, что сеяли не они, а те, кто стоял у руля до 9 термидора; но, как бы то ни было, победа над монархической Европой начала реально выявляться в мирных договорах именно зимою и весною 1794—1795 гг. Герцог тосканский просил мира; король прусский просил мира; император австрийский мечтал о мире и страшился продолжения борьбы. Монархи, так уверенно и высокомерно выступившие против революции в 1792 г., одни за другим складывали или готовились сложить оружие. Армия санкюотов, оборванцы, не умевшие маршировать, двадцатисемилетние генералы были и были старинные дворянские полки, были титулованных фельдмаршалов, были «печатавших носком» на парадных маршах королевских и императорских grenadier, красу берлинских и венских парадов. Это еще не был полный, страшный разгром дворянской, полуфеодальной Европы: человек, которому выпала историческая судьба продолжить и довершить этот

разгром, еще ждал своего близкого часа. Но уже разыгрывался как бы пролог к наполеоновской эпохе, победоносно занимались исходные пункты для дальнейших движений. Рейнская граница была завоевана, Голландия фактически подчинена. Испания трепетала. Пьемонт со страхом ждал решения своей части. Термидорианцы, позднею осенью 1794 г. и весною 1795 г., с готовностью шли на мир,— и это тоже усиливало их позицию и внутри страны и вне ее. Ведь все это было так неожиданно! Ведь еще так недавно Франция совсем была снята со счетов, еще вчера, можно сказать, ей прочили участь Польши,— и вдруг она не только вернулась на историческую арену, но и вернулась на то место, которого не занимала уже сто лет, со времен Людовика XIV. Мало того, в Италии, в Германии, в непримиримой Англии, всюду французские победы с ликованием встречались всеми передовыми элементами буржуазного общества, потому что для Европы эти победы, одерживаемые под республиканским знаменем, при звуках революционной Марсельезы, были не победами термидорианской реакции, а торжеством освободительных принципов Декларации прав, продолжением дела, начатого под стенами Бастилии 14 июля 1789 г. С тем умом и тактом, которые отличали французскую дипломатию в течение всего революционного периода вообще, термидорианцы тотчас же сообразили, как им выгоднее всего себя держать. Отправляя в тюрьмы и на эшафот людей, вынесших на себе революцию, попустительствуя избиениям якобинцев в провинциальных тюрьмах—в Лионе, Марселе, Ниме и, вообще, где придется, они в то же время нисколько не понижали гордого революционного тона в сношениях с растерявшейся, полуразбитой, смущенной и удивленной монархической Европой. Они еще не говорили — да и не могли говорить — с нею так, как заговорил несколько лет спустя Наполеон, но и в их голосе уже звучал тон победителей, согласных, по своей умеренности и по чувству справедливости, даровать врагам мир.

Буасси д'Англа демонстративно использовал это положение. В ответ на речь Питта 30 января (11 плювиоза) 1795 г. он произнес большую речь о внешней политике Франции. Сверху вниз, как победитель к побежденному, обращается он к готовой мириться Пруссии, первой вели-

кой державе, решившей, что революционную Францию нельзя сломить, что нужно ее признать и так или иначе наладить с «цареубийцами» добрососедские отношения¹²⁴. Для оратора важно вовлечь Пруссию во французскую орбиту, изолировать Россию. Он напоминает Пруссии, что русские батальоны не так давно (в Семилетнюю войну) уже стояли в Берлине: «если бы не непредвиденный кризис Петра III, самое название прусской державы было бы уничтожено». Он советует Пруссии опасаться честолюбия Екатерины, которая, расточая пустые обещания французским эмигрантам, успела втравить немецких государей в тяжкую войну против французской республики, чтобы тем временем завладеть Польшей и «открыть себе ворота в Германию». «Можно с основанием сказать», добавляет Буасси д'Англа, «что русская империя — колосс на глиняных ногах»; что в России «порча предшествовала зрелости»; что рабство, существующее в этой стране, «лишает ее силу всякой прочности»; что, при всей своей внешней роскоши, Россия бедна, при всей своей обширности — в значительной мере пустынна, что, расширяясь, она ускоряет час своего распадения, «каждым новым своим захватом приближает свою гибель»¹²⁵, и, однако, положение Пруссии опасно: «раньше, чем погинуть, этот гигант раздавит вас». России оратор противопоставляет Францию и приглашает пруссаков оценить усилия французского правительства, которое «разбило эшафоты», подавило внутренние волнения, «открыло двери тюрем», «отомстило за невинную кровь», казнило «министра террора», вернуло торговле свободу, земледелию — спокойствие...

Так термидорианцы хотели использовать казнь Робеспьера и отмену закона о максимуме, между прочим, и для внешнеполитических целей.

В настроениях собственнических классов весною 1795 г. (и именно тогда, когда частичная победа республики над коалицией привела к замирению с Пруссией и Голландией) проскальзывает один любопытный мотив: некоторым идеологам этих классов представлялось, по-видимому, что немедленно по окончательном заключении мира с внешним врагом можно будет приняться за расправу с якобинцами и жестоко покарать их за прошлое¹²⁶. Конечно, так мыслили далеко не все представители социальной и полити-

ческой реакции. Крайние роялисты (с графом д'Артуа во главе) и вообще большинство эмигрантов возлагали главное свое упование на продолжение войны коалиции против Франции. Малле-дю-Пан тщетно старался раскрыть им глаза на невозможность дальше основывать свои надежды на внешней войне; тщетно указывал, что союзников (т. е. антиреволюционную европейскую коалицию) во Франции «все» ненавидят и что все партии смотрят на иностранцев «не как на врагов революции, но как на врагов Франции». Именно тогда, когда он пытался все это внушить претенденту, роялисты готовились к своей безумной авантюре — высадке на Кибероне¹²⁷.

Одним из ходячих аргументов у роялистских агитаторов было утверждение, что иностранные державы, особенно Англия, ни за что не заключат мира с республиканским правительством, но будут воевать до тех пор, пока во Франции не воцарится король¹²⁸. Этот аргумент пускался в ход долго, вплоть до Кампо-Формио и даже до Консульства. Однако успехи во внешней политике зимою и весною 1794—1795 гг. сильно ослабляли роялистскую агитацию, подрывая ее именно в этом существенном пункте.

И как раз к моменту схватки — к Жерминалю и прерию — оказались хронологически приуроченными наиболее крупные внешнеполитические успехи термидорианского Конвента. 21 плювиоза (9 февраля 1795 г.) был подписан мир с Тосканой. Еще до Жерминаля начались мирные переговоры с Пруссией; 16 Жерминаля (5 апреля 1795 г.) мир с нею был подписан, а 24 Жерминаля ратифицирован Конвентом. Когда член Комитета общественного спасения Ребель докладывал Конвенту о подписании трактата, подчеркивая важное значение мира с Пруссией, он с первых же слов был встречен ликующими рукоплесканиями. Современник (Фэн) пишет, что газеты особенно отмечали появившуюся отныне возможность получать хлеб с севера¹²⁹.

27 флореяля Сиейс и Ребель подписали в Гааге мир с Голландией. Французская республика получила: голландскую Фландрию, Маастрихт, Ванлоо, кондоминиум (с Голландией) в порте Флиссинген; река Шельда провозглашалась свободной для судоходства; Голландия выплачивала республике сто миллионов флоринов. 2 прерию Мерлен (de Douai) обрадовал этой вестью Конвент.

Подоспевший из Гааги Сиейс доложил подробности, и 8 прериля мирный договор был ратифицирован Конвентом. 28 флореала была подписана дополнительная конвенция с Пруссией, что тоже было встречено в Париже с большим удовлетворением. Наконец, всем было известно в течение всего жерминаля, флореала и прериля, что в том же Базеле ведутся переговоры с Испанией, испугавшейся дальнейшей борьбы, и что с этой страною также готовится выгодный для республики мир, который был подписан 4 термидора (22 июля 1795 г.). Трехлетняя борьба с монархической Европой как раз весною и в начале лета 1795 г. заканчивалась триумфальными трактатами, первая коалиция быстро распадалась.

Термидорианцы старались использовать эти, столь кстати подоспевшие, дипломатические достижения в своей борьбе как против роялистов, так и против последних монтаньяров и против рабочих предместий. Прибавлю, что они пытались при этом внушить народу, что мирные договоры дадут прежде всего новые запасы хлеба. И в самом деле, в этом смысле являлись новые надежды.

Затеваются ли переговоры о мире с Тосканой, — Комитет общественного спасения дает знать Карлетти (в ноябре 1794 г.), что требуется прежде всего отдать хлеб, захваченный англичанами в Ливорно и предназначавшийся для Тулона. Начинается ли негласная беседа с неаполитанским двором, — Лаллеман, представитель Франции, требует в первую голову, чтобы Сицилия прислала, по крайней мере, 300 тысяч квинталов хлеба. Обсуждается ли в Комитете общественного спасения (10 флореала, т. е. 29 апреля 1795 г.) вопрос о мире с Португалией, — Комитет и тут прежде всего требует от Португалии хлеба. Заключается мир с Пруссией, — тотчас же оказывается, как было отмечено, на возможность получения запасов хлеба с севера.

II

Таковы были общие внутренние и внешнеполитические условия, в которых термидорианцы встретили жерминальскую и прериальскую грозу. Но раньше, чем приступить к характеристике их врагов слева, необходимо сказать несколько слов об их врагах справа, — тем более, что нельзя

говорить о жерминале и прериале, ничего не сказав о мюскаденах.

Говорить же о мюскаденах, вдохновлявшихся отчасти термидорианскими, отчасти же чисто роялистскими настроениями, совсем обойдя молчанием роялистов, было бы методологически неправильно.

Ничто не дает такой картины полного окостенения, духовной и политической смерти, как идеология и психология подавляющей массы роялистов в этом, 1795 г. Как уже упоминалось выше, они самым искренним образом абсолютно ничего не понимали, ничего не желали понимать в происшедшем землетрясении и, ослепленные классовой ненавистью, надеялись повернуть назад колесо истории. Впрочем, с их точки зрения, и землетрясения никакого не было. Просто, один предатель — швейцарский гугенот Неккер — толкнул Францию в пропасть; другой предатель — Филипп Орлеанский — строил козни против королевы; слишком добрый и слабый король своими уступками погубил себя и своих; европейские монархи действуют слишком вяло и своекорыстно, иначе они давно уже были бы со своими войсками в Париже; злодеи уже начали резать друг друга, значит, скоро конец. Самое главное — не уступать.

Эмигранты нисколько не интересовались всеми перипетиями, конвульсиями и зигзагами грандиозной трагедии, развертывавшейся на покинутой ими родине. Неккер хуже Мирабо, Мирабо ненавистнее Робеспьера, непременно нужно повесить Лафайета, и очень жаль, что за смертью Мирабо нельзя будет и его подвергнуть той же участии. Еще до 10 августа кое-как знали ход событий (хотя и тогда ничего в них не понимали), но после падения монархии все происходившее превратилось для эмигрантов в какую-то бесформенную кучу обломков и обрывков. Имена, даты, факты — все сливалось в темную мешанину. Чтобы взглянуться в события и настроения вантоза II года, 9 термидора, жерминаля и прериля III года, необходимы были сила и напряженность внимания, на которые большинство этого в полном смысле если не нравственно, то умственно отжившего класса было уже неспособно. Чтобы уразуметь смысл этих событий, требовалась широкий кругозор и энергия мысли, которых в наличности было еще меньше. Эмигранты с гневом и презрением отворачи-

вались от всякого, кто советовал им идти на те или иные компромиссы; в их среде был, например, очень непопулярен один из немногих умных людей этого круга, Малледю-Пан. Купить вождей термидорианской реакции, чтобы с их помощью, путем внезапного переворота, овладеть Парижем; купить важного военачальника вроде Пишегрю, чтобы повернуть штыки против Конвента, — дальше этого их тактическая изобретательность не шла. Лишь бы снова водвориться, а дальше уже никаких вопросов, сомнений, колебаний не будет и быть не может: абсолютная монархия с сильно укрепленным сословным началом, восстановление старых порядков, беспощадная расправа со всеми сколько-нибудь активно замешанными в революции. При таком умонастроении не все ли равно, почему Антуанское предместье пошло на Конвент и почему Конвент победил? Все это — домашняяссора одних злодеев и разбойников (*scélérats, brigands*) с другими. В частности, роялисты совершенно не понимали ни новой буржуазии (как, впрочем, в свое время, в годы Тюрго, не понимали и старой), ни вождей термидорианского Конвента. Они не понимали, что буржуазия скорее согласится на повторение революционного террора, чем на восстановление неограниченной дворянской монархии; что Баррас, Тальен, Фрерон, Бурдон и т. п. могут быть запятнаны какими угодно пороками, но не грешат ни трусостью, ни глупостью, а поэтому твердить им по всякому поводу (или без всякого повода), что лично они непременно будут повешены в случае реставрации, не значит приобретать в их лице сторонников монархии. Трудно — да в данной работе и неуместно — проследить, как образовалась и окрепла эта гибельная для роялистов психология, трудно решить, насколько тут повлияла глубокая вера в неминуемую победу иностранной интервенции, после которой незачем будет разговаривать ни о каких компромиссах. Достаточно сказать, что роялисты сами и очень скоро озабочились свести к нулю все те политические выгоды, которые, казалось, сулила им реакционная ярость собственных классов и термидорианского Конвента после жерминальских и особенно после прериальских событий.

Пока еще был жив маленький дофин, его дядя, Людовик-Станислав граф Прованский, был несколько стеснен в своих изъявлениях. Но как только дофин умер, новый

претендент поспешил выпустить «манифест», который сам по себе способен был убить всякие возможности реставрации, если бы такие существовали. Основная мысль графа Прованского, которую он выражал много раз и до и после этого манифеста (например, в письме к вождю Вандеи Шаретту), заключается в том, что, взойдя на прародительский престол, он согласен будет, пожалуй, оказать снисхождение некоторым за блудшим, но будет непримирим с за блудными. Другими словами: частичную амнистию он даст, хотя и исключит из нее «цареубийц», но никаких ограничений своей власти, никаких политических компромиссов не допустит. Такими заявлениями претендент ожесточал, раздражал, пугал, отталкивал от себя и от своего дела и собственнические деревенские круги, и городскую буржуазию, не говоря уже о рабочих, не говоря также и о том, что самые деятельные и энергичные из термидорианцев участвовали в 1793 г. в январском процессе Людовика XVI и, следовательно, им, как «цареубийцам», оставалось ждать от реставрации только веревки.

Напрасно лорд Гренвиль деликатно, но определенно старался дать понять Людовику, что следует не только обещать широчайшую амнистию, но и не исключать из нее даже «цареубийц», ибо многие из них, мол, часто бывали несвободны в своих втумах и только не имели мужества противиться большинству. Их не следует доводить до отчаяния, а, напротив, нужно обнадежить, заверив, что большими заслугами они могут загладить «величайшее преступление»¹³⁰. Другими словами: англичанин понимал всю нелепость поведения эмигрантов, которые определенно сулили, в случае своей победы, казнь именно тем лицам, которые в 1795 г. являлись лидерами конвентского большинства и правительственный комитетов. Характерно, что претендент вообще даже и не намекал на желание как-нибудь сблизиться с термидорианцами, найти общий язык с ними: он не выражал по их адресу ничего, кроме презрения, и глумился над их слабостью»¹³¹.

Все сколько-нибудь разумные люди из эмиграции (их, впрочем, было, по свидетельству самих эмигрантов, очень немного) сразу поняли нелепость этого королевского воззвания. Калони, например, не скрывал своего огорчения, за что и был прославлен дезертиром, изменившим дому Бурбонов¹³².

Вот образчик того, насколько претендент ровно ничего не понимал в настроениях и событиях 1795 г. 24 вантоза (14 марта) французам удалось захватить на море корабль, на котором они нашли письмо, адресованное Людовику графу д'Аркурю в Лондон. «Я не могу сомневаться, — читаем мы в этом письме, — что Тальен склоняется к монархии. Но мне трудно верить, чтобы это была настоящая монархия (*la royauté véritable*); и какие бы видоизменения он ни внес, несомненно, что все конституционисты 1791 г. за нее уцепятся (*s'y accrocheront*)»¹³³. Другими словами: претендент уже нисколько не сомневается, что руководящие силы Конвента, вроде Тальена, жаждут реставрации Бурбонов, но они хотят конституционной монархии, а он, Людовик, желает восстановления неограниченной королевской власти и на конституционных монархистов смотрит с презрением. Все это был политический бред; даже и ограниченная конституционная монархия Бурбонов встретила бы в 1795 г. жестокое сопротивление, мечтать же о восстановлении дореволюционного режима могли только люди, лишенные тени здравого смысла и ощущения реальности.

Роялисты-эмигранты как-то мало отдавали себе отчет в том, до какой степени они за несколько лет революции стали чужды и не нужны новой Франции, психологически чужды, потому что социально не нужны. Может быть, в самые светлые свои минуты догадывался об этом Малле-дю-Пан, и тогда это настроение проявлялось у него раздраженными укоризнами по адресу окружавших его великосветских и военных фантазеров. Но и он гнал от себя эту удручающую мысль. Дело в том, что сложный конгломерат социально-консервативных слоев, куда прежде всего входила громадная новая буржуазия, от денежных своих верхов, от негласной биржи и банков и улицы Вивьен до мелкого и мельчайшего собственнического крестьянства, — требовал установления крепкой власти, «обуздывающей» рабочих, исправно действующего и охраняющего новое право административного механизма, суда, защиты принципа и практики неограниченно свободной конкуренции во всех многообразных отношениях торгово-промышленной жизни; требовал прежде всего условий, нужных для промышленного прогресса, наконец, успешной внешней политики, которая дала бы новому,

возникшему уже при революции, капиталу возможность планомерно и целесообразно эксплуатировать соседей, в первую очередь Бельгию, Голландию, Северную Италию, Рейнланд. А с чем шел роялизм, о чем открыто говорила эмиграция, что сулил в своих официальных «манифестах» претендент на французский престол? Они шли не утверждать и кодифицировать новое, созданное революцией право, а восстанавливать старое, ради разрушения которого и началась революция; они по-прежнему хотели видеть свой оплот в дворянстве; они отнюдь не раскаивались в бесчисленных нелепостях, учиненных ими до и во время революции, а, напротив, призывали к покаянию весь народ, всех французов, кроме себя самих; наконец, их теснейшая зависимость от всех иностранных держав, восставших против революционной Франции, и, в первую очередь, от Англии и Австрии, внушала уверенность, что в случае реставрации монархии все завоеванные или полузавоеванные революционной армией территории будут возвращены прежним владельцам. При этих условиях Бурбоны могли рассчитывать не на новые, очень большие, социально-могущественные силы, не на новую буржуазию, не на новое крестьянство (о случайных местных или временных исключениях я тут не говорю), а всего только на часть дворянства и духовенства. Социальные же классы, наперед враждебно настроенные против всякого воскрешения робеспьеровских времен, выдвинувшие своим лозунгом охрану «жизни и собственности», готовые беспощадной рукой раздавить всякое движение, идущее из рабочих предместий столицы или возникающее в провинции,— эти классы шли не за чуждыми, ненужными и враждебными им роялистскими лозунгами, а за совсем другой программой, носителями которой оказывались люди, непременно вышедшие из революции. Эти новые вожди могли быть и прикачивать революцию, как делали это сначала термидорианцы в Конвенте, потом Директория; могли желать и вовсе ее убить, как генерал Бонапарт, но должны были во что бы то ни стало продолжать ее дело, учитывать ее наследство; мало того, они должны были действовать так, как если бы до 1789 г. во Франции не было ничего, как если бы история государственного бытия страны началась 17 июня 1789 г., в день, когда Генеральные штаты объявили себя Нацио-

нальным учредительным собранием; наконец, они должны были продолжать (и продолжали) внешнюю политику робеспьеровского Конвента. Много лет спустя, когда исторические судьбы на короткий срок все же привели Бурбонов на французский престол, то этот престол, как правило, не тогда же указал склонный к иронии Жозеф-де-Местр, оказался вовсе не «прадительским», а бонапартовским, ибо «прадительский» рассыпался бы в один день при первой попытке его восстановления. Все, что ввел Наполеон, осталось в силе при реставрации Бурбонов. Но в 1795 г. Бурбоны и их приверженцы еще мечтали именно о прадительском престоле, никому, кроме них, не нужном и уже тогда совершен но невозможном.

Куда же было идти молодому поколению новой буржуазии, новых собственнических слоев? Под чьим знаменем толпились эти «молодые люди» (*jeunes gens*), эта «золотая молодежь» (*jeunesse dorée*), эти «мюскадены» (*muscadins*), — словом, все те, кто под этими разнообразными наименованиями одинаково наполнял шумом своих скандалов Париж, Лион, Бордо, Марсель, Орлеан, Лилль и множество других мест? В массе своей они не были убежденными роялистами, и один из их вождей и организаторов, Жюльян, утверждает в своих воспоминаниях, что они просто совсем не знали ни Бурбонов, ни роялистов, да, пожалуй, не очень хотели знать; реальной и симпатичною силою были для них термидорианцы, низвергнувшие Робеспьера и захватившие власть в свои руки, — за термидорианцами они и пошли. Но, разумеется, были между мюскаденами и вполне определенные роялисты, стремившиеся даже внешним своим видомходить на шуанов и, по совести, считавшие приемлемыми лишь те политические директивы, которые исходили от эмигрантского двора.

Эмигранты-роялисты, разумеется, многократно пробовали использовать в целях агитации голод. Но вели они это дело в высшей степени неумело. То они объясняли все прямым воровством властей, то хотели раздразнить провинцию, уверяя, что ее грабят ради прокормления столицы, то манили надеждой на роялистский переворот, в случае которого все государи и народы Европы помогут Франции и разделят с нею свои продовольственные за-

пасы¹³⁴. Все это было ребячески нелепо. И в этих своих начинаниях эмигранты лишний раз обнаруживали свое полное непонимание того, чем стал французский народ после шести лет неслыханной политической бури. Ненависть их ко всему, что произошло во Франции начиная с 1789 г., была беспредельна, им хотелось бы искоренить все, вплоть до слов и понятий, возникших и укрепившихся в эту эпоху¹³⁵. Некоторые из них, вроде князя Жюля Полиньи, дожив до 1830 г., даже и тогда остались при убеждении, что монархия Бурбонов должна быть абсолютной и что великая революция была плачевным, но легко исправимым недоразумением. Чего же было требовать от них в 1795 г.? И как могли они понимать разницу между Роммом и Тальеном, когда они отказывались относиться по-разному к Неккеру и Робеспьеру, к Лафайету и Марату?

Вчитываясь в мемуары и публицистику, исходящие от эмигрантов, я пришел к заключению, что они ничего не знали ни о готовившемся движении предместий в жермини нале, ни о назревавшем таком же движении в прериалье, что они вообще, за единственным исключением Малле-дю-Пана, даже *post factum*, задним числом, ничего не поняли в характере и смысле этих движений. Не потому, конечно, что они считали по существу невозможным насильственное низвержение термидорианского правительства. На против, никогда, кажется, ни до, ни после 1795 г., они не были так предприимчивы и бодро настроены. Ведь именно на этот год (на середину августа 1795 г.) выпало такое событие, как начало тайных переговоров генерала Пишегрю с агентом дома Бурбонов, Фош-Борелем; летом, (в июне 1795 г.) произошла дерзкая по замыслу, единственная за весь революционный период высадка вооруженного отряда эмигрантов на западном берегу Франции, в Клероне; попозже (в октябре) произошла попытка открытого выступления на улицах Парижа (13 вандемьера). Все эти события страшно волновали умы в эмиграции. Но жерминиаль и прериаль, предшествовавшие всем этим событиям, эмигранты почти совершенно проглядели.

Иключение и тут составлял уже не раз упоминавшийся Малле-дю-Пан. Более наблюдательный, чем другие, хотя и впадавший сплошь да рядом в самые изумительные ошибки, он регулярно доносил о положении Франции

португальскому послу Сузу (в Берне). Эти донесения, опубликованные в 1897 г. Франсуа Декостом, очень существенно дополняют то, что мы уже знали из литературного наследия Малле-дю-Пана. Парижский рабочий люд и вообще «простонародье», констатирует автор донесений, живет впроголодь, питается двумя унциями хлеба и риса, залежалыми селедками, салатом на плохом масле и т. д., даже бунтует (донесение написано под впечатлением прериала) и все-таки не хочет восстановления монархии; эти люди остаются «фанатиками, цареубийцами, якобинцами» (*fanatiques, régicides, jacobins*) и заявляют, что скорее будут есть камни, чем подчиняться королю, что вот только нужно дождаться нового урожая — и спасение близко¹³⁶.

Малле-дю-Пан понимал, конечно, что при непримиримой программе Бурбонов дело роялизма — мертвое и безнадежное предприятие и что под него не удастся подвести сколько-нибудь прочную социальную базу. Он соображал при этом, что сторонников реставрации Бурбонов можно найти только среди «собственников и капиталистов» (так он неопределенно обозначает более или менее крупную буржуазию), да и то с непременным условием принятия хоть части революционных завоеваний, начиная с конституции, «аналогичной конституции 1791 г.». Что касается таких слоев, как ремесленники, «работающие по сумам-сшедшим ценам», деревенские арендаторы (фермеры), заужиточные крестьяне, скупающие эмигрантские земли, то они желают не столько перемены режима, сколько более устойчивого порядка, «каков бы он ни был». Другими словами: на них Бурбонам особенно рассчитывать не приходится. Но хуже всего, с эмигрантской точки зрения, обстоит дело с «простонародьем» (*les bas peuple*). Кого понимает Малле-дю-Пан под этим названием? «Рабочих, каменщиков, кузнецов, возчиков, водовозов, мелких лавочников». Этот довольно путаный перечень достаточно хорошо поясняет, однако, мысль автора. Все подобные люди, «особенно в Париже», остались «по склонности, по привычке» неисправимыми революционерами и всегда готовы пойти за тем, кто «захочет произвести беспорядок». Словом, масса «еще не исправилась», несмотря на опыт пережитых бедствий¹³⁷. Таков смысл всех слов Малле-дю-Пана. Как видим, он в общем верно учел внутренний смысл жерминальских и прериальных событий.

Но он был, повторяю, исключением. Эмигранты ничего в этих событиях не уловили, кроме разве того, что «разбойники» между собой перессорились и что следует поэтому ускорить вооруженный десант при помощи английского флота.

Если бы эмигранты в своей массе умели хоть издал и наблюдать; если бы они, например, умели внимательно читать приходившие из Парижа газеты с более или менее подробными протоколами заседаний Конвента, то уже это одно могло бы внушить им скептическое отношение к идеи о скорой реставрации. В термидорианском Конвенте никогда и речи не было о сколько-нибудь отрицательно и оценке какого бы то ни было большого революционного дня из первых трех с половиной лет революции. Не только 14 июля 1789 г. (взятие Бастилии), не только 5 и 6 октября того же года (перевезение королевской семьи из Версаля в Париж), не только 10 августа 1792 г. (извержение монархии) и 21 января 1793 г. (казнь короля) — поминались как славные даты французской истории, но даже сентябрьские события 1792 г. стали вспоминаться с укоризною больше после жерминаля и прериала. Во всем, что касалось борьбы с монархией и установления республики, термидорианский Конвент, в лице своего руководящего большинства, стоял на почве революционной традиции; в этом смысле были или старались казаться солидарными с уцелевшей «вершиной» Горы как изменившие ей монтаньяры, так и возвращенные жирондисты. Если была революционная дата, о которой в термидорианском Конвенте принято было говорить всегда с негодованием, с искренним или притворным ужасом, то это было 31 мая — 2 июня 1793 г., — день политической гибели Жиронды. Любопытнее всего, что так говорили об этом дне не только спасшиеся жирондисты (что было бы вполне естественно), но и бывшие монтаньяры, которые тогда толкали жирондистов на гильотину, а теперь сидели с ними рядом и старались перекричать их, когда требовалось выразить возмущение по поводу тогдашних событий. Жирондистов это соседство и это лицемерие ничуть не возмущали, тут не до возмущения было; их, напротив, радовал этот неожиданный союз с недавними смертельными врагами. Ведь не следует забывать, что никто даже и приблизительно не знал завтрашнего дня, никто не мог сказать,

не повторится ли завтра 31 мая, не суждено ли уцелевшим жирондистам отправиться вслед за погибшими товарищами. Вулкан еще действовал, еще слышно было затаившееся, но все еще грозное клокотание стихии. Прочна ли победа, одержанная 9 термидора? Действительно ли этот день был началом нового исторического периода? Современники вовсе не были так в этом уверены, как иной раз прикидывались, когда им приходилось говорить о свержении Робеспьера.

Во всяком случае, было ясно одно. Если в стране или, точнее, в столице существуют силы, способные и дать бой Конвенту и отомстить за 9 термидора; если 9 термидора революция не убита, а только ранена, то ближайшая схватка непременно произойдет в виде нового 31 мая, т. е. в виде массового движения части парижского населения, прежде всего рабочих парижских предместий, направленного против Конвента с целью очистить его от реакционных элементов, конкретнее говоря, с целью захватить это верховное учреждение и осуществить через него посредство монтаньярскую программу, быть может, с некоторыми дополнениями. Провинция, в подавляющем большинстве случаев, грозила скорее роялистскими восстаниями (приэльских тулонаических событий не предвидели). Рабочие предместья столицы,— вот откуда ждали нового революционного удара. Никто не сомневался также, что во всяком случае дело будет идти не об уничтожении, а только о захвате государственной машины и ее руководящего аппарата. Таким образом, в рассматриваемый период призрак точного повторения 31 мая 1793 г. все время стоял перед глазами термидорианского Конвента, и когда зимою и весною 1794—1795 гг. эта дата кстати и некстати поминалась как исходная точка всех бедствий, то это не делалось в качестве простой исторической справки, а с явно агитационными целями: помните, как бы говорили ораторы, что если вы не убережете Конвент от нового покушения, то вам предстоит снова пережить долгий период террора и всего, что последовало за 31 мая 1793 г.; помните, что легче защитить Конвент в момент попытки его захвата, чем бороться против Конвента после того, как он сделается опять орудием новых Робеспьев. Вот к чему сводилась эта агитация и эти настойчивые напоминания о 31 мая. К кому же обращалась эта агитация? Ра-

зумеется, не к будущим инсургентам, не к рабочим предместьям, не к одинокой «вершине», где засели, ожидая своего часа, предполагаемые вожди будущего восстания. Против них готовились военные суды и гильотина. Агитация же рассчитана была на буржуазную массу в городе, на собственническую крестьянскую массу в деревне, на все те социальные слои, которые по тем или иным причинам считали, что их жизни или собственности или той и другой, может быть опасна победа монтаньяров.

Этим слоям необходимо было внушить, что новое 31 мая может для них оказаться еще более роковым, чем прежнее. Непосредственно же требовалось внушить эту мысль той безличной массе депутатов, тому «болоту» Конвента, которое являлось как бы политическим представительством городских и деревенских имущих кругов. Это «болото» в свое время поддержало монтаньяров вовсе не из одной только трусости перед восстанием 31 мая, но, может быть, гораздо больше потому, что жирондистская программа, по мнению многих из них, грозила расчленением Франции и, в конечном счете, победою роялистов,— а целостного воскрешения старого строя не желали ни буржуазия, ни главная масса крестьянства. В этом смысле они и теперь, в 1795 г., не изменились, вот почему, чем нелепее и откровеннее заявляли о своих претензиях эмигранты, тем настойчивее и отчетливее термидорианскоe правительство должно было, с одной стороны, подчеркивать, что оно ни в каком случае не допусгит реставрации монархии, а с другой стороны, указывать, что на этот раз для борьбы с роялистами незачем снова отдавать власть монтаньярам, что монтаньяры на этот раз окажутся для всех собственнических классов «новой Франции» такими же, если не худшими, врагами, как и роялисты. Конечно, атмосфера благоприятствовала постепенному внедрению монархических симпатий в некоторой части собственнических кругов. Но тут, как мы видим, на выручку республике пришли сами роялисты. Именно в 1795 г. своими речами и поступками они, точно по заказу, точно желая доставить торжество своим врагам, постарались воочию показать, насколько сами-то они неприемлемы, а главное, не нужны ни имущим классам, ни неимущим, ни городу, ни деревне.

III

Роялисты не рискнули показаться на улицах Парижа под собственным своим знаменем ни в жерминале, ни в прериаляе. Если они участвовали тогда в активной борьбе, то в рядах так называемых мюскаденов, или золотой молодежи. В эпоху термидорианской реакции мюскадены составляли очень заметное явление парижской улицы (провинциальных мюскаденов мы здесь оставляем в стороне). Это были представители молодого поколения отчасти буржуазии, отчасти уцелевшего дворянства, отчасти, по-видимому, и других слоев населения: были между ними и служащие разных торговых и промышленных предприятий, были и молодые чиновники. Социальный состав их никогда не подвергался критическому анализу ни со стороны современников, ни со стороны позднейших историков. Мне не удалось также набрести на какие-либо сырье материалы, которые позволили бы произвести исчерпывающим образом подобный анализ. В зиму 1794/95 г. и весну 1795 г. группы этой молодежи были настроены очень враждебно ко всему, что так или иначе было приковано к якобинцам, к монтаньярам, к эпохе 1793—1794 гг. до 9 термидора. Между ними, наряду с людьми, стоявшими на термидорианской, но все же республиканской точке зрения, были, как я уже отмечал, и бесспорные роялисты, горячо сочувствовавшие шуанам, эмигрантам, готовившейся высадке в Бретани, были люди, для которых, как для крайних элементов роялистской эмиграции, в революции было ненавистно все, начиная с созыва Генеральных штатов и кончая тем же Тальеном или Баррасом, — и новые слова в языке, и новые названия месяцев, и деление Франции на департаменты, все, вплоть до побед революционной армии над австрийцами и пруссаками. Возможно, что именно наличие этих элементов среди мюскаденов и ослабляло их значение, отталкивая от них часть собственных кругов и суживая социальную базу, на которой они могли бы крепнуть и действовать. Как бы то ни было, в первые времена своего существования мюскадены старались не выставлять на показ свой роялизм, а, напротив, не раз подчеркивали свое сочувствие термидорианскому Конвенту. И они действительно являлись усердными помощниками правительства, поскольку оно добивало якобинский клуб, попустительствовало избиениям монтанья-

ров в провинциальных тюрьмах, преследовало деятелей дотермидорианского режима.

Слово *muscadin*, осуждающий эпитет, который в то время только входил в употребление, нуждалось уже тогда в пояснениях; автор одной брошюры о жерминале выводит это слово из Лиона, где оно обозначало приказчиков и служащих в москательных лавках¹³⁸.

Лионский историк Риффатерр не так давно доказывал, что слово *muscadin* для обозначения врагов революции было впервые пущено не монтаньяром Шабо, как утверждал в 1803 г. в своей брошюре Болье¹³⁹, но родилось в Лионе, в феврале 1793 г.; еще раньше, в августе 1792 г., в том же Лионе было уже в ходу выражение — *le gendarme muscadin*. Так в насмешку называли гренадер, вербовавшихся среди зажиточной лионской буржуазии и одетых гораздо щеголеватее, чем солдаты других воинских частей, происходившие из бедноты. Это насмешливое прозвище было особенно популярно среди рабочих лионской шелковой промышленности, которые видели, что ненавистные им приказчики сплошь шли в гренадеры. Риффатерр правильно отмечает, что лионские рабочие смотрели в то время на этих гренадер не как на защитников родины, а как на защитников богачей против бедняков¹⁴⁰.

Слово *muscadin* получило особую популярность после 9 термидора; с весны 1795 г. оно было у всех на устах. В эту зиму 1794/95 г. ни одно публичное выступление контрреволюционного характера не обходилось без участия мюскаденов. Они выбросили в клоаку бюст Марата, поставленный на Карусельской площади. Они учинили почти ежевечерние скандалы в театрах, освистывая Марсельезу, угрозами заставляя артистов исполнять входивший тогда в моду гимн термидорианской эпохи *Réveil du peuple*. Они, собравшись толпою до двух тысяч, повторными нападениями разгромили 19—20 брюмера помещение клуба якобинцев, избили палками многих присутствовавших, подвергли истязаниям женщин. Более мелким их выступлениям, вошедшим в обыденную жизнь термидорианской эпохи, нет числа. Пунктом сбоя в этой молодежи был первоначально Пале-Рояль¹⁴¹. По-видимому, их организованность и сводилась к обязательству быть в установленный час в условленном месте для участия в той или иной демонстрации, в том или ином нападении.

Зимою 1794/95 г. они сделали прямо немыслимым появление на улице особенно неназистных им «якобинцев». Свидетели (притом дружественно расположенные к этой «золотой молодежи») рисуют такую картину. Молодые люди публично оскорбляют, преследуют на улицах и площадях, в кафе, в театрах, словом, всюду, где встречаются членов Конвента, вотировавших в январе 1793 г. смерть королю, и вообще якобинцев и террористов, — и те должны уступать, отвечать молчанием, стушевываться, покидать общественные места¹⁴². Дело в том, что мюскадены ходили вооруженными бандами по нескольку человек и к тому же были уверены в благосклонности и поддержке полиции. Они любили носить особые костюмы, вообще одевались очень изящно, даже изысканно, явно щеголяя этим и как бы желая показать, что они своей наружностью воскрешают дореволюционные времена. Их враги мало их уважали, отмечая, что эти молодые борцы обыкновенно где-то прятались, пока бороться было опасно, и выступали лишь тогда, когда оставалось быть лежачего¹⁴³. Среди мюскаденов были лица, потерявшие родных и близких в эпоху террора 1793—1794 гг., и это обстоятельство, конечно, давало повод всей этой организации (если можно тут употребить это слово) считать себя как бы исполнительницей правосудной кары над теми, кто владычествовал перед 9 термидора. Своими безобразиями, от которых страдали все прохожие, почему-либо показавшиеся им якобинцами, своими дикими выходками, вроде сбрасывания людей в бассейны, сбивания их с ног, ежедневных избиений и т. д., эта «золотая молодежь» терроризовала в то время и Париж, и Лион, и Бордо¹⁴⁴. По-видимому, одним из их организаторов был Ферон¹⁴⁵. Это многократно утверждали его враги, и сам он открыто этим хвалился в те моменты, когда подобная похвальба была выгодна, например, вечером 4 прериала. Недаром мюскаденов часто называли «фероновской молодежью».

Мудрено, впрочем, сказать, насколько он реально участвовал в их организации. По утверждению одного очень наблюдательного современника (Бодо), Ферон скорее пользовался только титулом начальника «золотой молодежи»¹⁴⁶, да и не способен он был к роли реального организатора боевого политического движения. Для этого он слишком был актером, и притом склонным к истерике.

Роялистский дух был особенно силен среди провинциальных мюскаденов — в Лионе, Марселе, Бордо. Типичным представителем этого рода «золотой молодежи» был знаменитый в свое время Шодрюк-Дюкло, много безобразничавший в описываемую эпоху в Бордо и впоследствии, уже при Наполеоне, надолго засаженный в тюрьму стараниями министра полиции Фуше, не нуждавшегося в столь непримиримых личностях. Характерно, что и Бурбонам, по их возвращении в 1814 г., а потом в 1815 г., Шодрюк-Дюкло, при всем своем яром легитимизме, тоже оказался не нужен, и он умер, в конце концов, нищим в буквальном смысле слова в канаве. Это-то и знаменательно, что программа чистого легитимизма была абсолютно беспочвенна и что приверженцы ее выталкивались из жизни при любом режиме, даже именовавшем себя «легитимным». Тем не менее, как раз в 1795 г., 13 вандемьера, легитимисты, как уже упомянуто, были полны предприимчивости и оптимизма, под их-то влиянием главным образом деятельность мюскаденов в рассматриваемую эпоху, накануне и в особенности после жерминаля и прериала, стала принимать особенно беспокойный и резко провокационный колорит.

Против кого же непосредственно, в первую голову, боролись мюскадены? По позднейшему признанию одного из их главарей, они понимали под «революционным народом» именно рабочих: «собрание нескольких тысяч рабочих или чернорабочих», которые, по их мнению, вследствие своей темноты и необразованности всегда были для политических партий орудием устрашения, а иногда и избиения противников¹⁴⁷. В газетах, в полицейских донесениях, в воспоминаниях современников, соучастников, врагов и друзей мы чаще всего встречаем именно это противоположение: рабочие — «золотая молодежь», рабочие — мюскадены. Но эти последние, как и их вдохновители, не теряли, по-видимому, надежды переманить часть рабочих на свою сторону, чтобы сообща с ними удастся затем на ненавистных якобинцев. Как ни фантастична была такая надежда, одно время с нею кое-кто носился.

Мысль о пропаганде среди рабочих, об отвлечении их от якобинцев и т. д. несомненно назревала среди части мюскаденов незадолго до 12 жерминаля. Об этом свиде-

тельствует целый ряд документальных данных¹⁴⁸. Обращаясь к рабочим, пытаясь установить с ними «дружественные» отношения, мюскадены прежде всего оправдывались от обвинений в роялизме, называли себя республиканцами, уверяли, что борются только против преступников, «анархистов», террористов, убийц и тому подобных¹⁴⁹. Все эти попытки, разумеется, не приводили ни к каким результатам: «экономика», как и всегда, оказывалась убедительнее «политики», уверить голодного рабочего, что спекулянт, наживающийся на его голоде, или хозяин, живущий в сытости и довольстве, — его друзья, было не под силу мюскаденским агитаторам.

Одна из попыток такого сближения вызвала в ответ особую брошюру, написанную якобы от имени парижских рабочих. Умеренность, благонамеренность, оглядка на термидорианское началство — таковы основные черты этого произведения, и было бы, разумеется, весьма произвольно заключать от его содержания и тона не только к настроению всего рабочего класса столицы или даже к сколько-нибудь заметной его части¹⁵⁰. Во всяком случае с этой брошюрой стоит ознакомиться просто потому, что она хорошо вводит в бытовую обстановку момента.

Автор, берущий на себя смелость говорить от имени парижских рабочих, утверждает прежде всего, что они и сами стремятся к единству, согласию и спокойствию, без этого они не могут жить и заниматься своим трудом. Они охотно бы согласились «браться» с мюскаденами (которых устами автора так и именуют «братьями»), слухи о роялизме этих последних они считают «страшной клеветой (calomnie atroce)» со стороны «общих врагов», но у них все же есть возражения и упреки. Зачем молодые люди безобразничают в общественных местах? Зачем рядятся в преувеличении, до смешного изысканные одеяния? Зачем ходят вооруженные? Почему, проповедуя народу необходимость мириться с уменьшением продовольствия, сами они оказываются вдоволь снабженными всем необходимым?¹⁵¹

Брошюра подчеркивает последнюю мысль: «мы хорошо видим, что вы дети состоятельных родителей, которые, вероятно, ведут крупную торговлю и мощные предприятия, раз они не требуют, чтобы вы с утра до вечера были заняты своим делом». Дальше следует иронический совет:

если молодые люди так убеждены в необходимости устраивать взаимное счастье, то не уговорят ли они своих родителей уменьшить цены на товары, не подрывать ценности ассигнаций, не увеличивать дороговизну жизни, скupая по любой цене все, что ни подвернется¹⁵². Тут мы видим стрелу, пущенную именно в крупную, спекулирующую на товарах, буржуазию. После этих фраз звучит сухой, беглой, как бы казенной отпиской выпад против якобинцев¹⁵³: автор брошюры вложил слишком много яда и горечи в свой протест против «братьев»-мюскаденов, чтобы можно было придавать особенную веру его желанию бороться с якобинскими «негодяями»: ведь он укоряет «молодых людей» именно за их активное выступление, за устройство разных облав и нападений на «тех, кого им угодно именовать кровопийцами», за демонстрации в театрах, где они навязывают исполнителям контрреволюционный, «провокационный» гимн, называемый, «неизвестно почему», пробуждением народа, и т. д.¹⁵⁴ Правда, благонамеренный автор и сам готов при случае донести на тех или иных «якобинцев», но видит в этом только исполнение «печального долга»¹⁵⁵.

Возможно, что вся эта брошюра соответствовала в той или иной степени психологии иного мелкобуржуазного потребителя, раздраженного недоеданием, втайне уже начинаящего жалеть об уничтоженном максимуме, завидующего всем этим Тальенам, Феронам, банкирам, спекулянтам и ненавидящего их, но вместе с тем боящегося и возвращения якобинской диктатуры. Этот раздраженный обыватель, во всяком случае, ни в малейшей степени не связан ни в настроениях, ни в фразеологии с теми, кто в жерминale и прериаляе двинулся из рабочих предместий на Конвент. Те «рабочие», от имени которых он якобы беседует с мюскаденами, больше похожи на мелких лавочников, на ремесленных хозяев и т. п., чем на подлинных рабочих. Разумеется, и в жерминale и в прериаляе мюскадены оказались в первых рядах врагов рабочих предметов.

Замечу, что если явно немыслимо было привлечь рабочих на сторону «золотой молодежи», то и с точки зрения ее несомненных друзей необходимо было избавить ее от слишком компрометирующего налета роялизма и вообще несколько умерить скандальность ее поведения.

В том же, 1795 г. некий Пенсе, назвавший себя «старцем», выпустил небольшую брошюрку, в которой преподавал «молодым людям» ряд благожелательных советов. Без излишней скромности он рекомендует соблюдать эти советы еще рачительнее, чем десять божьих заповедей. Кстати сказать, этих советов тоже ровно десять¹⁵⁶.

Первый совет: «повинуйтесь законам», — хотя, по признанию автора, они часто бывают плохи. Во-вторых, «уважайте Конвент», не споря о том, не слишком ли долго он удерживает власть, не пора ли ее передать в другие руки. Автор не очень доволен Конвентом, в частности декретом, который объявил Марсельезу национальным гимном. Он понимает возмущение «молодых людей» по этому поводу: ведь при звуках этой песни их близких вели на эшафот¹⁵⁷, но все же почитайте Конвент — «respectez la Convention».

Третья заповедь велит молодым людям прекратить производимые ими безобразия в театрах (*ne troublez pas les spectacles*), даже когда они слышат там ненавистную Марсельезу или требуют исполнения гимна *Réveil du peuple*. Тут, правда, «старец» с горечью напоминает, что первого прериала именно те, кто хотел уничтожить Конвент, пели Марсельезу, а их противники защищали Конвент при звуках *Réveil du peuple*¹⁵⁸, — но все же не следует «превращать театры в рынок (*transformer nos théâtres en halles*)».

Четвертая заповедь гласит: «никого не оскорбляйте» — иначе говоря, рекомендуется прекратить нападение на граждан в публичных местах, даже если эти граждане заслуживают «порицания и самой горькой критики». Далее: «ходите в секции», чтобы там воздействовать на общественное мнение. Затем идет совет очищать собственную среду от подозрительных элементов, которые туда пробираются с разными предательскими целями. «Презирайте оскорблений (*méprisez les injures*)», т. е. не обращайте внимания, если вас обзывают роялистами. «Будьте всегда мюскаденами, т. е. чисто одетыми, напудренными; и никого не убивайте (*soyez toujours muscadins, c'est à dire vêus prorgement, poudrés; et ne massacrez personne*)».

Эта курьезная фраза, объединяющая столь различные по смыслу «советы», необыкновенно характерна для эпохи и для мюскаденов. «Наблюдайте за террористами», ибо сам «Конвент предлагает доносить на якобинцев, на

преступников, на убийц (*la Convention vous a invité à dénoncer les jacobins, les scélérats, les égorgueurs*)».

Тут «старец» мягко порицает мюскаденов за то, что они подписывали свои доносы, ибо что получилось? Уличенных ими людей сначала действительно арестовали, но потом выпустили под видом «угнетенных патриотов», и теперь террористы знают имена доносивших и при случае с ними расправляются. А потому, если эти люди затеют «новый заговор», пусть мюскадены не дают им пощады¹⁵⁹.

«Будьте в хороших отношениях с линейными войсками», — тем более что заметны старания поссорить армию с мюскаденами. Заметим по этому поводу, что с самого начала термидорианской реакции и во все время Директории слухи о резко антиякобинских чувствах армии, в самом деле, очень сдерживали реакционные течения в столице.

В заключение автор дает молодежи совет «быть единными». Он даже решается прямо рекомендовать ей сопротивляться декрету самого Конвента, если таковой попытается воскресить терроризм (*si... quelque décret... tendait à ressusciter le terrorisme*), и жалеет задним числом, что Конвент не встретил сопротивления 31 мая 1793 г. Первое прериала, подчеркивает «старец», показало, что опасность всегда может возникнуть. Но он надеется на провидение, которое, правда, терпело «пятнадцать месяцев беспримерной тирании», но более одного раза в столетие таких отступлений от справедливости не допускает¹⁶⁰.

В последние дни вантоза и в самые первые дни жерминаля мюскадены вели себя усиленно нагло: нападали на прохожих, наступали им умышленно на ноги, толкали, хватали за шиворот, грозили им палками, а иногда и избивали. Случалось, что они своей властью арестовывали людей и тащили их в Комитет безопасности¹⁶¹. Между тем, если отдельные «якобинцы» могли не выходить в определенные часы на улицу и прятаться, то рабочим трудно было принимать такие меры предосторожности: мюскадены подстерегали их при возвращении с работы, задирали их сначала словесно, а потом нападали и колотили их, выступая обыкновенно лишь там и тогда, где численный перевес был на их стороне.

Г л а в а т р е тъя

«ВЕРШИНА» (ПОСЛЕДНИЕ МОНТАНЬЯРЫ)

Приступая к характеристике левых термидорианцев, нужно прежде всего не забывать, что все-таки они были «термидорианцами» и в роковые дни 8 и 9 термидора были с врагами Робеспьера и тоже погубили его. Неисторично также делать из них каких-то вождей пролетарской массы.

Левые термидорианцы, которых современники объединяли под названием *la crête* (гребень, вершина), сочувствовали и содействовали гибели Робеспьера как «тирана», «Катилических» и т. д., но более или менее скоро они начали понимать истинное значение происшедшего и отшатнулись от тех, кто был главными организаторами и режиссерами термидорианской трагедии. Якобинцы до 9 термидора сыграли огромную революционную роль, отрицать которую было бы глубоко ошибочно. «Последние монтаньяры», сознав трагические последствия своего поведения 8 и 9 термидора, заплатили жизнью за свою попытку поддержать требования народа, вторгшегося первого прериала в Конвент. Но вождями этого восставшего народа они не были.

Мрачными и всличавыми фигурами остались в памяти современников «последние монтаньяры», носители великой идеи, основоположники революционной легенды и традиции. Окруженная яростной злобой, предательством, врагами, алущими ее крови, отбиваясь от жестокой травли, одинокая кучка шла в эти месяцы после 9 термидора — кто к гильотине, кто к кинжалу, кто к могиле в гвианских болотах. Одним оставалось до такой развязки несколько месяцев, другим несколько лет. Кое-кто спасся, и пережив-

шие (уже в 20—30-х, а иные, глубокими стариками, в 40-х годах) еще встречались с представителями нового поколения. Но не все их понимали и не все, говоря о них, нашли подходящий тон.

Эдгар Кинэ этот тон нашел; молодой Маркс с жадностью читал и испещрял пометками воспоминания одного из них, Левассера (*de la Sarthe*). Старший современник Маркса, Герцен, который еще мог и лично познакомиться хотя бы с Тиссо и слышать рассказы Кинэ, знавшего старика Бодо, тоже интересовался событиями 1795 г., но вполне правильного тона как-то не нашел. Если читатель, ничего не зная о Жерминале и прериале, о «вершине» и ее гибели, захотел бы составить себе представление о психологическом типе этих людей по знаменитому герценовскому очерку «Доктор, умирающие и мертвые», то, конечно, впечатление получилось бы не очень верное.

Правда, в данном случае Герцен иронизирует добродушно, мягко, с теплой симпатией, но все-таки недостаточно принимая во внимание, что даже и такая ирония вовсе не приложима ни к людям Жерминаля и прериала, ни даже к их этюдам. Он представил себе некий психологический тип, быть может немного смешной, хотя очень трогательный сам по себе, но имеющий крайне мало общего с настоящими, документально нам известными стариками вроде Бодо или Тиссо, пережившими на 35—40 и больше лет Жерминаль и прериаль.

В своей замечательной речи-статье «Празднество наций в Лондоне» Энгельс приводит высказывание английского чартиста Гарни, который вспоминает с глубоким почтением и горячим сочувствием как Бабёфа, заплатившего жизнью за попытку «создания истинной республики», так и погибших за год до открытия заговора Бабёфа «последних монтаньяров»: «... Я должен еще назвать геройических депутатов — Ромма, Субрани, Дюруа, Дюкенуа и их товарищей; приговоренные к смерти аристократическими предателями Конвента, они, в присутствии своих убийц и бросая им вызов, лишили себя жизни одним и тем же кинжалом, который передавался из рук в руки»^{*}.

Группа монтаньяров, уцелевшая в Конвенте после 9 термидора и окончательно разгромленная в Жерминале и

* К Маркс и Ф Энгельс Соч, т 2, изд 2, стр 596

прериаля, пережила в эти 8 месяцев (от 9 термидора по 12 жерминаля) очень трудное время, и настроения этих людей, из которых столь многих ждали гильотина, Кайенна или тюрьма, были нерадостными. Но не потому только, что они могли считать (и считали) себя обреченными на вероятную гибель в более или менее близком будущем: ведь после казни Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона и их товарищей; после ареста и казни парижского мунципалитета; после целого ряда других арестов, из которых многие были однозначно со смертным приговором; после страшных и вполне безнаказанных избиений крупных и мелких деятелей дотермидорианского периода в провинции; после неистовой травли, которую Фрерон и другие термидорианские публицисты вели в печати, — группа монтаньяров сильно сократилась численно. Сразу отпали все те, которые поддерживали «гору» из страха или из корости, все, кто просто шел за силой, кто, наконец, до 9 термидора поддерживали режим, боясь лично для себя еще худшего, предпочитая существующую диктатуру анархии, возможной в будущем.

После того как все мелкое, трусивое, лицемерно поддакивавшее разбежалось и либо притаилось впредь до выяснения обстоятельств, либо открыто перешло в стан победителей, на «вершине» остались люди, не отказавшие ни от своего знамени, ни от тяжелого наследства. Ни чужой, ни своей жизнью они никогда не дорожили, и не личным их трудным и опасным положением объясняется их угрюмое настроение в эти восемь месяцев. Но оно не обусловливалось также и сознанием крушения их дела. Нет, наступающая реакция была тут ни при чем. Ромм и вся его группа считали, что борьба вовсе еще не закончена. И все же нерадостны их высказывания между 9 термидора и 12 жерминаля, и их вообще совсем уже мало слышно между 12 жерминаля и 1 прериаля. Очень уж труден был для них момент, и очень уж тяжкую ношу взвалила на них история. Нужно было собрать все мужество, чтобы погибнуть с наибольшей пользой для торжества своего дела. В политической обстановке, окружавшей их в эти восемь месяцев (для многих из них — последние в жизни), были налицо два факта, из которых один мог внушить им надежды, а другой, напротив, являлся грозным сфинксом, так и оставшимся для них загадочным до конца.

Оба эти факта касались, однако, основного вопроса: на какие социальные силы, на какие общественные классы могли рассчитывать люди «вершины», продолжая борьбу с реакцией, ведя защиту, мечтая о наступлении?

Прежде всего, у них не было налицо в этот момент никакого конкретного плана немедленных мероприятий экономического характера. Со времени закрытия якобинского клуба (конец 1794 г.) они лишились возможности постоянного общения с теми слоями революционной мелкой буржуазии, представителями которых они являлись.

Монтаньяры, даже самые горячие и искренние, все же убеждены были, что, например, максимум — несправедливая мера и что все его оправдание — лишь в исключительных условиях, причем, возражая обвинителям, говорят они об этой исключительности обстоятельств больше в прошлом, чем в настоящем. Выходит так, что прежде, в 1793—1794 гг., для введения этого «несправедливого» максимума были серьезные основания. Но о том, чтобы можно было ввести его в 1795 г., нет и речи¹⁶². Левассер, например, что чрезвычайно для него характерно, классом, «который дает популярность», считает имено класс буржуазии, пострадавший от максимума и от принудительного займа¹⁶³. Левассер до конца дней своих не любил буржуазию, возмущался тем, что ее часто превозносят (ведь пишет он свои воспоминания уже при Луи-Филиппе), называл ее «самым эгоистическим классом общества» (*la classe la plus égoïste de la société*), противопоставляя ей «народ». И, однако, ему и в голову не могло прийти, что сам он ближе к тем, кого не любит, чем к тем, кого хочет возвеличить и кому симпатизирует. Несправедлив и нецелесообразен был бы реставрированный максимум; допустим. Но если не эта мера, то повсюду требовалась ведь какая-то другая? Или комплекс других мер? Ничего этого у последних монтаньяров в запасе не было.

Вспоминая месяцы, последовавшие за термидором, старый монтаньяр, который так незаменим в своих свидетельствах, справедливо указывает, что «народ» признал себя обманутым, что уничтожение максимума не улучшило, но ухудшило его положение, что буржуазия запомнила относительно прошедших лет лишь об ущербе для своего кармана, о принудительном займе, о максимуме и т. п. —

и поэтому ненавидела их, эпигонов конвентской Горы, уцелевших (до времени) монтаньяров. Только он едва ли основательно полагает, что «народ» продолжал смотреть на этих эпигонов, как на своих «естественных вождей (*ses chefs naturels*)»¹⁶⁴. К парижской массе, во всяком случае, это не относится.

Вспоминая о дожерминальском времени, Левассер признает, что он и его товарищи по «вершине» желали восстания, старались доказать его необходимость, собирались, когда оно произойдет, принять в нем направляющее участие, — но они его не готовили, не организовывали, не заводили никаких сношений, нужных для его организации¹⁶⁵. Этому легко можно поверить. Могли быть (и, наверное, были) люди, пытавшиеся и агитировать в предместьях и организовывать там выступление. Могли быть революционно настроенные лица, которые потом оказались в той или иной мере причастны и к заговору Бабёфа и к нападению на Гренельский лагерь и которые являются, таким образом, как бы скрытой сокровенной связью, объединяющей известной преемственностью все эти выступления.

В жерминальском, а особенно в прериальском выступлениях чувствуется наличие такого скрытого элемента. Но во всяком случае конвентская «вершина» в своем подавляющем большинстве была тут ни при чем, да и не только конвентская «вершина».

По наблюдениям того же Левассера, якобинский клуб зимою 1794/95 г. был уже трупом; влияние его на массы исчезло потому именно, что народ изверился в действенности восстаний, не приходивших к увеличению его благосостояния¹⁶⁶. Другими словами: и якобинцы, бесславно разгромленные, униженные наглыми нападениями мюскаденов и всеми обстоятельствами, сопровождавшими закрытие клуба (21 и 22 брюмера), не решались, не могли, не умели связаться с предместьями, добиться от них хотя бы попыткиказать клубу помочь и защиту от прямых насилий, от палочных избиений.

И все-таки якобинский клуб был более популярен в предместьях, чем конвентская «вершина».

Рабочие Антуанского и Марсельского предместий и других аналогичных кварталов столицы, вроде Тампля или улицы Муфтар, просто не знали последних мо-

таньяров. Это были не только люди чужого и враждебного класса, но и люди чужого, незнакомого быта, другого воспитания, другой жизненной дороги, которая не только никогда не скрещивалась, но и не могла скреститься с дорогой парижского рабочего. Ромм в своем синем рединготе и белом жабо, эрудит и педант, помнивший любезность Екатерины II на аудиенции в петербургском Зимнем дворце, был для разъяренного голодом рабочего, изверившегося в обещаниях и ворвавшегося первого прериала во дворец Конвента, точь-в-точь таким же чужим человеком, как Буасси д'Англа, сидевший в тот момент на председательском месте. Дворянин и офицер Субраны был этому рабочему так же чужд (и поэтому, с первого взгляда, враждебен), как и те пять офицеров, которые потом того же Субраны судили и отправили на гильотину.

Интеллигент и поэт Гужон говорил на языке, который был очень мало понятен толпе голодных женщин, заявлявших, что они пришли в Конвент за хлебом и не уйдут домой без хлеба. Монах Дюкенуа, может быть, в некоторых отношениях был понятнее народной массе предметов, когда был монахом, чем тогда, когда стал депутатом и монтаньяром: потому что в монашеской рясе он мог быть понят как враг; в качестве монтаньяра он был просто незнаком и чужд. Каждый из них был для среднего рабочего барином (или *monsieur*) и как таковой неизвестен индивидуально и подозрителен социально, если можно так выразиться. Трагизм положения монтаньяров, взошедших в прериале на эшафот, усугублялся тем, что рабочие, которых в том же прериале ежедневно казнили на той же гильотине, тщко до конца и не знали и не признали своими защитниками людей, одновременно с ними и по тому же делу погибших. Они были депутаты, т. е. частью той чужой, непонятной, всемогущей государственной машины, того Конвента, на который некогда (например, 31 мая — 2 июня или осенью 1793 г.) можно было влиять непосредственным нажимом, массовой демонстрацией, от которого резкими и повторными требованиями можно было добиться, например, издания закона о максимуме, но который не заключал в своей среде ни одного в самом деле родного рабочим предместиям человека. Юрист Робеспьер или дворянин Сен Жюст оставались для этих предместий

такими же, с бытовой стороны, чужими людьми иного мира, как и те, кого Робеспьер и Сен-Жюст отправляли на эшафот. Но пока Робеспьер был у власти, инстинкт говорил рабочему, что эта власть помнит, что она зародилась после 31 мая — 2 июня 1793 г., которое было немыслимо без выступления рабочих предместий. А 9 термидора прошло без малейшего участия рабочего населения столицы. Этот день, принесший с собой решительный переворот в политике, пришел и прошел без того, чтобы та или другая из боровшихся сторон захотели или успели апеллировать к предместиям. Когда 10 термидора Робеспьера везли на казнь вместе с его друзьями и помощниками, вчерашними владыками Франции, парижский рабочий класс оставался в общем спокоен и безучастен, и даже умышленное мучительство, которое палач успел учинить над раненым Робеспьером за несколько секунд до падения лезвия гильотины, было встречено без малейшего замеченного протеста, без тени негодования или сожаления. И если оставалась в первые дни хоть какая-нибудь легенда, хоть какая-нибудь несколько дней длившаяся молва о погибшем, то это была кем-топущенная, со злорадством повторявшаяся бессмыслица о тайных замыслах Робеспьера жениться на сидевшей в Тампле дочери Людовика XVI. Потом и об этом забыли. Вспоминать о нем стали в рабочих предместьях (судя по полицейским донесениям и другим источникам) только в те месяцы долгой и люто голодной зимы 1794/95 г., когда оказалось, что жизнь стала еще голоднее, чем при Робеспьере, что, впрочем, голодно живут не все; что если в Антуанском и Марсельском предместьях матери кончают самоубийством вместе с грудными детьми, не выдерживая мук голода, то зато в других кварталах появились богатые кареты, танцевальные залы, кондитерские, рестораны, где подают изысканные кушанья и тонкие вина.

Обида и злоба на верховную власть, на тот же Конвент, все возрастали и возрастали. Различить в этом всемогущем, чужом и ненавистном учреждении сиротливую кучку монтаньяров, до времени избежавших гильотины; понять, что эти люди — какой-то Ромм, какой-то Дюкея, какой-то Субран и еще несколько человек, им подобных, не солидарны с большинством, что они больше друзья голодающего трудового люда, чем те, у кого в ру-

ках власть, — узнать и понять все это оказалось среднему парижскому рабочему совсем не под силу.

И действительно, эта кучка монтаньяров, морально осажденная в Конвенте смертельными врагами, провоцируемая и оскорбляемая каждый день и возвращенными жирондистами, и безличною массой (которая прежде раболепствовала перед Робеспьером, а теперь угождала термидорианцам), и, больше всего, ярыми, безудержными бывшими товарищами — монтаньярами-ренегатами, эта кучка сидевших на «вершине» людей была и в самом деле не родной для рабочих предместий. Мелкая буржуазия, адвокатура, провинциальное дворянство, низшее духовенство, мелкое и среднее чиновничество старого режима, — вот социальная бытовая среда последних представителей монтаньярской идеи. Дело было не только в том, что Жильбер Ромм умел с интересом разговаривать с императрицей Екатериной и не знал, как и о чем говорить с сант-антуанским столяром.

Главное заключалось в том, что для последних монтаньяров рабочие в сущности были прежде всего средством и оружием. Единственная общая, реальная, серьезная — пусть не удавшаяся в значительной степени — попытка ограничить свободную конкуренцию, наложить узду на спекуляцию, призвать к порядку финансистов и капиталистов, помочь голодающему, обнищавшему потребителю, — словом, единственная за весь ранний дотермидорианский, точнее, довантозовский период попытка крупной меры социального законодательства заключалась в введении максимума, таксации предметов потребления. И эта мера была на языке управлявшемуся монтаньярско-му Конвенту парижскою голодающей массою. Только в этом случае масса взяла на себя инициативу, толкала колебавшихся и управлявшихся революционных законодателей. В других случаях, когда речь шла о завоевании, удержании, укреплении своей политической власти, о проведении своей политической программы, о потребностях внутренней и внешней войны, — монтаньяры сами шли к массе, искали ее поддержки, звали ее на выступления. Они могли, конечно, сказать, что их политическая программа, их тяжелая и колоссальная борьба с врагами республики тоже были, в последнем счете, нужны этим массам парижских предместий, клонились и к их благу, и к их защите, но,

во всяком случае, не только после 9 термидора, но уже и до этого дня рабочая масса не ждала и не получала от Конвента ничего, что сколько-нибудь непосредственно клонилось бы к удовлетворению ее материальной, все обострявшейся нужды. И Ромму с товарищами тоже не пришло в голову выдвинуть, хотя бы в виде идеала, какую бы то ни было экономическую программу, хотя сколько-нибудь способную привлечь предместья. Рабочие хорошо поступили бы, если бы помогли свергнуть термидорианцев. Но что это даст самим рабочим,— этот вопрос, по-видимому, непосредственно занимал гораздо меньше монтаньяров 1795 г.

Но, повторяем, объективные результаты якобинской диктатуры имели великое революционное значение. «Вершина», и чуть не усомнившаяся в своих политических идеалах, вовсе не желавшая сложить оружие, вовсе не переживавшая послереволюционного похмелья (так как, с ее точки зрения, борьба была еще впереди), все-таки сознавала страшную трудность момента, смотрела мрачно и на ближайшее будущее и на личную свою участь.

По свидетельству монтаньера Левассера, большая часть уцелевших в Конвенте монтаньяров, не изменивших старому знамени и не ушедших к победителям, была в интересующее нас время удручена, подавлена, вяла. Но среди них выдавалась кучка человек в 30, которые сохранили свою былую энергию, готовы были на борьбу и самопожертвование¹⁶⁷. Как я уже отметил, эта кучка, осколок былой «горы», и стала называться в просторечии «вершиной» (*la crête*).

Это были люди, закаленные в боях, отборные, бесстрашные, нечто подобное, в своем роде, в смысле бесстрашия и стойкости, «последнему каре» старой гвардии при Ватерлоо. Их преданность самой идее революции не знала пределов: чтобы поддержать хотя на время гаснувший огонь, они все готовы были лечь костьми.

Даже политические враги, вроде современника Дюолара, вспоминая о «вершине» времен дожерминальского восстания, признавали почти за всеми составлявшими ее людьми способность к самопожертвованию и искренность; этой аттестации, конечно, не ослабляют обычные оговорки о заблуждениях, увлечениях, раздражительности и т. п.¹⁶⁸.

Когда приходится присматриваться к этим людям, в

этот, для многих из них последний⁴, момент их жизни, нельзя отделаться от впечатления, что они не только презирают и ненавидят своих многочисленных и разъяренных врагов, но в одном важном отношении не очень довольны и самими собою. Все они недовольны своим былым поведением 9 термидора, недовольны и деятельным участием в перевороте (как Камбон), и всегдашей былой враждебностью к Робеспьеру (как Ромм), и позднейшим своим сочувствием перевороту (как Гужон, Субраны или Рюль).

В большей или меньшей степени все они переживали в это время то чувство, которое мучило Камбона, когда он, наблюдая термидорианскую реакцию, припоминал 9 термидора и говорил, что лучше было бы ему пойти на эшафот, чем помочь тем, кто победил в этот день. Это мы знаем из заметок, оставшихся от старика Бодо¹⁶⁹. Но и сам Бодо не любил предтермидорианский Комитет общественного спасения, в особенности Сен-Жюста, казненного в один день и час с Робеспьером.

Скажем теперь несколько слов об отдельных монтаньярах, с именами которых нам придется встретиться в дальнейшем изложении,— о Субраны, Ромме, Гужоне и их товарищах. Я скажу о них лишь то, что необходимо для разъяснения их роли в рассматриваемой драме, и то, чего не знали их биографы¹⁷⁰.

Субраны принадлежал к провинциальной старинной знати. При старом режиме он был офицером, вышел в отставку накануне революции (в апреле 1789 г.) и тогда же тесно сблизился с Роммом, вернувшимся из России вместе со своим воспитанником графом Павлом Строгановым. Субраны был выбран депутатом сначала в Законодательное собрание, потом в Конвент и примкнул к монтаньярам. В 1793—1794 гг. он, в качестве народного представителя при армии, проделал ряд кампаний, как на Рейне, так и в Пиренеях, где отличился необычайною отвагой в боях. После долгого пребывания при армиях он вернулся в Конвент через месяц после гибели Робеспьера. Сначала он относился к памяти Робеспьера отрицательно, возмущался, например, законом 22 прериляя об изменении судопроизводства в революционном трибунале.

Разобравшись, однако, в обстановке, он скоро стал относиться с глубоким презрением к термидорианцам. От него остались интимные письма, интересные для характе-

ристики не только их автора, но и всего исторического момента, о котором идет речь. Эти, давно изданные, всего в одной сотне экземпляров, но мало ком цитированные, а ныне как-то совсем забытые письма — один из редких источников, позволяющих нам проникнуть в психологию «вершины» в эти зимние и весенние месяцы 1794—1795 гг.¹⁷¹. Благородный, прямой, правдивый Субрани понимает, что «правая сторона» Конвента (т. е. тайные роялисты, часть возвращенных жирондистов и т. п.) не была бы сама по себе столь непреодолима, если бы ей не помогали перебежчики из былой монтаньярской партии. Эти ренегаты преследуют своих вчерашних товарищ с ожесточением. Субрани называет, в частности, Тальена, Ферроня, Ровера и Бантаболя. Правая партия, к которой эти люди переметнулись, знает их и, по мнению Субрани, тоже презирает¹⁷². Она пользуется ими, чтобы раздавить «вершину», но с готовностью уничтожила бы их самих, если бы пока не имела в них надобности. В Конвенте нет более преступной шайки, чем эти ренегаты. Они ведут распутный образ жизни, проводят жизнь в «скандальных оргиях» с разными бывшими маркизами, графинями и т. д. Тальен женился на вдове эмигранта, дочери банкира испанского короля, г-же Кабарюс, и эта женщина теперь (писано в январе 1795 г.) разыгрывает роль Марии Антуанетты. Она выставляет напоказ вызывающую роскошь, появляется в театрах, покрытая бриллиантами, — это в разгар народной нищеты. Особенно возмущает Субрани то лицемерие, с которым эти люди осмеливаются вторить большинству и тоже называть «кровопийцами» деятелей павшего (робеспьеровского) режима. Кто осмеливается во имя гуманности возмущаться былым террором? Тальен, один из людей, ответственных за сентябрьские убийства в Париже и за избиение в Марселе; Ферон, который своею властью и без суда велел расстрелять восемьсот человек в Тулоне¹⁷³.

Субрани с омерзением относится к этим лицемерам. С грустью говорит он о закрытии «народных обществ» в рабочих предместьях, следит за бабёфовским «*Tribun du peuple*» и старается переслать своему другу номера этого органа¹⁷⁴, — весь тон этих скучных, случайно уцелевших страниц частной переписки говорит о сдержанной печали, о предчувствии личной обреченности, если можно назвать

«предчувствием» логически обоснованную мысль. Когда знакомишься с этими письмами, вспоминаются слова поэта: «его судьба давно ему ясна».

В ночь с 1 на 2 прериала Субрани был вовремя предупрежден о готовящемся аресте; однако, узнав, что Ромм уже арестован, он заявил: «я с ним не разлучусь; я разделял его убеждения и разделяю его участъ». Субрани, в самом деле, преклонялся перед Роммом. Когда Лев Толстой ознакомился с личностью Ромма (читая биографию его воспитанника П. А. Строганова), он записал в своем дневнике (31 декабря 1905 г.): «Читал Строганова о Ромме, был поражен его геройством в соединении с его слабой, жалкой фигуркой... Я думаю, что это чаще всего бывает так. Силачи чувственные, как Орлов, бывают трусы, а эти напротив»¹⁷⁵. Холодное его бесстрашие поражало его современников. «Ромм оставался бы свободным, даже если бы на него были направлены все пушки Европы», сказал о нем Кутон в заседании Конвента 14 июня 1793 г.¹⁷⁶.

Уже в своей дореволюционной жизни, на незаметных, скромных ролях, он обнаруживал этот суровый, не знающий никаких компромиссов, нрав.

За тысячи верст от родины, незаметный, безвестный, наемный гувернер в доме богатейшего русского барина, для службы у которого он отказался от всякой возможности иной карьеры в своей стране, человек всецело зависимый, Ромм пишет графине Строгановой, хозяйке дома, где он служит, что ввиду ее предосудительного поведения он не намерен больше, в отсутствии отца, пускать к ней ее сына, так как ее общество может неблагоприятно отразиться на нравственности мальчика¹⁷⁷. И он настоятельно предлагает графине принять к сведению, что во всяком случае сын будет к ней заходить не иначе, как в его, Ромма, сопровождении: «я слишком неспокоен, когда он от меня удаляется»¹⁷⁸.

Ромм был стоик в самом точном смысле слова. Предпринимая со своим воспитанником большое, рассчитанное на несколько месяцев, путешествие по тогдашней бездорожной России, Ромм больше всего ценит в этой поездке именно ее тяжелые неудобства: голод, холод, жару, лишения всякого рода. Поэтому он предпочитает кибитку всячому другому экипажу и поэтому у него берет с собой в трудный путь очень мало провизии¹⁷⁹.

Де-Виссак нашел в бумагах Ромма знаменательную запись о впечатлении, произведенном на маленького Павла Строганова рассказом о героической смерти Сократа¹⁸⁰. Ясно, что молодой учитель выразил в этой записи и собственное отношение к греческому мудрецу. Смерть Сократа, которого убивает неправедный суд, неблагодарность и зверство людей по отношению к Велизарию, — вот что Ромм считал лучшим воспитательным материалом. И он сумел возбудить в своем ученике чувство любви и преклонения, и когда, по приказу Екатерины, молодому графу нужно было покинуть революционный Париж и расстаться со своим воспитателем, Павел Александрович Строганов с раздражением и ожесточением заявил, что он не флюгер и скорее сломается, чем изменит своим принципам, — принципам «справедливости, разума, чувства»¹⁸¹.

Ромм пользовался большим авторитетом среди своих друзей. Так, по-видимому, относились к нему молодой Строганов и Субрани. Были и враждебно настроенные к нему люди, вроде Баранта, но и они, однако, признавали его «чистое и бескорыстное поведение» (*une conduite pure et désintéressée*) и только попрекали его мрачным фанатизмом (*un fanatisme sombre*), истерпчивостью, безмерной гордостью.

С начала революции Ромм был среди левых якобинцев; с начала Конвента — голосовал с монтаньярами, выполнял трудные миссии, плодотворно работал в области законодательства. В термидоре он тоже, как и Субрани, сначала сочувствовал падению Робеспьера и тоже скоро отшатнулся от термидорианцев после их победы.

Представляя доклад комиссии по делу об обвинении Карре в преступлениях по должности в эпоху террора, Ромм предостерегал от таких преследований в тех случаях, когда они основываются на пристрастных показаниях и на сомнительных документах. В самой комиссии он разошелся в мнениях со всеми остальными ее членами¹⁸². Он не побоялся защищать Карре, шаг за шагом обороняя позиции от все растущей агрессивной реакции. Он требовал какого-нибудь обуздания бесчисленных доносчиков, требовал, чтобы вакханалии обвинений был положен предел, хотя бы, например, привлечением к ответственности за обвинения, оказавшиеся ложными. В эту тяжелую зи-

му начала 1795 г. Ромм мог бы стать известен голодающей рабочей массе Парижа своим предложением выдавать рабочим, находящимся на работе, не по одному фунту, как прочим гражданам, а полтора фунта хлеба в день. Мог бы стать известен... Но стал ли? Нет. По крайней мере, у нас нет ни малейших указаний на его популярность в рабочих предместьях. И когда вечером 1 прериала он стал говорить, рискуя этим самым головой, то наполнявшая Конвент толпа ничем не выразила, что знает его имя: она слушала его сначала с нетерпением и раздражением. И тут тоже, на частном примере, обнаруживается истинная трагедия последних монтаньяров. Единственным местом, откуда они могли в этот исторический момент ждать помощи в борьбе против плутократической реакции Конвента, были рабочие предместья. Но, как я уже отмечал, внутренне и внешне эти предместья были не родной силой для Ромма и его товарищей.

Правда, Ромм принадлежал по своей натуре к числу тех немногих монтаньяров, в которых никакая мелкобуржуазная стихия не могла заглушить сознания какого-то громадного исторического долга «великой» революции перед голодающими и подавленными массами, которые эту революцию вынесли на своих плечах, вскормили своей кровью. В его сознании объективный результат исторического процесса окрашивался в моральные тона: «мое последнее дыхание будет... за несчастного и угнетенного, которого покидают»¹⁸³, — так говорил он военной комиссии за три дня до приговора и до самоубийства. Он не хотел «покинуть» голодающих.

Рядом с Роммом заседали на «вершине» люди, менее, чем он, бросающиеся в глаза, но которым тоже предстояло погибнуть после 1 прериала.

Дюруа, Дюкенуа, Субрани, Бурбott отдали революции очень много сил и души, занимая ответственнейшие посты в качестве народных представителей, то прикомандированных к армии, то управляющих с почти неограниченными полномочиями тою или иною провинцией, где по обстоятельствам требовалось присутствие такой исключительной власти. Эти длительные командировки народных представителей (т. е. депутатов из Конвента) в очень значительной степени содействовали полному сосредоточению всей власти, как законодательной, так и исполнительной.

в руках Конвента. В 1793—1794 гг. Конвент знал, что он окружен людьми, готовыми ему изменить; что нельзя вполне положиться ни на одного генерала в армии, ни на один муниципалитет в провинции, особенно если в этой провинции сколько-нибудь сильны жирондисты, роялисты, неприсягнувшее духовенство или купечество, когда-то ведшее заграничный торг, а теперь поэтому разорившееся. Чрезвычайные уполномоченные, приезжавшие от Конвента и поддерживавшие с ним чуть не ежедневную связь, были глазами и руками этого высшего и единственного органа верховной власти. И Дюруа, и Дюкенуа, и Субраны, и Бурбон пользовались перед 9 термидора полным доверием Конвента. В частности, Субраны, Бурбон и Дюруа были людьми военными по призванию (а Субраны, как мы видели, и по прежней профессии). Они нередко принимали непосредственное участие в военных действиях, рискуя жизнью, проводя все время в переходах, на бивуаках, в осадах, приступах, сражениях. После 9 термидора они оказались не нужны. Термидорианский Конвент постепенно отзывал из командировок всех тех, кто был известен своими монтаньярскими убеждениями. С рейнских полей, из вандейских лесов, из альпийских отрогов, от военной среды, с которой они так свыклились, они вернулись в Конвент в такой политический момент, перенеслись в такую обстановку, которая даже очень опытных парламентских интриганов приводила в смущение своей сложностью.

Как я уже сказал, уцелевшие от этих месяцев письма Субраны отражают мысли и настроения очень многих из членов «вершины». Как Ромм, сын прокурора, как Субраны, аристократ и офицер, так и все другие будущие жертвы прериала, здесь названные, принадлежали к тем общественным слоям, которые не имели ничего общего с рабочим классом, были чужды ему и по происхождению, и по образованию, и по воззрениям. И даже те из них, которые стояли за весьма по тому времени радикальные меры в области экономической помощи беднейшей части населения, все-таки по своему умственному складу, по самому подходу к вопросу оставались неблизкими для тех, кому хотели помочь. Вот, например, несколько раз уже упоминавшийся выше Дюкенуа. Сорокалетним монахом, он в 1789 г. всею душой отдастся революции, покидает

монастырь, становится энергичным членом крайней левой в Законодательном собрании, потом в Конвенте, мужественно, настойчиво и часто самоотверженно проводит целый ряд самых ответственных миссий в разных армиях, куда его отправляет Конвент. В этом человеке было что-то от революционного евангелия времен реформ XVI века, и едва ли кого удивило, когда он в Метце наложил на «богатых» специальный налог в пользу «бедных»; в его психологии эта мера (аналогичная той, которую тогда же, в 1794 г., провел в гораздо больших размерах Клод Жаво в Сент-Этьенне) носила именно такой характер, какой она могла бы носить, например, в Цвикау, в годы «пророков». В последние часы жизни, в письме к жене, он завещает воспитывать детей в духе заповеди: «не делай другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали».

За три недели до своего рокового ареста он издал брошюру в опровержение взводимых на него вражеских обвинений. Нападали на него термидорианцы, которых он искренно презирал, в особенности за их отступничество, за то, что именно те из них, кто больше всех пролил крови в эпоху террора, теперь больше всех жаждали пролить кровь своих вчерашних товарищей¹⁸⁴. Конечно, этой брошюрой Дюкенуа мог еще больше возбудить ненависть со стороны преследователей: именно они ее и читали, рабочие предместий таких брошюр не могли бы купить, часто не умели бы прочесть и, главное, никогда не были бы в состоянии ими заинтересоваться.

Другой товарищ Ромма, Дюруа, был сыном хозяина кузнечной мастерской. Он родился в 1753 г., получил образование и стал адвокатом. В Конвенте, куда он был избран в 1792 г., он примкнул к монтаньярам. Он много работал в качестве администратора как по гражданской, так и по военной части. Чисто политической карьеры он не сделал, в Конвенте появлялся не часто, постоянно разъезжая и находясь в длительных, очень трудных командировках. Во время термидорианской реакции он решительно отвернулся от победителей и остался с побежденными. В сущности, он был прав, когда в заседании 20 брюмера (10 октября 1794 г.) сказал, что 18 месяцев был в отсутствии из Конвента и не принимал поэтому никакого участия в борьбе партий. Но он с отвращением относился к грубому своекорыстию, к алчности, к мстительности, к

предательскому поведению многих и многих термидорианцев. Я уже цитировал речь, с которой он именно 20 брюмера выступил в Конвенте после полутора лет отсутствия и в которой он высказал термидорианцам не мало горьких истин. И укоры его были тем чувствительнее, что он в свое время приветствовал падение Робеспьера.

Из всей «вершины» наиболее способными к руководящей роли, к инициативе, наиболее свыкшимися с мыслью о неизбежности революционного выступления являлись молодые еще люди, Гужон и Бурбон. Именно их (и только их) неоднократно указывал в своих воспоминаниях Левассер, именно от них как будто ждали сигнала их товарищи, последние монтаньяры¹⁸⁵. Оба они приветствовали падение Робеспьера, оба отправили в Конвент из Тионвиля, где они тогда находились, поздравление с низвержением «тирана»: «да будут уничтожены все тираны (que tous les tyrans soient anéantis)», писали они. Это было написано 13 термидора; не могли они тогда знать, что им самим остается жить около 10 месяцев и что покончат с ними те самые люди, которых они так горячо приветствовали.

О Гужоне, революционере и поэте, пылком и обаятельном в своей душевной чистоте, героически храбром человеке, дают нам понятие факты и документы, собранные его родственником и другом Тиссо, тоже по-своему любопытной личностью тех времен, близко стоявшей к конвентской «вершине» (сам Тиссо не был членом Конвента).

Тиссо был женат на сестре Гужона, Софии. Он прожил долгий век, умер (86 лет отроду) уже при второй империи (1854 г.) и до конца дней оставался верен своим монтаньярским убеждениям. Это был твердый, благородный, бескорыстный человек. Умер он почти слепым, да еще и изувеченным (после одного несчастного случая на улице), в полной нищете. Вся его духовная жизнь, все его задушевные интересы во всю вторую половину его жизни были связаны с памятью о первом прериаля, с заботой о посмертной славе людей, погибших в прериальские дни. Некоторое время он увлекался Наполеоном I и его победами; со временем он стал ученым латинистом, читал лекции в Collège de France (откуда его изгнали в 1821 г. за якобинизм) и даже был избран в 1833 г. в Академию, что, как мы видели, не избавило его от нищеты, так как академи-

ки ничего не получали. Он непременно хотел спасти от забвения память прериальцев, особенно Гужона.

Гужон, тоже проведший 1793—1794 гг. в ответственных миссиях при армиях и в провинции, по-видимому, хотел и даже пытался завязать сношения с рабочими предместьями.

Но и между ним и народом, заполнившим Конвент в самый день первого прериаля, не обнаружилось, насколько можно судить, никакой особой связи; незаметно также с его стороны руководящего участия в этот день. Его выступление с внешней стороны прошло так же, как и выступления его товарищей. Как бы то ни было, у Левассера осталось впечатление, что Гужон мог кое-что знать о том, что делается в предместьях. В своем последнем письме, написанном за три дня до смертного приговора и самоубийства, Гужон говорит о будущей конституции (именно тогда вырабатывавшейся Конвентом), при которой народная масса окажется совершенно порабощенной «более богатою кастою — единственную госпожой правительства и государства»¹⁸⁶. Таким образом, для него предстоящее восстание в самом деле могло иметь характер борьбы против «богатых» и в пользу «народной массы», чем как будто подтверждается выше отмеченное показание Левассера с намеком о каких-то сношениях Гужона с предместьями¹⁸⁷.

О Бурбонне нам известно меньше, чем о других погибших в прериалях членах «вершины». В момент гибели ему было 32 года. Он прославился как в вандейских войнах, где неоднократно подвергался смертельным опасностям, так и в войне с союзниками (летом 1794 г.), на Рейне. Всесцело преданный идеи демократической республики, он был, конечно, врагом термидорианцев. За его прямодушие, бескорыстие, личную храбрость его любили даже такие по существу далекие от него люди, как, например, его товарищ и земляк, знаменитый впоследствии наполеоновский маршал Даву (герцог Экмюльский). Его отличительной чертой была мягкость характера: одним из предложений, которое он успел сформулировать в невообразимом смятении и шуме первого прериаля, было именно уничтожение смертной казни. Он внес это предложение, когда, казалось, была полная надежда на победу, во всяком случае его же одновременное предложение об аресте людей,

«продавшихся реакции», и его вхождение в комиссию четырех, призванную возглавлять новое правительство, показывают, что лично он вполне верил в победу.

Упомяну еще о Рюле. Филипп-Огюст Рюль, сын выходца из Западной Германии, ставшего страсбургским пастором, юрист, архивист и генеалог, долго служил в Пфальце. Во Франции он окончательно поселился с начала революции (в 1789 г. ему было уже 52 года); был членом сперва Законодательного собрания, затем Конвента. Именно по его предложению поэт Шиллер получил от Конвента звание французского гражданина. Рюль примкнул к монтаньярам и, как и другие его товарищи, неоднократно посыпался в очень ответственные командировки. 9 термидора он занял позицию, враждебную Робеспьеру, однако уже через пять месяцев он выступает в защиту преследуемых членов бывших (робеспьеровских) комитетов общественного спасения и безопасности. С тех пор его травят, как и прочих депутатов «вершины». Первого прериала он выступил (вечером) всего лишь с несколькими словами, обращенными к председателю (Буасси д'Англа): с предложением приступить к обсуждению вопросов о продовольствии и о конституции 1793 г. Когда председатель возразил, что нельзя обсуждать при том шуме, который царил в Конвенте, Рюль не настаивал. Его арестовали на другой день, но даже Бурдон (de l'Oise) выступил на его защиту. Решено было ограничиться домашним арестом. Тем не менее, спустя несколько дней, он был предан суду военной комиссии. Не желая идти на гильотину, он закололся кинжалом 10 прериала, за девятнадцать дней до самоубийства Ромма и его товарищей.

Такова была эта кучка людей, погибших при последнем в эту эпоху революционном выступлении парижских рабочих предместьй, но не связанных с этими предместьями ни классовым происхождением, ни экономическим положением, ни духовной жизнью. Вождями рабочей массы, составлявшей ядро прериальского восстания, они не могли бы стать, даже если бы захотели: выдвинувшая их в первые годы революции мелкобуржуазная стихия явственно оставляла их без поддержки, отходила от них в своей массе, рабочие предместья к ним не шли, их не знали, и сами они могли пойти в предместья лишь затем, чтобы подтянуть оттуда боевую силу для низвержения термидо-

рианцев. Историку, который хотел бы себе представить, каково было бы поведение «вершины» в случае, если бы 1 прериала была одержана победа, незачем даже особенно апеллировать к своему воображению: достаточно вспомнить монтаньяров после 31 мая 1793 г. Ведь и тогда, сквозь ликование, горячие восторги по поводу поведения великого парижского народа, героического подъема и т. д., довольно явственно просвечивало как бы некоторое замешательство: да, «народ» очень хорошо сделал, что вышел из предместий, устремился к Конвенту, заставил его изгнать жирондистов. Но теперь хорошо бы, чтобы «народ», исполнив свою задачу, доверился работе монтаньяров на благо единой и неделимой республики. Не забудем, что даже и после 31 мая монтаньяры туго, с остановками, замедлениями, колебаниями, подчиняясь давлению того же «народа», в течение целых четырех месяцев подвигались к общему закону о максимуме, т. е. к мере, которая представлялась тогда неимущей городской массе чуть ли не якорем спасения.

В жерминале и прериаляе 1795 г. на «вершине» в Конвенте сидели люди по натуре своей крупные и способные быть вождями: в Антуанском и Марсельском предместьях, в квартале Тампля, на улице Муфтар — были налицо массы, готовые на решительное революционное выступление. Но эти вожди и эти массы друг друга не знали, не понимали и не нашли. Иначе в тот исторический момент и быть не могло.

Они остались неблизкими друг другу даже у подножья прериальной гильотины, на которой смешалась их кровь.

Глава четвертая

ЖЕРМИНАЛЬ

С первых дней жерминаля III года (1795 г.) положение становится все более угрожающим. То доносят о людях, которым при раздаче не хватило хлеба; то рабочие вслух высказывают самые резкие угрозы; то женщины кричат, что убьют себя и своих детей, которых нечем кормить; то работницы решительно собираются идти в Конвент с требованием хлеба; отчаяние сменяется угрозами¹⁸⁸. Женщины-работницы обходят мастерские, снимают с работы подруг, зовут идти вместе в Конвент¹⁸⁹. Хлеб в эти дни выдавался очень плохого качества, да и то получали не все: полиция отмечает, что многие, продежурировав всю ночь у дверей булочных, уходят, не получив своей порции¹⁹⁰.

С 27 ванцоза вплоть до 12 жерминаля не проходит дня без более или менее многолюдных сборищ, образующихся иногда в плебейских предместьях, иногда в центральных кварталах.

Ядром этих все более и более усиливавшихся групп были чаще всего бесконечные «хвосты» (*les queues*) около булочных. Иногда сборища состояли только из женщин; иногда к ним присоединялись и мужчины. Учащались и нападения на обозы с хлебом, направлявшиеся из провинции в Париж. Чтобы объяснить это явление, совершенно незачем прибегать к глубокомысленным соображениям о специальных агентах иностранных держав, как это делает в своих воспоминаниях термидорианец Дюлор¹⁹¹. Голод царил ведь не только в Париже, жители и других местностей старались, по мере сил, отбить хлеб, шедший в столицу.

Не помогали уже и попытки поставить рабочих, при раздаче хлеба, в несколько лучшее положение сравнитель-

но с остальным населением, тем более что в соответственных постановлениях обыкновенно наряду с «рабочими» (*les ouvriers*) ставились «нуждающиеся» (*les indigents*), и, таким образом, все эти постановления на практике сводились на нет: кто же из стоявших в очередях допустил бы, чтобы его не считали нуждающимся¹⁹².

20 плювиоза Комитет общественной безопасности устами Матье докладывал Конвенту, что он сурово борется с опасным брожением. Есть люди, осмеливающиеся требовать возобновления террора, осмеливающиеся подозревать Конвент в контрреволюционности и называть его «сенатом Кобленца», есть преступная агитация в предместьях. Далее констатируется, что уничтожение бюстов Марата («золотой молодежью») вызывает возмущение среди беспокойных элементов и что один из таких бюстов, в виде протеста, торжественно носили в Сент-Антуанском предместье¹⁹³.

Принудительный (хлебный) «заем» натурою прошел в Комитете общественного спасения 4 жерминаля¹⁹⁴. Он был обязателен для всех мест, расположенных в окрестности Парижа радиусом в 20 лье (art. 6). Собственникам зерна или муки разрешалось оставлять себе для личного потребления на два месяца; все остальное они обязаны были одолжить для снабжения Парижа. Нормою потребления каждого лица без различия пола или профессии считалось 25 фунтов муки или 30 фунтов зерна в месяц. Из всего количества муки или зерна с верх этой нормы (исчисляемой для всей семьи собственника сроком на два месяца) собственник обязывался две трети выдать немедленно правительственныйм властям, а остальную треть оставить временно у себя, но в распоряжении местных муниципалитетов, для удовлетворения местных нужд.

Власти все-таки настолько сильно беспокоились, что обрели даже былой суровый тон в отношении собственников зерна и других укрывателей, а также и скопщиков хлеба. Заговорили о вооруженном захвате хлеба, подлежащего реквизиции: для выполнения всех заданий по части поисков и отборания зерна или муки агентам правительства предоставлялось, в случае надобности, требовать воинскую силу¹⁹⁵.

Спешно было приказано направить в Париж часть хлеба, который первоначально предназначался для снабжения

армий¹⁹⁶. Но очень злоупотреблять этой крайней мерой не приходилось. Армия была главным оплотом правительства, и если для термидорианцев было что-нибудь страшнее парижских предместий, то это, конечно, в тот момент была армия. А между тем и она уже начала местами голодать.

Конвент и правительственные комитеты провели наскоро еще две-три меры чисто паллиативного характера. Была сделана, например, попытка прекратить возмущавшее народ кумовство и протекцию при выдаче хлеба: воспрещено было выдавать его по особым запискам, поданным Комитетом общественного спасения или Комитетом безопасности. Тогда же (за пять дней до жерминальского выступления) решено было реквизировать у купцов весь имевшийся у них в магазинах рис, оставив им только то количество, которое им было необходимо для удовлетворения покупателей в течение месяца¹⁹⁷. Но не эти паллиативы могли в самом деле внести успокоение. Да и едва ли они имели реальные последствия; просто при выдаче хлеба по протекции стали избегать письменных доказательств и меньше писать записок.

Перед самым 12 жерминаля раздражение в народной массе бросается в глаза всем наблюдателям, почти во всех частях города. Выдают по полфунта хлеба на человека вместо фунта, дополняют одну скучную порцию шестью упаковками риса.

Женщины укоряют мужчин в трусости: почему они не спросят у заведующих продовольствием, что сделало правительство из прекрасного урожая и почему морит народ голодом? Носятся слухи, что народ собирается идти в Конвент просить хлеба¹⁹⁸. Твердая уверенность, что урожай 1794 г. был отличный, порождала не менее твердое убеждение, что голод в Париже этою весною 1795 г. — последствие спекуляции, мошенничества и тайных сделок купцов с правительством. Слышатся угрозы прямого нападения на купцов и разгрома их собственности. Полиция и патрули не могут справиться с толпами. Пробуют арестовать несколько женщин, но толпа отбивает их силою. Ждут близкой бури и прямо говорят о ней, яростно поминая полфунта хлеба, который притом не все и получают из булочных. Угрозы становятся с каждым днем все решительнее¹⁹⁹. Гроза собирается на «купцов», на «лавки», на «богатых», на «спекулянтов».

Правительственные комитеты, по-видимому, ждали выступления уже на 10 жерминаля. По крайней мере, они запросили комитет шестого округа, не нужно ли пристать к этому дню жандармский отряд для поддержания порядка и воспрепятствования замыслам «злонамеренных людей». Однако такое чисто деловое предложение, оставившее следы в официальной переписке местных (окружных) административных органов, отчетливее и, главное, неопровергнутое всего свидетельствует о тревоге, охватившей власти в эти грозные дни²⁰⁰.

Ренэ Левассер (de la Sarthe), внимательно следивший за настроениями Конвента в эту зиму и весну, тесно связывает два события: 29 вантоза Лекуантр, довольно неожиданно для своих друзей термидорианцев, вносит предложение восстановить конституцию 1793 г., которое тотчас же отклоняется; два дня спустя недовольные и голодные народные массы столицы начинают готовиться к выступлению²⁰¹. Левассер приписывает такое действенное значение политическому лозунгу, брошенному именно Лекуантром. Но мы знаем, что и до и после жерминаля и прериалия, и до и после заговора Бабёфа требование восстановления конституции 1793 г. являлось необходимой частью любой революционной программы. В интересующие же нас дни полиция доносила больше всего о голоде в народе, о требовании хлеба, о желании заставить Конвент найти хлеб для Парижа. Сам по себе лозунг о конституции 1793 г. не объясняет жерминальского взрыва.

Правительство готовилось. Комитет безопасности заbrasывал непосредственно ему подчиненные административные учреждения и комитеты округов письмами, приказами, запросами, сообщениями. Подозревали агитацию и политический замысел в готовившемся выступлении. Рекомендовалось будильно следить за «интригами злонамеренных». Комитеты тех округов, где был силен буржуазный элемент, спешно раздавали ружья добровольцам²⁰². Это важное и деликатное дело выполнялось таким образом, что ружья получали лишь те элементы населения, в которых Конвент и его органы могли быть вполне уверены.

Между тем ненависть к «спекулянтам», к «купцам» проявлялась в народе вполне открыто.

Когда толпа из предместий проходила, направляясь к Конвенту, по одной из самых нарядных улиц тогдашнего

Парижа (где Honogé), раздавались такие возгласы: «Вот очень богатая улица! Мошенники купцы! Мы их навестим!». Иногда к числу врагов народа присоединяли еще и мюскаденов: их социальная природа в эти жерминальские дни ни для кого не была тайной²⁰³.

В жерминальские дни наблюдатели событий без всяких колебаний вполне определенно говорили о происходящей или готовящейся борьбе двух классов: буржуазии и плебса; «с одной стороны, народ, с другой — буржуазия», писал, например, Левассер²⁰⁴, и так как он вполне отчетливо объяснил, что понимает под «народом», то никаких сомнений относительно смысла этого свидетельства быть не может: поход рабочих предместий на Конвент и 12 жерминаля и 1 прериала, выступление центральных секций и их вооруженной силы против предместий в эти же дни, наступление вооруженных сил на Антуанское предместье 4 прериала — все это, так сказать, топографические термины для характеристики борьбы враждебных классов. Если даже мы захотим употребить более общие выражения и скажем: борьба между имущими и неимущими, — все же в лагере неимущих мы видим прежде всего, слышим больше всего именно рабочих.

Классовый характер назревавшей борьбы сознавался в собственническом стане весьма отчетливо. Стоит почитать воспоминания Жюллиана: сколько было в секции Тюильри «собственников и почтенных граждан», все они, за несколько дней до 12 жерминаля, собрались и поручили ему выступить перед Конвентом²⁰⁵. Les propriétaires et les citoyens honnêtes — вот класс, который решил бороться против бедноты. Слово honnêtes здесь явно означает не «честные», а именно «почтенные» в социальном смысле, именитые, зажиточные граждане (в том же значении, в каком говорят о солидном состоянии, о хорошем достатке: une fortune honnête, une aisance honnête). И как уверенно чувствует себя этот оратор собственник! Он хвалился тем, что явился произносить свою речь в Конвенте в сопровождении двух тысяч вооруженных людей из секции Тюильри, причем эта внушительная свита стояла в боевом порядке (en bataille) на террасе дворца Конвента и была готова «идти на защиту оратора, если бы кто осмелился что-нибудь против него предпринять». Но, конечно, эта вооруженная демонстрация была по существу друже-

ственна Конвенту и грозила не ему, а завтрашним, ожидааемым противникам из рабочих предместий.

Столь резко вызывающая демонстрация буржуазных сил, очень благосклонно встреченная Конвентом, могла, конечно, только еще более уронить это верховное законодательное собрание в глазах голодающей массы.

Непопулярность Конвента была и без того очень велика в эти дни. В народе говорили, что правительство «молчаливым согласием» допускает алчных и эгоистических людей (т. е., разумеется, тех же «купцов», «богачей» и «спекулянтов») убивать (assassiner) другую часть народа (т. е. «бедняков», les malheureux). Шедшие в это время в Конвенте разговоры о созыве избирательных (первичных) собраний для выборов новых законодателей не встречали сочувствия в народе. Поговаривали, например, что депутаты, достаточно «разжирев», желают уйти и покинуть население в затруднительный момент²⁰⁶.

При таких настроениях и разразились жерминальские события. Напомним вкратце их внешнюю историю.

В первой, написанной по горячим следам (истинно термидорианской по направлению), брошюре, посвященной событиям 12 и 13 жерминаля, автор отмечает ряд происшествий, имеющих, по его мнению, характер как бы введения, подготовки к жерминалю. Это была, во-первых, «зажигательная петиция» (une pétition incendiaire) Антуанского предместья. Во-вторых, петиция женщин, требовавших сначала, чтобы их всех впустили в зал заседаний. В-третьих, приход особой делегации от секции Гравилье, которая желала быть впущенной в полном составе и поэтому не была принята. В-четвертых, внесенное в Конвент предложение заменить его новым собранием, выбранным на основе конституции 1793 г.²⁰⁷. Относительно этого последнего предложения наш автор, впрочем, оговаривается, что он отнюдь не хочет подозревать внесшего это предложение депутата Мерлен (de Thionville) в сочувствии к готовящемуся восстанию²⁰⁸.

По-видимому, по мнению некоторых участников жерминальского восстания, этот день должен был быть, по результатам, аналогичным выступлению 31 мая — 2 июня 1793 г., когда парижский народ потребовал и добился изгнания жирондистов из Конвента. Жерминал должен был вместе с тем покончить с термидорианцами и воскре-

сить время господства монтаньяров²⁰⁹. В это время, т. е. уже в день 12 жерминаля, и начало проявляться правительственные сопротивление²¹⁰.

Некоторых наблюдателей поражала странная пассивность властей в самый критический момент жерминальских событий: не знали (или прикидывались незнающими), что в городе образуется большое скопление народа, что эта масса идет на Конвент; не делалось попыток преградить ей доступ в зал заседаний, не была усиlena охрана Конвента. Нам говорят даже, будто об ще е мнение в эпоху жерминаля считало некоторых членов Комитета безопасности орудиями иностранной интриги²¹¹. Последнее обывательское объяснение нас не интересует, но важно отметить, что и тогда уже поведение властей казалось совершенно непонятным и наводило на подозрение об умысленной тактике.

Накануне 12 жерминаля в городе царило отчасти подавленное, отчасти ожесточенное настроение. В рабочих кварталах громко говорили о необходимости бить общий сбор и выступить. Жаловались и на недостаточность выдаваемых порций, и на плохое качество хлеба, и на потерю времени и трудности, связанные с получением этих скучных порций (вследствие огромных очередей). Полицейские агенты с ударением писали в своих донесениях, что «порядку и спокойствию» грозит опасность²¹². В этот день (11 жерминаля) плебейские предместья являли картину весьма грозную. Народные толпы, кричавшие, что их морят голодом; ораторы, призывающие идти к Конвенту, и процессы, уже двигающиеся,— все это было так недвусмысленно, что колебавшиеся вечером монтаньярские депутаты на другой день решили вмешаться в движение, но опять-таки с оговоркою: если оно окажется сколько-нибудь значительным²¹³.

Раздражение растет: «Пусть Конвент постарается достать хлеба для несчастных, потому что богачи не ощущают в нем недостатка». Вот это-то последнее обстоятельство, разумеется, и раздражало больше всего: ведь голод не был всеобщим, были кварталы сытые и кварталы голодные. В булочных, выдававших хлеб народу, не хватало муки и хлеба, между тем как рестораны и кондитерские были снабжены «лучше чем когда-либо» (*meilleurs fournis que jamais*). Значит, богачи и правительство как-то

столковались между собой, завладели урожаем, обокрали народ и обрекли его на голод. Рабочие снова стали поговаривать о том, чтобы пойти к «богатым и купцам» (*les riches et les marchands*) и отобрать у них излишek (*leur superflu*). Часть рабочих уже бросила работу, заявляя, что не вернется к ней, пока не получит хлеба: «возьмите ружье и лучше убейте нас, чем заставлять нас страдать от голода!» — кричали женщины комиссарам и булочникам²¹⁴.

В тот же день, 11 жерминаля, в Конвент входит большая толпа народа. Это — одна из секций Антуанского предместья (*Quinze-Vingts*) принесла свою петицию. Из среды петиционеров выступает оратор; он жалуется на аресты патриотов, на отсутствие в Париже хлеба, на спекуляцию, лишающую народ предметов первой необходимости. Народ, с ударением прибавляет оратор, готов защищать законодателей, а еще больше свободу. Народу говорили, что после 9 термидора все пойдет хорошо; что отмена максимума тоже приведет к хорошим результатам, а между тем все идет плохо, патриоты угнетены, а «фанатики» и «золотая молодежь» оскорбляют мирных граждан; у Парижа нет муниципалитета, клубы закрыты²¹⁵.

Отвечая на петицию, вожди термидорианцев, Тальен, Бурдон (*de l'Oise*) и другие, разоблачали попытки влиять на Конвент, указывали на интриги, которые против него ведутся, и т. д., но не забыли при этом сказать и о том, что к Парижу со всех сторон подтягиваются обозы с продовольствием, что голод был бы меньше, если бы злонамеренные люди не останавливали этих обозов; указывали они также, что крестьяне как раз заняты обсеменением полей, что у них мало перевозочных средств, и этим тоже объясняется скучность припасов на рынках.

Но народ, гласила петиция, требует не только помочь в безысходной продовольственной нужде, но и немедленного введения в действие конституции 1793 г., причем внушительно подчеркивалась готовность отстоять это требование активно: народ поднялся, чтобы «поддержать республику и свободу», — эта фраза не могла иметь в данном случае иного смысла, кроме революционно-угрожающего²¹⁶.

Термидорианский Конвент решил принять вызов.

В бурном заседании 11 жерминаля прозвучали (правда, в очень мягким тоне) весьма угрожающие и зловещие слова: Париж ничего не производит. Париж живет исключительно милостью земледельцев. В случае новых революционных вспышек департаменты могут, в виде репрессий, окончательно оставить столицу без хлеба. Эта угроза в устах термидорианцев крайне знаменательна и характерна для событий, происходивших весною и летом 1795 г.²¹⁷.

12 жерминаля громадные толпы стали собираться отчасти в предместьях, отчасти в Сите. Во всех почти секциях велено было бить тревогу. Во главе воинской силы, предназначеннной для подавления восстания, был поставлен генерал Пишегрю. Но созыв Национальной гвардии шел туго, в первые часы она собиралась чуть ли не десятками. Будь у восставших хорошие предводители и точно выработанный план действий, может быть, жерминальские дни окончились бы иначе. Участие — и очень значительное — рабочих в восстании отмечается очевидцами, но, к сожалению, в слишком беглых чертах²¹⁸.

В Сите собралась значительная толпа под предводительством Варле и Добсена. Одновременно стали собираться в секциях Инвалидов и Quinze-Vingts. Эти три секции с утра сносились между собой; назначено было сойтись перед дворцом Конвента.

Соединившись, они отбросили стражу и вошли в Конвент. Лозунгами их было: «Хлеба, восстановления конституции 1793 г. и освобождения патриотов, арестованных 9 термидора».

Автор брошюры, враждебной восставшим, инсинуирует, что эти лозунги исходили от члена Конвента Юге (Huget), который будто бы подсказал их вошедшей в Конвент толпе²¹⁹.

На 12 жерминаля в Конвенте был назначен доклад о состоянии продовольственных запасов в столице. Как раз когда Буасси читал об этом доклад, в здании Конвента, в помещениях, соседних с залом заседаний, раздались страшные крики, и громадная толпа ринулась в зал; заглушили все остальное. Мерлен (de Thionville) — термидорианец — бросился в толпу и стал говорить, как бы от ее имени, что народ пришел не оскорблять Конвент, а защищать его; кто же может помыслить, что славные руки, низвергшие трон

и Бастилию, вдруг захотели бы подняться, чтобы уничтожить Конвент и свободу? Прием был очень ловкий и в первый момент как-то сбил с позиции вошедшую толпу. «Мерлен, на место!» — закричали ему с монтаньярских скамей (где, очевидно, поняли его цель). Но Мерлен крикнул в ответ: «Мое место среди народа! Я не хочу, чтобы вы его вводили в заблуждение!»²²⁰.

С первой минуты, когда толпа заполнила зал заседаний, крики: «Хлеба! Конституцию 93 года! Свободу патриотам! Смерть роялистам!» не переставали раздаваться в ушах членов Конвента.

Большинство депутатов в смятении покинуло зал, между тем как все новые и новые толпы напирали сзади на первых вошедших, так что около трибуны и председательского кресла образовалась неимоверная давка. Гастон Ферен пробовал прокричать, чтобы народ дефирировал, а не толпился у трибуны, но в ответ раздались крики: «Нет, нет, хлеба, хлеба!» Однако председателю удалось на миг добиться относительной тишины, и он предложил народу избрать из своей среды делегацию, которая высказала бы его пожелания. Но и эти слова были заглушены новыми криками: «Нет, хлеба, хлеба!» На трибуну вышел один из толпы, которому председатель и дал слово. «Граждане представители! — начал он, — вы видите перед собой людей 14 июля, 10 августа, а также 31 мая. Пора, чтобы народ перестал быть жертвой богачей и крупных торговцев; пора, чтобы в этой зале царил мир, — благо народа ставит вам это в обязанность. Перед вами здесь не фрeronовская молодежь, но масса чистых патриотов, которые не затем низвергли Бастилию, чтобы позволить возводить новые, предназначенные для ввержения в оковы энергичных республиканцев. Что стало с нашими урожаями? Где хлеб, собранный на нашей территории? (Тут речь оратора была прервана громкими аплодисментами и одобрениями толпы). Ассигнации потеряли свою ценность, и потеряли ее из-за ваших декретов... Вам надлежит вернуть спокойствие и изобилие, карая эгоиста, который хочет только золота в то время, как мы проливаем свою кровь. А ты, священная Гора, — обратился он к монтаньярам, — разразись, прогреми громом, рассей тучи, раздави своих врагов: люди 10 августа и 31 мая тут, чтобы оказать тебе поддержку. Мы требуем у вас освобождения патрио-

тюб, заключенных в тюрьму с 9 термидора; их преступление в том, что они были энергичными патриотами, когда ваши декреты повелевали им быть таковыми»²²¹.

После этой речи наступил долгий перерыв. К неистовым крикам, раздававшимся в зале, прибавились звуки набата, бой барабанов, ссыпавших милицию секций, и пушечные выстрелы, возвещавшие тревогу²²². Монтаньяр Приер (de la Magne) обратился к толпе с предложением разойтись, уверяя, что Конвент сегодня же постановит нужные меры по продовольствию и освободит арестованных патриотов. Но Приер слишком поторопился хоть как-нибудь использовать эту грандиозную демонстрацию. Председательствовавший в тот момент Дюмон поспешил заявить, что он еще не знает мнений Конвента по данным вопросам, что ему надо прежде всего опросить депутатов, а поэтому гражданам нужно освободить зал заседания.

Часть толпы действительно двинулась к выходам, но другая часть осталась на месте. Среди продолжавшегося смятения Монтаньяр Шудье успел высказать очень знаменательную мысль: он тоже просил народ разойтись, так как его присутствием захотят воспользоваться как предлогом для перевода Конвента из Парижа, где якобы он несвободен. Как видим, мысль о провокации возникла уже и в жерминиале²²³.

После Шудье успел сказать несколько слов Баррас, заявивший, что Конвент вовсе не собирается покинуть столицу. Толпа стала понемногу расходиться; заседание как будто пошло своим чередом; стали являться обычные делегации от секций, читались петиции по разнообразным вопросам (например, о новой конституции, о созыве первичных собраний для новых выборов и т. д.). Все это входило в выработанный, как всегда, заблаговременно порядок дня и не имело никакого отношения к только что происходившей бурной сцене. Говорили, конечно, и о голоде (петиция секции хлебного рынка Halle-au-Bled), потому что об этом никак нельзя было не говорить. Говорили и по вопросу об освобождении арестованных (высказывались против этого), но и тут могли иметь в виду требования, неоднократно высказывавшиеся задолго до 12 жерминаля. Буасси д'Англа поспешил провести декрет об откомандировании особой вооруженной силы (по 50 че-

ловек от секции) для охраны обозов с продовольствием, идущих к Парижу.

Монтаньяр Лекуантр заявил, что, по его мнению, причинами голода являются, между прочим, алчность земельцев и отмена закона о максимуме. За это на него тотчас же напал Баррас, который прямо стал его обвинять в разжигании вражды к Конвенту. После довольно расплывчатой речи Жанбон-Сент-Андре (об ассигнациях и о необходимости укрепить правительственную власть) подоспел доклад Комитета общественной безопасности об утренних событиях.

Докладывал от имени Комитета один из его членов — Изабо. Он сообщил в первую очередь, что его коллега по Комитету Оги (Auguis), который весь день обезжал верхом в сопровождении нескольких лиц наиболее беспокойные кварталы столицы, был отделен толпою от своих спутников, ранен и взят в плен. По мнению докладчика, в этом не было ничего удивительного: ведь и во время утреннего вторжения народа в Конвент какой-то человек, с карандашом в руках, уже составлял проскрипционный список, и ведь сказал же этот человек находившимся в толпе детям: «Уходите, через час мы вырежем всех молодых людей, двадцать тысяч человек сию минуту будут с нами и нам помогут»²²⁴. Далее сообщалось, что, по сведениям Комитета, движение началось в секции Братства (Fraternité), откуда направилось на булочные, причем лозунгом было отказываться брать хлеб в тех количествах, какие были назначены свыше. Во главе этого движения были женщины, именно они усиленно созывали народ. Распространялись слухи, что в Булонском лесу собрано тридцать тысяч мюскаденов, что Конвент постановил обезоружить секцию Гравилье и т. д. Эти слухи окончательно раздражили народ, который и вторгся в Конвент.

Таков был ход событий, как его рисовал в предвечерние часы того же 12 жерминаля Комитет общественной безопасности. В заключение Комитет предложил Конвенту проект декрета такого содержания: во-первых, Конвент объявляет, что совершено посягательство на свободу его занятий; во-вторых, Комитету общественной безопасности предлагается найти и предать уголовному суду зачинщиков²²⁵.

Конвент поручил Пишегрю командование всей Наци-

нальной гвардией столицы; в помощь ему были назначены члены Конвента Баррас и Мерлен (de Thionville)²²⁶. Пишегрю, завоеватель Голландии, был тогда на вершине своей славы. Впрочем, ему не пришлось выдержать в самом деле сколько-нибудь серьезного столкновения с инсургентами. Народ, рассеявшийся вечером 12 жерминаля, уже не делал в ближайшие дни попытки снова собраться в таком же или приблизительно таком же количестве. Мысль о повторении ществия к Конвенту не осуществлялась ни 13, ни 14 жерминаля.

С тем уменьшением безмятежно и величаво лгать, с той уверенностью в глупости и невежестве читателя, с тем непрерывным самолюбованием, которые его отличают, Баррас в своих мемуарах заявляет, что, случись он в Париже во время прериальского восстания, можно было бы избежать многих несчастий; он жалеет голодающий народ, восхищается древнеримским мужеством казненных монтаньяров, скорбит о поведении Конвента,— но все это, когда речь идет о прериаляе, когда его случайно не было в столице, и он поэтому не нес никакой ответственности²²⁷. Но вот в жерминале, когда восстание было несравненно слабее и менее опасно для Конвента, Баррас был в Париже. Как же он себя вел? В своих записках он распространяется о том, как он геройски якобы вызволил генерала Пишегрю из рук толпы²²⁸, но обходит глубоким молчанием нечто несравненно более важное и характерное: свое поведение в Конвенте в этот день 12 жерминаля, когда он был одним из руководителей травли заподозренных депутатов²²⁹.

В городе весь этот день прошел в тревоге и ожиданиях.

Во второй половине дня непрерывный набат и барабаны, бьющие тревогу, собрали, в конце концов, вокруг Конвента довольно большие вооруженные силы, и восставшие постепенно стали рассеиваться. Еще до наступления вечера Конвент оказался в безопасности²³⁰. Дело кончилось без кровопролития.

Начались аресты. Был арестован депутат Юге и еще несколько человек, заподозренных в сочувствии «якобинцам» (так, намеренно неточно, обозначали всех противников слева термидорианской реакции). Арестованных в тот же вечер велено было вывезти из Парижа и направить кого на остров Олерон, кого в крепость Гам. При выезде

из города толпа народа напала на конвой, пытаясь отбить арестованных. Но попытка не удалась.

Как вела себя в этот момент монтаньярская «вершина»? В первые дни жерминаля монтаньяры колебались. Они не хотели отдавать себя на заклание без надежды на успех, но были готовы рискнуть головою, если будут какие-нибудь шансы на победу. Так описывает их настроение один из них среди, Ренэ Левассер: *nous ne voulions pas donner nos têtes, mais nous voulions bien les risquer contre un succès*²³¹.

Когда 12 жерминаля большая толпа окружила Конвент и народ вошел в зал заседаний, когда правая часть собрания поспешно скрылась, но заседание продолжалось, был момент, когда даже такому осторожному и сдержанному монтаньяру, как Левассер, могло показаться, что стоит провести тот или иной энергичный декрет, и бежавшее большинство подчинится потом оставшемуся в зале меньшинству. Но драгоценные часы ушли на речи, возгласы, были потеряны в смятении. Не было плана, не было вождей. Монтаньяры не успели овладеть движением, как уже гренадеры, за которыми двигались батальоны Национальной гвардии и мюскадены, оттеснили окружавшую Конвент толпу народа и вошли в здание Конвента. Со штыками наперевес, они устремились в зал заседаний. Мюскадены, предводимые термидорианцем Лежандром, первые бросились с палками и саблями в руках на петиционеров, еще окружавших трибуну. Свалка длилась недолго и кончилась изгнанием петиционеров. Их не старались задержать на месте: перевес сил еще не определился, и никто не знал, какой будет исход дня. И в этот день тоже — как отмечает относительно последующих восстаний один из очевидцев (реакционер Лакретель) — ни инсургенты, ни победивший их Комитет общественного спасения не проявили никакой решительности в борьбе²³². Вслед за воинской силой, очистившей зал, вернулись бежавшие оттуда депутаты правящего большинства²³³. Все было кончено.

После окончательного удаления толпы вечером 12 жерминаля заседание Конвента возобновилось, и тотчас же обнаружилось, что большинство депутатов либо в самом деле в ярости, либо прикидывается разъяренными, но что, во всяком случае, события дня непременно

будут использованы против горсточки монтаньяров. Неистовые крики о наказании, о немедленных арестах неслись со скамей Конвента. Выкрикивали одcho за другим имена монтаньяров, либо говоривших в тот день, пока народная толпа наполняла Конвент (Шудье, Диэм), либо вообще особенно неугодных большинству. Ясно было, что громы и кары прежде всего падут на «вершину». Когда были декретированы первые аресты, Мерлен, указывая угрожающим жестом на монтаньярские скамьи, вскричал, что там имеется сорок преступников, которых тоже надо арестовать.²³⁴

Ренэ Левассер хотел, чтобы монтаньяры сделали еще попытку сопротивляться; он считал, что дело еще, пожалуй, окончательно не проиграно и может быть спасено, если начать энергично и страстно возражать с трибуны: ведь народные толпы еще были на улицах столицы. Но товарищи его не поддержали. «Какие вы трусы!» — крикнул он им громко.²³⁵

Была сделана попытка разделить ответственность между «вершиною» и роялистами, но она не имела успеха. Депутат Сержант, например, указывал на происки роялистов и приписывал им утренние происшествия. Уже во время его речи обнаружилась сильная оппозиция; его прерывали криками: «Это якобинцы, это монтаньяры (*ce sont les jacobins, c'est la montagne!*)». Выступивший вслед за ним Тибодо окончательно сформулировал преобладавшие в Конвенте чувства: «Время слабости прошло (*le temps de la faiblesse est passé*)», — воскликнул он, — и большинство Конвента, стоя и аплодируя, кричало: «Да, да!» «Я не стану искать виновников нынешнего движения в Англии, среди меньшинства дворянства, среди фельянов. Вот где меньшинство, устрашающее заговоры!» — и он указал на скамьи крайней левой, на депутатов «вершины». Именно их он обвинял во всем, отказываясь призывать народ, введенный в заблуждение нуждой и злонамеренными подстрекательствами.²³⁶ Нечего и говорить, что декрет о преследовании виновных был тотчас же принят собранием против нескольких голосов «вершины».

Уже в этот день явно сказалось то стремление, которое гораздо более трагически проявилось спустя семь недель, после 1 прериала: желание воспользоваться одержанной победой, чтобы отделаться от монтаньяров, сидевших еще

в Конвенте. Утром 13 жерминаля Левассер приходит в Конвент, и один лично к нему расположенный депутат дает ему дружественный совет не являться вечером в заседание, иначе ему, как и некоторым его товарищам, грозит арест. «В чем же меня упрекают?» — «Да разве в упреках дело! Тебя хотят арестовать, вот все, что я знаю. У вас, у тебя и твоих товарищих, имеется в Комитете яростный враг, Сиейс, который ежедневно вас обвиняет и хотел бы послать вас на гильотину»²³⁷.

Свидетельство это крайне характерно. Дело было не в юридически обоснованных обвинениях, а том, чтобы так или иначе истребить монтаньяров. Сиейс, ненавидевший врагов буржуазии «слева» куда больше, чем раньше (в 1789 г.) ненавидел он ее врагов «справа», — именно Сиейс, за невозможностью казнить всех вторгшихся 12 жерминаля в Конвент добивался хотя бы голов тех, кто мог с о ч у в с т в о в а ть этой толпе.

У нас осталось бесхитростное, но тем более яркое описание ночи с 12 на 13 жерминаля, принадлежащее перу участника и жертвы событий. Как мы видели, по удалении толпы из Конвента, правая часть собрания немедленно и круто перешла от испуга к неистовой ярости. Правда, еще не исполнились все исторические сроки, еще следовало ждать решительного боя и полной победы, еще нельзя было дать себе полную волю и приступить к казням, как семь недель спустя, после прериальских дней. Но можно было немедленно ослабить ненавистную «вершину» целым рядом арестов. Без тени какого бы то ни было основания или мотивировки, без обсуждения прошел декрет об аресте Шалля, Фуссдуара, Шудье, Амара, Леонара Бурдона. Попытки некоторых монтаньяров сказать слово в их защиту были заглушены неистовыми воплями большинства. Эти крики и угрозы смертью так потрясли и испугали часть монтаньяров, что некоторые из них даже голосовали с большинством за арест своих же товарищ: д р о ж а, поднялись они со своих мест, когда всем вотировавшим за арест предложено было встать. В эту ночь все входы в зал заседания и все здание дворца были заняты непрерывно прибывающими отрядами Национальной гвардии и «золотой молодежью», отовсюду раздавались призывы к мести, угрозы казнью. Заседание то и дело прерывалось входившими в зал депутатами, которые, при громких

рукоплесканиях присутствовавших, докладывали о настроении Парижа, об энтузиазме буржуазии, как выражается Р. Левассер, переживший эту трагическую ночь²³⁸.

К этому времени трибуны для публики были настолько прочно заняты приверженцами правительства или, точнее говоря, врагами монтаньяров и приверженцами реакции, что наиболее яростные и кровожадные крики неслись именно оттуда. Когда прошел декрет о привлечении к суду виновников, из публики раздались вопли: «Монтаньяров — вне закона! Якобинцев под арест! (La montagne hors la loi! Les jacobins en arrestation!)» и т. д. Эта атмосфера подействовала на депутатов, окончательно утративших всякие следы сдержанности и чувства ответственности за свои слова. Шене, Дюссо, Дюмон, Ферон и прочие и прочие, кому только было не лень, устремлялись на трибуну с новыми и новыми доносами и обвинениями, называя имена своих товарищ по Конвенту, которых они старались запутать в деле, подвести под арест и суд. «Хотя бы меня разорвали на куски на этой трибуне,—яростно кричал Дюмон,— я укажу вас, палачи народа, убийцы французов. Народные представители, вы жалуетесь, что общественное мнение как будто от вас отделилось, от вашей энергии зависит поднять его. От этого заседания зависит ваше спасение; вы не хотите больше казней, избавьте же французскую землю от чудовищ, которые залили ее кровью. Я требую, чтобы сегодня же ночью трое обвиняемых были отправлены в ссылку»²³⁹. Последние слова относились к Бильо-Варенну, Колло д'Эрбуа, Бертрану Барсу. Заключение было логически совершенно неожиданное: ясно было, что эти лица, бывшие под арестом уже больше месяца, не могли принимать в утренней демонстрации никакого участия, но термидорианцы правильно учили момент. Тут же было решено, что как три названные лица, так и Вадье будут немедленно отправлены в ссылку (в Гвиану).

Вслед за тем выступил Бурдон (de l'Oise) с предложением немедленно арестовать трех членов Конвента — Шудье, Шаля и Фуссдуара. Первые два обвинялись в том, что в утреннем заседании, когда народ вошел в зал, они будто бы крикнули, указывая на председательское место: в этом кресле сидит роялизм. А Фуссдуар нака-

нуне будто бы сказал толпе, к которой подходил патруль: сопротивляйтесь этой роялистской гвардии (*résistez à cette garde royaliste*). Ни одному из них не дали ничего сказать в свое оправдание, и декрет об их аресте был принят. В этот момент председательствовал уже не Дюмон, а Тальен. Он и в новой своей роли, как вождь термидорианской реакции, сохранил все приемы недавнего, но уже далекого времени, когда сидел среди наиболее радикально настроенных монтаньяров. В героические, бурные времена 1793 г. политическая роль «трибун для публики» была несомненна. Теперь, арестуя своих бывших товарищей, Тальен считал необходимым устроить в честь этого акта народную манифестацию. Поэтому он пригласил публику, присутствовавшую на заседании, которое будет памятно, поддержать своей энергии меру, обсуждаемые Конвентом!²⁴⁰

Это любезное приглашение было тогда же понято: публика встала и, крича и размахивая шляпами, изъявила полный свой восторг. Она и дальше, до конца заседания, помнила, чего от нее ждут, и делала все от нее зависящее, чтобы оправдать доверие Тальена. Таким образом, в заседании, где утром высказывалось столько негодования по поводу недопустимого вмешательства посторонних лиц в занятия Конвента, вечером сам председатель счел уместным обратиться к столь же посторонним лицам с просьбою «энергично» выразить свои чувства по поводу решений Конвента. Правда, посторонние лица были теперь, вечером, уже совсем не те, что утром.

Между тем в Конвент пришли разом два известия: задержанный с утра, в качестве заложника, член Комитета безопасности Оги все еще в руках инсургентов и просит помощи, а объезжавший неспокойные кварталы член Конвента Пенье тяжело ранен и даже, по слухам, уже умер от ран.

Полемизируя много лет спустя с Дюлором, монтаньян Шудье утверждал, что те депутаты Горы, которые пытались говорить с толпой, убеждая ее разойтись и очистить зал заседания, были потом арестованы якобы за возбуждение толпы против Конвента. Термидорианец Дюлор, извращая истину (как это делали и газеты того времени), приписывает председателю заседания 12 жерминаля ту успокоительную фразу, которая на самом деле была ска-

зана Шудье²⁴¹. Уже в жерминальские дни был, таким образом, пущен в ход тот прием, который столь блестяще удался 1 прериала, с той разницей, что в прериале все было устроено гораздо обдуманнее, и дело кончилось не только арестами, но и казнями и полным разгромом «вершины».

13 жерминаля Колло д'Эрбуа и — отдельно от него — Берtrand Барер и Бильо-Варенн были вывезены из Парижа. Толпа, враждебно к ним настроенная и, конечно, искусственно возбуждаемая, несколько раз пытлась с ними расправиться, вытащив их из карет, в которых они начали свой путь. Между прочим, им, как мы видели, приписывали иной раз, вопреки здравому смыслу, организацию восстания 12 жерминаля. В Орлеане мюскадены прямо высказали Бареру это обвинение, ссылаясь на печатный плакат о событиях²⁴².

А сам Барер, замечу кстати, при всей своей мелкой хитрости и изворотливости, был человеком настолько ограниченным, что объяснял события 12 жерминаля и 1 прериала... происками Сиейса!²⁴³

В вечернем заседании Конвента (13 жерминаля) Комитет безопасности, сознательно извращая факты, изобразил дело с отправкою трех ссылочных так, будто кареты были остановлены населением Антуанского предместья, тогда как на самом деле, по показаниям Барера и другим свидетельствам, толпа состояла из рагов ссылаемых, которые хотели их растерзать, а вовсе не из друзей, будто бы намеревавшихся воспротивиться ссылке. Мюскадены, роялисты, термидорианцы, а вовсе не «якобинцы», остановили эти кареты. Но важно было подогреть в Конвенте возбуждение против монтаньяров; для этой цели и прибегали к лживому освещению дела²⁴⁴. Решено было к первому списку, прошедшему накануне, прибавить еще семь человек, подлежащих аресту, в том числе Камбона и Левассера.²⁴⁵

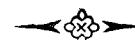
Уже 13 жерминаля в столице ходили слухи о состоявшемся или предполагаемом убийстве сосланных депутатов. У нас есть для этого целый ряд доказательств²⁴⁶.

В брошюре, вышедшей несколько дней спустя после событий, мы читаем, что сборным пунктом, откуда опять началось было 13 жерминаля движение, оказалось помещение секции Quinze-Vingts (в Антуанском предместье).

Но туда двинулся Пишегрю с отрядом жандармерии и рассеял собравшихся. Правительственная публицистика утверждала, что, хотя инсургенты 12 жерминаля не имели в своем распоряжении ни городской коммуны, ни центрального комитета секций, ни якобинского клуба, ни начальника Национальной гвардии (тут явно имеется в виду сравнение с 9 термидора), все же им удалось «исключительно при помощи тактики петиций и сбороищ» на несколько мгновений оказаться господами положения²⁴⁷.

Термидорианский Конвент победил. 15 жерминаля генерал Пишегрю сложил с себя порученное ему за три дня до того главное командование, получив при этом ряд поздравлений и комплиментов (с указанием, что бунтовщики — такие же враги Республики, как и австрийцы, которых, подразумевалось, победил тот же Пишегрю); генерал, со своей стороны, обещал поведать своим «братьям по оружию», как успешно Конвент покончил с остатками партии, разгромленной еще 9 термидора. Будущий изменник усвоил себе при этом скромный, полный достоинства тон, приличествующий, например, спасителю отечества перед лицом древнеримского державного сената²⁴⁸.

Ликуя по поводу одержанной победы, официозная публицистика, одновременно с призывами к мщению и карам, не скрывала, что положение остается трудным и опасным, так как хлеба все-таки нет. «Покажите народу будущие средства, которые вы для него готовите, указывайте ему на запоздания в подвозе (продовольствия), которые причиняют дурное состояние дорог, путаница в мероприятиях, неопытность агентов. Страйтесь обуздить алчность, которая спекулирует на голоде и которая торгует народною нищетою!». Так поучал казенный «Moniteur» жерминальских победителей²⁴⁹. Все это были праздные слова. Обе стороны готовились к новой схватке.

Глава пятая

МЕЖДУ 12 ЖЕРМИНАЛЯ И 1 ПРЕРИАЛЯ

Жерминальские события стали известны во Франции (в местах, более или менее отдаленных от столицы) лишь тогда, когда все уже кончилось и победа правительства вполне выяснилась. Это не значит, конечно, что все и всюду одинаково уверовали в прочность победы; но во всяком случае было очевидно, что нападение на Конвент на этот раз не удалось.

Парижские публицисты и провинциальные самоуправления наперерыв спешили выразить свои чувства. Сохранилось много адресов, присланных из провинции в ответ на парижские вести. Они очень шаблонны и по форме и по содержанию и в основном сводятся, во-первых, к патетическому изъявлению радости по поводу спасения Конвента (сената, высокого собрания, отцов отечества, представителей нации и т. д.) от посягнувших на него инсургентов (злодеев, якобинцев, кровопийц, бесстыдных заговорщиков, охвостья Робеспьера), а во-вторых, к выражению упований, что отцы отечества беспощадно расправляются с побежденными якобинцами. Вся эта рукописная литература, повторяю, так по существу однообразна, что добыть из нее хоть какие-нибудь конкретные данные об оттенках настроений в том или ином департаменте представляется весьма затруднительным. Ясно одно: провинциальные самоуправления и другие группы и организации, славшие Конвенту свои поздравления в жерминале и флореале (как и позже, в прериаля), всемело отражают мысль и чувство раздраженных и напуганных собственнических кругов как города, так и деревни. Восстание, направленное в первую голову против укрывательства при-

пасов ю спекуляции хлебом и прямо провозгласившее целью восстановление конституции 1793 г., естественно могло возбудить в собственнических слоях деревни и города лишь чувство ожесточения, жажду мести и беспощадной кары. Чтобы дать некоторое понятие о внешней форме упомянутых адресов, приведу кое-какие образцы, сопоставляя их при случае с соответственными отрывками из термидорианской прессы.

Отметим прежде всего, что провинция была склонна особенно подчеркивать связь между жерминальскими событиями и 9 термидора: выходило, что 12 жерминаля прикончило гидру якобинизма и террора, тяжело раненную 9 термидора. Часто просто приравнивали 12 жерминаля к 9 термидора, утверждая, что «злодейство» нашло себе могилу в эти два разделенных восьмимесячным промежутком, мятежных дня²⁵⁰. Подобные сопоставления сделались тогда своего рода готовым клише. «Мы смотрим (на 12 жерминаля) как на конец и завершение девятого термидора», пишут, например, граждане округа Же. И они, как и многие другие, настаивают при этом на карах, репрессиях, на изгнании из Конвента всех монтаньяров и т. д.²⁵¹. Скажу кстати, что отмеченную мысль старались широко распространить и из центра. В газете Ферона, вышедшей по странному совпадению как раз 2 прериаля, но еще трактующей о жерминальских событиях (номер явно составлялся еще в флореале, до прериальского восстания), издатель настаивал, что 9 термидора было только началом «благого переворота», но что в «святилище законов», т. е. Конвенте, еще оставались «заговорщики, замышлявшие гибель свободы, смерть отечества». Но вот все так счастливо обернулось, что кинжал, занесенный 12 жерминаля, не причинил зла, направив, «свобода» восторжествовала²⁵².

Некоторые, не довольствуясь ссылкой на 9 термидора, торопились как бы пригвоздить к позорному столбу всех деятелей революции, начиная с момента изгнания жирондистов. 12 жерминаля — это неудавшаяся попытка повторить 31 мая — 2 июня 1793 г. Таков был широко пущенный в обращение афоризм²⁵³. Нечего и говорить, что после 1 прериаля эта параллель между весною 1793 г. и весною 1795 г. окончательно вошла в оборот. Но попадается она уже и после 12 жерминаля, хотя в адресах, кажется, реже,

Чем в прессе. Так, например, она встречается в брошюре «О страстиах народных», причем автору, в согласии с общими его убеждениями, 31 мая представляется позорным днем, который ныне заглажен достославной жерминальской победой доблестного правительства²⁵⁴.

Оптимизм провинциальных термидорианцев заходил часто так далеко, что они считали жерминальское движение «лишь конвульсиями на смерть пораженного чудовища»²⁵⁵. Это — все то же клише, повторяющееся как в газете Ферона, так и в разных провинциальных адресах: 9 термидора — начало победы, 12 жерминаля — ее счастливое завершение.

В адресах из провинции нередко делались и попытки смешать в одну кучу якобинцев и роялистов и даже ретроспективно представить дело так, будто победители 12 жерминаля являются в настоящем и даже были в прошлом неизменными борцами против «тирании», причем оказывается, что 10 августа 1792 г. (свержение Людовика XVI) и 9 термидора 1794 г. (свержение Робеспьера) — явления совершенно одного порядка, две достославные даты свержения тиранов, а 12 жерминаля — день, когда был разоблачен и побежден заговор, составленный клевретами обеих этих павших тираний²⁵⁶. Это, так сказать, наиболее казенная, наиболее выгодная для термидорианского правительства, версия.

Та же условная, хотя и крайне наивная, ложь упорно держалась в официальной переписке: велено было понимать и особенно представлять дело так, будто инициаторами 12 жерминаля были отчасти роялисты и контрреволюционеры. Отсюда возникали курьезные документы: народный представитель Порше, поздравляя Конвент с победой над контрреволюционерами, доносит в том же письме о проезде двух таких «контрреволюционеров» — Бильон-Варенна и Колло д'Эрбуа, отправляемых в ссылку²⁵⁷.

В адресах и петициях, поступавших в Конвент после 12 жерминаля, мы нередко находим настойчивое желание добиться судебного преследования якобинских элементов, причем даже официальные учреждения не стесняются в весьма прозрачных восхвалениях самосуда и в поощрениях к насилиям над представителями павшего режима²⁵⁸. Некоторые из провинциальных адресов ставят все точки, где следует, и прямо подчеркивают, что только казнь пока

еще уцелевших монтаньяров может гарантировать «общественную свободу». Следует обратить внимание на терминологию: одни говорят общо и неопределенно о «кровопийцах», «якобинцах» и т. д. Другие уточняют: la montagne, les montagnards, т. е. прямо указывают на кучку депутатов Конвента, к которым еще применялось это название²⁵⁹. Именовали их также «хвостыем Робеспьера»; название, которое к ним применялось ими самими и кое-кем из других партий в самом собрании — «вершина» (la crête), — было мало распространено вне Конвента.

Сравнительно с общим количеством сохранившихся провинциальных адресов не часто попадаются указания на то, что местные якобинцы проявляют какие-либо признаки волнения или готовятся к выступлениям в связи с парижскими событиями. Возможно, что об этих событиях узнали на местах лишь тогда, когда они уже кончились, и выступление там могло представляться явно запоздалым. Но кое-где чего-то, по-видимому, ждали: местные власти изредка говорят в своих адресах о «разветвлениях» заговора, о зловещих улыбках «людей крови», как бы предвещавших «восстание преступления против добродетели», и т. д.²⁶⁰. Но в провинции все оставалось спокойно.

В общем восторг, как видим, выражался весьма горячо. Адрес шербургских граждан даже проводит параллель между успехами внешней и внутренней политики Конвента: только что заключенный выгодный мир с некоторыми державами распавшейся первой коалиции сопоставляется с победою над жерминальским восстанием²⁶¹. Нужно только «довершить» внутреннюю победу, т. е. расправиться с якобинцами и остатками конвентской Горы.

Но, разумеется, все эти бурно-пламенные адреса и поздравления, шедшие из всех уголов Франции, как после 12 жерминаля, так и впоследствии, после 1 прериля, не следует переоценивать, т. е. не следует преувеличивать личной боевой готовности составителей этой литературы. В высшей степени характерна в этом отношении формула, на которой остановились граждане города Рошфора после первых известий о брожении в Париже (нездолго до разгара жерминальских событий), когда в провинции еще не очень было ясно, чем кончится дело: осторожные рошфорцы поклялись «всегда присоединяться к большинству Конвента», — если «жестокий рок» ввергнет его «в гибельное

разделение»²⁶². На таких защитников трудно было возлагать большие упования: они ведь не определяли, какое именно большинство они будут поддерживать. Их заявление было равносильно обещанию всегда становиться на сторону победителя; и стоит лишь внимательно прочесть текст этого документа, чтобы стал ясен его внутренний, неосознанный авторами, комизм.

Замечу кстати, что и столичная пресса приурочила наиболее горячие свои изъявления преданности не к тем дням, когда готовились и происходили жерминальские события, а к тому моменту, когда все уже было решено.

Газеты (например, «Le Républicain français») рискнули выступить с льстивыми приветствиями Конвенту не 13, а 14 жерминаля, когда не оставалось уже и тени сомнения в победе правительства²⁶³. А между тем эта газета была из числа задававших тон в то время. С каждой неделей торжество победителей выражалось все громче, потому что каждая неделя, прошедшая спокойно, казалось, делала все значительнее победу 12 жерминаля. На самом деле, однако, термидорианский Конвент и его правительственные комитеты вовсе не были так убеждены в прочности и окончательности своей победы. Лесть прессы и приветствия провинции не очень их убаюкивали...

В создавшейся атмосфере яростной травли «якобинцев» не мог, конечно, не поднять головы тот непримиримый «интегральный» роялисты, о котором речь шла выше. Из жерминальских событий роялисты, по-видимому, извлекли только одно заключение: конец Республики близок, разбойники и цареубийцы вступают в междуусобную брань, следует поэтому ускорить вооруженное нападение, чтобы покончить с той и другой стороной.

Если Малле-дю-Пан подозрителен по революционизму, если бывший министр Людовика XVI Калонн неблагонадежен по конституционализму, то можно ли унизиться до сделок и переговоров с какими-то Тальенами и Феронами? Всем им место на той же виселице, на которую отправятся также инсургенты Антуанского и Марсельского предместий, лишь только трон и алтарь воссияют прежним блеском.

К счастью для французской Республики, эти воззрения во всей незапятнанной чистоте восторжествовали в тот момент в роялистских эмигрантских руководящих кругах.

Но роялисты, действовавшие в самой Франции, ничуть не расходясь со своими заграничными вождями и несколько не отличаясь от них в смысле глубины политического понимания и прозрения, сразу почувствовали после жерминальской победы, что вода пошла теперь на их мельницу — Вандея снова подняла голову.

Своеобразное перемирие с вождями вандейцев, соглашение об «умиротворении» (*traité de pacification*), на которое пошло правительство 1 флореяля (20 апреля 1795 г.), через две с половиной недели после жерминальских событий в Париже, несколько не прекратило шуанского бунта на западе. Во-первых, далеко не все вандейские вожди примкнули к соглашению; во-вторых, — и это самое главное — общее резкое усиление реакции после 12 жерминаля было так на руку роялистам, до такой степени окрыляло их надеждами, что они дальше чем когда-либо были от какой бы то ни было мысли о примирении. Напротив, именно тогда, в весенние месяцы 1795 г., затевался ирабатывался план решительного прямого военного нападения на французскую Республику с запада, при помощи английской эскадры. С этой точки зрения позднейшая высадка на Кибероне — прямое и непосредственное последствие жерминальских и прериальских бурь. Но в течение всего флореяля и прериля грабежи и вооруженные нападения шуанов не прекращались ни на один день²⁶⁴. И это было после заключения перемирия.

Если в Вандее и Бретани роялисты действовали после жерминаля вполне открыто, то в других местах рост реакции выразился в усилении мюскаднов, среди которых, как сказано, роялистские тенденции были очень живы, хотя и не обнаруживались до поры до времени слишком демонстративно.

В Париже, в Лионе, в Руане мюскадены после 12 жерминаля подняли голову. Да и во многих других местах тоже. Некоторые донесения из провинции откровенно указывали обоим комитетам (общественного спасения и безопасности), что напрасно так много воли дают этой молодежи и не слишком ли усердно взялись за преследование якобинцев²⁶⁵.

«Золотая молодежь» устами одного из своих вождей (Жюллиана) взывала к мести, возмущалась тем, что в Конвенте еще сидят люди, которые «убили Францию»²⁶⁶.

Неустанно требовали «очищения» Конвента, т. е. искоренения тем или иным способом ненавистной «вершины». То, что полностью не удалось, а было лишь намечено и начато в жерминальские дни, должно было быть завершено при следующем восстании, которого все ждали, считая его неизбежным. Тот же термидориански — но, отнюдь, не роялистски — настроенный деятельнейший организатор и идеолог «золотой молодежи», Жюллиан, необыкновенно ярко рисует психологию буржуазного класса, взятого в целом, в промежуток времени между жерминалем и прериалем. Было предрешено в сего сознание силы: «наше дело было делом всех собственников, всех добронамеренных людей», пишет Жюллиан²⁶⁷. Следовательно, нечего было падать духом: что собственники могут не победить в конце концов,— это ему в голову не приходило. А если так, то нечего и пугаться сознания, что жерминаль был только про бою сил со стороны врагов (*essai des forces de nos ennemis*) и что дело еще далеко не окончено. Это сознание силы не обмануло их и тогда, когда настали прериальские дни: «золотая молодежь» или, шире говоря, социально-консервативные элементы оказались в решающие минуты этих дней всюду — и около Конвента, и на улицах, и даже, в качестве наблюдателей и шпионов, в рядах восставших. Идеологи этого течения (вроде того же Жюллиана) останавливаются, между прочим, на неумелом образе действий вождей восстания, которые не дали революционной толпе ясных директив; но тут же следует признание, что, с другой стороны, и «золотая молодежь» действовала, так сказать, экспромтом и даже не имела формально признанного («легального») места для сосредоточения своих сил. Но дело было в данном случае не столько в большей или меньшей организованности, сколько в соотношении реальных сил в столице и в стране.

Очень характерным явлением этих промежуточных между жерминалем и прериалем дней, поистине знамением времени, было усиление белого террора в провинции. Он имел место и до 12 жерминаля, но теперь принял большие размеры.

22 флореяля роялисты и отчасти термидорианцы разгромили тюрьмы в Марселе и учинили избиение сидевших там якобинцев. Представитель Конвента Шамбон мягко им за это выговаривал, указывая, что правительство и само,

без посторонней помощи, сумеет покончить с теми, кого желают истребить «всегда добрые и великодушные», но охваченные «простительным нетерпением» граждане города Марселя²⁶⁸. Ясно, что составленная в подобных выражениях прокламация звучала скорее приглашением к дальнейшим насилиям и поголовным избиениям, чем попыткой их остановить.

О марсельских (и подобных им) избиениях говорилось в официальной переписке того времени, как опять-таки о вполне простительных вспышках «общественного негодования», вызванных угрозами и поведением якобинцев. При этом никого и ничуть не смущало, что эти возмутительные угрозы, выводящие из терпения благонамеренных граждан, исходят каким-то образом от людей, сидящих в тюрьме или отправляемых туда под крепким караулом и тем не менее будто бы умудряющихся всенародно грозить «пролить потоки крови», «сжечь город», «восстановить тиранию Робеспьера» и т. п.²⁶⁹. Конечно, власти всегда оказывались в таких случаях «бессильны» предупредить «ужасные последствия» праведного негодования благонамеренных граждан. Другими словами: погромы и избиения «якобинцев» или подозреваемых в якобинстве стали в то время бытовым явлением. На юге они чаще всего организовывались элементами, очень близкими к роялизму.

Луве уже через месяц после событий 12 жерминаля не скрывал своего беспокойства по поводу усиления роялистов²⁷⁰. Бессилие его собственной позиции, парадоксальность, нелепость и, главное, опасность всей политики «балансирования» не бросаются ему в глаза. В жерминале он воюет против монтаньяров, во флореале против роялистов, в прериале снова против монтаньяров, в мессидоре опять против роялистов.

Таких, как Луве, было много, и именно с ними должен был считаться Конвент.

Внимательно анализируя действия Конвента в течение всего рассматриваемого периода — от жерминаля до прериаля, — мы должны прийти к заключению, что власти на протяжении всех этих семи недель не верили в прочность своей победы и ждали нового нападения, правда, не сейчас, но в ближайшем будущем. Возникла даже официозная версия, имевшая целью объяснить не только бывшее

(жермиальское), но и будущее, пока неведомое, восстание. В речи Шенье, произнесенной 12 флореяля перед Конвентом и тотчас же напечатанной отдельной брошюркой, мы читаем: «К чему скрывать от себя, представители (народа), ваши враги существуют, ваши враги многочисленны, они дерзко поднимают голову...». Существует всегдаший, всегда одинаковый план восстания (*ce plan toujours suivi, toujours identique*). Сначала женщины, отчасти введенные в заблуждение, отчасти преступные, начинают кричать о голоде; вокруг них собираются люди, которые сами же мешают подвозу припасов и т. д. Образуются многочисленные группы, которые требуют одновременно и «анархии» и восстановления королевской власти, жалеют в одно и то же время и о Робеспьере и о Людовике XVI. Вообще «анархия — это только орудие роялизма»²⁷¹.

Эта нота о роялизме была очень слышна в подобных «разъяснениях». Дело в том, что армия была так резко антироадистски настроена, что преподносить ей одни только нападки на якобинцев и «террористов» было не политично. Для армии врагами были прежде всего Вандея, австрийцы и англичане, а не Антуанское и Марсельское предместья.

Давая знать в армию о жермиальских событиях в Париже, Комитет общественного спасения (Шазаль, Лакомб, Мерлен, Марен, Ребель, Дибуа-Крансе, Сиейс) старается объяснить восстание происками внешних врагов и роялистов, только вскользь, в одной фразе, упоминая наряду с этими последними также и «террористов». Что до недостатка продовольствия, то это не более, как «предлог». Сообщение кончается настойчивой просьбой будильно следить за передвижениями неприятеля, который, пожалуй, хотел скомбинировать брожение внутри страны со своими военными планами²⁷².

Термидорианцы вообще были отлично осведомлены о настроениях в армии и не упускали случая разъяснять солдатам происходящие события со своей точки зрения. Неведомые «враги терроризма» обратились как раз в последние дни флореяля к брюссельскому гарнизону с воззванием, в котором убеждали солдат не верить клевете, распространяемой против мюскаденов: мюскадены стремятся только к защите законов; именно они участвовали 12 жермиала в спасении Конвента, а следовательно, и Франции.

Эта агитация была не лишнею: мюскадены слыши тайными роялистами, и правительству важно было, чтобы армия не раздражалась, слыша, какою благосклонностью они пользуются со стороны властей²⁷³.

Но из армии стали поступать успокоительные сведения. Можно было, значит, приняться за расправу с «якобинцами».

И враги термидорианской реакции, и ее руководители с разными чувствами и настроениями, но по существу довольно одинаково расценивали вероятные последствия жерминаля. Первые опасались, а вторые надеялись, что Конвент и его комитеты довершат дело, начатое 9 термидора, дело искоренения монтаньярской политики и якобинской традиции²⁷⁴; как сказано, провинциальные адресы наперерыв подталкивали Конвент на свирепую расправу. Но, как мы видели, Конвент пока еще не решался на те крутые меры, перед которыми он не остановился в прериаля. Тем не менее преследования тотчас же обратились против «вершины». Я уже отмечал, что в ночь с 12 на 13 жерминаля было постановлено арестовать Шаля, Шудье, Фуссдуара, Юге, Леонара Бурдона, Дюэма, Рюана и Амара. Одновременно, в порядке исключительного акта, было сразу закончено тянувшееся уже несколько месяцев дело членов бывшего Комитета общественного спасения. Барер, Бильо-Варенн, Колло д'Эрбуа и Вадье были осуждены в ссылку; из вновь арестованных выше перечисленных членов Конвента шестеро были посажены в крепость Гам, а двое (Амар и Дюэм) подвергнуты заключению в Париже.

Напомню кстати, что при вышеупомянутом проезде через Орлеан Колло д'Эрбуа, как и Барер, подвергся нападению со стороны своих политических врагов. Если верить в общем пристрастному свидетельству члена Конвента Порше, Колло был спасен только вмешательством «золотой молодежи», воспрепятствовавшей самосуду толпы²⁷⁵. Более похоже, во всяком случае, на тогдашнюю действительность было бы известие, что именно «золотая молодежь» и хотела учинить самосуд над опальным монтаньяром.

Аресты, начавшиеся тотчас же после 12 жерминаля, продолжались в следующие дни (людей попроще арестовывали и позже, в течение всего жерминаля). С каждым

днем яснее обнаруживалось, что в ближайший, по крайней мере, момент можно не опасаться нового выступления, и с каждым днем Конвент и его комитеты смелели больше и больше. Уже 16 жерминаля решено было арестовать ряд людей, связь которых с жерминальскими событиями доказать юридически было нелегко, но которые давно уже были ненавистны термидорианскому большинству Конвента. Политическая карьера таких людей, как Камбон, Левассер (de la Sarthe), Тюрьо, была кончена в эти дни. Камбон прятался в нелегальном скитальчестве; другие — засели в тюрьму²⁷⁶. Кроме них, Конвент того же 16 жерминаля постановил арестовать Монза Бейля, Гране, Гентца. Менье, Крассу и Лекуантра. Некоторым, впрочем, удалось еще несколько времени уклоняться от ареста. Левассер и Рюан скрывались несколько дней в Антуанском предместье и даже, по сведению полиции, вели здесь на тайных сбирающихся агитацию против правительства, предметом которой являлся все тот же недостаток съестных припасов²⁷⁷. Арестованы они были несколько позже.

Таковы были последствия жерминальского восстания для конвентской «вершины».

С чисто парламентско-правительственной точки зрения оно, таким образом, прежде всего заметно усилило крен направо, в сторону возвращенных жирондистов и застолбленных роялистов. Напомню, что, с одной стороны, возвращение 73 жирондистов уже давно давало себя чувствовать при голосованиях. С другой стороны, в первые же дни после 12 жерминаля из Конвента, как мы только что видели, был устранен целый ряд левых депутатов²⁷⁸. Тем не менее, по словам такого правдивого и внимательного наблюдателя, как Фэн, тогда начинавшего свою карьеру, Конвент воздерживался от введения в Комитет общественного спасения явно монархически настроенных депутатов. 15 жерминаля произошли обычные частичные перевыборы в Комитет, и он сорганизовался в количестве 16 человек (до тех пор он состоял лишь из 12), в числе которых оказались, между прочим, Мерлен (de Douai), Снейс, Камбасерес, Тальен, Обри.

Одновременно с арестами ряда монтаньяров, очень ослабившими и без того численно слабый состав «вершины», победившее конвентское большинство и правительственные комитеты предприняли другое дело, еще более для

них существенное: разоружение подозрительных граждан и раздачу оружия благонадежным. В ряде показаний, цитируемых мною в этой работе, читатель найдет точное доказательство, что этот двусторонний акт разоружения одних и одновременно вооружения других был основан на вполне определенных соображениях и на точном расчете: разоружалась неимущая, пролетарская часть населения, вооружались собственники, которым «было что терять и что защищать».

Некоторые случайно уцелевшие документы дают нам возможность заглянуть в секретные комнаты управлений городских округов тотчас же после жерминальских событий. Идет кипучая работа. Тут «подозрительные» граждане сдаются, согласно приказу, имеющемуся у них оружие; там, напротив, «благомыслящим» гражданам выдается оружие; тут предпринимается расследование по бесчисленным доносам; там составляются — и тотчас препровождаются в Комитет безопасности — списки подозрительных лиц, проживающих в данной секции; тут нужно принять граждан, желающих лично и устно осведомить власти о поведении таких-то и таких-то людей в жерминальские дни, и т. д.²⁷⁹.

Только что отмеченная мера — раздача оружия благомыслящим гражданам — характерна для жерминальских дней. В разгаре событий (13 жерминаля) в первом округе все заседание комитета округа (т. е. высшей местной полицеейской власти) прошло в раздаче оружия «братьям по оружию, достойным... доверия»²⁸⁰. Это отчасти как будто указывает, что правительство в жерминале было все-таки застигнуто событиями врасплох или во всяком случае не очень ясно представляло себе размеры движения. Но, с другой стороны, эта раздача оружия «достойным доверия» свидетельствует, как далеко, в смысле четкости и ясности, шагнуло классовое самосознание борющихся: ведь мы знаем из позднейших документов, вроде писем Ровера, мемуаров Левассера, Жюллиана и др., что достойными доверия термидорианцы в эту грозную для них весну считали прежде всего собственников. Но довершить это дело до прериала не успели.

Правительство разоружало врагов, вооружало своих — и ждало новой схватки, чтобы вплотную расправиться с противником.

Если «вершину» арестовали не всю, удовольствовавшись для начала только частью ее, то с рядовыми якобинцами церемонились мало и в Париже и в особенности в департаментах. В провинции так усердствовали, что политическим (давно уже сидевшим в тюрьме и никак не связанным с жерминальскими событиями) предлагали на официальном следствии такие вопросы: с удовольствием ли допрашиваемый узнал о дзижении, имевшем место в Париже 12 жерминаля²⁸¹.

В провинции вообще было осуществимо то, о чем в столице могли пока только мечтать: мы уже упоминали об обширных и безнаказанных избиениях заключенных в провинциальных тюрьмах. Но в центре, в Париже и в самом Конвенте, еще приходилось немного подождать.

Спустя несколько дней после 12 жерминаля Фрерон недвусмысленно заявлял, что если некоторые якобинцы (в том числе Гужон) и остались еще на свободе, то они являются как бы заложниками и будут арестованы при первом «бунте», а до той поры Конвент будет за ними следить²⁸².

Сам Фрерон зорко следил за недобигыми якобинцами, за их настроениями и чаяниями. Но пока все обстояло тихо и благополучно, — эти наблюдения давали ему лишь пищу для злорадных издевательств над недавними его товарищами.

Люди, помнившие кровавую террористическую карьеру Фрерона (а кто же мог ее забыть за один год времени), едва ли могли без внутреннего омерзения читать, например, статью этого человека, появившуюся 17 жерминаля в его органе *«L'orateur du peuple»*. Но самые факты, излагаемые в статье, весьма любопытны и показательны. Это спичка с натуры, мимо которой не вправе пройти ни один историк²⁸³. Перед нами люксембургская тюрьма в дни 10, 11, 12 и 13 жерминаля. С «воли» подходят друзья и родственники заключенных; разными способами и ухищрениями они передают известия о том, что творится в городе. Каждые несколько часов одни слухи сменяются другими и, соответственно, в самой тюрьме надежда уступает место унынию, отчаяние — радости, ликование — страху и раздражению. То узнают (10 жерминаля вечером), что секции собираются на другой день

требовать у Конвента хлеба, конституции 1793 г. и освобождения заключенных с 9 термидора: всеобщая радость. На другой день эти радостные слухи как будто подтверждаются: говорят, что секции предместий идут на Конвент и что завтра надо ждать «большого восстания» (*une grande insurrection*).

День 12 жерминаля, до самого вечера, проходит в ликующем возбуждении: заключенные толпятся во дворе, прислушиваясь к обнадеживающим звукам набата; при виде проходящих патрулей, состоящих из «чисто одетых граждан» (*des citoyens de Paris proprement vêtus*), настроение несколько падает, но знакомый гражданин из секции Обсерватории дает с улицы знак, что готовится решительный бой (*on va se battre à outrance*): надежда воскресает с минуты на минуту ждут освобождения. К 11 часам вечера все стихает, заключенные печально расходятся²⁸⁴. На утро (13-го) жена одного из заключенных сообщает с улицы, что народ опять собирается и что дело пойдет на лад (*on se rassemble de nouveau aujourd'hui... Ca ira*). Через полчаса получаются газеты: лица вытягиваются. Вскоре приходит известие об осуждении трех депутатов в ссылку и об аресте шести монтаньяров: мрачное уныние сменяет радостные надежды. К полудню печальные известия подтверждаются: всякая надежда исчезла. Звуки набата в три часа пополудни: не надолго надежда боскрясает. К шести часам все печально и безнадежно: все в отчаянии. Все кончено...

Конвент, однако, знал, что вовсе еще не все кончено. Но ему сильно повезло и в жерминале и позже: как раз в эти критические недели французская республика заключала один победоносный мир за другим.

Гордое сознание победы широко разливалось в стране. Ходили искусно распространяемые правительством слухи о запасах продовольствия, которых можно ждать из вновь завоеванных земель; царило сознание, что от побежденных врагов можно будет многого требовать; в первую очередь ждали возвращения на родину военнопленных французов²⁸⁵.

Нужно, кстати, отметить, что жерминальские события все же в конце концов отразились на франко-пруссском мирном договоре, подписанным в Базеле 5 апреля (16 жерминаля) 1795 г. Дело в том, что представитель Пруссии

Гарденберг, при окончательном обсуждении текста договора, вдруг потребовал введения статьи, по которой французская республика обязывалась в течение ближайших трех месяцев не рассматривать как враждебные державы все те германские государства, лежащие на правом берегу Рейна, в которых примет участие прусский король (*en faveur desquels le roi s'intéressera*, как сказано тут им, истинно суконным слогом в подлинном тексте). Французский представитель Бартелеми знал, что Комитет общественного спасения не желал брать такого обязательства, но Гарденберг, уже проведавший о событиях 12 жерминаля, вдруг заупрямился, а Бартелеми по той же причине побоялся, что Пруссия и вообще захочет повременить с заключением мира, и, превысив свои полномочия, поспешил согласиться на введение указанной оговорки, лишь бы поскорее кончить дело²⁸⁶.

Под знаком заключения мира с Пруссией прошел жерминаль; под знаком подготовляемого, еще более выгодного, мира с Голландией прошли конец жерминаля, весь флореаль, начало прериала. Атмосфера для предстоящей новой схватки с плебейскими предместьями складывалась для Конвента благоприятная.

Избежать этой схватки было невозможно, да же если бы конвентское большинство этого очень хотело, что едва ли на самом деле имело место. Но час пробил раньше, чем этого, по-видимому, ждали.

Конвент, разумеется, понимал, что расправа с монтиярами сама по себе еще ни в малейшей степени не устраняет главной опасности. Нужно было откуда угодно и какой угодно ценой достать хлеба и накормить голодающую пролетарскую массу столицы. В первом же (дневном) заседании после событий 12 жерминаля Конвент особым декретом постановил, что Комитет безопасности обязан *каждые полчаса (sic!)* доносить собранию, в каком положении находится снабжение столицы хлебом²⁸⁷. Но по мере того, как шли дни за днями и нового нападения на Конвент не произошло, эта ретивость ослабела, и вопрос о хлебе снова отодвинулся. Да и что мог сделать Конвент, категорически отклонявший всякую мысль не только о принудительной таксации, но и вообще о каких бы то ни было мерах, затрагивающих интересы собственников, как в деревне, так и в городе.

17 жерминаля (6 апреля) Комитет общественного спасения издал постановление о хлебных карточках, на которых должно было быть обозначено количество ртв в данной семье (а не фунтов причитающегося ей хлеба); предписывалось также усиление надзора за правильным распределением хлеба среди населения столицы, точное прикрепление каждого гражданина к определенной булочной и т. д. Но все это были паллиативы, все это были технические детали, борьба с опасными «очередями», — и только²⁸⁸. По существу призрак голода продолжал висеть над Парижем!

В течение второй половины жерминаля и всего флореяля выдаваемые пайки были по-прежнему скучны, по-прежнему шли жалобы, требования выдачи фунта хлеба вместо полфунта²⁸⁹, тянулись прежние очереди, повторялись прежние указания на невозможность варить рис за отсутствием топлива и т. д.

Мяса не было, да о нем подавляющее большинство парижского населения и мечтать не смело. Порция хлеба была, по закону, полфунта на человека, в действительности же, по доступным, установленным Конвентом ценам, его выдавалось целыми неделями по две унции в день (т. е. шестая часть фунта). Покупать же хлеб поовым ценам могли только очень немногие: он давно уже стал предметом кипучего ажиотажа и спекулятивного поднятия цен. В конце флореяля фунт хлеба, «переходя из рук в руки», как выражается один очевидец, в одну минуту доходил до такой цены, которая, явно, могла быть доступна только состоятельным людям²⁹⁰. В флореале хлеб стоил в вольной продаже до 10 ливров фунт, в начале прериала до 16 и даже, в иные дни, до 22 ливров. Иногда можно было встретить даже «хорошо одетых» людей (*un homme bien vêtu*), пытавшихся добыть картофельную шелуху из мусорных куч и тут же ее съедавших²⁹¹.

Бедственное голодное состояние в рабочих кварталах столицы продолжалось в течение всего жерминаля и флореяля. Становиться с ночи в очередь перед булочными, чтобы после долгих часов изнурительного ожидания получить несколько унций хлеба или, сплошь да рядом, вместо хлеба — сырого риса, который не на чем сварить, — такова была участь женщин рабочих предместий. Немно-

гие монтаньяры, переживавшие это время и хорошо знавшие настроение кучки своих товарищей, утверждали впоследствии, что хотя они вели в эти недели (между жерминалом и 1 прериаля) некоторую агитацию в клубах секций, желали нового взрыва и надеялись его использовать, но вызвали его не они, а объективные условия жизни. Монтаньян Левассер поминает при этом и безработицу²⁹². Но о безработице наши документы говорят несравненно меньше, чем о недостатке съестных припасов для неимущего населения. Неимущие в провинциальных городах были в общем еще в более беспомощном состоянии, чем в Париже.

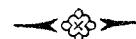
В департаментах становилось неспокойно. Бывали недели особенно трудные, когда местная администрация ждала выступлений революционного характера. Может быть, в самом деле, как уверяют некоторые документы, «порядок» в провинции сравнительно редко нарушался именно из-за сознания, что непосредственного улучшения положения ждать нельзя²⁹³.

Власти видели, что положение неимущей массы в столице (провинциальные города их интересовали несравненно меньше) ничуть не изменилось к лучшему и что, следовательно, можно ждать повторения жерминальской вспышки. Изредка делались, правда, со стороны официальных и официозных публицистов удивительные по своей бесцеремонной лживости и курьезные по своему слаженному тону попытки затушевать все происходящее: и лютый, все обостряющийся голод, и возрастающее раздражение против имущих, и недвусмысленные признаки надвигающейся новой схватки двух враждебных классовых стихий. «Страсти, по-видимому, навсегда утихли», народ терпит голод «с величавым терпением и героической покорностью судьбе», состоятельные люди идут на «жертвы», и между всеми классами граждан устанавливается «обмен благодеяний и признательности»²⁹⁴. Этую последнюю, несколько запутанную фразу следует понимать так: состоятельные секции великодушно благотворят, а рабочие предметы отвечают им порывами благодарного чувства. Это писалось за три с небольшим недели до 1 прериаля, писалось, конечно, для публики. Ни Френон, ни его вдохновители из конвентского большинства, ни комитеты, ежедневно осведомляемые через полицию, разу-

меется, не могли верить ни одному слову этого приторочно фальшивого разглагольствования. Они, явно, знали, что новое выступление неизбежно.

Тут следует коснуться одного вопроса, для точного разрешения которого документальных прямых указаний у нас нет. Мы увидим, что провокационный элемент в действиях правящего лагеря в зале заседаний Конвента в самый день (и особенно вечер) 1 прериаля едва ли можно отрицать. Но было ли все восстание прериальских дней с самого начала вызвано обдуманной провокацией властей?

На этот вопрос, по-видимому, может быть дан такой ответ. Отдельные руководящие деятели термидорианского Конвента, быть может даже и большинство комитетов как общественного спасения, так и безопасности, не прочь были довершить явно половинчатую жерминальскую победу и для этого провоцировать новое выступление. Но что это выступление произошло раньше, чем им было желательно, что плебейские предметы двинулись 1 прериаля по мимо тайно провоцирующей воли властей, если таковая и была, — это является из целого ряда признаков. Разоружение «подозрительных» слоев населения еще не только не было закончено, но даже и не подвинулось заметно к концу; войска не были подтянуты к столице и вообще не было налицо и тени той подготовки, какую можно было бы предположить. Мало того: 1 прериаля, когда это слишком преждевременное выступление рабочих секций все-таки произошло, оно не сразу испугало комитеты, и еще можно было пытаться использовать его с провокационными целями. Но выступлений 2, 3 и 4 прериаля уже не предусмотрели, они уже являлись для властей вполне неожиданным развитием событий, именно и показавшим, как опасно было (с точки зрения правительства) слишком раннее выступление 1 прериаля. Правда, надежды на победу в конце концов не обманули правительство, но этой победы пришлось ждать четыре дня, пережив при этом немало весьма критических моментов.

Г л а в а ш е с т а л
ПЕРВОЕ ПРЕРИАЛИЯ

Приступая к анализу характерных черт прериальского восстания, нужно прежде всего отметить ту черту его, которая, правда, не столь ярко, сказалась и в жерминальских событиях. Нелепо было бы резюмировать особенности прериального восстания, сказав, например (как это иногда делается), что в нем был налицо характер классовой борьбы. Как будто без классовой борьбы была бы возможна вообще вся революция, со всеми ее событиями, начиная со спора Генеральных штатов о способе проверки полномочий и кончая государственным переворотом генерала Бонапарта. Но в весенних выступлениях 1795 г. и особенно в прериальском восстании бросается в глаза гораздо более отчетливое сознание того, что дело идет именно о победе или поражении либо собственников, либо неимущих, причем, как увидим, иной раз берется еще более узкая и конкретная формула (редкая для тех времен) и говорится о борьбе «рабочих» и «буржуазии». Другими словами: вся подготовленная идеологией и фразеологией философии XVIII века словесная завеса, за которой, начиная с 1789 г., происходили сдвиги и схватки реальных движущих сил революции, рассеялась и рассыпалась, и обнаженная борьба имущих с неимущими выступила с несравненно большей отчетливостью.

Термидорианец Тибодо называет три категории людей, которые 1 прериалия пришли на выручку Конвента: честные республиканцы — из-за любви к свободе; люди, у которых было что терять, — из боязни грабежа, роялисты... — чтобы спасти свои головы²⁹⁵. Первая категория, как видим, весьма неопределенна, зато остальные две обозначены не

только вполне точно, но и в полном согласии с другим^и источниками.

Согласно показаниям одного из верховодов «золотой молодежи», Жюллиана, уже перед 1 прериалия «все секции» (конечно, кроме секций двух рабочих предместий), боясь воскрешения террора, предложили свои услуги Конвенту. Прежде всех явилась «молодежь» (мюскадены). В день 1 прериалия и в следующие дни мюскадены были «звезды» и даже пробирались в гущу инсургентов²⁹⁶.

Это показание, очень беглое и общее, нуждается, разумеется, в пояснениях: не только не «все» секции стали на защиту Конвента, но и в самых, казалось бы, буржуазных и зажиточных из них не «все» граждане были вполне благонадежны. У нас есть крайне характерное указание на тот зрело обдуманный отбор, который производился в эти критические дни властями в каждой секции.

Опубликованная только в 1908 г. переписка члена Конвента Ровера с Гупильо дает нам интереснейшее свидетельство того, до какой степени отчетливо термидориансское правительство понимало классовый характер поднимавшегося движения. Конвент, утверждает Ровер, никогда не подвергался такой опасности, как в прериальные дни. Спасли его «добрые граждане, отобранные по одиночке в каждой секции» и позванные на его защиту. Если бы были просто призваны секции в общем составе (en masse), все погибло бы, потому что везде преобладали «злодеи», а честные люди стыдились с ними смешиваться. Это обстоятельство, «к счастью», не ускользнуло от внимания Конвента. Кликнули клич только «добрым гражданам, имевшим состояние» и которым, следовательно, было что защищать. Из этих-то отборных граждан и состоялась «сразу» армия в 50 тысяч человек (вместе с личными войсками)²⁹⁷. Официальный отчет о событиях, правда, говорит лишь о 25 тысячах, и ясно, что Ровер от восторга впал в преувеличение. Но самая тактика отбора только имущих людей для защиты их собственности, находящейся под угрозой, и расправы с «злодеями» настолько восхищает Ровера, что он рекомендует ее на будущие времена своему, находящемуся в командировке, приятелю²⁹⁸.

О таком же персональном приглашении «отборных граждан» для защиты Конвента говорит и Давид в

одном неизданном письме к Мерлену, причем, по его предположению, 4 прериаля набралось от 30 до 40 тысяч «отборных граждан»; сопровождали же их два полка кавалерии и несколько отрядов «добровольцев» (под последними Давид, вероятно, понимает мюскаденов). Конечно, и к этой цифре следует отнести скептически, но во всяком случае, характерно, что и Давиду дело, по-видимому, представлялось так: главная сила — «отборные граждане», линейные же войска их только «сопровождают»²⁹⁹. Тотчас же после победы разоружение подозрительных («террористов») и аресты по докладам полиции и по доносам частных лиц возобновились с удесятеренной энергией. Провинция хорошо понимала, что Конвент рассчитывает и может рассчитывать в предстоявшей борьбе в первую голову именно на собственников. Члены уголовного трибунала департамента Эро в адресе Конвенту обещают ему в помощь целые «фаланги республиканцев-собственников», тех самых, которые в большом количестве и, прибавим, вполне добровольно, по личному почину, пошли за несколько дней до того усмирять восстание в Тулоне³⁰⁰. Но Конвенту их помочь не понадобилась: борьба была решена к вечеру 4 прериаля силами регулярной армии и буржуазных секций столицы.

Хотя отбор производился во всех секциях, но были, разумеется, среди них и такие, где и без всякого отбора «благонадежный» элемент имел подавляющую силу. Такие секции с первого же момента явились предлагать свои услуги.

Секция Брута (где была сильна средняя буржуазия) первая пришла в Конвент с предложением помочь против восставших. Комитеты в самых сильных выражениях высказались об инсургентах, благодаря секцию за проявление ею чувства и предложенные жертвы (сбор среди «богатых» для помощи «нуждающимся» и т. д.³⁰¹). Целым рядом следовавших одно за другим постановлений комитеты (в объединенном заседании) подтягивали к Конвенту отборную вооруженную силу секций, обеспечивали ее провиантом, устанавливали связь с генералом Фоксом, которому Конвент непосредственно поручил свою охрану.

Если, как мы видим, показание Жюльиана о «всех» секциях нуждается в справках и пояснениях, то относительно «золотой молодежи» оно совершенствуточно. Во все

эти дни мюскадены играли роль деятельных соглядатаев, лазутчиков и осведомителей. Едва ли не они первые принесли 2 прериаля известие, что в Антуанском предместье происходят сборища, принимающие тревожный характер, причем в точности указали участнико в этом движении секции. Они же доложили о собирающихся совсем близко от Конвента женщинах. Этих «молодых людей, полных усердия и доброй воли», пересыпали из комитета в комитет для представления кому следует обстоятельных устных докладов. Подлинные архивные документы, писавшиеся в разгар прериальских событий, рисуют, таким образом, роль мюскаденов в полном согласии с воспоминаниями Жюльиана³⁰².

В другом лагере также сознавали, что восстание направляется именно против собственников. Сидевший уже во время прериальских событий в тюрьме Левассер знал о них по рассказам людей, арестованных уже после прериального дела. Да и до своего ареста он, как один из членов «вершины», пользовавшийся большим доверием, тоже многое мог знать. По его словам выходит, что какая-то организация существовала; она состояла из «нескольких отважных молодых людей», задумавших восстановить «господство патриотов» и с этой целью вошедших в сношения с некоторыми монтаньярскими депутатами. Гужон и Бурботт будто бы согласились «стать вождями восстания», причем решено было «использовать опыт 12 жерминаля»; целью восстания должно было быть немедленное восстановление конституции 1793 г., а до ее введения в действие — «диктатура нескольких энергичных патриотов». На этот раз, — пишет Ренэ Левассер, — речь шла о том, чтобы «победить или погибнуть»; на этот раз «это была борьба народа против средних классов, рабочих курток против сюртуков». Материальная сила была несомненно (*certainement*) на стороне народа, но ему не хватало единого руководства, правильной дисциплины, — и он был побежден³⁰³.

Это свидетельство заслуживает полного внимания. У исследователя истории великой буржуазной революции, нужно сказать, остается впечатление, что в Париже, а отчасти и в провинции, была некоторая группа людей, которая так или иначе, в той или иной мере, участвовала и в жерминальских и в прериальных событиях, и в заговоре

Бабёфа, и в гренельском деле; группа эта была, конечно, не очень велика, редела с каждым годом, но в ней хранились и передавались известные, если можно так выразиться, традиции и навыки инсуррекционных выступлений.

Не ее ли имеет в виду Левассер, говоря об отважных молодых людях? Возможно, что она-то и составила живую связь между «вершиной» (*la crête*) Конвента и рабочими предместьями, если такая связь вообще была. Насколько правильно утверждение, касающееся Гужона и Бурбонта, сказать трудно. Конечно, то обстоятельство, что впоследствии перед лицом судившей их военной комиссии они оба отрицали какую бы то ни было свою связь с подготовкой восстания, само по себе не могло бы служить аргументом. Но, с другой стороны, близкий друг и родственник Гужона, Тиссо, всецело разделявший его убеждения и почти на шестьдесят лет его переживший, никогда ничего не говорил о его согласии стать во главе восстания. Как бы то ни было, свидетельство Левассера, хотя и не подтверждаемое другими источниками, заслуживает быть отмеченным. Еще интереснее для историка утверждение того же очевидца (на этот раз совпадающее с рядом других показаний), что борьба в весенние месяцы 1795 г. носила явно выраженный характер выступления «народа», блузников рабочих предместий, против буржуазии или, как он говорит, «средних классов».

Арестованный еще до 1 прериала, Левассер мог много и точно знать о прериальском восстании: ведь тюрьмы в те времена были своеобразными политическими клубами, а с 1 прериала они были битком набиты арестованными участниками и свидетелями событий. По его словам, инсургенты 1 прериала были или совсем не вооружены или вооружены плохо (дурными ружьями, пиками, ржавыми саблями, рабочими инструментами); среди них было много женщин. Левассер несомненно повторяет жалобы самих инсургентов, когда говорит о недостаточном вооружении, о неумелом предводительствовании и когда настойчиво и многократно изображает прериальское восстание как возмущение «рабочего класса» (*la classe ouvrière*) против «буржуазной аристократии» (*l'aristocratie bourgeoise*).³⁰⁴

Характер назревавших событий понимал, конечно, и Фрерон. В 123-м номере своей газеты, составленном и отпечатанном в самом конце флореяля (и появившемся в

свет 2 прериала, причем разыгравшиеся накануне события в нем еще не упоминаются), Фрерон, признавая «грязную алчность и гиусное мошенничество» (*la sordide avarice et la vile friponnerie*) спекулянтов, искусственно создающих дорогоизну, отмечает «доводящую до отчаяния» скучность выдаваемых пайков хлеба и общее удрученное настроение. «*La consternation était générale*», пишет он, скорбно-иронически поясня, что говорит обо всем этом, как о прошедших бедствиях, только потому, что «было бы слишком тягостно» говорить о них в настоящем времени, хотя, прибавляет он, они продолжаются по-прежнему. Как бы задабривая голодающих, он восторженно хвалит их за долготерпение, за самоотверженность, за покорность судьбе, длящиеся столько же, сколько и лишения. Главное же, в чем, по мнению Фрерона, проявляется возвышенная добродетель «народа», это то, что он не восстает против собственников: «Никогда еще собственность не была столь религиозно чтима» (*la progréité ne fut jamais si religieusement respectée*), и порядок существует так жеочно, как если бы вокруг царило изобилие.³⁰⁵

Едва успели выйти из типографии все эти славные комплименты долготерпению народа, как долготерпение лопнуло, и плебейские предместья выступили.

С утра 30 флореяля распространился слух, что порция хлеба на человека в день определена в Париже в две uncii. На другой день, 1 прериала в 5 часов утра, в предместьях раздался бой барабанов, а несколько позже — набатный перезвон. Толпы женщин первыми двинулись к центру города; мужчины (сначала в меньшем числе) следовали за ними. Лозунгом, который громко провозглашала толпа и который в виде надписи мелом красовался на шляпах, на груди или на рукавах у многих участников шествия, были слова: «Хлеба и конституцию 1793 года» (*du pain et la constitution de 1793*).

Хотя, как сейчас увидим, существовал «план восстания» или, вернее, распространялась прокламация, содержащая программу требований и общие указания о том, что прежде всего надлежит делать восставшим; хотя более чем вероятно, что утреннее формирование масс в предместьях было делом организованным, а не стихийно возникшим, но самая организация или предполагаемая инициативная группа ускользнула от внимания и поэтому от

ареста. Уже утром 1 прериаля Комитет безопасности знал о существовании какого-то инсуррекционного комитета; он даже укорял полицию в недостаточной активности (конечно, за то именно, что исходный центр восстания остался неоткрытым) ³⁰⁶.

Были, несомненно, и неоднократные попытки создать днем 1 прериаля уже в разгаре событий организационное и стратегическое ядро восстания, но они не привели ни к какому осознательному результату. Из некоторых документов (например, из подлинного протокола заседания «революционного комитета» 12-го округа, протокола, составлявшегося в ходе самого заседания) мы видим, что инсургенты пытались в первый день восстания завладеть частью помещений секций и открыть там собрание, которое могло бы, очевидно, стать первой ячейкой местной инсуррекционной власти. Такие попытки возобновлялись в течение дня в разных местах, но ни одна из них не получила развития ³⁰⁷. Точно так же и в секции Обсерватории и в секции Пантеона делались попытки самочинно открыть общее собрание секции, независимо от официальных окружных комитетов и вообще без всякого касательства к установленным властям. Эти собрания предполагалось связать с секциями восставших предместий. Но и это не удалось. Была также сделана попытка открыть заседание такого самочинного собрания в городской ратуше, причем были выдвинуты требования, отчасти совпадавшие с теми, которые включал упомянутый план восстания, отчасти же более конкретные (например, об изгнании из Конвента возвращенных 73 жирондистов и вообще «людей 31 мая», о восстановлении закона о максимуме и, в частности, таксации зерна, о принудительном курсе ассигнаций, о раздаче народу продовольственных запасов) ³⁰⁸.

Во всяком случае, и друзьям и врагам прериальских инсургентов было ясно, что никакого обдуманного, центрального руководства в течение всего дня 1 прериаля восстание не имело, что признает и Левассер, с одной стороны, и Жюллиан — с другой, как и все вообще очевидцы, писавшие об этом дне. Похоже было на то, что кое-какая организованность проявилась лишь в первоначальном сформировании народных масс и в направлении их из предместий в Конвент, а потом все было предоставлено случаю ³⁰⁹. Драгоценные часы в Конвенте были даром по-

теряны: ни Комитет общественного спасения, ни Комитет безопасности, ни Военный комитет не были захвачены.

С самого утра 1 прериаля начинавшееся в центральных кварталах столицы восстание характеризовалось так: Антуанское и Марсельское предместья (слово *saint* тогда опускалось) идут к Конвенту требовать хлеба ³¹⁰. Для властей на местах размеры надвигающейся опасности стали более или менее выясняться, по-видимому, только к 11 часам утра. Комитет 6 округа, например, лишь к этому времени получил известие о предстоящем движении массы к Конвенту. В течение всей середины дня это движение не ослабевало; приходили все новые и новые известия об инсуррекционных формированиях ³¹¹.

При всей пестроте показаний, касающихся точного времени отдельных событий 1 прериаля, можно считать, что народ из предместья двинулся походом на Конвент не в утренние часы, а уже после 1 часа дня. Об этом говорят не только свидетельства очевидцев, записанные ими на другой же день (как, например, письмо Дизе), но и данные вроде, например, той записи, какую мы встречаем в протоколе комитета 9 округа от 1 прериаля: «В половине второго... член комитета, откомандированный в Антуанское предместье, сообщает, что мастерские (слово *boutiques* в документах того времени обозначает часто не столько лавка, сколько мастерские.— *E. T.*) там заперты, что женщины выходят оттуда и направляются в Конвент, что мужчины там собираются группами и вооружены, причем у некоторых на шляпах слова: «Хлеба или смерть» ³¹². Если так обстояло дело в предместье во втором часу пополудни, ясно, что движение не могло начаться очень рано. Слухи с утра ширились, становились все более грозными. При этих обстоятельствах и открылось заседание Конвента.

Комитет безопасности прежде всего ознакомил собрание с «планом восстания» ³¹³. В этом документе объявлялось, что «тираническое» правительство морит народ голодом; указывалось на заточения и избиения «энергичных граждан»; напоминалось, что при столье невыносимом угнетении «восстание есть священный долг»; граждане и гражданки приглашались идти в Конвент и требовать: 1) хлеба; 2) уничтожения существующего образа правления; 3) конституции 1793 г.; 4) ареста всех членов правитель-

ства и освобождения всех патриотов, арестованных за то, что они требовали продовольствия для народа или выражали «энергичные миения»; 5) созыва первичных избирательных собраний на 25 прериля и Национального собрания на 25 мессидора; 6) собственность и личная безопасность всех граждан должны быть поставлены под охрану народа, выезд из Парижа — запрещен всем, кроме тех, кому будет поручено продовольственное дело; почта, сигнальный телеграф, транспортные конторы должны быть захвачены; курьеры будут впускаться в столицу, но не будут из нее выпускаться; 7) бежавшие члены Конвента должны быть «с подобающим уважением» возвращены в Конвент; 8) с самим Конвентом будут обходиться со всем почтением, какое полагается оказывать представительству французского народа; 9) всякая власть, «не исходящая от народа», отменяется; все агенты правительства, которые окажут неповиновение, будут наказаны, «как тираны». Секции пойдут на Конвент в «братьском беспорядке».

Выслушав доклад Комитета безопасности, председатель Конвента Верные заявили: «Бумага, которую (нам) только что прочли, не может испугать представителей народа; они сумеют умереть на своем посту»³¹⁴. Все собрание на мгновение встало, аплодируя и крича: «Да! Да!» В этом документе больше всего должны были, конечно, заинтересовать депутатов немногие содержащиеся в нем чисто тактические распоряжения: «Секции в братском беспорядке отправятся в Конвент и увлекут за собой те, которые окажутся у них по пути». Лозунгом движения, как сказано, объявлялись слова: «хлеба и конституцию 1793 г.». Впрочем, в Конвент уже с утра поступали сообщения о том, что в Антуанском предместье и некоторых других местах действительно собираются большие толпы, выдвигающие этот лозунг. Теперь пришли известия, что громадная масса инсургентов подходит к дворцу Конвента и что на шляпах у большинства «мятежные надписи».

Уже 12 жерминаля на шляпах многих людей, вторгшихся в зал заседания были слова, ставшие потом лозунгом восстания 1 прериля: «*Du pain et la constitution de 1793!*». Кроме этих требований, появилось теперь и третье: «Свободу заключенным патриотам!» Дюлор слышал этот возглас уже от первой толпы, вошедшей в Конвент³¹⁵.

Первыми вторглись в Конвент толпы женщин с криками: «Хлеба! Хлеба!» Они заняли сначала трибуны, — и их крики раздавались около четверти часа. Почти тотчас же народные толпы, гораздо более многочисленные, хлынули в здание Конвента. При страшно усилившемся шуме председатель пытался говорить о том, что получены удовлетворительные сведения о доставке продовольствия, — но его слова заглушались криками: «Нет, нет, мы хотим хлеба!» (*Non, non, c'est du pain que nous voulons*)³¹⁶. С первой же минуты настроение вошедших было враждебным. Угрозы и брань сыпались на членов Конвента. Особенно раздражены были, по свидетельству очевидцев, женщины: они призывали к прямому нападению на депутатов и брали трусами вошедших вместе с ними в зал мужчин.

Председатель приказал очистить трибуны, но почти в тот же момент раздались сильные удары во внутренние двери. Через полчаса народ выломал эти двери, и новые толпы ринулись в зал. По приказанию председателя два человека были схвачены и уведены. Вскоре затем арестовали еще и третьего. Депутат Феро бросился навстречу толпе, но был сильно помят. Среди жандармерии и войск, спешно вызванных на защиту Конвента, стало замечаться некоторое колебание. Самовольно спешившиеся кавалеристы поговаривали о том, что хотели бы сражаться с неприятелем на границе, но вовсе не желают стрелять в народ³¹⁷.

В два часа дня шум на улицах, перед зданием Конвента, неизмеримо возрос: все новые народные толпы прибывали со всех сторон с криками: «Хлеба! Хлеба!». Конвент постановил передать генералу Дельма командование вооруженными силами столицы. Около 4 часов перестрелка у входа в Конвент и внутри самого здания усилилась. Депутат Феро бросился навстречу народной массе, пытаясь ее остановить; почти в тот же момент он был убит, а атакующие бросились в зал³¹⁸. Одновременно новая громадная волна народа хлынула в здание Конвента.

Конвент на время оказался во власти инсургентов. Но они совершенно непроизводительно, с точки зрения своих интересов, потеряли несколько часов. Тут же и сказалось отсутствие центрального обдуманного руководства, отсутствие дееспособных вождей восстания.

Феро был убит после 3 часов дня огромной толпой, где уже в подавляющей массе преобладали мужчины. Когда он упал раненый и кто-то произнес его имя, инсургенты, — как гласит очень распространенная версия, — будто бы смешали его с Фрероном, особенно ненавистным за свою близость к мюскаденам и за общее направление своей деятельности. Раздались крики ярости, на упавшего посыпались удары, его стали топтать ногами, и через минуту его отрезанная голова была воткнута на пику³¹⁹. Нужно сказать, что версия о будто бы погубившей Феро путанице фамилий усердно поддерживалась самим Фрероном, желавшим, по-видимому, таким дешевым способом отчасти приобщиться к посмертным лаврам убитого депутата.

Гибель Феро была подробно описана в торжественной поминальной речи, произнесенной Луве 15 прериляя, когда Конвент чествовал память убитого. Конечно, речь эта, составленная в том приподнятом ложноклассическом духе, который тогда был в большой моде в подобных случаях, сильно стилизует подробности события. Получается, будто Феро, безоружный, став перед толпой со словами: «Вы пройдете только через мой труп», — был повержнут на землю. Друзья подняли его и увлекли прочь. А когда затем Феро увидел, что толпа подняла оружие на некоего Льбо, он, желая защитить этого, лично ему ненавистного, человека, кинулся к нему на помощь, принял на себя удары и пал жертвой. Удары пиками и штыками продолжали сыпаться на уже бездыханное тело³²⁰.

Такова была официальная версия, окончательно канонизированная речью Луве. В других источниках я не нашел подтверждений всех этих деталей. В невообразимом шуме, царившем в тот момент вокруг и внутри Конвента, при лихорадочной быстроте событий, словом, во всем этом страшном хаосе едва ли была у Феро возможность произносить величавые изречения, и уже во всяком случае, если они и были произнесены, навряд ли окружавшие могли их расслышать.

Один из инсургентов, окончательно отделивший ножом голову убитого Феро, воткнул ее на пику и в сопровождении нескольких товарищей пронес через весь зал прямо к президиуму, где он в течение нескольких мгновений держал голову перед глазами председательствовавшего

Буасси д'Англа. Легенда, впоследствии вдохновившая нескольких художников (начиная с лубочных и кончая Жозефом Куром и знаменитым Евгением Делакруа), гласит, будто Буасси встал и поклонился отрезанной голове своего товарища. Ничего подобного источники не подтверждают. Вообще Буасси д'Англа в первое время после событий сам нисколько не поддерживал сказаний о собственном геройстве; передавали даже, будто он впоследствии признавался, что, вероятно, убежал бы, если бы было куда бежать.

Как бы то ни было, толпа, окружившая президиум и показавшая председателю только что отрезанную голову Феро, все же не тронула самого Буасси. Разговор между ним и инсургентами, передаваемый Сальвертом в его брошюре, вышедшей сейчас же после событий, не был, насколько известно, опровергнут самим Буасси. Это не значит, конечно, что разговор происходил именно в таком виде, в каком его передает Сальверт: «Как! — спрашивает кто-то из толпы. — Так это ты тот Буасси, который нас морил голодом в эту зиму». — «Я Буасси, который не морил вас голодом в эту зиму. Напротив, напрасно я раздавал слишком много хлеба, считаясь с бедственными обстоятельствами. Если бы я тогда экономил хлеб, его теперь было бы больше». — «Ты преступник. Мы умирали с голоду». — «У меня нет хлеба». — «У меня не больше хлеба, чем у вас». — «У меня жена и четверо детей». — «И у меня есть жена и дети». — «А! и у тебя нет хлеба?» — «Я уже вам это сказал; если хотите убедиться, пойдите ко мне домой, от моего имени, я живу там-то»... — «Право, у тебя вид порядочного человека. Стань во главе нас». — «Не могу. Я на своем посту». — «Тем хуже... Так у тебя жена и дети?» — «Да». — «И нет хлеба? Ну, так вот кусок, отнеси его своей жене». С этими словами человек из толпы подал Буасси кусок хлеба, который тот спрятал в карман. Но разговор на этом не кончился. «Скажи-ка мне, прошу тебя, где преступники Тальен и Фрерон? Мне надо пойти убить этих негодяев». — «Я вам не скажу. Я совсем не знаю, где они; но если бы и знал, я бы не захотел вам сказать». — «Право же, у тебя вид порядочного человека, жаль, что ты не хочешь стать во главе нас». Буасси, прияя после всех событий домой, будто бы рассказал весь этот разговор жене и отдал ей полученный кусок хлеба³²¹.

Но в момент самого разговора положение казалось Буасси отчаянным: в голове, которую держали перед ним на пике, он не опознал Феро, а думал, что это голова генерала Фокса, которому он только что дал приказ отразить вооруженной силой нападение на Конвент. Приказ был письменный, за подписью председателя; в случае победы восставших, немедленная гибель Буасси была бы неизбежна³²².

Толпа, переполнявшая зал заседаний, не предпринимая никаких решительных действий, продолжала волноваться и шуметь; среди всеобщего шума раздавались отдельные возгласы, требования, угрозы.

Официальный отчет чаще всего упоминает следующие требования инсургентов: объявление вне закона тех, кто после 9 термидора и 12 жерминаля требовал ареста некоторых членов Конвента; непрерывность заседаний секций; домашние обыски у подозрительных по контрреволюционности лиц; освобождение арестованных. Иногда слышались крики: «Уходите, мошенники, мы сами хотим образовать Конвент» (*Allez vous en, coquins, nous voulons former la Convention nous-mêmes*). С момента появления толпы, несшей на пике голову Феро, шум и смятение еще больше увеличились. Часы шли за часами, развязка не наступала. Часть народных представителей из числа монтаньяров «вершины» смешалась с народной толпой. Правая часть собрания, как и все термидорианцы, впоследствии воспользовалась этим обстоятельством, чтобы отправить в ссылку или казнить тех, в ком она видела «якобинскую опасность». Депутаты, требовавшие слова, предлагавшие декреты или голосование, ставили этим на карту свою голову, и они погибли потом в первую очередь. Официальный протокол не жалеет бранных слов, чтобы изобразить их поведение. Они, читаем мы в этом документе, «доводят бесстыдство и глупость до того, что даже сами провоцируют дебаты и голосуют вместе с этим сбродом разбойников то, что они называют декретами». И протокол перечисляет ораторов этой группы: «Romme, Duroi, Goujon, Duquesnoi, Bourbotte, Forestier, Ruhl, Albitte ainé»³²³.

К их выступлению мы теперь и перейдем.

Уже вечерело. Председательство в Конвенте перешло от утомленного и разбитого Буасси д'Англа к Вернье. Шум в зале заседаний не смолкал, народ не уходил, пре-

зидиум бездействовал, но не объявлял заседания закрытым. Густая толпа окружала Конвент снаружи и, казалось, отрезала его от сообщений с внешним миром и прежде всего от сношений с правительственныеими комитетами. На самом деле это было не совсем так, и те немногие, кому ведать надлежало, уже знали, что против инсургентов поднимается гроза... Вожди «вершины», ничего об этом не знавшие, решили выступить. Судя по содержанию их речей и по внесенным ими предложениям, они учитывали уже победу восстания или, во всяком случае, считали, что первый этап борьбы пройден победоносно, что следует оформить это в определенных декретах, а также взять исполнительную власть в свои руки. Смысл их выступлений был таков: прежде всего — попытаться санкционировать вотумом Конвента ряд мер, которые укрепили бы предполагаемую победу восстания. Это-то и привело больше всего в ярость их врагов, когда участь восстания была решена. Но раньше, чем говорить о выступлении «последних монтаньяров», следует коснуться одного вопроса, тесно связанного с этим выступлением.

В общей историографии революции уже давно про скользнула мысль, что в поведении термидорианцев (как комитетских, так и Вернье, председательствовавшего в Конвенте 1 прериала, после Буасси д'Англа) была налицо намеренная провокация. К этой же мысли склонился и покойный Альберт Матье в своей книге о термидорианской реакции³²⁴. Точно так же и новейший биограф Гужона, Раймон Гюйо, склонен приписывать сознательному умыслу бездействие правительства, особенно явственно сказавшееся вечером, после 8 часов, когда у войск была уже полнейшая возможность войти в Конвент и покончить все разом. Умысел заключался в том, чтобы дать монтаньярам время и возможность скомпрометировать и погубить себя³²⁵.

В самом деле, некоторые черты в поведении правительственныеих комитетов и самого Конвента в день 1 прериала с трудом поддаются объяснению, если мы отвернем гипотезу об умышленном желании возможно полнее и безнадежнее скомпрометировать, вернее, подвести под нож гильотины ненавистных депутатов уцелевшей пока «вершины». Почему председатель даже не пытался остановить ораторов, как не сделал этого и никто из депутатов боль-

шинства, хотя спустя несколько часов они признали всех этих ораторов достойными ареста и военного суда? Почему президент так надолго затянул заседание, хотя вечером уже знал, что снаружи собраны достаточные вооруженные силы и что дело инсургентов уже проиграно? Изучение бумаг процесса монтаньяров дает несколько очень характерных и занимательных черт, подтверждающих гипотезу о провокационном поведении правительства и президиума в конце заседания 1 прериала, непосредственно перед входом гренадер и Национальной гвардии в зал заседаний. Насколько грозен, самопроизволен и поэтому устрашающ для правительства был ход событий с утра вплоть до вечерних часов, настолько с вечера близкое поражение восстания становилось все яснее и несомненнее. И тем легче соблазн захватить, наконец, в сети и окончательно истребить монтаньяров мог охватить душу правящих термидорианцев, которым за ненавистной кучкой людей «вершины» неотступно мерещилась тень Робеспьера. Покончить с этой кучкой, уцелевшей после 9 термидора, и тем самым навсегда избавиться от «левой» опасности было очень важно, — и случай представился слишком благодарный.

30 августа 1925 г. в журнале «*Intermédiaire des chercheurs et des curieux*» появился перепечатанный затем в июле 1926 г. в журнале «*La Révolution Française*» (стр. 258—259) документ большого значения. Это — небывшего председателем Конвента на тот месяц, в котором произошли прериальские события с 16 флореяля по 16 прериала. Первого прериала Вернье председательствовал в начале заседания; погом, когда толпа уже заняла Конвент, он уступил председательство Буасси д'Англа. Когда жизни Буасси стала грозить серьезная опасность, Вернье снова занял председательское место, причем Буасси остался сидеть рядом с ним. В упомянутой записке (писанной 12 лет спустя, 8 сентября 1807 г., уже при Империи) Вернье вскользь — но это тем важнее и тем достовернее — признает, что было условлено как можно больше затянуть заседание, чтобы дать кому следует за стенами Конвента время собрать достаточно сил³²⁶.

Что свидетели и участники событий подозревали о провокации с самого начала, явствует также до известной

степени из злого и смелого намека, сделанного Ланжюине во время заседания 10 прериала, когда этот депутат вместе с Лесажем силился передать дело арестованных монтаньяров из военной комиссии в обычный суд. Настаивая на необходимости судить факты, а не намерения, Ланжюине прибавил: «Предположу, например, что наш почтенный коллега Вернье, занимавший (председательское) кресло в этот ужасный вечер, явится в качестве обвиняемого перед комиссией; если его намерение не будет принято во внимание, он будет осужден за то, что поставил на голосование предложения, внесенные Дюруа, Роммом и другими; между тем мы все убеждены, что он принял это решение только для того, чтобы спасти Конвент и Республику от полной гибели»³²⁷.

Дюкенуа, говоря о 1 прериала, категорически утверждает, что председатель не то что позволил ему говорить, а повторно приглашал его, как и других подсудимых, взять слово³²⁸.

В мемуарах герцога Ларошфуко-Лианкура я нашел подтверждение умышленного затягивания заседания со стороны Вернье, с прямой целью выиграть время и с определенного согласия правительственные комитетов, с которыми председатель Конвента нашел возможность сноситься. Конвент непременно хотел дождаться ночи³²⁹. Правда, Ларошфуко не говорит ясно, что дожидались именно выступлений «вершины», чтобы ее скомпрометировать и погубить, но ведь он и не стал бы в этом признаваться: в прериальской борьбе он сам был враждебен инсургентам и дружествен правительству. Обратимся еще к одному свидетельству.

Враждебный инсургентам член Конвента Кассани между двумя важными поручениями, которые он выполнял сначала в южной армии, потом в департаменте Монблан, случайно оказался в Париже и оставил описание прериального дня, которое, к сожалению, до сих пор доступно историку только в выдержках, напечатанных Видалем в журнале «*La Révolution Française*» за 1890 г. К тому же Видаль дает более обширные выдержки из других частей попавшей к нему рукописи Кассани, а прериальному восстанию отводит всего три страницы (236—238). Но и эти скучные строки определенно свидетельствуют о том, до какой степени их автор был убежден в провокацион-

ном поведении правительства не только в прериаля, но и раньше — в жерминале. Поведение комитетов общественного спасения и безопасности в жерминале Кассани приписывает «макиавеллизму» и сознательному умыслу поднять восстание, чтобы потом обрушиться на монтаньяров. Что касается 1 прериаля, то Кассани, не колеблясь, утверждает, что и в начале этого дня, на улице, и в конце его, в Конвенте, у правительства было более чем достаточно сил, чтобы разогнать инсургентов³³⁰.

Относительно утренних и дневных часов Кассани, пожалуй, ошибается, но к вечеру силы правительства были запачтальны.

После этого необходимого замечания о сознательно провокационной тактике правительства в конце дня 1 прериаля обратимся теперь к последним часам этого дня.

В зале темнело. Все новые и новые группы вооруженных людей подходили к Конвенту и входили в здание. «Mouiteur» говорит, что в это время вокруг дворца уже находилась преданная правительству вооруженная сила, но ей приходилось ждать приказаний, — а они ниоткуда не приходили³³¹.

С четырех часов монтаньяры «вершины»: Ромм, Дюруа, Дюкенуа, Гужон, пытались говорить, но среди страшного шума им не удавалось произнести больше нескольких слов подряд. К семи часам наступило относительное спокойствие, и в восьмом часу на трибуне стали появляться ораторы³³². Но вокруг них все время было по несколько человек из вошедшей в Конвент толпы, и речи Ромма, Гужона и других часто прерывались возгласами тут же на трибуне стоявших людей: «Хлеба! Хлеба! Мы не этого хотим! Хлеба! Арестовать! Поименное голосование, чтобы мы знали, кого арестовать! Домашние обыски, чтобы найти продовольствие! Конституцию 93-го года! Уходите все вон, мы закроем Конвент!» и т. д.³³³.

Пестрые, часто противоречивые в деталях, показания очевидцев, которые в эти грозные часы были, разумеется, страшно взволнованы, позволяют, однако, восстановить главные моменты этой вечерней, последней части заседания 1 прериаля. Была, конечно, в этих показаниях и сознательная ложь, особенно лгали газетные обвинители. Были и весьма понятные умолчания — не обо всем обвиняемые могли и хотели впоследствии сказать военным

судьям. Не упуская из виду всех этих оговорок, попытаемся в самом сжатом виде отметить главные моменты этого вечернего заседания.

Уже не раз цитированный нами Жюльян изображает заключительную часть заседания 1 прериаля следующим образом. Он был в зале, присутствовал при всех выступлениях монтаньяров и в своих показаниях передает то, что больше всего врезалось ему в память среди страшного шума, стоявшего в собрании. В позднейших своих мемуарах он счился отметить свое великолдушное нежелание губить подсудимых. Но вот перед нами подлинное его рукописное показание, данное военной комиссии, и мы видим, что он тоже, по мере сил, подталкивал всех обвиняемых к гильотине, не скрывая ничего, что могло их окончательно погубить. Вместе с тем его показание, по крайней мере в части, касающейся речей выступавших ораторов, производит впечатление правдивости и в общем подтверждается показаниями самих обвиняемых. Вот какова была, по впечатлениям Жюльяна, роль монтаньярских ораторов³³⁴.

Ромм предложил освободить всех террористов, арестованных с 9 термидора, а также установить непрерывность заседаний парижских секций. Дюруа поддерживал эти предложения и, кроме того, предлагал вновь вооружить разоруженных по подозрению в «терроризме» (*le réarmement des individus désarmés pour fait de préteur au terrorisme*); он требовал также освобождения членов Конвента, арестованных в ночь с 12 на 13 жерминаля. Гужон в своей речи назвал восстание 1 прериаля «пробуждением народа» (*réveil du peuple*); он предлагал издать особое воззвание к народу для разъяснения причин событий 1 прериаля и требовал учреждения комиссии взамен всех правительственныех комитетов. Это предложение поддержал и Дюруа. Бурбон назвал превосходными меры, принятые в тот момент Конвентом³³⁵. Дюкенуа предложил уничтожить Комитет общественной безопасности. Субрана — образовать комиссию из четырех членов; в эту комиссию были выбраны Дюруа, Бурбон, Приер (*de la Marne*) и Дюкенуа. Когда Лежандр принес в Конвент известие о мерах, принятых правительственными комитетами, Дюкенуа снова предложил уничтожить комитеты и арестовать их членов. Субрана торопил

выбранную по его же предложению комиссию из четырех лиц поскорее приступить к действию, чтобы не повторилась неудача 12 жерминаля³³⁶. Наконец, когда правительственный военный отряд вошел в зал, кто-то крикнул: «Сан-кулоты, ко мне!» (*Sans-culottes à moi!*), причем Жюллиана «уверяли», что крикнул эти слова Приер (*de la Margne*). Вот и все показание. Жюллиан, как видим, не колебался обрекать человека на эшафот даже на основании чьих-то «уверений»: ведь он не мог не знать, чем его показание грозило Приеру. И, однако, ничего, кроме изложенного выше, он против подсудимых привести не мог, хотя и находился все время в зале заседания. В конце своего показания Жюллиан переходит от определенного свидетельства к голословным обвинительным догадкам и высказывает убеждение в том, что подсудимые были «главарями и подстрекателями» восставших (*les chefs et les promoteurs de la révolte*), причем тут же прибавляет: «или, по крайней мере, хотели воспользоваться этим восстанием, чтобы восстановить свое кровавое владычество». Это характерное «по крайней мере» показывает, что установить какую бы то ни было связь между организацией восстания и преданными суду военной комиссии членами Конвента было абсолютно невозможно.

Документы военной комиссии, среди которых сохранились показания самих обвиняемых, дают некоторые очень характерные детали.

В тот момент, когда Ромм впервые стал обнаруживать желание говорить с трибуны (около 7 часов вечера), его не только никто не удерживал и не предостерегал, но бывшие вблизи депутаты, наоборот, просили его выступить³³⁷. Он просил слова у председательствующего Буасси д'Англа и получил позвание говорить. Ромм не умел говорить без подготовки; во время речи он останавливался, и тогда из толпы на него сыпались угрозы и оскорблении³³⁸. Это лишний раз показывает, что имена конвентских монтаньяров были мало известны в тот момент парижскому народу: имя Ромма ничего не говорило толпе. Сам Ромм, по собственному признанию, не знал, что думать обо всем происходящем. «Где правительственные комитеты? Осаждены ли они? Распущены ли?» Действительно, с 7 часов утра до 8 часов вечера правительственные комитеты, казалось, не обнаруживали никаких признаков жизни,ника-

кая вооруженная сила не являлась, все сношения Конвента с внешним миром прекратились. Ромм утверждает в своем показании перед военной комиссией, что он, потребовав вечером слова, хотел воспользоваться «первым проблеском доверия», чтобы побудить вторгшихся в Конвент граждан разойтись по домам³³⁹. Интересно отметить, что бездействие и безмолвие правительственные комитетов могли внушить Ромму и всей «вершине» мысль, что инсургенты победили, что можно, значит, отправив победителей поскорее по домам, приступить к законодательной работе. Это очень характерная черта для приемов политического мышления последних монтаньяров.

Предложения Ромма, средактированные им среди кипевшего вокруг него смятения и шума, были, конечно, направлены прежде всего к взятию на учет всех хлебных запасов в столице, к организации выпечки и равной раздачи одного лишь сорта хлеба (с воспрещением всяких сладких и кондитерских сортов), наконец, к выработке закона об учете хлеба на всей территории республики. По заявлению Ромма, эти предложения не были ни оглашены, ни поставлены на голосование. Он не объясняет, когда председатель успел сделать поправку, о которой он пишет, приводя пункт 2 своих предложений³⁴⁰.

Ромм не чувствовал никакой органической связи между собой и вторгнувшимся в Конвент народом: он ставит себе и своим товарищам в заслугу то обстоятельство, что самый факт их выступления возродил доверие к Конвенту; толпа стала постепенно очищать зал и трибуны, благодаря чему появившийся в полночь вооруженный отряд, руководимый правительством, без труда удалил «то, что еще оставалось» из народной толпы. Таков был, по признанию Ромма, главный результат, которого желали монтаньяры³⁴¹.

Предъявленное Ромму обвинение вкратце сводилось к тому, что говорила о нем бумага, присланная впоследствии в военную комиссию из Конвента: после того, как вторгшаяся толпа уже «в течение нескольких часов» занимала Конвент, Ромм потребовал молчания «во имя суверенного народа»; он предложил, чтобы ораторская трибуна была предоставлена всем, кто захочет говорить; предложил немедленно голосовать и тотчас же разослать с чрезвычайными курьерами декрет об освобождении

патриотов. Он заявил далее, что правительство должно было принять меры для доставки продовольствия; что те, у кого много денег, ни в чем не нуждаются, тогда как неимущим приходится умирать с голоду; потребовал, чтобы хлеб изготавлялся лишь одного сорта, одинаковый для всех, чтобы немедленно были произведены домашние обыски для обнаружения запасов муки.

Он предложил также созыв и непрерывность заседаний парижских секций, дабы граждане снова вступили в свои права, избрали комиссаров по продовольствию и переизбрали «по усмотрению народа» гражданские комитеты, причем предложенные мероприятия должны были вступить в силу лишь после освобождения арестованных патриотов³⁴². Вот главное, что ставилось Ромму в вину и за что ему пришлось заплатить жизнью.

После Ромма слово получил его товарищ по «вершине», Дюруа, который также настаивал на немедленном освобождении лиц, арестованных после 9 термидора и жерминальских дней. Это предложение было принято.

Среди все возраставшего шума выступил Гужон. Из его речи больше всего запомнилось и попало в обвинительный акт следующее: он настаивал на составлении воззвания к «угнетенным патриотам», к департаментам и к армии, чтобы осведомить их о характере и целях движения: нужно, чтобы пробуждение народа на этот раз не оказалось бесполезным. Конвент принял хорошие декреты (имелись в виду принятые собранием предложения Ромма), но нужны люди, которые бы их выполняли. (Если следовать отчету «Moniteur'a», Гужон прибавил: «Мы не знаем, что делают правительственные комитеты, они не обсуждают, они не являются. Нужна власть, которая взяла бы на себя исполнение наших декретов. Я прошу Конвент избрать чрезвычайную комиссию для выполнения декретов, которые он только что издал». Тут оратора прервали аплодисменты и крики: «Хлеба! Хлеба!»)

Гужон предложил отозвать всех представителей Конвента, находившихся в разных командировках (*en mission*), переменить состав правительственные комитетов (по версии «Moniteur'a»), он обратил внимание на то, что какая-нибудь из еще существующих властей может двинуть войска против народа. Наконец, он поддержал предложение Субраны об образовании комиссии из четырех

лиц. Вот что было поставлено в вину Гужону, когда 8 прериля Конвент предал его в числе прочих суду военной комиссии³⁴³. Предложение его о смене личного состава комитетов было принято.

После кратких заявлений Форестье и Альбитта (причем первый высказывался против смены комитетов, а второй говорил о необходимости образования бюро с целью упорядочения прений) слово взял Бурбон. О его выступлении, кроме нескольких небрежных строк в отчете «Moniteur'a», имеются еще некоторые данные, между прочим, его письмо о событиях 1 прериля. Передавая это письмо тайком, нелегально, имея, следовательно, в виду, что в случае, если оно будет перехвачено, оно может не только окончательно скомпрометировать самого писавшего, но и погубить друга, которому он пишет, Бурбон едва ли мог быть вполне откровенен в том, что касается его личной роли. Но его письмо написано 6 прериля, пять дней спустя после описываемых событий (во время переезда арестованных из Парижа в Морле), и нам, конечно, интересно знать, как запечатлелась только что разыгравшаяся трагедия в памяти ее свидетеля и участника. Услышав утром, что в секции барабан бьет тревогу, Бурбон отправился в Конвент, где один из членов Комитета общественного спасения сообщил о большом восстании. Вскоре после этого «разъяренные женщины наполняют трибуны, требуя громкими криками хлеба и конституции. Несколько депутатов требуют, чтобы трибуны были очищены; приказ об этомдается и немедленно приводится в исполнение»³⁴⁴. Далее следует рассказ о том, как новые толпы народа, выломав двери и отбросив стражу, ворвались в зал заседаний. Во вторгшейся толпе Бурбон отмечает два элемента: одни, «ужасные люди, примешавшиеся к народу» (*des hommes affreux mêlés parmi le peuple*), хотели истребить весь Конвент; один из них даже нанес Бурбону несколько ударов и все повторял, что хочет отрезать ему голову, но тут вступились другие, а именно рабочие: они с ужасом отнеслись к мыслям о таком преступлении и помешали убийству³⁴⁵. В зале стоял неимоверный шум; ораторы один за другим сменялись на трибуне. Тут-то Бурбон и сделал два погубивших его предложения: во-первых, об аресте роялистских журналистов, вводящих общественное мнение в заблуждение «своими отравленными листками» (*par leurs feuilles*

empoisonnées), а во-вторых, об отмене смертной казни с оставлением ее только для убийц, для эмигрантов и для выделяющих фальшивые ассигнации. И впоследствии, перед лицом смерти, давая показания военной комиссии, Бурбott с полной убежденностью повторил, что требовал 1 прериаля ареста журналистов, которые разворачивают общественное мнение и заполняют свои органы «свободоубийственными (liberticides) мыслями»³⁴⁶.

Нужно сказать, что 1 прериаля не один Бурбott выражал ненависть к представителям печати: так же относились к ним и другие члены «вершины», в течение долгих месяцев подвергавшиеся беззастенчивой и безнаказанной травле со стороны термидорианской прессы всех оттенков. «Видишь этих мошенников? — спросил Дюкенуа одного санкюлота, показывая на ложи журналистов. — Они все подняли оружие против народа, но мы помешаем им вернуться когда бы то ни было в их логовище»³⁴⁷.

Свидетели и обвинители отметили также слова Бурботта, имевшие, очевидно, целью напомнить о необходимости немедленной смены исполнительной власти, немедленного учреждения новой правительственный комиссии, без чего и это восстание окажется таким же безрезульятным, как и жерминальское: «Мы не должны забывать дни 12, 13 и 14 жерминаля, мы не хотим быть отправленными в крепость Гам»³⁴⁸. Это заявление Бурботта запомнилось не меньше, чем его резкое нападение на термидорианскую печать.

Что касается Дюкенуа, то он сам не только отрицал какое бы то ни было свое участие в организации восстания, но утверждал, что около семи или восьми часов подряд находился «под кинжалами» инсургентов, подвергался с их стороны оскорблением, угрозам и насилием³⁴⁹. Как бы то ни было, но относительно Дюкенуа есть вполне категорическое свидетельство, по которому он предложил уничтожить правительственные комитеты и прежде всего Комитет общественного спасения³⁵⁰. Субраны, поддерживая этот проект, внес со своей стороны очень важное предложение — образовать комиссию из четырех человек, которая должна будет немедленно распустить правительственные комитеты. Дюкенуа вторично говорил на ту же тему, при чем повторил раздававшееся со всех сторон требование об аресте членов этих комитетов³⁵¹. Субраны примкнул к это-

му требованию, причем настаивал, чтобы четыре члена новой комиссии собрались немедленно и приняли меры к воспрепятствованию вторичному торжеству «тиранов 12 жерминаля», т. е. вторичному провалу восстания³⁵². Кем-то из толпы Субраны был предложен в начальники парижских войск; впрочем, это предложение не голосовалось. Все это и составило содержание обвинительного акта против Субраны. Он, как и другие, категорически отрицал какую бы то ни было предварительную свою осведомленность о подготовке восстания. Так как он и до суда и во время его отличался полным бесстрашием, да и не мог все равно не смотреть на себя, как на безнадежно погибшего, то его отрицанию можно вполне поверить. Мало того, уже утром 1 прериаля, идя в Конвент, Субраны, по-видимому, не отдавал себе отчета в характере начавшегося движения и даже готов был приписать его проискам роялистов. Только попав в зал заседаний Конвента, он понял, в чем дело. Но, ориентировавшись в происходящем, он, как и Дюкенуа и Гужон, понял, как страшна для восставших продолжающаяся где-то на свободе деятельность правительенных комитетов, и выразил эту мысль ярче и конкретнее других. Предложение арестовать старые комитеты было, однако, сформулировано тремя представителями «вершины» уже поздно вечером, когда время было безвозвратно упущено инсургентами.

Насколько мысль об уничтожении комитетов была с точки зрения интересов инсургентов тактически правильна, мы узнаем, между прочим, из речи ярого врага якобинцев Луве, произнесенной в Конвенте 14 прериаля. Возмущаясь восстанием 1 прериаля, Луве подтверждает, что если бы инсургенты вовремя захватили комитеты общественного спасения и общественной безопасности, то все было бы кончено и центр правительенного сопротивления был бы уничтожен³⁵³. С этим мнением вполне совпадает и утверждение политического антипода Луве, убежденного якобинца Брута Манье, признавшего себя автором плана восстания и судившегося по прериальскому делу (его не было в Париже в момент восстания). Он жалел, что восставшие недогадались арестовать членов правительенных комитетов, равно как главарей термидорианцев в Конвенте — Фрерона, Тальена, Лежандра, Барраса, Ровера, Дюмона, Тибодо, Оги, Бурса, Шенье, Дюбуа-Крансэ, Снейса, обоих

Мерленов «и всех убийц Робеспьера» (*et tous les assassins de Robespierre*)³⁵⁴.

Как бы то ни было, драгоценные для инсургентов часы были безвозвратно потеряны, и уже ничто не могло поправить дело восстания, по крайней мере вечером 1 прериля.

Между тем правительственные комитеты, о которых роковым для себя образом забыли инсургенты, действовали.

Комитет общественного спасения заседал весь день³⁵⁵, никем не тревожимый, и успел вынести целый ряд постановлений, прямо относившихся к событиям дня. Прежде всего приказано было безотлагательно прислать в Париж из окрестностей 300 человек кавалерии. Эта цифра показывает, что Комитет утром еще не отдавал себе ясного отчета о размерах движения. Затем, ввиду указания, содержащегося в «плане восстания», предписано было усилить охрану телеграфа. Спустя некоторое время все пехотные войска, расположенные от Парижа до департаментов Соммы и Эн (*Aisne*), получили приказ немедленно усиленным маршем спешить в столицу. Во вторую половину дня Комитет общественного спасения заседал уже сообща с Комитетом безопасности и Военным комитетом. В течение нескольких часов они действительно были отрезаны от Конвента; только к вечеру были найдены способы сноситься с председательствовавшим Вернье. Соединенные правительственные комитеты выносят в эти критические часы любопытное постановление: ввиду того, что Конвент находится во власти и под гнетом инсургентов, которые хотят ему «предписать свою волю и вырвать у него декреты, разрушающие Республику и правительство» и создающие анархию, комитеты постановляют не признавать этих декретов до тех пор, пока Собрание не получит вновь свободы и не будет в состоянии сноситься с комитетами. Члены же комитетов не покинут своих постов вперед до освобождения Конвента. «Когда бывший тиран — торжественно напоминают они — хотел уничтожить свободу в ее колыбели, то Же-де-Пом полужил убежищем для народных представителей, преданных делу свободы»³⁵⁶.

Краткий протокол этого объединенного заседания трех комитетов позволяет ознакомиться с целым рядом приказаний, непосредственно направленных к ликвидации восстания вечером 1 прериля. Комитеты приказывают немедленно оповестить все парижские секции о том, что Конвент

возлагает на городскую коммуну ответственность за свою безопасность от всяких посягательств. Комитеты распоряжаются движением вооруженных сил по улицам, ведущим в Тюильри; они отдают приказы о снабжении хлебом и вином собранных у Конвента войск; об оставлении в Доме инвалидов всего 75 человек охраны и об отправке остальных находившихся там воинских чинов в распоряжение Комитета безопасности; наконец, они решают в определенный момент двинуть наличные силы внутрь дворца и в зал заседаний Конвента³⁵⁷.

Уже в Конвенте провозглашены были имена четырех членов комиссии, избранной по предложению Субрани: Дюкенуа, Бурбон, Дюруа и Приер (*de la Magne*). Но в этот момент раздался барабанный бой; вооруженная сила, которую Комитет общественного спасения успел подтянуть к дворцу Конвента, а также батальоны не примкнувших к восстанию городских секций через несколько входов одновременно вошли в Конвент.

В зале заседаний, по воспоминаниям свидетелей, барабанная дробь раздалась одновременно с двух противоположных концов: к одним дверям подходил батальон Национальной гвардии (секции Бютт-де-Мулен), прежде всех вступивший в зал; через другие двери, несколько минут спустя, вошел отряд, состоявший из гренадер и жандармов. Следом за ним шли члены трех правительенных комитетов. При виде первого отряда народная толпа, наполнившая зал, еще пыталась негодующими криками показать, что она не испугалась и не намерена уходить. Но когда в зале появились гренадеры, когда при непрерывном барабанном грохоте в Конвент стали вливаться все новые и новые колонны, тогда инсургенты не могли не понять, что дело их в этот день проиграно. Они были так плохо вооружены по сравнению с войсками, что о сопротивлении или сражении не приходило и думать. Началось повальное бегство из здания Конвента. Бежавших беспрепятственно выпускали на улицу, кроме некоторых, задержанных совершенно случайно. Когда сопоставляешь эту неожиданную схождительность с тою неслыханною свирепостью, с какой в ближайшие же дни военные суды отправляли на эшафот людей, случайно задержанных, попавшихся на резком жесте, на неосторожном слове, то разительная непоследовательность в поведении властей становится

совершенно очевидной. Вероятно, несмотря на явный и все увеличивавшийся перевес сил, правительство в первую минуту, когда войска вошли в зал, все же не очень было уверено в столь быстрой и безболезненной победе. Казалось предпочтительнее не столько захватить в западню всех инсургентов, сколько поскорее избавиться от их присутствия в Конвенте.

Все источники говорят о только что отмеченном факте, не объясняя его, хотя некоторые и подчеркивают довольно ясно самую любопытную его черту. Тибодо так описывает финал 1 прериаля: «Четыре отряда разом проникают через четыре двери в зал и входят туда беглым шагом. Застигнутые бунтовщики стараются их отбросить..., но толпа, которую страх лишает способности сопротивляться, ищет спасения в бегстве.

...Чтобы прекратить этот беспорядок, освободили одну дверь и выстроились в две шеренги, сквозь которые восставшие и вышли без иного наказания (*sans autre punition*), как только несколько пинков ногами, розданных им Национальной гвардией при проходе»³⁵⁸. Слова «без иного наказания» явно удивляют очевидца-мемуариста. Да и не могут не удивить: ведь в ближайшие дни военная комиссия отправила на гильотину немало людей, на которых, правда, возводились разные обвинения, но относительно которых, в сущности, твердо доказано могло быть только одно: их присутствие 1 прериаля в зале Конвента.

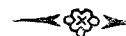
Как только народные толпы очистили здание Конвента, настроение депутатов круто изменилось. Неожиданная победа пришла в такой момент, когда на нее уже перестали надеяться. Весь страх, пережитый в долгие часы, когда перед глазами депутатов, сбившихся в кучу вокруг президиума, то в одном, то в другом конце зала появлялась колеблющаяся на пике голова Феро; все напряжение нервов, вся страшная усталость запертых целый день в духоте голодных людей, — все это теперь сразу прорвалось мстительным раздражением, неистовой яростью, направленной прежде всего против монтаньяров. «Немедленно арестовать всех, кто в эти страшные часы осмеливался всходить на трибуну, вносить и ставить на голосование предложения!». «Нет, не арестовать, а немедленно, тут же, в соседнем зале, расстрелять их всех! Пусть еще до восхода солнца будет покончено с злодеями, замышлявшими гибель

Конвента!»³⁵⁹, — кричали Тальен, Тибодо, Дюмон, и их голоса сливались с яростными воплями всего собрания.

Арест монтаньяров, выступивших в этот день, был решен немедленно. Их тут же во всеуслышание стали обвинять и в организации восстания и в убийстве Феро. Правда, предложение Дюге-Бассе об объявлении их вне закона не было принято; зато прошло предложение Тибодо о предании их суду. Заодно были преданы суду и депутаты, арестованные по постановлению 12 и 16 жерминаля³⁶⁰.

Тибодо, который в ночь на 2 прериаля первый потребовал ареста и предания суду Ромма, Гужона и их товарищей и таким образом первый толкнул их к гильотине (чем он и хвалится), все-таки не может не отдать должного герониму и личному благородству погибших. Впрочем, он довольно откровенно подчеркивает, что победители спасали прежде всего собственное существование. «Если бы мы их простили, мы бы поставили на карту собственные головы», пишет он³⁶¹. В грозный день 1 прериаля термидорианская большинство пережило очень тревожное состояние духа: далеко не все были так осведомлены, как председатель Верные, о том, что делается за стенами Конвента. Призрак гильотины стоял перед глазами очень и очень многих.

Расходясь из Конвента, в предрассветные часы 2 прериаля, они еще не знали, что победа их далеко не решена, что до окончательного торжества придется ждать еще трое суток. В ту ночь, вплоть до утренних часов 2 прериаля, можно было, казалось им, невозбранно предаться радости спасения и жажде мести.

Глава седьмая

ВТОРОЕ И ТРЕТЬЕ ПРЕРИАЛЯ

I. Второе прериалья

То обстоятельство, что поздним вечером 1 прериалья здание Конвента было покинуто народной толпой и занято вооруженной силой дружественных Конвенту секций, было только началом победы правительства.

Впечатление лишь случайно избегнутой страшной опасности не только не рассеивалось, но все более стущалось по мере того, как депутаты приходили в себя. Вспоминая на другой день о событиях 1 прериалья, член Конвента Дизе (Dizez) писал в частном письме: «Вчера мы пережили день, по сравнению с которым 9 термидора было лишь бледным образчиком»³⁶². Конечно, эта оценка Дизе может быть воспринята только как свидетельство современника по свежим следам событий, и не больше. Решающим поражением для якобинцев было 9 термидора. События 1—4 прериалья были только последствием и в известной мере завершением 9 термидора. Но они были все же очень существенным событием, которое недооценивает большинство историков, а с этой стороны суждения современников — при всех их преувеличениях — заслуживают внимания. Письмо Дизе не было предназначено для печати. Но и печать во главе с «Moniteur'ом» не замедлила, со своей стороны, поставить 1 прериалья на исключительное место. Так, по мнению публициста Труве, с этим днем не могут быть сравнены ни 31 мая, ни 12 жерминаля. Это впечатление современников держалось долго — до конца революции и дольше. Автор многотомного собрания замечательных процессов эпохи революции Дезессар ставит

«роковой день I прериалья» чуть ли не на первое место в ряду «необычайных происшествий» и «кровавых катастроф времен великой буржуазной революции»³⁶³. Эти строки он писал в 1798 г., когда события еще были свежи в памяти пережившего их поколения, которому, к тому же, было с чем сравнить прериальскую грозу. Только что упомянутый Труве настаивает даже на совершенно исключительном месте прериалья в истории французской революции вообще и на все лады повторяет эту мысль, не щадя самых ярких красок: «Французская революция,— пишет он,—эта драма, столь обильная страшными и кровавыми происшествиями, еще не являла столь ужасающей по своим катастрофическим последствиям сцены»³⁶⁴.

Характерно также столь же настойчивое (и исходящее от разных наблюдателей) утверждение (уже отчасти отмеченное в предыдущей главе), что только случай и неумелое поведение или отсутствие вождей восстания спасли Конвент 1 прериалья. Об этом, между прочим, вполне категорически говорит в своих воспоминаниях мюскаден Жюллиан. Если бы инсургенты, полагает он, имели лучших предводителей и догадались арестовать правительственные комитеты, то переворот удался бы, «правительство было бы разогнано и террор восстановлен». Как и все другие свидетели, Жюллиан подчеркивает необычайно быструю, как «по волшебству» (rag... enchantement), ликвидацию дела после появления вооруженных правительственные сил. Но это не мешает ему признать, что в течение всего заседания, с момента, когда народ вошел в Конвент, и до самого вечера правительство висело на волоске³⁶⁵.

То же утверждает только что цитированный нами Дизе в другом своем письме от 23 прериалья. Для него является «загадкой», каким образом на глазах правительства могло сорганизоваться такое огромное движение: если бы инсургенты проявили «немного более активности», переворот вполне удался бы³⁶⁶. В написанном на другой день после восстания письме, которое мы цитировали выше, он считает чудом, что дело обошлось без страшного кровопролития и что члены Конвента избежали «величайшей опасности»³⁶⁷.

Роковой и непростительной ошибкой инсургентов было, по-видимому, в самом деле как бы полное забвение

самого существований правительственные комитеты и особенно Комитет общественной безопасности, возглавлявшего административно-полицейскую организацию в столице. Когда вечером монтаньяры об этом заговорили и пытались сформировать новую власть в лице комиссии из четырех членов, было уже поздно.

В течение всего дня 1 прериаля Комитет безопасности был поставлен в чрезвычайно критическое положение. Прежде всего ему трудно было сноситься с непосредственно ему подчиненными двенадцатью комитетами округов. По тем «регистрам» (кратким протоколам заседаний), какие сохранились от этих окружных комитетов за 1 прериаля, мы выносим определенное впечатление бездействия и выжидания. Комитеты объявляют себя «непрерывно заседающими» (en permanence), но особенного толка от этого усердия незаметно. Время от времени они посылают своих членов на разведки, чтобы узнать, что делается на улицах, что происходит возле Конвента и что говорит Комитет безопасности. На этом и кончается их деятельность. Так, по крайней мере, получается, если судить только по сохранившимся протоколам заседаний этих комитетов за 1 прериаля.

Комитет 11 округа пытался в течение дня снести с Комитетом безопасности, но ничего не получил³⁶⁸, кроме известия о вторжении народа в Конвент. Первый округ, если судить только по протоколу, оказался пассивнее 11-го. Он принадлежал к числу округов, комитеты которых были в течение всего дня совершенно отрезаны от сообщений как с Конвентом, так и с непосредственным своим начальством, Комитетом безопасности. Правда, эти комитеты заседали, не расходясь, весь день и большую часть ночи, а некоторые еще позже. Они были официально извещены Комитетом безопасности о том, что Конвент «свобожден»³⁶⁹.

Были, однако, и сравнительно более активные комитеты. Краткий протокол заседания комитета 12 округа от 1 прериаля показывает, что Комитет безопасности с самого начала этого дня не переставал поддерживать сношения с некоторыми местными органами правительственной власти в разных кварталах Парижа. Но движение казалось час от часу все грознее и победоноснее, и местным органам приходилось в этот день с ударением под-

черкивать, что единственным своим начальством они считают Комитет безопасности³⁷⁰.

Известия, прибывавшие в комитет 12 округа, к вечеру становились все тревожнее. В секции Финистер образовалось самочинное общее собрание, которое потребовало от правительства возвращения оружия гражданам, разоруженных после жерминаля³⁷¹. Когда в этой просьбе было отказано, собравшиеся взломали двери, проникли в помещение, где было сложено оружие, и сами его разобрали (оно было возвращено лишь при общем разоружении, после 4 прериаля).

Протоколы окружных комитетов, по-видимому, далеко не полно отразили их деятельность: их поведение было, пожалуй, гораздо активнее; например, извещая окружные комитеты поздней ночью об избавлении Конвента от прериальских инсургентов, о победе правительства и т. д., Комитет безопасности горячо благодарит эти местные власти за усердие, за существенную помощь, ими оказанную, за патриотизм, за сохранение «священного огня» и т. д.³⁷². Даже при довольно обычной тогда велеречивости в официальной переписке этот документ все же производит несколько странное впечатление: как будто Комитет безопасности не очень был уверен в таком непоколебимом усердии в сех окружных комитетах и как будто их поведение явилось для него приятным сюрпризом. Ясно, что их благодарят за то, что они не站ли на сторону восставших, похоже также, что они нашли способ быть полезными начальству, не отмечая в своих протоколах всего, что они делали.

Если затруднительны были сношения в самой столице, то с провинцией сноситься можно было вполне свободно. Правительственные комитеты знали, что уже накануне и затем в самый день 1 прериаля в провинцию были отправлены возвзвания, приглашавшие примкнуть к восстанию. В ночь на 2 прериаля соединенные правительственные комитеты разослали провинциальным властям циркулярное извещение о произшедшем в этот день, с предписанием рассеивать сбираща и разъяснять гражданам «контрреволюционную преступность» восстания, направленного к «извержению республики»³⁷³. Еще до этого, вечером 1 прериаля, Комитет безопасности обратился с особым циркуляром к комендантам целого ряда кре-

стей⁶, предписывая им не выпускать на свободу арестантов и ждать дальнейших приказаний. Этот циркуляр имел целью предупредить исполнение приказов об освобождении заключенных, тех приказов, которые могли быть отправлены днем инсургентами, занявшими зал заседаний Конвента. Как гласил циркуляр, «насилие вырвало у Конвента несколько декретов, которые свободный Конвент поспешит отменить»³⁷⁴.

Что касается Комитета общественного спасения, то он, как мы видели, уже с утра 1 прериля начал делать распоряжения о спешном подтягивании войск к столице³⁷⁵, но войска подходили медленнее, чем рассчитывал Комитет.

С ночи на 2 прериля сношения правительственные комитеты не только с провинцией, но и с большинством парижских округов наладились и продолжались беспрепятственно. Но весь день второго и весь день третьего положение оставалось настолько напряженным, до такой степени можно было ждать нового революционного взрыва, что Комитет настойчиво требовал от полиции представления докладов то каждые полчаса, то с часу на час о положении вещей во всех 48 секциях Парижа³⁷⁶. Комитет хотел знать, что происходит в городе, где замечены сбирающиеся, как они себя именуют и каковы их планы и т. д.³⁷⁷. Кроме докладов, Комитет требовал также присылки ему надежных граждан (des citoyens sûrs)³⁷⁸. Речь шла, конечно, о том отборе «собственников», «добрых граждан», о котором говорят нам и другие цитированные выше источники. Происходила спешная мобилизация имущих против неимущих. Продолжалось и подтягивание регулярных войск, причем нужно было хлопотать о том, чтобы этим войскам аккуратно выплачивалось жалование и выдавалось все необходимое³⁷⁹. На это ушли дни 2 и 3 прериля.

Самая редакция официальных бумаг от этих двух дней обнаруживает волнение, поспешность, беспокойство. Правда, комитеты в циркулярных обращениях стараются делать вид, что они вполне уверены в победе. Однако в циркуляре Комитета безопасности, разосланном 2 прериля по секциям, Комитет больше употребляет будущее время, чем настоящее: «Все предсказывает, что этот день будет счастливым для друзей свободы, законов и национального представительства»³⁸⁰. Термидорианцам не при-

ходилось учиться придавать себе вид бодрой уверенности в разгаре сложной и сомнительной игры. Отступления для них не было: ближайшие дни, быть может часы, сулили разрешение вопроса, кто и кого отправит на гильотину.

Вообще правительенным комитетам пришлось гораздо больше проявить себя 2, 3 и 4 прериля, чем 1-го.

В первые часы заседания Конвента 2 прериля пришло известие, что в здании коммуны (*maison commune*) заседает собрание инсургентов, именующее себя «конвентом». Бурдон (de l'Oise) предложил объявить вне закона всех участников этого собрания, но Лежандр просил повременить, так как там могли очутиться и просто любопытные. Тальен, поддерживая пущенную с утра официальную версию, воскликнул, что, по-видимому, не все англичане находятся на берегах Темзы, имеются они и в Париже. Он потребовал немедленной казни всех, кто на кануне выступал против Конвента. Настроение депутатов все повышалось по мере того, как им докладывали, что «дух» граждан, собравшихся с утра вокруг здания Конвента, превосходит и что войска поклялись бороться не на живот, а на смерть «с террористами и кровопийцами». На всякий случай то тот, то другой член Конвента выходил на улицу проверить настроение граждан и солдат. Но впечатления всякий раз были самые успокаивающие³⁸¹.

По предложению Луве, Конвент решил выпустить особое воззвание к населению с опровержением слухов о будто бы существующих в Париже складах провианта и с заверением, что продовольствие раздается, как только оно прибывает в город; указывалось также, что мука, прежде выдававшаяся пирожникам (*pâtissiers*), будет отныне полностью выдаваться булочникам (*boulangers*), что люди, желающие произвести новое 31 мая, несут с собой голод, террор и тиранию. Оправдывались и «злодательные» слухи о том, будто Конвент объявил весь парижский народ вне закона, и т. д. Воззвание кончалось призывом о помочи против «приспешников разбоя, друзей террора, тайных приверженцев королевской власти» и обещанием охраны «собственности, личной безопасности и свободы»³⁸².

В то же утро, 2 прериля, как нельзя более кстати для Конвента, подоспело сообщение Комитета общественного спасения о двух в высшей степени важных и счастливых

событиях: во-первых, о состоявшемся заключении мира и союза между Францией и Голландией, а во-вторых, о новом договоре республики с Пруссией, по которому последняя делала Франции новые уступки. Известие было встречено рукоплесканиями, и публика, сидевшая на галерее, вышла с восторженными криками из Конвента, чтобы сообщить эту новость народу. Термидорианец Маррен счел долгом воскликнуть: «Никогда якобинцы не дали бы нам этого мира», хотя справедливость требовала бы признать, что термидорианское правительство в данном случае лишь пожинало плоды «якобинских» побед³⁸³. Дульсе поспешил подчеркнуть, что вспыхнувшее накануне движение не обошлось без происков Англии, пытавшейся таким путем помешать дипломатическим успехам французской республики³⁸⁴.

Известие об этих успехах пришло, как сказано, для Конвента чрезвычайно кстати; еще за несколько часов до того, в ночь на 2 прериаля, Конвент в своем обращении к гражданам Парижа старался связать минувшее 12 жерминаля и происходящие в Париже волнения с успехами своей внешней политики: враги республики «ненавидят мир», который вернет ей изобилие и воскресит ее промышленность; 12 жерминаля они пытались помешать подписанию базельского договора с Пруссией, теперь, 1 прериаля, они хотят воспрепятствовать сближению Франции с Голландией³⁸⁵.

Характерно, особенно ввиду полной неизвестности о настроениях армии, что уже с 2 прериаля начали создаваться версии о реакционном характере восстания и о тайном пособничестве враждебных держав.

Во время обмена мнений Бурдон (de l'Oise) старался объяснить движение происками роялистов и неприсягнувших священников, равно как и интригами людей, желающих сорвать мирные переговоры с иностранными государствами и доказать, что Конвент не пользуется никаким признанием со стороны народа. Мерлен (de Douai) в подтверждение этих слов, повторяя мысль, высказанную уже в воззвании Конвента, напомнил, что и жерминальское восстание совпало с франко-прусскими переговорами в Базеле. Мало того, по словам Мерлена, вскоре после подписания базельского мира одна из коалиционных неприятельских держав в ноте, поданной регенсбург-

скому сейму, ставила в вину прусскому королю заключение мира в момент, когда царившее во Франции брожение позволяло рассчитывать на новый «кризис» в этой стране³⁸⁶. При свете таких соображений казалось нетрудным связать и 1 прериаля с тайными происками внешних врагов. Эта версия осталась официально признанной. Буасси д'Англа, например, при всяком удобном случае возвращался к такому толкованию.

Уже 1 термидора (III года), т. е. через два месяца, он торжественно перед лицом «всей Франции, Европы, всего света» обвинял лондонский кабинет в том, что он «провоцировал преступления 1 прериаля», и объяснял это восстание «макиавелизмом» британского правительства³⁸⁷.

Члены Конвента, командированные утром 2 прериаля для оповещения парижских граждан о мире с Голландией, вернулись с не очень успокоительными известиями. Предместья продолжали волноваться, новые массы народа двигались оттуда к центру города, правда, не так решительно, как накануне, но двигались неуклонно в одном направлении. Все утро прошло под знаком тревоги, особенно усилившейся после полудня. В заседании Конвента громогласно, не вызывая возражений, высказывались опасения, что революционный взрыв может не только повториться, но и превзойти по силе все бывшее накануне³⁸⁸. Каждый час приходили все новые и новые известия, то как будто успокоительные, то еще более усилившее тревогу. С одной стороны, раздача хлеба в булочных прошла в этот день сравнительно спокойно, хотя кое-где и отмечались небольшие и, так сказать, вошедшие в привычку эксцессы³⁸⁹. С другой стороны, крепли слухи о том, что в Антуанском предместье что-то затевается, что там ждут подкреплений из пригородных деревень, что вообще там сосредоточиваются инсургенты. Бурдон (de l'Oise) предлагал немедленно снарядить туда поход; другие депутаты его поддержали. Лежандр был осторожнее: он указал, что дальнейшая борьба поручена правительственным комитетам и Конвенту незачем в нее вмешиваться³⁹⁰.

Напомним, что к большому числу недостатков термидорианцев (даже таких низменных личностей, как Бурдон или Ровер) не относилась трусость. И 2 прериаля

они не обнаруживали боязни, но знали вместе с тем, что продолжают находиться в опасности.

Условный знак (лозунг восстания — надпись о хлебе и конституции 1793 г.) с утра 2 прериаля еще красуется на шапках целых батальонов Национальной гвардии предместий. Комитет безопасности приказал приверженцам Конвента не пытаться срывать эти надписи и вообще не затевать ссор: самый этот приказ, притом, по современным свидетельствам, настойчиво повторяемый, показывал, как мало Конвент еще был уверен в своей победе³⁹¹. С другой стороны, с каждым часом становилось яснее, что и восставшие еще не считают своего дела окончательно проигранным. По-видимому, они и в этот и в последующие два дня пытались искать подмоги в окрестностях столицы. Это констатируют и комитеты общественного спасения и безопасности, поспешившие издать соответствующее разъяснение³⁹².

На улицах дело не доходило до кровавых столкновений, но обе стороны держались в полной боевой готовности. Вот, например, одна из характерных для 2 прериаля уличных сцен: батальон одной из антуанских секций (*Quinze-Vingts*) подходит с пушками к Конвенту; батальон буржуазной секции Елисейских полей стоит лицом к лицу с подошедшими, защищая Конвент. Наскоро собираются граждане других буржуазных секций и идут на указанный им стратегический пункт, чтобы помешать соединению отрядов предместья Марсо и Антуанского предместья³⁹³. Никогда, пожалуй, за всю историю революции так отчетливо, не в переносном, а в буквальном смысле, не выступали друг против друга в боевом порядке имущие и неимущие, буржуазия и плебейская масса, и никогда это так точно и недвусмысленно не сознавалось свидетелями и соучастниками.

Слухи о большом сборище поблизости от здания Конвента, и притом состоящем далеко не из одних женщин, подтвердились. Комитет общественного спасения немедленно дал знать об этом Дельма, который и отдал генералу Алексису Дюбуа приказ рассеять толпу вооруженной рукой. Дюбуа и сопровождавшие его члены Конвента: Ровер, Дантзель и Кавеньянк, двинулись во главе Национальной гвардии секции Лепеллетье против собравшихся³⁹⁴. Толпа разошлась без сопротивления. На мо-

сту Нотр-Дам она снова собралась и снова разошлась без боя. Только подойдя к улицам, ведущим в Антуанское предместье, генерал натолкнулся на сопротивление. Он велел направить пушки на инсургентов, они ответили тем же. Начать стрельбу генерал не решился. Он вступил в переговоры с предводителями восставших; на его вопрос они ответили, что требуют хлеба и конституции 1793 г. и что никаких других намерений у них нет. Генерал стал укорять их за убийство Феро, но они прекратили переговоры и снова двинулись вперед по направлению к Конвенту, не обращая внимания на Дюбуа и его отряд. Не то следуя за ними, не то по параллельному пути, генерал вернулся к Лувру. Было уже около двух часов пополудни. Толпа все увеличивалась; в половине четвертого на площади Революции собралось уже свыше 20 тысяч человек. Генерала Дюбуа окружили, стащили с лошади и хотели убить, но за него вступился какой-то знатный его инвалид, и он остался в руках инсургентов в качестве заложника; он должен был отвечать головой за безопасность членов депутатации, которую восставшие отправили в Конвент для переговоров. Как только депутатация вернулась, генерала отпустили. Во вторую половину дня агитация в секциях продолжалась; у Дюбуа не было сил вступить в вооруженную борьбу; к тому же, по его сведениям, инсургенты ждали первого насильственного действия (*coup de force*) с его стороны, чтобы уничтожить Конвент (*sacrifier la Convention*), и все его усилия были направлены к тому, чтобы не дать им этого повода. Конвент был спасен от нападения только тем, что и восставшие не решились на новый удар. Так обе стороны и пребывали в бездействии, наблюдая и подстерегая друг друга. Генерал Дюбуа, не чувствуя комизма своих слов, приписывает благополучный исход дела своей выдержке и уменью воздействовать на толпу словами кроткого убеждения, причем заканчивает свой доклад таким изречением в древнеримском стиле: «Вот мое поведение... Когда дело идет о спасении отечества, человек способен на все, даже на победу над самим собой»³⁹⁵. Иначе говоря, ему стоило много труда обуздить свой боевой пыл и не напасть на толпу — так он хочет изобразить происшедшее.

Силы Конвента нарастили к вечеру 2 прериаля довольно медленно. Прибыл отряд конных егерей (под

начальством капитана Мюрата, знаменитого впоследствии наполеоновского маршала и короля неаполитанского), начали подходить и еще кое-какие отряды, но все это делалось с большими проволочками. А между тем из рабочих предместий к Конвенту снова подошла густая толпа народа с пушками. Она расположилась на Карусельской площади, направив орудия на здание Конвента. Против них стояли части, пришедшие защищать Собрание. И тут-то произошло событие большой важности: часть артиллеристов внезапно перешла на сторону инсургентов, заявив: «Мы не желаем стрелять в наших братьев»³⁹⁶. Положение Конвента в этот момент было поистине отчаянным, но, на его счастье, инсургенты и тут не решились открыть огонь и перейти в наступление.

В четверть восьмого вечера — новая тревога: канониры секций Антуанского предместья, находившиеся вместе с Национальной гвардией этих секций на площади перед Конвентом, как будто вознамерились бомбардировать дворец. Во всяком случае так показалось войскам, охранявшим Конвент. Переполох среди депутатов продолжался с полчаса. Лежандр взошел на трибуну, призывая членов Конвента оставаться и, если понадобится, умереть на своих постах: «Природа всех нас подготовила к смерти, немного раньше или немного позже — не все ли равно! Будем сохранять спокойствие. Лучшая резолюция, какую мы можем принять, — это хранить молчание»³⁹⁷.

Конвенту, по-видимому, было не очень ясно, что происходит вокруг здания. Появляется Рабо-Помье с известием, что войска секций предлагают Конвенту прислать к ним десять депутатов, «которые объяснились бы с гражданами во избежание пролития крови» (*qu'ils allâssent s'expliquer avec ces citoyens afin d'épargner l'effusion du sang*). Эта просьба была немедленно исполнена, и делегация покинула зал заседаний. Все это имело довольно зловещий для термидорианцев вид. Лежандр снова занял трибуну. «Как бы ни кончился сегодняшний день, мы выполним свой долг,—сказал он,—а теперь одна лишь судьба решит ход дела». «Один только бог», откликнулся Ланжюине. Потянулись критические минуты ожидания. После 8 часов пришли, наконец, известия от правительственные комитетов. Они сообщали, что среди войск царят

дух братства, что пронски врагов тщетны, но предлагали, однако, «дабы скрепить это единение и исполнить все чаяния» (*pour sceller cette réunion et combler tous les voeux*), издать декрет, текст которого они уже поспешили выработать³⁹⁸. Этот декрет, в сущности, знаменовал капитуляцию Конвента, ибо не только сулил неусыпную заботу о продовольствии для граждан Парижа, но и почти обещал восстановление конституции 1793 г.

Конвент не только тотчас же, без обсуждения, вотовил этот декрет, но и постановил, как сказано в самом тексте декрета, немедленно объявить его «гражданам, окружающим Национальный конвент». Любопытно, что один из депутатов (Delahaye) предложил послать с этой целью двух членов Конвента, но против этого запротестовали во имя достоинства собрания, и оповещение народа было возложено на пристава. Как раз в это время Конвенту сообщил Шарль Лакруа, что граждане Антуанского и Марсельского предместий просят принять их делегатов. Тотчас же было решено их выслушать³⁹⁹. Характерны обстоятельства, при которых эти представители «граждан, окружающих Конвент», говорили с «народными представителями». Войдя в зал, один из них определенно заявил, что они избраны именно «Антуанским и Марсельским предместьями», что приславший их народ требует освобождения арестованных патриотов, хлеба, конституции 1793 г., а также наказания преступников, спекулирующих на ассигнациях. Народ, закончив делегат, готов разойтись по домам, но он столь же готов, в случае неисполнения его требований, «умереть на посту, который он в данный момент выполняет».

Браждебные крики прервали оратора, но он заявил, что ничего не боится, и назвал свое имя. Не менее характерно и поведение председательствовавшего Вернье. Прочтя уже вотовленный декрет, он поспешил успокоить делегацию относительно пункта об освобождении арестованных патриотов и обещал, что Конвент «в своей мудрости» обсудит и это требование. Затем, по предложению члена Конвента Госсюена, произошла сцена поцелуя: от имени всей парижской Национальной гвардии председатель Конвента расцеловался с петиционерами, хотя этот жест и вызвал, наряду с «несколькими руко-

плесканием», «сильный ропот», как сказано в протоколе⁴⁰⁰.

Все эти детали столь же характерны, как и поспешное вотирование указанного выше декрета.

Наступил поздний вечер. В центре города толпы постепенно редели. Народ возвращался на ночь в предместья. В 11 часов кончилось заседание Конвента. Но положение оставалось гораздо более сложным и проблематическим, чем оно казалось сутками раньше.

В ночь с 2 на 3 прериала в городе было такое ощущение, что инсургенты одержали верх, что день кончился их торжеством над Конвентом. По показаниям Ларошфуко, инсургенты были прямо опьянены своим «удивительным успехом», «радость и надежды» переполняли их сердца, тогда как приверженцы Конвента предавались «унынию и сожалению»⁴⁰¹.

II. Третье прериала

Заседание Конвента возобновилось 3 прериала в 12 часов дня. Трельяр доложил о дополнительной конвенции, подписанной представителем Франции Бартелеми и представителем Пруссии Гарденбергом в Базеле 28 флореяля (17 мая 1795 г.), т. е. за четыре дня до заседания. Ланжюине предложил, чтобы Комитет общественного спасения разослал по секциям копии нового договора с Пруссией: пусть народ увидит, «что те, кто восстал против Конвента, враги человечества, так как они силятся ниспровергнуть правительство в момент, когда оно заключает славный мир». Когда в дальнейшей речи Ланжюине заметил, что конституция 1793 г. не может в своем целостном виде обеспечить счастье Франции, то Бурдон (de l'Oise) поспешил снабдить это заявление поправками, дабы, пояснил он, «злонамеренные» не использовали неосторожного слова, «вырвавшегося у добродетельнейшего из законодателей»: «Конвент хочет конституции 1793 г.», но в ней имеются некоторые оттенки (*nuances*), которые «могут быть смягчены», и «легкие пятна» (*tâches légères*), которые хорошо бы «стереть»⁴⁰².

Эти осторожные, как бы извиняющиеся поправки особенно характерны в устах Бурдона, ярого реакционера, ненавидевшего конституцию 1793 г., беспощадного донос-

чика, отправлявшего на плаху своих недавних товарищей. Лицо честный, прямолинейный Ланжюине вел свою линию, а Бурдон колебался и действовал пока что с оглядкой — лишнее доказательство того, насколько утром 3 прериала положение дел в столице было еще невыясненным

В коротком заседании этого дня было решено вверить руководство вооруженными силами Парижа и окрестностей членам Конвента: Дельма, Жилле и Обри. Постановлено было также предавать смертной казни всякого, кто посмеет самовольно бить тревогу. В три часа дня Конвент счел удобным разойтись до утра следующего дня. Нужно было непременно выиграть время: ни инсургенты не были достаточно сильны и решительны, чтобы напасть на Конвент, ни Конвент не чувствовал себя еще в силах нанести восстанию окончательный удар. Но от бездействия инсургенты с каждым часом слабели, тогда как Конвент, напротив, с каждым часом усиливался: с разных сторон к столице подходили войска, вызванные еще в предыдущие дни.

К настроениям армии Конвенту приходилось относиться очень внимательно, а иной раз и с опаской. Правда, при первых слухах о прериальских волнениях в Париже представители Конвента, состоявшие при Северной армии Сambre и Мааса, тотчас же устроили совещание с генералами для обсуждения способов выручить Конвент, и уже были даже отданы приказы о подготовке похода на Париж⁴⁰³.

Нет сомнения, что войска подчинились бы соответствующему распоряжению, если бы только к нему решились прибегнуть. Но власти (и до и после того, как миновала непосредственная опасность) были весьма озабочены тем, чтобы армия не очень раздражалась слухами об эксцессах реакции, о поднимающем голову роялизме, о безобразиях мюскаденов.

Правительству приходилось ждать подхода воинских частей. А пока что трудно было приступить к сколько-нибудь значительным арестам даже в центральных секциях, не говоря уже о территории Антуанского предместья, бывшей всецело в руках инсургентов; З прериала Комитет безопасности разослал, правда, по всем 12 комитетам парижских округов, а оттуда по секциям каждого округа, приказ с предписанием арестовать с поспешностью, но и с осторожностью всех сливущих «агентами и подстрекателями анархии»⁴⁰⁴. Такая редакция

приказа Комитета ясно давала возможность хватать кого угодно, основываясь на мнении соседей, на доносах, на сплетнях, на наговорах врагов, на впечатлениях арестующих. Но воспользоваться этим правом в широких размерах властям привелось лишь 4 прериаля, да и то больше с вечера этого решительного дня. Окружные власти приняли пока больше к сведению рекомендованную начальством «осторожность», чем «поспешность».

Вообще и 2 и 3 прериаля необходимо было еще не очень напирать на вопрос о карах и репрессиях. Правительственные комитеты в воззвании к гражданам, которое они провели через Конвент, стремились, напротив, снять с Конвента обвинение в том, что он велел стрелять в женщины. Конвент, говорилось в воззвании, «доверяется усердию добрых граждан, их любви к свободе и равенству»⁴⁰⁵. Хотя кое-где (в «буржуазных» секциях) аресты начались уже 2 прериаля, но шли они вяло и, судя по всему, производились больше усердствующими добровольцами, чем по официальному приказу властей⁴⁰⁶.

Улица все еще не была во власти правительства. Это обнаружилось, между прочим, того же 3 прериаля по одному, очень характерному, поводу.

Уже вечером 1 прериаля был схвачен слесарь Тинель, обвиненный в том, что он принял участие в убийстве Ферро. На другой же день он был приговорен к смерти; когда жандармы вели его на казнь, группа людей (по воспоминаниям Жюльиана, их было человек 25—30⁴⁰⁷, по другим сведениям — это была толпа женщин) отбила его, причем, по утверждению современников, жандармы не очень этому противились.

Невероятного в этом обстоятельстве ничего не было, если принять во внимание определенно установленное сочувствие части жандармерии прериальскому восстанию. Так или иначе, по городу быстро распространилось известие, что осужденный увлечен толпой в Антуанское предместье и там скрывается. Это обстоятельство послужило одним из чисто внешних поводов к организации 4 прериаля похода на Антуанское предместье. Но это было еще впереди. А пока что 3 прериаля приходилось временно примириться с совершившимся фактом.

Судя по целому ряду признаков, день 3 прериаля является днем перелома. Конвент, правительство и комите-

ты округов уже отказываются иметь дело с самочинными собраниями граждан, уже напоминают о недозволенности таких собраний, но еще не арестуют за участие в них. С другой стороны, люди еще не боятся объявлять себя, например, председателями подобных собраний, но уже являются к властям с целью снять с себя подозрение в участии в событиях 1 и 2 прериаля⁴⁰⁸.

Когда вечером 3 прериаля делегаты 6 окружного комитета пришли с предложением тотчас же отправиться в Антуанское предместье, чтобы найти и вновь арестовать отбитого у жандармов Тинеля, Комитет общественного спасения, приветствуя усердие добрых граждан, тем не менее указал, что у них в данный момент нет в распоряжении иных средств, «кроме собственной их храбости и энергии», но что правительственные комитеты распорядились привести войска в таком количестве, чтобы «при помощи добрых граждан Парижа» сила оказалась на стороне закона⁴⁰⁹.

Правдивые и сдержаные воспоминания Левассера (*de la Sarthe*) еще более усиливают впечатление, которое создается у нас при внимательном изучении хода событий. Не 1, 2 или 3, а только 4 прериаля был окончательно проигран бой плебейскими предместьями. Целых два дня (2 и 3 прериаля) не прекращались столкновения между батальонами Национальной гвардии центральных секций и батальонами предместий, иными словами, между буржуазией и плебейской массой; в этих столкновениях плебейская масса брала верх. 3 прериаля «инсургенты были почти хозяевами Парижа»; куда бы они ни являлись, гвардия «термидорианских секций» обращалась в бегство; были часы, когда пушки их снова угрожали Конвенту. Но... не было вождей, не было организации, не было дальнейшего, годного при новой обстановке, плана, и «громадная сила предместья даром ушла на бесполезные миграции и бесцельные демонстрации»⁴¹⁰.

Между тем враг не дремал и готовился к решительному удару.

Для Комитета общественного спасения, как и для Комитета безопасности, дни 2 и 3 прериаля прошли в выживании. 2 прериаля объединенное заседание обоих комитетов приняло меры к скорейшей рассылке по окрестностям Парижа «чрезвычайных курьеров» с воззваниями

Конвента и разъяснениями событий 1 прериаля («кровавых планов анархистов и заговорщиков»).

Эта мера мотивировалась экстренной необходимостью бороться против «злонамеренных» слухов, распространяемых инсургентами. В тот же день комитеты постановили перевезти под военным караулом в крепость Торо (Таигеаи), в Бретани, народных представителей: Бурбонга, Дюкенуа, Дюруа, Ромма, Субрани, Гужона, Пейссара и Лекарпантье⁴¹¹. Правительство явно опасалось, что инсургенты могут силою освободить арестованных депутатов, если те будут сидеть в одной из парижских тюрем. Комитеты (включая и военный) провели через Конвент вышеуказанный декрет о вручении членам Конвента Дельма, Жилле и Обри верховной власти и надзора над армейскими частями, действующими в Париже и в округе 17-й дивизии.

В заседании 3 прериаля пока не нужно было выносить никаких постановлений, оставалось ждать прибытия вызванных в столицу войск и позаботиться об их устройстве, экипировке и снабжении. Остальная часть заседания Комитета была посвящена вопросам, не связанным с событиями в столице.

В течение всего дня 3 прериаля настроение оставалось очень напряженным. Революционные речи слышались повсюду; полиция их слушала, но арестовывать ораторов не решалась: «Вчера, 3 прериаля, всюду, особенно вечером, сборища были очень многочисленны и состояли из рабочих; волнение среди них было чрезвычайное; ролот раздавался отовсюду; угрозы против купцов, против установленных властей и против Конвента были ужасны; клялись бороться насмерть с молодыми людьми, именуемыми мюскаденами, которых считают опорой национального представительства», — читаем мы в полицейской сводке за этот день⁴¹². Конечно, много было разговоров о событиях дня — освобождении толпой предполагаемого убийцы Феро, и «рабочий класс» (*la classe ouvrière*) проявлял большое удовлетворение по этому поводу, тогда как «истинные патриоты» были этим фактом удрученены⁴¹³.

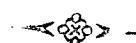
Третье прериаля прошло, как и второе, не принеся связки. Ей суждено было наступить только на следующий день, памятный день разоружения революционных предместий.

Г л а в а в осьмая

ЧЕТВЕРТОЕ ПРЕРИАЛЯ

В течение всей второй половины дня 3 прериаля и в ночь на 4-е армейские отряды подходили к Парижу и вступали в город. С раннего утра 4 прериаля усиленно готовилась также и Национальная гвардия центральных секций, в частности и в первую очередь, секций *Buttes des Moulins*, *Lepelletier*, *Brutus* и Елисейских полей. Явились к военному начальству с предложением своих услуг и мюскадены, образовавшие особый добровольческий батальон. Генерал Кильмен, под непосредственное начальство которого попал этот багальон, счел нужным в своем докладе о событиях 4 прериаля напомнить вообще о заслугах мюскаденов в месяцы после 9 термидора и заодно снять с этих «столиц оклеветанных» молодых людей подозрение в роялизме⁴¹⁴. Последнее, как мы знаем, было далеко не лишним, учитывая настроения армии.

Уже на рассвете комитеты общественного спасения и безопасности стали получать кое-какие сведения о том, что делается в Антуанском предместье. Эти сведения были добыты добровольными разведчиками, членами комитета 6 округа⁴¹⁵. Явившись в комитет полицейского управления (*comité de surveillance*) 8 округа, разведчики, к своему негодованию, никого там не застали. Пройдя затем в одну из секций Антуанского предместья (*Quinze-Vingts*), они поговорили с полицейским комиссаром этой секции и узнали от него, что он заблаговременно предупреждал власти о намерении инсургентов отбить осужденных (*sic!*) по делу об убийстве Феро, так как весь день 3 прериаля в предместье происходили по этому поводу значительные

сборища⁴¹⁶, и, таким образом, правительство знало заранее о готовящемся нападении на жандармов. Между прочим, это интересное свидетельство лишний раз доказывает, как мало было уверено в себе правительство в течение всего 3 прериаля. По свидетельству тех же разведчиков, угром 4 прериаля Антуанское предместье проснулось не так рано, как этого можно было ждать. Может быть, там не знали, что враг именно в этот день готовит решающий удар. По крайней мере, пройдя в глубь предместья, разведчики убедились в том, что все его обитатели спали глубоким сном, «как будто бы, — прибавляют они со скорбной иронией, — все они были членами комитета 8 округа»⁴¹⁷. Все эти сведения относятся к 5 часам утра. Но уже к 11 часам в Антуанском предместье вооруженная масса стала строиться в боевой порядок, с пушками, заряженными картечью. Приходили сведения, что командующий этой вооруженной силой, «человек с пистолетом в руке», обзывают мюскаденами и аристократами «всех, кто не является обитателями Антуанского предместья»⁴¹⁸, и арестовывает некоторых граждан, которых уводят в глубь предместья. Эта вооруженная масса постепенно увеличивалась, и было даже опасение, что она двинется на Тампль и захватит орудия этой секции.

Комитет безопасности понимал, конечно, что очень многое зависит от местного окружного (выборного «революционного», как они официально назывались) комитета 8 округа, т. е. того округа, куда входило Антуанское предместье. Захочет ли этот комитет проявить должное усердие? Не побоится ли он мести рабочего населения, среди которого он живет и действует? Поможет ли он опознать и арестовать таинственных главарей восстания? Комитет безопасности взвывает к «патриотической и мужественной правдивости» этого местного административного органа⁴¹⁹, но и это обращение ни к чему не привело.

В течение 3 прериаля к Парижу было подтянуто три тысячи человек кавалерии; 4 прериаля под командой генерала Мену оказалось в общей сложности (считая как линейные войска, так и Национальную гвардию) около 25 тысяч человек. Этих сил было достаточно, чтобы окружить Антуанское предместье и занять все выходы из него. Тем не менее окончательная развязка последовала только

к 10 часам вечера, так как только к этому времени предместье было разоружено.

По свидетельству наших документов, в этот критический момент «добрые граждане» внутри самого предместья оказали большое давление на инсургентов⁴²⁰. Это вполне понятно: ведь кроме рабочих там жили и фабриканты, и торговцы, и хозяева многочисленных лавок и ремесленных заведений и т. д.

Конвент формально и торжественно объявил войну Антуанскому предместью особым законом утром 4 прериаля, одновременно с открытием военных действий, т. е. с походом на предместье вооруженных сил правительства. Причиной похода называлось укрывательство в предместье осужденного «убийцы» депутата Феро. Говорилось и об общей причине — необходимости бороться против попыток воскресить эпоху революционного террора и выдвигались требования немедленной выдачи укрывающихся «злодеев», выдачи пушек. Основной целью похода было полное разоружение рабочего населения. Антуанское предместье обвинялось в том⁴²¹, что 1 и 2 прериаля выступило против Конвента и направило против него орудия; что оно пыталось силой «вырвать декрет у представителей 25 миллионов французов» и «снова явить зрелице ничтожной части народа, желающей диктовать законы большинству нации»; что оно оскорбило это большинство в лице его представителей; что, наконец, оно угрожало снова облечь Францию в тот мрачный страх, который навсегда сорвал с нее день 9 термидора, и своими «свободоубийственными» деяниями отсрочить установление «свободной и демократической конституции», скрепленной уже заключенными или готовящимися в близком будущем мирными договорами.

Текст этого закона был разослан вечером 4 прериаля во все армии и во все департаменты Франции уже одновременно с извещением об одержанной над мятежным предместьем победе⁴²².

О бескровном походе на Антуанское предместье осталось, между прочим, указание одного мюскадена, некоего Луи Коста, именующего себя учителем математики. Узнав, что убийца депутата Феро отбит толпою и увезен в Антуанское предместье, Коста, как и все его товарищи, предложил свои услуги начальству и получил из казенного

склада оружие. Для психологии тогдашней политической жизни характерно, между прочим, что некоторые мюскадены, получая оружие под расписки, призадумались над тем, не послужат ли эти бумажки «проскрипционными списками», которые погубят подписавшихся в случае торжества якобинцев⁴²³.

Так или иначе, наступательный порыв взял верх. Термидорианский журналист Лакретель, деятельно старавшийся, по его собственному признанию, в эти дни возбудить дух и натравить вооруженные силы Конвента на предместье, с восторгом вспоминает то совершенно новое зрелище, какое представляли 4 прериляя бульвары, когда по ним проходили «уже не инсургентские пики, а десять тысяч человек, отправлявшихся разоружать так называемый суверенный народ»⁴²⁴.

Кроме этой армии, было еще 15 тысяч человек в резерве, и к вечеру часть их также двинулась на место действия. Но, как неясно и осторожно отмечает тот же автор, «начало этого дня было неудачным» (*point heureux*)⁴²⁵.

Уже с самого начала прериальских волнений мюскадены и наиболее воинственно настроенные центральные секции не переставали требовать разоружения Антуанского предместья, иначе говоря, вооруженного похода на этот «Гибралтар якобинцев», как выражается Лакретель⁴²⁶. Когда 4 прериляя поход был окончательно подготовлен и официально решен, общему наступлению предшествовал один в высшей степени характерный эпизод: частичная экспедиция генерала Кильмена, в которой, как уже упоминалось, именно мюскадены приняли деятельное участие. Но военная фортуна оказалась к ним довольно неблагосклонной; правда, они сами были виноваты: они то недооценивали, то переоценивали силы противника. В окончательной победе в этот день не все они были уверены, да и вообще действовали порывами. Из скучных, пристрастных, идущих и склончивших из лагеря «победителей», показаний о походе на Антуанское предместье можно привести следующие главные моменты.

Рано утром 4 прериляя, а может быть еще вочные часы, дивизионный генерал Кильмен получил от членов Конвента, которым было поручено верховное начальство над вооруженными силами столицы, приказ войти в Антуанское предместье, окружить дом Сантерра и произвести там

обыск с целью найти и арестовать скрывающихся членов Конвента: Камбона и Тюрло. В 5^{1/2} часов утра Кильмен уже выступил в поход, имея под своим начальством «батальон» мюскаденов (*le bataillon d'avant-garde*), как они себя называли, отряды из трех наиболее благонадежных секций (*Buées des Moulins, Lepelletier, Champs Elysées*) и двести драгун, всего 1200 человек с двумя орудиями⁴²⁷. Самый характер этого первоначального выступления показывает, что раним утром 4 прериляя власти уже настолько чувствовали перевес на своей стороне, что, по-видимому, перестали ждать активного сопротивления со стороны инсургентов: иначе они не стали бы посыпать в недра предместья явно недостаточную воинскую часть.

Начало было как будто благоприятным для правительства: Кильмен вошел со своим отрядом в предместье, подошел к дому Сантерра, произвел обыск, но никого не нашел. Впрочем, во время обыска генерал, по-видимому, чувствовал себя не очень уверенно: все время посыпал патрули узнавать, подходят ли к нему подкрепления из города. Но о подкреплениях пока что не было и слуха. Дело в том, что войска, которые, по первоначальному плану, должны были поддержать Кильмена, внезапно получили совсем иное назначение: они должны были воспрепятствовать рабочим Марсельского предместья двинуться на подмогу Антуанскому. На это понадобились как раз те две тысячи человек, которых обещали послать в распоряжение Кильмена. Вместо двух тысяч к нему пришли, да и то с большим опозданием, всего триста человек. Тем временем отряд Кильмена оказался в очень затруднительном положении. В своем официальном рапорте генерал храбрится и явно хвастает, но даже и из этого рапорта видно, что он пережил немало критических минут, пока ему удалось выбраться из того «осиного гнезда», куда он так неосторожно попал, недооценив силы противника.

Прежде всего по рапорту заметно, что у Кильмена возникла как бы новая «стратегическая цель»: не продолжать «наступление», а начать попятное движение, устремляясь возможно кратчайшими путями к базе, иначе говоря, поскорее покинуть Антуанское предместье и вернуться во-свойси. Посланые на разведки патрули не вернулись, так как были захвачены инсургентами. Тут генерал получил запоздавший приказ из центра с предписанием не

входить в предместье, а «охранять подходы» в ожидании прибытия «всех войск», которым предписано окружить предместье.

По-видимому, правительство уже после ухода первого отряда поняло, что покончить с восстанием можно лишь при помощи несравненно больших сил и, притом, собрав их в один кулак, а не раздробляя по мелочам. Но приказ этот, как мы видели, запоздал, и Кильмену пришлось довольно туда. Оказалось, что после того, как он пришел к дому Сантерра, инсургенты успели выстроить по пути от дома Сантерра к выходу в город несколько баррикад.

«Мы были окружены 20-ю тысячами вооруженных мужчин и 40 тысячами (*sic!*) фурий, потому что женщины их назвать нельзя», докладывает Кильмен. Само собой разумеется, что цифра эта преувеличена для того, чтобы увеличить размер своей победы. Но как бы то ни было, сопротивление было, очевидно, достаточно серьезным. Когда отряд Кильмена, отступая, подошел к первой баррикаде, преграждавшей путь, генерал при поддержке комиссаров секции (*Quinze-Vingts*) вступил в переговоры с инсургентами. Встретили его враждебными криками и «самыми страшными ругательствами», а «фурии» просто грозили перерезать весь отряд. Наконец, действуя и убеждениями и угрозами, Кильмену удалось добиться пропуска через эту баррикаду и двинуться дальше. Снова баррикада, снова остановка, снова враждебные крики, снова переговоры в течение пятнадцати минут. Инсургенты согласились было пропустить отряд, но тут выяснилось, что арьергард его вздумал отобрать пушки одной из секций предместья (*Montreuil*).

Инсургенты немедленно отменили пропуск и снова загородили проход через вторую баррикаду. Генералу пришлось немедленно послать приказ пушек не брать. Он склонен объяснить такую уступчивость своим природным человеколюбием: «Нам было бы очень трудно увезти пушки, не проливая много крови». Правда, он тут же приводит и другое, более правдоподобное объяснение: не было ни веревок, ни привязей, ни лошадей, чтобы тащить отобранные орудия, но о самом существенном обстоятельстве генерал Кильмен скромно умалчивает, хотя оно очевидно по ходу им же излагаемых событий: попытка пробиться сквозь многочисленную толпу, даже в несколько десятков

тысяч чёлобéк, по явно преувеличенному подсчету Кильмена, и сквозь вторую, затем третью баррикаду, сражаться с такой толпой в узкой застроенной и забаррикадированной улице, имея всего 1200 человек, сулила весьма малотешительные результаты.

Зная, конечно, что читателям его рапорта не может не прийти в голову эта простая мысль, Кильмен с достоинством подчеркивает: «Арьергард отказался от намерения забрать пушки, но он сделал это по своей доброй воле (*de bonne grâce*), а вовсе не по принуждению мятежников». Свое нежелание вступить в борьбу Кильмен объясняет еще и тем, что при его отряде находились два народных представителя (Вернье и Куртуа) и была опасность, что «убийцы направят против них все свои усилия». Правда, участники отряда решили защищать депутатов, хотя бы пришлось для этого поголовно лечь костьми, но... «нас было только 1200 человек, а мы были окружены бесчисленным множеством людей и ордою мегер, в тысячу раз более страшных, чем мужчины». Да и стратегические соображения требовали уступки: «Мы могли скомпрометировать успех большой вечерней экспедиции, ускорив открытие военных действий со столь незначительными силами». Словом, пушки остались в руках инсургентов, а отряд получил, наконец, пропуск мимо второй баррикады

Обратимся к другому свидетелю, который менее официален, а потому чаще (хотя и против воли) проговаривается. Это уже упоминавшийся нами Луи Коста, проделавший описанную утреннюю экспедицию в Антуанское предместье в рядах «батальона молодых людей», т. е. в числе приблизительно 500 мюскаденов, находившихся в отряде Кильмена.

Луи Коста (впоследствии барон империи), описавший в весьма героических тонах действия своего батальона и издавший это описание тотчас же после событий, признает, что, очутившись перед баррикадами и перед толпой «разъяренных людей, вооруженных пиками, саблями и ружьями», отряд и разгневался и «немного смущился» (*la rage et conséquemment un peu de trouble étaient dans nos rangs*): положение его «становилось трудным и опасным». По признанию Коста, возвращение отнятых было у инсургентов пушек тоже произошло вовсе не «по доброй воле» военного начальства, а просто под влиянием естественного

в их положении опасения грозных последствий: «Депутат, который нас сопровождал, полагал, что их (инсургентов) успокоит, если им отдать пушки»⁴²⁸.

Все это существенно дополняет изложение генерала Кильмена. Задержка перед второй баррикадой была долгая и опасная. Но, миновав, наконец, это препятствие, отряд вскоре наткнулся на новое: третья баррикада заграждала выход из предместья. Крики и угрозы защитников этой баррикады снова остановили Кильмена. Правда, теперь его положение было значительно выгоднее, чем раньше, когда ему приходилось с трудом продвигаться по узким улицам предместья: теперь ему стоило только прорваться через последнюю баррикаду, а дальше было уже широкое свободное пространство, где он мог развернуться и действовать⁴²⁹. Кильмен направил на баррикаду два орудия, но до стрельбы дело не дошло: помогли убеждения комиссаров и «добрых граждан, замешавшихся в толпе», и отряд был пропущен без борьбы.

Выйдя из предместья, Кильмен был спасен, тем более что он тут же соединился с генералом Моншузи, который привел подкрепление в 300 человек. При этом во вспомогательном отряде находился Ферон, который тотчас же отправился в Комитет общественного спасения с целью ускорить прибытие главных сил и замышляемый общий поход на предместье для разоружения инсургентов. Почти одновременно с Моншузи подошел и другой отряд с кавалерией и пехотой.

Соединенная воинская сила, составившаяся из указанных трех отрядов, расположилась недалеко от входа в предместье. На новую самостоятельную атаку три генерала не решились и решили ждать прибытия главной массы войск. В это время женщины, выйдя из предместья, пробовали убедить солдат перейти на сторону инсургентов. Некоторые начальствующие лица были обеспокоены появлением этих «фурий гильотины», как выражается Кильмен. Но сам он, по его словам, был вполне уверен в лояльности солдат. По-видимому, отогнать женщин силою или пытаться их арестовать было в данный момент небезопасно. Кильмен прибег поэтому к некоторой контрагитации и стал говорить с драгунами, на которых, по его наблюдениям, особенно старались воздействовать женщины. В своем рапорте он приводит речь одного из этих сол-

дат, сказанную в ответ на уверения начальства, и, конечно, хвалит этого солдата; насколько эта речь подлинная — остается навеки покрыто мраком, но генерал передает ее будто бы дословно и для большей живости даже в первом лице, совершенно в манере Геродота и Фукидида. Вот что якобы сказал солдат: «*Mon général*, когда при королевском деспотизме нами хотели пользоваться, чтобы угнать народ, нашим долгом, как граждан, было стать на сторону народа против деспотизма. Но сегодня — дело совсем другое: орда разбойников и убийц хочет возмутиться против верховной власти всего французского народа; эта верховная власть вручена Национальному конвенту, который один является ее носителем: тот, кто возмущается против него, бунтует против всего французского народа. Мы находимся тут, чтобы с опасностью для жизни защищать народное представительство против якобинцев, разбойников и анархистов, и мы сделаем свое дело». «Вот язык драгун 3-го полка!» — восклицает генерал Кильмен, приведя этот небольшой политический спич, и прибавляет: «Другие линейные войска произносили подобные же республиканские слова».

Ясно, конечно, что все это стилизовано в нужном духе и что все эти государственно-правовые тонкости [о Конвенте как носителе (*d'épositaire*) народного суверенитета], мало свойственные и по содержанию и по форме даже самому идеальному из всех мыслимых драгун, рассчитаны главным образом на дальнейшие агитационные цели: армия причиняла кое-какие заботы всякий раз, когда приходилось обращать ее штыки не «вправо», а «влево»; доклад же Кильмена был немедленно отпечатан на казенный счет.

Так или иначе, войска оставались на своем месте. Только к 4 часам пришел приказ примкнуть к войскам, двигавшимся на предместье под общим командованием генерала Мену.

К этому времени у генерала Мену оказалось под начальством в общей сложности 25 тысяч человек (считая линейные войска и Национальную гвардию)⁴³⁰. В своем кратком докладе Конвенту Обри говорит, что Мену двинулся в Антуанское предместье тремя колоннами. Генерал Кильмен говорит о пяти колоннах, направленных на предместье с пяти сторон с прямой целью его окружить и разоружить. При этом, однако, уже заранее имелось в виду

вернуть потом оружие «очень большому числу истинных республиканцев, живущих в этом предместье». Части армии генерала Мену вступили в предместье с разных сторон. На этот раз вначале они не встретили сопротивления (если не считать, что вооруженный отряд инсургентов пытался задержать колонну войск, наступающую под ближайшим командованием Кильмена), ибо на этот раз перевес сил был столь явно на стороне генерала, что его угроза открыть огонь немедленно подействовала, и его пропустили. Тем не менее, уже войдя в предместье, войска Кильмена стреляли в инсургентов, «возымевших дерзкое намерение разоружить несколько человек в авангарде». Вслед за этой стрельбой мюскадены бросились на инсургентов и прогнали их с позиции. Продвинувшись еще дальше в глубь предместья, Кильмен прочел толпе народа воззвание Конвента с требованием немедленной покорности, сдачи пушек и выдачи укрываемых лиц. Инсургенты начали эти требования «суровыми» и медлили с ответом. «Я дал им знать, что если в предписанный срок они не подчинятся приказам Конвента, то предместье будет стерто в порошок (*réduit en poudre*), так что на другой день будут искать то место, где оно существовало».

Тем временем уже и все главные силы генерала Мену вошли в предместье. Инсургенты пытались вступить в переговоры с самим Мену, но тот повторил ультиматум Конвента. Инсургенты покорились. Пушки были выданы, баррикады заняты правительственными войсками. И все-таки масса вооруженных мужчин и женщин теснила войска, правда, не нападая на них. Кильмен отрядил сотню драгун, чтобы сдерживать напор. По этому поводу он, кстати, снова считает нужным похвалить драгун, «которые высказывались так, что не оставляли сторонникам восстания никаких надежд». Очевидно, даже в этот последний момент, когда все было потеряно, инсургенты делали попытки поколебать солдат, и, судя по тому, с каким подчеркиванием говорит об этом Кильмен, можно допустить, что всякий раз неуспех подобных попыток являлся для начальства приятной неожиданностью.

Тотчас же было приступлено и к арестам и к разоружению жителей. К 10 часам вечера все «усмирение» было кончено, кроме, разумеется, разоружения, деятельно продолжавшегося еще много дней, и кроме арестов, которые

тоже шли несколько дней и ночей подряд. Волоча за собой пушки, отнятые у секций Антуанского предместья, приветствуемые радостными криками высыпавшего на бульвары населения центральных секций, войска прошли ко дворцу Конвента и про дефирировали мимо здания. Об этом вечернем триумфальном шествии войск по бульварам до Тюильри сообщает некоторые подробности и Коста: густая толпа встречала их с неистовым восторгом, женщины плачали и целовали им руки⁴³¹. К ночи палач города Парижа получил предписание находиться со следующего дня в распоряжении военной комиссии, только что созданной для суда над инсургентами.

Заседавший с утра Конвент до самого вечера не имел точных известий из предместья. Сведения, поступавшие в полицию из других кварталов в течение всего дня 4 марта, вплоть до 7—8 часов вечера, были тоже весьма неопределенные. Очевидно, везде господствовало выжидательное настроение: все понимали, что дело решится в Антуанском предместье. Сборища, «очень многочисленные и очень шумные», как доносили агенты, происходили во всех парижских кварталах весь день. Раздавались очень резкие речи против Конвента. «Женщины, как фурии, возбуждали мужчин и кричали: «Нужно поддержать наших братьев из Антуанского предместья, нужно расправиться с (народными) представителями и не давать никакой пощады купцам и мюскаденам»⁴³². Полицейским агентам все это казалось таким устрашающим, что им уже мерещилось «полное уничтожение и разрушение» всего существующего. Только между 7 и 8 часами вечера пронесся по городу и тотчас же подтвердился слух о том, что инсургенты изъявили покорность. Сразу все в городе изменилось. Сочувствовавшие инсургентам умолкли: малейшая неосторожность грозила гибелью. Теперь полиции осталось только регистрировать громко и невозбранно раздававшиеся благонамеренные речи.

Впрочем, в течение всего этого дня (и особенно во вторую его половину) Конвент с каждым часом все более убеждался в своей близкой победе. Даже утром, когда открылось заседание, уже нельзя было узнать того собрания, которое так мягко, почти «сердечно» беседовало с гражданами и о гражданах Парижа 2 и отчасти 3 марта. Уже на рассвете, как мы видели, началось движение

ние войск к Антуанскому предместью. Об утренней неудаче Кильмена еще не знали, но было ясно, что инсургенты переходят к защите.

Лапорт, выступивший от имени Комитета общественно-го спасения, сразу же заявил, что «дерзость бунтовщиков» (*l'audace des factieux*) заставит считать преступлением всякую слабость со стороны Конвента.

В этот критический момент опять, как и в жерминале и в первые два дня прериала, успехи внешней политики подняли и подкрепили дух и престиж термидорианского большинства.

4 прериала, когда силы правительства плотно облегли Антуанское предместье и его обезоружение было лишь вопросом часов, типичнейший представитель буржуазии, Сиейс, докладывал Конвенту о новой внешней победе: о победоносном мире с Голландией, фактически отдававшем материальные ресурсы Бельгии и отчасти Голландии в руки французов. Докладчик напомнил при этом, что Брюгге и Антверпен будут отныне успешно конкурировать с Лондоном⁴³³.

Это известие было встречено с ликование.

В середине заседания явилась депутация от одной из секций Антуанского предместья (*Quinze-Vingts*), но она не была допущена председателем: «Никаких сделок с изменниками!» — неслыханно с трибун крики публики. Бурдон (*de l'Oise*) крикнул, что Конвент выслушает «этых презренных» лишь тогда, когда они станут на колени перед законом. Он предложил даже арестовать петиционеров, но они были оставлены на свободе. Конвент подтвердил свою волю: «сегодня же», 4 прериала, Антуанское предместье будет подвергнуто бомбардировке, если не выдаст укрывающихся там людей и если все три его секции не сдадут пушек.

Собственно говоря, с середины дня Конвент был уже уверен в своей победе, и именно поэтому тон его круто изменился. С каждым часом приходили известия, все больше повышавшие настроение. «Сегодня — последняя борьба между преступлением и добродетелью!» восклицает Дюмон, сообщая собранию, что вооруженные секции ждут приказа о выступлении против инсургентов.

Несудача первой, утренней экспедиции Кильмена могла, конечно, несколько оладить настроение, обнаружив,

что «мятежное предместье» как будто собирается принять бой. Но после этой неприятной для Конвента и тревожной заминки тем больше радостного волнения вызвала пришедшая в начале вечера первая весть о «победе».

В 8 часов вечера председатель огласил первое официальное донесение с места военных операций вокруг Антуанского предместья. Сообщалось, что одна из трех секций уже сдала пушки, что две остальные, несомненно, последуют ее примеру; что уже взято под стражу много лиц, в том числе перешедшие на сторону восстания пешие и конные жандармы. Трибуны, где сидела публика из центральных секций, приветствовали это известие. Тотчас же было решено предать суду военной комиссии всех взятых с оружием в руках. Спустя некоторое время на улице послышались барабанный бой и звуки трубы: это возвращались первые отряды, освободившиеся после полной капитуляции Антуанского предместья. Через минуту при громе рукооплесканий на трибуне показался член Комитета безопасности Оги. Он сообщил о полной победе правительства, о разоружении предместья и о ликовании на бульварах при известии о торжестве Конвента.

С не меньшим жаром аплодировал Конвент и характерным словам Дульсе, который выступил тотчас же после Оги и заявил, что победа, одержанная войсками в Антуанском предместье, не менее важна, чем победы над внешним врагом при Флерюсе (т. е. самая крупная победа,енную до того времени одержала Франция в войне против европейской коалиции). 9 термидора и 12 жерминаля получили свое завершение — такова была мысль идейного вождя термидорианцев Фрерона⁴³⁴. Речь его, впрочем, вызвала ропот неудовольствия, так как ему пришлось сообщить, что властям так и не удалось найти «убийцу Феро», отбитого накануне толпою⁴³⁵. Известие об этой неудаче еще больше возбудило ярость Конвента. «Бейте скорее, бейте сильнее, вспомните о занесенных над вами кинжалах, о пулях, метавшихся в вашего председателя. Скамьи, где вы сидите, еще хранят следы сабельных ударов, кровь убитого Феро еще видна на лестнице и на трибуне!» — так разжигал собрание Грегуар⁴³⁶.

«Война насмерть кровопийцам!» — воскликнул Андре Дюмон уже перед самым концом заседания⁴³⁷. Жажда мести окончательно овладела собранием. Конечно, тот,

кого решено было принять за убийцу Феро, мог считать себя безнадежно погившим именно потому, что установить и разыскать настоящего убийцу было невозможно.

Осужденный на смерть 3 прериаля уголовным трибуналом (военная комиссия, как сказано, была учреждена лишь на другой день) слесарь Тинель действительно укрывался в Антуанском предместье и вечером 4 прериаля был схвачен при ликвидации восстания. Он обвинялся в том, что участвовал в убийстве Феро и носил на пике его отрезанную голову. Казалось, теперь, после вторичного ареста, оставалось только снова отправить осужденного на гильотину. Но тут подвернулась досадная деталь: кажется, этот «вновь» арестованный человек вовсе не Тинель, а какой-то Жег. Впрочем, это не важно: «если он не Тинель», то, очевидно, один из его сообщников. Главное, чтобы он не избег казни⁴³⁸.

При капитуляции предместья, как сказано выше, было задержано довольно много жандармов, присоединившихся к инсургентам в предшествовавшие дни. Их казнь, разумеется, тоже была предрешена. И сами они и все, что при них было найдено и что могло послужить против них уликой, было немедленно передано в распоряжение учрежденной в тот же день военной комиссии⁴³⁹. Но главным результатом 4 прериаля, разумеется, самым существенным для всей последующей истории революции, было разоружение в ближайшие же дни Антуанского предместья. Арестовывали, конечно, направо и налево, но все не тех, кого Конвент больше всего хотел схватить.

Можно было с горделивым торжеством оповещать армию и кого угодно о захвате главарей восстания и т. д., но сами-то правительственные комитеты отлично знали, что никаких главарей они в предместье не нашли и что самым ценным трофеем оставался все тот же отбитый накануне у стражи и в конце концов вновь арестованный Тинель, который к тому же не Тинель, а Жег, — но все равно должен быть казнен. Комитет общественной безопасности был недоволен и настойчиво требовал от подчиненных ему органов немедленного ареста «главных создателей мятежа», обнаружения «всех нитей» и «всех агентов» заговора, которые, мол, непременно должны быть найдены в Антуанском предместье⁴⁴⁰. Но найти никого не удалось.

О репрессиях речь пойдет в следующих главах. Заканчивая эту главу, я хотел бы подчеркнуть то огромное значение в истории французской революции, которое придавали дню 4 прериаля современники.

Отметим прежде всего, что сам Конвент всегда считал днем своей победы не первое, а именно 4 прериаля, — что и выразил весьма недвусмысленно, спустя два месяца, в особом зовзывании к французскому народу от 1 термидора III года, где он упоминает три знаменательные даты: 9 термидора, 12 жерминаля и 4 прериаля⁴⁴¹.

Комитет безопасности, стоявший в центре правительственной борьбы против прериальского восстания, категорически говорит именно о дне 4 прериаля, что этот день «чуть не погубил Республику». Это было сказано вечером 4 прериаля, уже после победы⁴⁴². С этой точки зрения, спасение пришло только к ночи этого дня, когда Антуанское предместье увидело безвыходность своего положения и капитулировало.

Для правительственный комитетов не было сомнения, во-первых, в том, что 4 прериаля был выигран бой «собственности против разбоя», т. е. имущих против неимущих, а во-вторых, что нужно немедленно «организовать победу», т. е. приступить к беспощадной репрессии. В докладе Шенье, говорившего от имени соединенных правительственный комитетов, эти две мысли вполне реальны и конкретны, все остальное — литература и деклamation⁴⁴³.

Такое же, свойственное современникам, понимание относительной важности событий сказывается часто и в провинциальных адресах, составлявшихся в прериале. Мы читаем, например, в одном из таких адресов, что навеки памятным днем истинной победы является день четвертого прериаля, когда все головы «гидры» восстания «разом скатились в прах» под дружным напором «честности, храбрости, знания и трудолюбия»: так характеризуется победа буржуазных секций над мятежным рабочим предместьем⁴⁴⁴. То обстоятельство, что эта победа приурочивается именно не к 1, а к 4 прериаля, совершенно согласуется, конечно, с внутренним смыслом всех прериальских событий. Ту же ноту мы слышим и в неофициальных отзывах современников и участников и в воспоминаниях, предназначенных для потомства,

Мюскадены вроде Коста с убеждением твердили, что республика была основана 4 прериаля, потому что именно этот день призван был примирить с республиканской формой правления «миллионы французов», в глазах которых «в течение двух лет» вожди партий были «султанами», а предместья играли роль «янычар». Главное же заключается в том, что 4 прериаля «убило якобинский дух», который до той поры продолжал жить в народе, хотя народ и кричал: «Долой якобинцев!»⁴⁴⁵.

Смысл этих восторженных строк тот, что «миллионы» собственников столицы и провинции впервые 4 прериаля удостоверились, что республикансское правительство хочет и может защитить их интересы от плебейских предместий столицы.

Еще яснее выражает ту же мысль другой свидетель событий, Фен, подводя итог политическому значению 4 прериаля: «Таким образом парижская чернь (*la rorcilace de Paris*) сложила оружие, которое дало ей ее торжество 6 октября 1789 г., 10 августа 1792 г. и 31 мая 1793 г. и которое еще накануне все бы ей подчинило, если бы того захотел какой-нибудь человек с головой. Последствия этого разоружения важны. Это — революция, которая вырвала силу оружия у пролетариата и передала ее богатым кварталам»⁴⁴⁶.

В этих строках все характерно: жargon автора («чернь»), указание на огромное значение дня 4 прериаля в глазах свидетеля событий, сопоставляющего эту дату с значительнейшими моментами революции (вроде падения монархии или изгнания жирондистов), и, наконец, противопоставление пролетариев богатым.

Подобные же мысли мы находим и у представителей побежденного монтаньярского лагеря, но, разумеется, настроение тут другое. По отзыву монтаньяра Бодо, одни считают моментом упадка республики, т. е. моментом перелома, после которого она уже пошла к своей гибели, 9 термидора, другие — прериаль, гибель Ромма, Субраны и их товарищей. Бодо примирает ко второму мнению⁴⁴⁷.

Другой монтаньяр, тоже до конца дней сохранивший верность своим убеждениям, Левассер (*de la Sarthe*), называет прериаль «последним усилием агонии (*d'effort de l'agonie*) республиканцев 1793 года». По его мнению, после прериальских дней борьба идет только «между роялизмом и термидорианцами», последние «патриоты» исчезают со сцены⁴⁴⁸. Таким образом, с его точки зрения, прериаль — не только большое поражение (*un grand revers*), но, как показали последствия, поражение непоправимое, бедственное для судеб революции и республики. Левассер до конца своих дней считал, что с того момента, как у восставшего предместья 4 прериаля было отнято оружие, и вплоть до июльской революции 1830 г., «народ, казалось, подал в отставку», все события совершились без его участия и даже без всякого проявления интереса с его стороны⁴⁴⁹.

Разумеется, история никак не может повторить этой оценки современников. В истории великой буржуазной революции поворотным пунктом было 9 термидора, прериальные события и их исход были предрешены 9 термидора, они были его прямым, логическим последствием. Но, подходя с этой критической оценкой прериальских дней, отводя им по необходимости более скромное место в истории революции, чем это казалось Бодо или Левассеру, мы обязаны все же считаться с этими показаниями, которые подкрепляются суждениями заграничных наблюдателей. Внимательные английские наблюдатели верно и тонко уловили настроения прериальных победителей и побежденных.

По их мнению, разоруженные рабочие Антуанского предместья стали смотреть на себя «как на завоеванный народ», который отныне должен подчиниться лучше организованному и «более осторожному» врагу⁴⁵⁰. Вообще же, по мнению этих английских наблюдателей, прериальные дни ознаменовали победу «среднего класса населения» (*middle sort of people*) над «низшими» (*lowest*) его слоями⁴⁵¹.

Европа внимательно следила за прериальскими событиями, — и 1 прериаля дипломатические представители присутствовали при заседании Конвента. Спустя две недели, 14 прериаля, в заседании, посвященном памяти убитого Фера, Луве, обращаясь к ложе иностранных представителей, заявил, что отныне Франция установит свободу, законность и согласие внутри страны, равно как и умеренность при всех триумфах своей внешней политики. Все это

он просил передать иностранным правительствам: «Скажите (это) и прибавьте, что все эти счастливые перемены будут плодами одной только победы, самой трудной, если не самой славной, — победы, одержанной над анархией четвертого прериаля»⁴⁵².

Отметим, что речь эта, по приказу Конвента, была переведена, отпечатана и распространена на испанском, итальянском, немецком, голландском и шведском языках.

Говоря о прериальских событиях, английские наблюдатели касались той серьезной опасности, которой подвергался Конвент, отмечая при этом, что конфликт не разрешался ни в ту, ни в другую сторону в течение нескольких дней. Едва ли только правы англичане-наблюдатели, предполагая, будто сам Конвент узнал о размерах опасности лишь тогда, когда она миновала⁴⁵³.

Мы знаем, наоборот, что только вечером 1 прериаля, под непосредственным впечатлением разгона занявшей здание толпы, Конвент проявил некоторый преждевременный оптимизм. И 2 и 3 прериаля он не переставал сознавать грозную опасность своего положения. Даже 4 прериаля, когда шансы на победу очень возросли, в Конвенте проявляется скорее ярая решимость использовать все средства и дать окончательный бой, чем уверенность в победе. У нас есть данные, свидетельствующие, что члены Конвента, стоявшие в центре событий, до самого вечера 4 прериаля, до самой капитуляции Антуанского предместья, вовсе не спешили торжествовать победу.

Термидорианец Ровер в течение всего дня 4 прериаля не только сильно тревожился за самую участь Конвента, но не считал невозможным даже дальнейшее распространение парижского восстания на департаменты, особенно на южные. О тулонских событиях он тогда не мог еще быть вполне осведомлен, но знал о существующем на юге сильном брожении. В самый день 4 прериаля он сообщал своему корреспонденту лишь о том, что «внушительная сила занята обузданием предместий, главным образом Антуанского, где находится очаг мятежа. Будет сделана попытка их разоружить, если возможно»⁴⁵⁴. Так говорил один из членов Комитета общественного спасения за несколько часов до развязки!

Вечером 4 прериаля вся тревога сразу рассеялась. Полная победа правительства была налицо. Оставалось

расправиться с обезоруженным врагом. Париж был переполнен войсками. Тюильрийский дворец, где заседал Конвент, был окружен настоящим военным лагерем, где в палатах расположились три тысячи человек кавалерии. Патрули объезжали город: не только полиция, но и частные лица хватали и арестовывали всех, кто им казался подозрительным. Народ безмолвствует, с удовлетворением доносят полицейские агенты: «Арест и заключение в тюрьму террористов и других подозрительных лиц происходят без затруднений: мужчины глядят, женщины молчат»⁴⁵⁵. Правда, иногда эти внезапно замолчавшие женщины напоминают о себе, власти узнают, например, о таких бытовых явлениях: «Одна женщина, не имея возможности дать хлеба своим детям, бросилась в колодезь»⁴⁵⁶.

Но эти детали ничуть не нарушают общей картины. Среди гробового молчания, запуганности и покорности можно было смело приступить к расправе и люто отомстить за пережитый страх.

Глава девятая

ПРЕРИАЛЬСКИЙ ТЕРРОР

Впечатление, произведенное прериальскими днями, было колоссальное — и в Париже и в провинции. Для того, чтобы яснее представить, в какой атмосфере начался и протекал прериальный террор, приведу некоторые образчики из той огромной массы адресов и поздравлений, которые стекались в Конвент со всех концов Франции в течение по крайней мере двух месяцев после событий Эта литература, как и аналогичная ей, порожденная жерминальскими волнениями, крайне однообразна по содержанию и шаблонна по форме: достаточно отметить несколько основных мотивов, чтобы понять ее всю. Нечего говорить, что адресы отражают и на этот раз только настроения победителей Рабочие и неимущая городская масса не имели в тот момент никакой возможности подать свой голос. Они после 4 прериала замолчали, что и отмечала чуть ли не ежедневно в своих рапортах полиция. А хор тех, кому позволено было говорить, создавал очень благоприятную для правительства обстановку.

Само правительство поспешило дать известный тон этим адресам. Были выработаны некоторые клише, с которыми небезынтересно познакомиться. Правительственные комитеты старались изобразить дело так, что собственно в столице есть лишь два лагеря: население центральных кварталов, где царят мир и согласие, так как «изгнанные» оттуда раздоры целиком перешли в другой лагерь — рабочие предместья⁴⁵⁷. Прериальная победа правительства — это благодатный удар грома, который развеял «пары преступления», исходившие из этих предме-

стий и омрачившие «с некоторых пор» парижский горизонт. Конечно, Конвенту и комитетам было очень важно официально установить наличие только двух враждебных сторон — собственников и несобственников. Но этого было недостаточно. Термидорианцы отлично понимали, что удар по рабочим предместьям и истребительная борьба против якобинцев непременно будут истолкованы роялистами как начало общего крушения ненавистной республики. Поэтому уже в самые первые дни после победы Комитет безопасности считал нужным циркулярно напомнить местным властям, что бдительность необходима и по отношению к незаконно проникающим во Францию эмигрантам: если Конвент преследует прериальных инсургентов («убийц и мошенников»), то он не менее беспощаден и по отношению к роялистам-эмигрантам⁴⁵⁸. Вопрос о роялистах был и сам по себе очень деликатен: необходимо было с особым вниманием посматривать на рейнскую армию. Там распространялось во время прериального восстания какое-то воззвание, написанное в «якобинском», «террористическом» духе и даже приглашавшее армию к активному выступлению «в пользу террористов». Главное — это не был памфлет, проникший в армию извне, напротив, это «крамольное произведение» возникло в недрах самой армии. По тому, в каких серьезных, тревожных тонах Комитет общественного спасения пишет об этом воззвании, по той важности, какую он придает тому, чтобы оно не распространялось, видно, до какой степени правительство не считало войска свободными от резкого якобинского уклона⁴⁵⁹.

Конечно, в официальных документах, объявляемых во всеобщее сведение, гадобные опасения тщательно затушевываются. Наоборот, подчеркивается, что все обстоит благополучно; Мерлен (de Thionville), от имени всей армии Рейна и Мозеля, выражает Конвенту «чувство негодования» по поводу прериального мятежа, а Комитет общественного спасения отвечает столь же прочувствованной благодарностью и т. д.⁴⁶⁰. Но так или иначе — о настроениях армии следовало помнить.

«Объединенные терроризм и роялизм» — вот официальная формула для обозначения «внутренних врагов», побежденных и в жерминале и в прериале. Самая настойчивость подобной формулировки показывала, в каком

свете правительству было выгоднее всего представить оба восстания, чтобы привлечь на свою сторону большинство собственнической Франции: и «богатых», и «честных ремесленников», и «мирных земледельцев», а заодно и армию⁴⁶¹.

Кое-где в провинции власти тоже делали явные и упорные усилия, чтобы объяснить как жерминальские, так и прериальские события «контрреволюционными» (и прежде всего роялистскими) происками. Доказательств у них никаких не было, но они прикрывали этот недостаток чрезвычайной уверенностью тона и пафосом негодования⁴⁶². Когда же эта версия получила официальный штамп, то провинция окончательно и охотно ее усвоила. Особенно усердствовала администрация, как выборная, так и назначенная.

Даже там, где оба восстания объясняются кознями недобитых «кровопийц», т. е. якобинцев, все же наравне с ними упоминаются и роялисты. Элементы, дружественные этим последним, пытались (в печати и в самом Конвенте) бороться против обвинений их в соучастии. «Первого прериала,— пишет, обращаясь к своим коллегам, вогезский депутат Брессон,— на вас занесли нож (*vous êtes égorgés*)... террористы; вы спасены... роялистами, по крайней мере так называемыми роялистами». «Какая странная вещь революция!— глубокомысленно добавляет автор⁴⁶³.

Таково было популярное клише, формула, пущенная в оборот теми роялистами, которые писали и печатались в Париже и потому не могли в легальной прессе повторять эмигрантских суждений о том, что Конвент и его враги слева — одно и то же, вполне стоят друг друга и т. д.

Предостережения от необдуманного милосердия, призывы к казням и беспощадным репрессиям, к войне на смерть против «кровопийц» перемежаются иногда с утверждениями, что эти «кровопийцы» и «злодеи» «продались тиранам»⁴⁶⁴. Под таковыми в этих документах понимаются то Бурбоны, то Вильям Питт и другие внешние враги. Обе версии получили полное официальное одобрение, усиленно распространялись из центра и тотчас же воспринимались провинцией: «Прериаль» создан агентами Питта и английским золотом, но внутренние союзники Англии в войне против французской республики провалились так

же, как и внешние ее союзники. Эта мысль постоянно встречается в адресах⁴⁶⁵.

Но чаще всего интерпретация прериальных событий сводилась в провинции к такой схеме: террористы, лишенные власти 9 термидора, попытались вернуть себе былое значение и обманным образом увлекли за собой людей, у которых не хватило терпения «переносить некоторые временные лишения». Организаторы «заговора» — обманщики, восставшая масса — обманутые. К тому же, прибавлялось сплошь да рядом, сами «обманщики» состоят «на жаловании», подкуплены таинственною рукой из-за границы⁴⁶⁶.

Многие обращения к Конвенту, вызванные прериальскими событиями, составлены в тоне укора. Восстание объясняется слабостью, будто бы проявленной правительством после 12 жерминаля, а по мнению авторов некоторых адресов, даже и после 9 термидора⁴⁶⁷. Такой недостаток энергии со стороны правительства довел Францию до пропасти; если бы оно тотчас же после 9 термидора наказало «сообщников Робеспьера», не произошло бы ни событий 12 жерминаля, ни событий 1 и 4 прериля⁴⁶⁸. Такого тона не было после 12 жерминаля в аналогичных документах. Похоже на то, что реакция в некоторых департаментах зашла настолько далеко, что уже и сам термидорианский Конвент начинал рассматриваться там как слабовольное и потому несколько подозрительное собирще, которое не может или не хочет вырвать зло с корнем.

Горячий укор Конвенту за его долготерпеливую синхронность (один из излюбленных мотивов провинциальных адресов) является, конечно, прелюдией к требованию кар и быстрой расправы. Допустим, что после 9 термидора Конвент еще «не знал всех врагов», но разве «опыт 12 жерминаля» не должен был вскрыть перед ним всю опасность «отвратительных заговоров»? Быть может, «чудовищные события» прериальных дней пойдут, наконец, на пользу республике и Конвенту, заставив его «ускорить казнь тигров, которые пытались его уничтожить»⁴⁶⁹.

Киапп, делегат Конвента при альпийской и итальянской армиях, в адресе, который он посыпает от имени армий и населения, среди всяческих изъявлений восторга перед «энергией и принципами» Конвента, также с ударением

предостергает его от излишней снисходительности к побежденным, которая может оказаться «роковой для свободы»⁴⁷⁰.

Эта мысль бесконечно варьируется на все лады: Конвент сам виноват в прериальских событиях, так как не сумел воспользоваться своей жерминальской победой, не прибег к суровым репрессиям, не казнил никого из виновников восстания. Вот почему «сообщники Робеспьера» становятся все смелее: 12 жерминаля они только угрожали, 1 прериала они уже стали убивать. Надо стереть их с лица земли, иначе придется погибнуть от их руки. «Законодатели, вы медлите, а они действуют, вы рассуждаете, а они убивают»⁴⁷¹.

На юге впечатление от парижских событий еще больше усилилось под влиянием событий в Тулоне, хронологически почти совпадавших с парижскими. В департаменте Воклюз, например, так напуганы, что заранее взывают к центральной власти о помощи и явно не верят в окончательный характер «побед» 9 термидора, 12 жерминаля и 1 прериала⁴⁷².

Эти три даты часто связываются авторами адресов как бы в одну цепь развивающихся событий, причем прериаль рассматривается как завершение, как «дополнение» к предшествующим двум победам над «террористами»⁴⁷³. Но при этом опять-таки обычно подчеркивается мысль, что прериальское выступление повсюду объясняется «безнаказанностью», которой будто бы воспользовались в свое время виновники жерминальских беспорядков⁴⁷⁴.

Некоторые адреса и доклады, идущие из провинции, указывают, что кое-где имелись политические элементы, готовые немедленно поддержать прериальских инсургентов. Они жадно ловили смутные слухи, шедшие в прериальские дни из Парижа, а на юге и из Тулона, и даже будто бы знали заранее о готовящихся событиях, ждали перемены, низвержения «умеренных», изменения всей политики и т. д.⁴⁷⁵. Были ли эти «якобинские» элементы организованно связаны между собой или с парижскими инсургентами? Их враги иногда утверждают, что были, но доказательств никаких не приводят, так что вопрос этот, к сожалению, остается пока открытым. Как бы то ни было, весть о поражении парижских инсургентов пришла в провинцию (особенно в далекие департаменты) почти од-

новременно с известием с выступлении 1 прериала, и все надежды провинциальных «якобинцев» быстро погасли⁴⁷⁶.

В указанном отношении весьма категоричны, но также вполне голословны, утверждения Дюма и Реаля, делегатов Конвента при альпийской и итальянской армиях: поздравляя Комитет общественного спасения с победой над прериальскими инсургентами, они пишут, что «гнусный заговор» имел разветвления в главных пунктах республики, и ссылаются при этом на одновременные смуты в Эксе, Тулоне, Марселе, вообще на юге и на «зажигательные возвзвания», распространяемые в армии. Затем следует утверждение, что всему причиною — роялистская опасность, причем в качестве единственного доказательства отмечается совпадение прериальных событий с прибытием «толпы эмигрантов», выехавших из Ливорно и Генуи в Марсель⁴⁷⁷.

Попадаются среди этих адресов и такие, которые живо напоминают и былые лозунги жирондистов и будущую реакционную публистику времен подавления Коммуны 1871 г.: «Прочь от Парижа!». К Конвенту обращаются с горячей мольбою покинуть развращенную столицу, где столь многочисленны «злодеи», и перебраться в менее населенный город, «где страсти бессильны». От Конвента требуют даже издания особого закона, по которому национальные представительства не должны будут отныне заседать в городе, население которого превышает 50 тысяч душ⁴⁷⁸.

Авторы адресов противопоставляют то Париж провинции, то парижские рабочие предместья остальной стране. Впрочем, и под «Парижем» тоже разумеются в этих случаях именно рабочие его предместья: главную роль в прериальском восстании провинция определенно приписывает рабочим столицы, «Литуанскому предместью», причем иной раз попутно указывается, что земледельцы провинции сами находятся в нужде, что они «отдают свои жатвы» городам и армии, а между тем на их жалобы не обращают внимания⁴⁷⁹. Таким прикрытым и осторожным способом в эти благонамеренные адреса вводится протест собственников против продолжающихся реквизиций для нужд армии и отчасти для прокормления столицы.

Довольно упорно мысль составителей адресов обращается к ненавистной конвентской «вершине», которую

обвиняют в руководстве восстанием. Не только жаждут крови арестованных монтаньяров, но и торопят их казнь; непрерывным потоком прибывают в Конвент все новые и новые адреса с риторическим вопросом: почему чудовища (*les monstres*) еще дышат? Когда же казнь? Правда ли, что «эти люди, пресыщенные человеческой кровью», еще не на плахе?⁴⁸⁰ Нужно поскорее издать «строгий закон», который их «уничтожит и сотрет в порошок»⁴⁸¹. Эта ярость против монтаньяров, против арестованных членов «вершины» выражается в провинциальных адресах на все лады. Что они будут казнены, в этом никто не сомневается, — жаль только, скорбят иные, что смерть слишком легкое наказание для этих «людоедов»⁴⁸².

Изредка среди потока беспредельной лести и возвзваний к беспощадной расправе со злодеями, террористами, якобинцами, убийцами отечества и т. д. проскальзывают неожиданные жалобы на спекулянтов и хищников, которым так хорошо жилось уже в эти месяцы. Иной раз эти почтительные обращения к Конвенту прямо требуют суроных мер против биржевых дельцов (*agioteurs*), приравниваемых к пиратам, против «жадных спекулянтов», обесценивших ассигнации⁴⁸³.

Но эти отголоски настроений потребительской массы, средней и мелкой буржуазии, теряются и не дают тона адресам. Да и парадоксально было бы жаловаться на «пиратов» от спекуляции в обращениях к таким же пиратам, их представителям и покровителям. И не в спекулянтах усматривали составители адресов главное зло. Важно, что ненавистная гидра, по-видимому, побеждена, раз побеждено олицетворявшее ее Антуанское предместье. Остается завершить дело. В требованиях расправы провинциалы, впрочем, несколько отставали от парижских лидеров. Ферон, например, предлагал сжечь все Антуанское предместье, лишний раз обнаруживая при этом то свойственное ему пылкое усердие, которое, по замечанию наблюдавшего и ненавидевшего его Шудье, он проявил, требуя после 9 термидора разрушения здания Парижской ратуши, пытавшейся воспротивиться аресту Робеспьера, то же усердие, с каким еще раньше, в качестве сторонника революционного террора, он носился с проектом разрушить до основания город Марсель. «Переменив знамя, Ферон не переменил своего характера», — замечает по этому по-

воду Шудье⁴⁸⁴. Конечно, предложение сжечь целое предместье было несерьезно, это был лишь выкрик бешеного маниака или человека, которому казалось нужным прикинуться таковым. Однако, не заходя так далеко, правительство считало возможным воздвигнуть гильотину и дать ей ежедневную работу. Это и было сделано.

В такой атмосфере правительство, в лице прежде всего комитетов общественного спасения и безопасности, приступило к ликвидации восстания: к обыскам, арестам, разоружениям и казням или для полной точности к отсылке в военную комиссию. Названные комитеты, избранные Конвентом и всецело им поддерживаемые, были всевластны в этом кровавом прериаляе. Именно они ежедневно наполняли тюрьмы; именно они давали ежедневную пищу гильотине: военная комиссия, через которую, для формы, проталкивали людей на эшафот, была только технической подробностью. Ферон, Тальен, Бурдон, Ровер, Веранье — вот кто, непосредственно или косвенно, вдохновляли в эти дни правительственные комитеты и Конвент. В некоторых мероприятиях этих комитетов чувствовалось влияние возвращенных жирондистов. Из них в это время более других выдвинулся Луве; правда, реакция очень быстро его обогнала. Правительство принялось за работу, не теряя ни минуты времени. Прежде всего комитеты известили армию о победе, одержанной ими на внутреннем фронте. На всякий случай прибавили, что вожди восстания схвачены и «завтра» будут казнены. Сообщалось при этом о начавшемся разоружении инсургентов, которое, надо надеяться, окончательно обеспечит спокойствие «добрых граждан»⁴⁸⁵. Аресты шли во всех частях города, но в первые дни главное внимание было, разумеется, обращено на Антуанское предместье, а затем на оказавшиеся очень неблагонадежными жандармские части, стоявшие в Париже. Их обвињали в бездействии, в самовольных уходах с поста в течение 1—4 прериаля, а некоторых — в прямом переходе на сторону восставших. Тотчас же вслед за арестами жандармов, укрывшихся в Антуанском предместье, последовала общая мера против этой воинской части. Декретом 6 прериаля три жандармских дивизиона, стоявших в Париже, были объявлены распущенными, причем служившие в них лица получали отныне возможность снова поступить на военно-полицейскую службу только после особой

чистки (*un scrutin épuratoire*) и при условии, что их признают годными для несения этих обязанностей⁴⁸⁶. Следует прибавить, что в течение целого месяца в Париже фактически царило военное положение с непрерывно действующим военным судилищем, и город был полон войск. Может быть, именно этим объясняется, что только через месяц с лишним после уничтожения жандармских дивизий Комитет общественного спасения и Военный провели декрет об учреждении особого военно-полицейского корпуса («легиона общей полиции»), на обязанности которого лежала охрана Конвента, тюрем, а также «общественного спокойствия внутри столицы»⁴⁸⁷. В течение всего прериала можно было обойтись без подобного корпуса.

С жандармами вообще было много хлопот в прериальские дни. Некоторые из перешедших на сторону восстания жандармов были схвачены в ночь на 5 прериляя, после капитуляции Антуанского предместья. По секциям немедленно были приняты самые энергичные меры для дальнейшего расследования действий бывших чинов жандармских дивизионов столицы. Предписано было, на основании поименных списков жандармов по месту их жительства, выяснить степень их благонадежности, нравственность и характер знакомств каждого из них⁴⁸⁸.

Приказы об обысках, арестах, расследованиях, воспрещение женщинам присутствовать на каких бы то ни было собраниях политического характера, формальный и демонстративный отказ Конвента принять делегацию от секции *Quinze-Vingts*, входившей в состав Антуанского предместья, приказ арестовывать женщин на улице, если их соберется больше пяти в одной группе, суровые напоминания о необходимости действовать как можно поспешнее в деле ловли злоумышленных лиц — все эти распоряжения, предписания, наиздания так и сыпались ежедневно, начиная с 4 прериляя, на местную администрацию секции⁴⁸⁹. И все это нужно было принимать к сведению, к рукодству, часто к немедленному исполнению, одновременно с разбором бесчисленных дел по доносам. Дело в том, что после прериальных дней многих охватила какая-то мания доносов. Эти доносы часто поражали своей нелепостью и бездоказательностью, что не мешало им иной раз гризводить людей на гильотину, в осбенности в течение первых трех недель после прериального восста-

ния. Особенных оснований для арестов и не требовалось: одного брали за то, что он слывет необузданым террористом (*un terroriste effréné*); другого за то, что он террорист, сеятель анархии, да к тому же и пьяница (*terroriste, ivrogne, provocateur à l'anarchie*); третьего за то, что он был некогда агентом Кутона; четвертого за подстрекательство к грабежу (*excitant au pillage*); пятого за лицемерие (*homme Tartuffe*) и тайное сочувствие террористам; шестого за развращение «несчастных рабочих» (*souffrant les malheureux ouvriers*); седьмого за то, что он публично «хвастался», что любит кровь (*se vantant publiquement... qu'il aime le sang*); восьмого за то, что он человек «ужасный по своим принципам» (*homme affreux dans ses principes*) и даже уже сидел два раза в тюрьме; цепкий ряд женщин за то, что они выражали мнение, что хорошо бы вырезать весь Конвент, и т. д. Хватали, словом, всякого, о ком кто бы то ни было доносил; случайно подслушанные неосторожные слова сплошь да рядом стоили говорившему по меньшей мере свободы⁴⁹⁰.

Велено было арестовывать всех принимавших участие в незаконных «общих собраниях», происходивших, как мы видели, в некоторых секциях 1 и 2 прериляя; строго предписывалось хватать на местах всех, кого можно было заподозрить в прикосновенности к восстанию; велено было прекратить, впредь до нового приказа, выдачу паспортов тем, кто еще до 1 прериляя был обезоружен по предписанию властей; усиленно разыскивали тех, кто был в набат, кто вообще играл, какказалось, сколько-нибудь активную роль в восстании⁴⁹¹. Уже 5 прериляя по всем секциям разослан был декрет Конвента, объявлявший вне закона всех участников незаконных собраний, присваивающих себе какую-либо власть⁴⁹². Правительство больше всего сграждалось возможной кристаллизации восстания, возникновения какого-нибудь нового центра революционной власти.

Разобраться в массе схваченных людей было некогда, особенно в первые дни после восстания. В официальной переписке Комитета безопасности попадаются бумаги, свидетельствующие, что схваченные после капитуляции Антуанского предместья люди сидели в тюрьме по семи недель и больше, правда, никем не тревожимые, но и всеми забытые, без предъявления к ним каких бы то ни было обвинений и даже без указания первоначальных мотивов их

задержания⁴⁹³. Но вообще те, кому удалось пережить прериаль, были избавлены от наиболее грозной опасности: в мессидоре и, еще дальше, в термидоре уже было несравненно легче доказать свою невиновность и добиться освобождения.

Под строгий полицейский надзор попал, между прочим, в эти дни родственник и друг Гужона, Тиссо, опубликовавший несколько лет спустя ценные показания о прериале. Он был арестован еще после 12 жерминаля, но был тогда выпущен на свободу под поручительство Гужона, который лично не был ни замешан, ни привлечен к дознанию по жерминальскому делу. Когда сам Гужон был арестован (1 прериля ночью), тотчас же вспомнили об этом поручительстве; было приказано установить «очень активно» наблюдение за Тиссо⁴⁹⁴. И он мог еще почитать, что счастливо отделался. Аресты шли неослабевающим темпом в продолжение всего месяца.

Одновременно было обращено очень большое внимание на разоружение «подозрительных» элементов. Декрет о разоружении был издан Конвентом 4 прериля, и правительство сразу стало очень серьезно следить за его выполнением в секциях. Уже 5 прериля соединенные правительственные комитеты (общественного спасения, безопасности и военный), извещенные, что некоторые секции еще не могли приступить к полному разоружению, и «принимая в соображение, что для сохранения общественного спокойствия важно, чтобы эта операция была быстро закончена», — предписали парижским секциям собираться ежедневно с 12 часов дня до 7 часов вечера, «дабы приступить к разоружению дурных граждан». При этом секциям определено воспрещалось «заниматься каким-либо другим предметом»⁴⁹⁵.

Одновременно с разоружением «дурных граждан» должно было идти в ускоренном темпе вооружение «хороших». С этой целью 8 прериля Комитет общественного спасения затребовал у всех секций представления ему в трехдневный срок списков соответственных «хороших граждан» (*l'état des bons citoyens de leurs sections*), а также сведения о числе имеющихся у них ружей⁴⁹⁶.

Ненавистные пики, самое дешевое и доступное, а потому наиболее распространенное в рабочих предместьях оружие, должны были навсегда исчезнуть. С представле-

нием о пиках связывались воспоминания о всех без исключения революционных выступлениях «народа предместьй», — начиная со взятия Бастилии 14 июля 1789 г. 8 прериля Комитет общественного спасения приказал секциям сдать в арсенал под расписку все пики; соответствующим военным органам было одновременно предписано немедленно отломать металлические острия, а древко скечь. Насчет того, что делать с металлическими частями, — ждать дальнейших распоряжений Комитета⁴⁹⁷.

Декрет от 4 прериля о разоружении всех «подозрительных» был прочитан 5-го, в 10 часов утра, в заседании собраний секций, которые уже с утра были на своих местах. Подлежащие разоружению элементы официально обозначались в эти дни все теми же весьма неопределенными наименованиями: «убийцы, кровопийцы, воры», «агенты тирании, предшествовавшей 9 термидора»⁴⁹⁸. Дело, разумеется, не ограничивалось разоружением; наиболее «подозрительных» надлежало хватать, отправлять в тюрьму, иных представлять страшной военной комиссии.

Следует напомнить, что разоружение всех тех, кто так или иначе сочувствовал или подозревался в сочувствии режиму Робеспьера, стало на очередь еще задолго до жерминальских событий и особенно усилилось после 12 жерминаля; нечего и говорить, что после прериальных дней оно приняло необычайно интенсивный, массовый характер. Любопытно отметить, что не только в прессе и в просторечии, но и в официальной переписке того времени наблюдается некоторая сбивчивость в терминологии. С одной стороны, секциям предоставляется широчайшая свобода в толковании терминов «дурные» и «хорошие» граждане. С другой стороны, властям ясно, кого они хотят обезоружить, засадить, кому отказать в паспорте, но каким словом обозначить этот вредоносный и ненавистный им элемент, они не знают. Террористы? Не очень ясно: ведь и Фрерон, и Тальен, и другие столпы термидорианства тоже были террористами. Злодеи (*les scélérats*)? Слишком общо. Постепенно остановились на «кровопийцах» (*buveurs de sang*). Это слово получило деловой официальный смысл и встречается в самых сухих беглых протоколах⁴⁹⁹, впрочем утверждалось оно далеко не повсеместно и не на очень продолжительное время.

Разоружение в прериаляе происходило в атмосфере террора. Ничего не стоило в эти страшные дни за малейшую попытку не то что сопротивления, а просто выражения неподобольствия попасть в военную комиссию и, следовательно, на другой же день на гильотину. Немудрено, что после поражения и неизбежного упадка духа в рабочем населении, всюду, в том числе и в рабочих предместьях, разоружению покорились молчаливо и безропотно. Люди становились в очередь, образовывали «хвосты» перед секциями, куда велено было сдавать оружие⁵⁰⁰. Разумеется, разоружение в конечном счете коснулось только неимущей массы. Наиболее деятельно оно проводилось в рабочих кварталах.

Списки лиц, подлежащих разоружению, составлялись давно, и к применению этой меры тоже было приступлено уже довольно давно, но как-то несистематически и с перебоями. Теперь, после прериальских событий, эти списки приобрели как бы проскрипционный характер: велено было, например, не выдавать паспортов (для отлучки из Парижа в провинцию) тем гражданам, имена которых были внесены в списки разоружаемых⁵⁰¹. Это последнее обстоятельство стало клеймом, которое не так-то легко и скоро можно было с себя снять. Вот, для примера, очень обыденный и характерный случай: рабочий-столяр, с женой и детьми, бедствует в Париже, где у него нет достаточного заработка; он просит паспорт для возвращения в свой родной город Диепп, где надеется устроиться. Но разрешения на выезд из Парижа ему не дают, так как он числится в списке лиц, разоруженных после 4 прериаля. Приходится сидеть в столице, проживать последнее, жаловаться высшей власти и т. д. Все это происходит через полтора месяца после прериальских событий⁵⁰².

Искали и преследовали не только людей, прикованных к этим событиям, и даже не только тех, которые были подозрительны по своему поведению в жерманальские дни. Решено было преследовать людей и за гораздо более далекие «прегрешения», привлекать к ответу в связи с бымыми событиями буржуазной революции. Толчок в этом направлении также посыпал свыше, от центрального правительства.

В этом смысле очень характерно заявление, прочитанное в Конвенте Мари-Жозефом Шенье от имени трех пра-

вительственных комитетов. Дело было 6 прериаля после похода на Антуанское предместье. Комитеты с ударением напоминают Конвенту, что именно ему, а не этому предместью, народ вручил законодательную власть, и угрожающие прибавляют, что «на этот раз» людей, покушавшихся на Республику и на народное представительство, постигнут месть и кары⁵⁰³. При этом только что побежденное движение ставится в одну линию с сентябрьскими событиями 1792 г. и с событиями 31 мая — 2 июня 1793 г., — и безнаказанности этих событий приписываются все последующие «бесчисленные преступления и бедствия». Мы видим, как далеко зашла к этому времени эволюция термидорианцев: в первые месяцы после 9 термидора ни один правительственный орган не осмелился бы так говорить в Конвенте.

Комитет безопасности уже 13 прериаля разослал всем двенадцати округам столицы циркулярное требование немедленно разыскать и прислать (из архивов секций) все бумаги, имеющие какое-либо отношение к 10 марта, 31 мая и следующим за этой последней датой дням 1793 г.⁵⁰⁴. Тут несомненно сказалось влияние жирондистской части Конвента и комитетов: о 10 марта и 31 мая 1793 г. мстительно вспоминали, конечно, только жирондисты. Так или иначе, совершенно ясно, что решено было выкорчевывать в столице именно тот элемент, который был наиболее активен в революционном смысле с первых времен существования Конвента.

Зачем вдруг понадобились Комитету в самые горячие дни прериальских обысков, арестов, доносов, проскрипций, расследований, казнь эти документы о далеких уже временах борьбы монтаньяров с жирондистами? Конечно, не для удовлетворения исторической любознательности. Травля и уничтожение монтаньяров — вот что было на очереди дня, и так как в 1793 г. победившие монтаньяры и поддерживающие их элементы населения не имели нужды скрываться, то можно было теперь, в прериаля 1795 г., воспользоваться этим обильным материалом в целях ловли и сыска.

Вслед за этой быстрой экскурсией в область истории последовали практические мероприятия: стали хватать и арестовывать даже всех тех, чьи имена фигурировали в некоторых петициях 1792—1793 гг., в свое время вполне благосклонно принятых тогдашними властями⁵⁰⁵. Замечу,

что еще до общего циркуляра 13 прериаля некоторые административные чины отдельных секций по своей инициативе уже производили, по-видимому, указанные изыскания. По крайней мере у нас есть свидетельство, что кое-где по секциям нужные властям справки были готовы уже на третий день после похода на Антуанское предместье. 6 прериаля секретарь одной из секций (*de l'Upié*), оказывается, уже имел в руках «интересные документы, относящиеся к 2 сентября и 31 мая», и даже успел, по-видимому, изготовить какую-то «работу» по этому вопросу⁵⁰⁶. Конечно, кроме писанных источников, для подобного рода спешных «работ» весьма годились также устные показания граждан, и эти, так сказать, ретроспективные доносы о том, кто как себя вел в 1792—1793 гг., полились рекою, а в прериальские дни доносы сплошь да рядом влекли за собой немедленный арест. Циркуляр 13 прериаля отверз уста многим, до той поры молчавшим.

Аресты членов Конвента по подозрению в соучастии в восстании начались тотчас же по освобождении здания Конвента от народной массы, к вечеру 1 прериаля. В ночь на 2 прериаля постановлено было арестовать 13 депутатов; на другой день решено было предать суду не только их, но и тех 14 членов Конвента, которые были привлечены еще по жерминальскому делу. 5 прериаля к ним прибавилось еще новых 11 человек. Из этих 38 депутатов не все пошли на гильотину, но почти все попали в тюрьму, а те, кому удалось ее избегнуть (как Камбон, Альбитт, Приер), вынуждены были скрываться. «Вершина», вместе с близкими ей элементами, была окончательно разгромлена в первые дни прериаля и от этого удара уже не оправилась. Многие из этих депутатов были схвачены единственно на основании голословных обвинений, брошенных в Конвенге Бурдоном, Фрероном, Тальеном или просто анонимом, тремя звездочками в отчете *«Moniteur'a*. Бурдон крикнул, что надо арестовать Пейссара и Субрани,— и эта мера была сейчас же принята. Аноним предложил арестовать Пине, другой аноним выкрикнул фамилию Бори, третий — Файо, еще кто-то прокричал о Гужоне. «Я прошу слова»,— сказал Гужон. В ответ понеслись возгласы: «Нет, нет! убийца!» И он был арестован. Так же быстро решена была участь Ромма, Дюкенуа, Форестье, Дюруа, Бурботта и других.

Все депутаты, решившиеся говорить с трибуны 1 прериаля, сразу оказались на краю гибели. Альбитт, например, предложил некоторые меры (технического порядка) с целью остановить невероятный поток декретов, которые издавались с ужасающей быстротой, да и все его настроение было явно против восстания⁵⁰⁷. Тем не менее тотчас же было решено арестовать и его в числе других депутатов, бравших слово в этот день. Лишь поспешное бегство помогло ему скрыться в ближайшие дни и избежать участия других. Скрылось и еще несколько человек; Салисетти, Шарбонье, Тирион, Эспадье, Рикор (*Ricord*), Леньело (*Laignelot*), Жавог, Сержан, Малларме, Лакост, Бодо, Аллар, Монестье, Лежен (*Lejeun de l'Indre*) разыскивались уже с первых дней после начала репрессий; 16 прериаля декреты об их аресте были разосланы по секциям⁵⁰⁸. И еще кое-кому удалось спастись бегством, например, арестованному было, но скрывшемуся уже из-под ареста Приеру. Деятельно искали, между прочим, Камбона; именно в первые дни после прериальского восстания намечался обыск у его предполагаемой любовницы⁵⁰⁹, и т. д. Мы видели уже, что непосредственным заданием, возложенным рано утром 4 прериаля на рискованную и неудачную экспедицию генерала Кильмена, был обыск в доме Сантерра, где, как полагали, скрывался Камбон Замечу, кстати, что этого депутата так и не удалось арестовать. Фрерон по этому поводу очень горячился и, ссылаясь на то, что после жерминаля кое-кому удалось бежать, призывал власти к большей бдительности и энергии.

2 и 3 прериаля аресты членов Конвента, конечно, несколько замедлились, но 4 и особенно 5 прериаля возобновились с новой силой. Обвинения, доносы, декреты об арестах продолжались и в следующих заседаниях. Одни только Луве и Ланжюоне пытались немногообразумить разъяренное собрание, но они делали это очень вяло, больше как бы для очистки совести.

Попутно возник и другой вопрос: что делать с арестованными депутатами? Некоторые из них были арестованы решительно без всяких сколько-нибудь законных оснований. Таких удобнее всего было держать впредь до особого о них распоряжения. Других, а именно выступавших в день 1 прериаля с речами, решено было предать смертной казни, а так как формальную вину признать за ними

тоже было нельзя, то с ними покончили тем общим способом, который был найден еще 4 прериаля, когда решалась участь восстания.

4-го же прериаля было создано особое судилище, которое действовало в течение нескольких последующих недель под названием военной комиссии (*commission militaire*); она формально была уничтожена только в середине термидора (хотя уже с начала мессидора ее деятельность стала заметно ослабевать).

Ей было поручено, в первую голову, судить и расстреливать, как почему-то выражается текст закона, всех, кто будет самозванно брать на себя роль патрулей, совращать войска и Национальную гвардию, носить на голозном убore или на одежде мятежные эмблемы: все такие лица «будут тотчас же передаваться военной комиссии для немедленного суда и расстрела (*pour être jugés et fusillés sur-le-champ*)⁵¹⁰.

Из текста этого декрета явствует, что первоначально мыслью правительства было учредить своего рода военно-полевой суд для преследования непосредственных проводников восстания, а также для подавления попыток пропаганды среди войск. Первым же делом вновь учрежденной комиссии было вытребовать в свое распоряжение Сансона, палача города Парижа⁵¹¹. В тот же день, 4 прериаля, комиссия получила из Конвента новый декрет; ей передавались уже все дела, так или иначе связанные с восстанием I прериаля, что в необычайной степени расширяло ее полномочия и компетенцию⁵¹²; этот второй декрет не отменял, а дополнял первый. Не успела военная комиссия принять его к сведению и внести в свой «регистр», как явились (все в тот же день 4 прериаля) два новых декрета. Одним из них Конвент заменил отмеченное выше выражение *seront fusillés* словами *seront punis de mort* («будут наказаны смертью»). Другой декрет имел уже не только стилистическое значение: он предписывал, в случае, если в Антуанском предместье (которое, напомним, как раз в эти часы было осаждено) будут найдены члены Конвента, либо подлежащие аресту, либо объявленные вне закона,— чтобы эти члены Конвента были тотчас же отведены в комиссию и немедленно казнены⁵¹³. Вся безгранична, безапелляционная и быстро действующая власть была сохранена за комиссией и тогда, когда уже

и речи не было о восстании, когда все было покорно и безгласно в рабочих предместьях.

В Конвенте отлично понимали, что военная комиссия в том виде, как она была организована в прериале, является вовсе не судом, а формальным придатком к гильотине, на которую правительство посыпает всех, кого находят нужным. Когда впоследствии зашла речь об уничтожении этой комиссии, докладчик подчеркнул, что подобного учреждения не существовало даже в разгар террора, при Робеспье, и что в интересах доброй исторической славы Конвента поскорее ее прикрыть⁵¹⁴. Но тот же докладчик, вспоминая условия, при которых комиссия была учреждена, поставил на вид, что дело было в разгаре борьбы, что комиссия действовала «на бреши», окрашенной кровью Фера, и что «спасение народа» требовало тогда этой «великой и страшной меры». Он только забыл прибавить, что восстание кончилось 4 прериаля, а комиссия начала казнить 5-го, уже после полной победы правительства.

Комиссия заседала ежедневно, защиты не полагалось, суд выслушивал тех свидетелей, которых сам считал нужным вызывать; приговоры приводились в исполнение в тот же день, как их выносили. Заседания происходили публично, но публика фактически стала на них присутствовать только после 9 прериаля, когда комиссия почла долгом всенародно опровергнуть «злонамеренный» слух, будто она действует при закрытых дверях⁵¹⁵. При создавшихся условиях эта публичность заседаний военного судилища, конечно, не имела и не могла иметь каких-либо неудобных для правительства последствий. Допускаемая на заседания суда публика знала, как легко было погибнуть при малейшей неосторожности, и вела себя соответственным образом.

Комиссия с чисто военным чувством дисциплины быстро, нисколько не задумываясь, выполняла свое задание. В прериале, когда Конвент и комитеты требовали многочисленных казней, она казнила много; когда велено было приговорить к смерти Ромма и его товарищей,— она их приговорила; когда в мессидоре стали сильно шевелиться роялисты и поэтому уместнее было меньше казнить «якобинцев» и рабочих,— она стала казнить поменьше. С ней и обращались как с подчиненным исполнительным органом. Даже и материально ее обставили крайне небрежно,

совсем не так, как был обставлен, например, революционный трибунал; ей приходилось указывать, что у нее нет даже свечей для освещения, и просить особыми бумагами об отпуске ей этого материала⁵¹⁶.

За отсутствием «вождей» приходилось часто казнить первых попавшихся, выхватывать наудачу жертвы, виновные лишь настолько, насколько вообще была виновна вся выступившая в прериальские дни народная масса. Официальные подсчеты судебных результатов военной комиссии сводятся к следующему: осуждено на смерть тридцать шесть человек, из которых шесть членов Конвента⁵¹⁷. К ссылке (в Кайенну) приговорено одиннадцать человек. К тяжкому тюремному заключению (в оковах, aux fers) — семь человек. К заключению (*détention*) — тридцать четыре. Оправдано 60 человек. Кроме этих подсудимых, оказалось еще 15 человек, замешанных по прериальному делу, но переданных Комитетом безопасности другой юрисдикции: 9 человек уголовному трибуналу и 6 человек суду исправительной полиции⁵¹⁸.

Но не следует слишком доверять этим официальным подсчетам, неизвестно когда сделаны. Военная комиссия в своих приговорах ни перед кем не отчитывалась, да никто особенно и не интересовался подробностями ее работы. Во всяком случае у всякого, изучающего документы о прериале, остается впечатление, что погибло на гильотине в то время больше 36 человек. Многие безвестные жертвы прериального террора так основательно забыты, что, например, Гюстав Эрманн, в своей заметке о Пейссаре и Манье, полагает, будто они были первыми осужденными военной комиссией⁵¹⁹. Если бы он заглянул в картоны W. 546 и W. 547 Национального архива, он увидел бы, до какой степени он заблуждается.

Уже в ночь на 5 прериала комиссия начала действовать и приступила к допросам. На другой день утром начались казни.

Столяр Гильом Делорм, он же капитан канониров секции Попенкур, схваченный 3 прериала, был предан суду военной комиссии по обвинению в том, что «грозил пистолетом» донесшему на него гражданину, говорил возмущительные речи и вообще участвовал в восстании первых прериальных дней. Так, например, на вопрос генерала Мену, республиканец ли он, Делорм будто бы ответил:

«Ты можешь дать мне хлеба?» (*as-tu du pain à me donner?*), т. е., собственно, свидетель не говорит, что это ответил именно Делорм, а только, что ответил «человек в блузе», находившийся впереди. Но показание записано под заголовком: *Déposition contre le cit. Delorme*. Результат: смертная казнь, приведенная в исполнение в 11 часов утра в самый день суда, 5 прериала⁵²⁰. Жандармский поручик Жан-Жак Легран покинул свой пост и ушел 4 прериала в Антуанское предместье, где примкнул к восставшим. 5 прериала — приговорен к смерти и казнен⁵²¹.

Плотник Никола-Жозеф Жантиль, арестованный 2 прериала, тоже представал перед военной комиссией в первый же день ее существования. Любопытны и типичны поставленные ему вопросы. Ясно, что его схватили наудачу, что он был одним из самых рядовых инсургентов. На вопрос, почему он был арестован, он отвечал, что ничего об этом не знает. Не было ли у него какой-нибудь надписи на шляпе? Была надпись: «Конституцию 1793 г. и хлеба!». Кто его пригласил сделать эту надпись? Граждане, которых он не знает; он следовал их примеру, потому что, как он видел, плохо приходилось, у кого не было этой надписи. Не пробовал ли он подстрекать канониров стрелять в граждан, защищавших Конвент? Нет. Но погубили его вопросы о его прошлом: во времена Робеспьера он был членом комитета своей секции и тогда донес на лиц, которых считал врагами отечества и народа. Результат: смертный приговор и гильотина в тот же день⁵²².

6 прериала судили Луку Буше, виноторговца, арестованного 3 прериала и обвиненного в том, что он отрезал голову у трупа убитого Феро. Буше сознался и был гильотинирован в этот же день. Тоже 6 прериала перед военной комиссией представали 23 жандарма, перешедшие на сторону инсургентов, выданные, по требованию властей, вечером 4 прериала при калютации Антуанского предместья и тогда же арестованные Фрeronом, находившимся при войсках. Их обвиняли в самовольном оставлении поста у арсенала (утром 4 прериала) и в переходе на сторону восставших. 18 человек были приговорены к смерти и казнены в тот же день. Остальные пять, как выяснилось, были неповинны в оставлении поста, но так как их тоже нашли в Антуанском предместье, то они были оставлены в заключении на один год⁵²³.

Много возни и неприятностей было с б слесарем Тинелем, которого толпа отбила 3 прериаля у жандармов и скрыла в Антуанском предместье. Захватив 4-го вечером массу людей, полиция все-таки не обнаружила в их числе Тинеля. Но так как Конвент рвал и метал, требуя казни уже осужденного «убийцы», то Комитет безопасности делал чрезвычайные усилия к тому, чтобы кто-нибудь из арестованных сошел за Тинеля и был казнен как таковой. «Мы предполагаем, граждане, по некоторым, дошедшими до нас, сведениям, что слесарь Тинель, осужденный вчера уголовным трибуналом за соучастие в убийстве народного представителя Феро и за ношение его головы на пике, находится в числе тех, кто сегодня арестован и передан комиссии. Если это не Тинель, то может быть Жек, его соумышленник. Мы приглашаем вас тщательно проверить этот факт, чтобы эти преступники не избежали кары, которую они навлекли на себя своим возмутительным преступлением», — так писал вечером 4 прериаля Комитет безопасности в военную комиссию⁵²⁴. Опознать в арестованном осужденного убийцу Феро было крайне затруднительно по той простой, но серьезной причине, что это был совсем другой человек. Пришлось предъявлять его членам уголовного суда парижского департамента, судившего его 3 прериаля. При этом он, впрочем, был осторожно назван не убийцей Феро, а только лицом, носявшим (на пике) голову убитого депутата⁵²⁵. Это было, в сущности, вовсе не то, чего желал Конвент: он хотел во что бы то ни стало ареста и казни того, кто являлся непосредственным виновником смерти Феро, кто лишил жизни депутата, а не отрезал голову у безжизненного трупа. Правда, казнили всех, кого обвиняли и в ношении отрезанной головы на пике, — но убийцу в точном смысле так и не нашли.

5 прериаля в полицию явился владелец фаянсовой мастерской Оливье и донес, что один из его рабочих, Дюпюи, рассказывал ему при свидетелях, будто он тоже участвовал в убийстве депутата. Характерно для того состояния колебания и неуверенности, какое царило в эти дни, что упомянутый рассказ впервые имел место еще 3 прериаля, но тогда хозяин не только не посмел донести на рабочего, но даже на другой день (днем 4-го) согласился с ним «браться» (*fraterniser*), выдал ему, по его требованию, 10 франков и обещал дать рубаху, — а с донесом

явился лишь 5 прериаля, на другой день после капитуляции предместья, когда окончательно удостоверился в безопасности такого шага. Показание Оливье полно по этому большого исторического интереса: 4 прериаля он жмет руку рабочему Дюпюи, надеясь таким образом «сохранить свою собственность, да и рабочий держится еще победителем»⁵²⁶. После поражения рабочего предместья, вечером 4 прериаля, картина меняется. 8 прериаля, по приговору военной комиссии, Дюпюи гильотинирован на основании показания Оливье.

8 прериаля комиссия судила рабочего-лепщика Эннекена. Он погубил себя, сказав кому-то (кто сейчас же об этом донес), а потом бесстрашно повторив уже перед комиссией, что убийца Феро, лично ему знакомый слесарь Тинель, — «не злодей». С этого, собственно, и началось его дело. Все оставленные обвинения (в том, что он будто был 1 прериаля в числе лиц, носявших на пике голову Феро, и затем 3-го принимал участие в насильственном освобождении Тинеля) рассыпалась в прах за полным отсутствием доказательств. Даже в приговоре он сбывален уличеным только в ношении (1 прериаля) на шляпе надписи: «*Du pain et constitution de 1793*», и сильно подозреваемым (*violement soupçonné*) в том, что он носил на пике голову убитого депутата, как и в том, что он «сказал и настаивал, что убийца — не злодей». За это он был приговорен к смертной казни, приведенной в исполнение в тот же день в 5 часов вечера⁵²⁷.

11 прериаля приговорен к смерти и гильотинирован слесарь Луи Шовель, также обвиненный в том, что 1 прериаля носил на пике голову Феро. Он это отрицал, но его погубили доносы людей, с которыми он был излишне откровенен⁵²⁸. Между прочим, как на него было показано, он будто бы сказал, что, если бы от него зависело, он отнес бы голову Феро в Антуанское предместье.

Каменщик Менфруа, уличенный в том, что говорил оскорбительные слова о Конвенте и даже сказал кому-то, что следовало бы снять голову депутатам Лежандру и Бурдону (*de l'Oise*), на заседании комиссии 10 прериаля был приговорен за это к ссылке.

Рабочий, а в последнее время сторож коммунального склада, Шербрие, 57 лет (любопытно, что среди рабочих, привлеченных по прериальскому делу, преобладают люди

немолодого возраста), 11 прериаля предстал перед грозным трибуналом. Его обвиняли в произнесении революционных речей в первый день восстания, в подстрекательстве к мятежу рабочих Антуанского предместья, в ношении на шляпе надписи «хлеба и конституцию 1793 г.» и т. д. Ему приписывали также попытку заставить председателя Конвента заявить, что «восстание есть священный долг». Суд признал его виновным, и он был казнен в тот же день, 11 прериаля⁵²⁹. Погубили его оговоры лиц, с которыми он повздорил на улице и одного из которых обозвал мюскаденом. — Рабочий-башмачник Дюваль, казненный в тот же день, обвинялся в том, что, находясь в толпе, вторгшейся в Конвент, читал там мятежную петицию и будто бы сказал, обращаясь к председательствующему Буасси д'Англа, что следует избрать народного трибуна. Между прочим, он также оговорил (по неосторожности, пытаясь спасти свою жизнь) только что упомянутого Шербрие, указав, что видел, как этот последний взобрался на трибуну Конвента.

Пририальские казни обычно происходили около 5 часов дня, на площади Революции, при очень большом стечении народа. В Париже, с самого начала этих казней, все было тихо. Только родственники ежедневно погибавших на эшафоте людей время от времени причиняли властям некоторое беспокойство. То слишком много их собирались на месте казни, то жены арестованных теснились около арестных помещений; изредка происходил переполох, когда приходило известие о бегстве арестованного или сведения о том, что бежавшего видели там-то и там-то⁵³⁰. Но ни о каких сколько-нибудь опасных для властей сборищах не было и помина.

Иногда, за отсутствием всяких улик, человека оставляли «в сильном подозрении» и отправляли, без указания срока, в тюрьму. Так было, например, с Мишелем Сорегтом и другими. Формула была: впредь до нового распоряжения (pour y rester jusqu'à nouvel ordre)⁵³¹. Иногда человека оправдывали, но отдавали под надзор полиции, причем военные, заседавшие в комиссии, мотивировали такой приговор очень курьезно: освободить, но тем не менее отдать под надзор «виду того», что подсудимый, по словам свидетелей, человек «очень непоследовательный»⁵³².

Поденщик Антуан Паради приговорен был к годичному тюремному заключению за то, что был в числе 60 или 80

человек, которые сначала, в одном месте, снимали с работы рабочих, а потом требовали у жены церковного сторожа ключей, чтобы бить в набат. Ясно, что этого человека выхватили наудачу, потому что лицо его больше запомнилось и что он, будучи в числе четырех человек, непосредственно говоривших с этой женщиной, назвал свое имя⁵³³.

К женщинам, привлеченным по прериальскому делу, в общем были несколько милостивее, хотя и тут было несколько крайне жестоких приговоров. Четыре женщины (из них три работницы), преданные суду военной комиссии за деятельное участие в восстании 1 прериаля, отделались: одна — пятилетним заключением, другая — трехлетним, а две остальные — двумя месяцами тюрьмы⁵³⁴. Первую — белошвейку Марию-Жанну Мандрион — обвиняли в том, что она 1 прериаля призывала к восстанию, бросала камни в окна булочных, мешала раздаче хлеба, произносила угрозы, бранные слова и проклятия по адресу Конвента. призывала к убийству одной женщины, приняв ее за жену депутата. Другая, приговоренная к трем годам тюрьмы, будто бы говорила, будучи в толпе и глядя на труп убитого Фера, что за ним должна наступить очередь купцов. Остальные отделались легким наказанием, потому что, по определению самой комиссии, за ними ровно ничего не было замечено, кроме того, что они находились в толпе.

Мария Дефо, жена золотых дел мастера, была приговорена к шестилетнему тюремному заключению, с предварительным выставлением в течение трех дней у позорного столба, за то, что подбивала других женщин к участию в восстании 1 прериаля. Характерна для уровня юридической культуры военных судей изумительная формулировка второго пункта приговора: подсудимая объявляется уличенною в том, «что она давно уже была признана одною из якобинских фурий»⁵³⁵. Очень характерно также показание одной свидетельницы: по ее словам, подсудимая говорила в толпе 1 прериаля: «сегодня Гора восторжествует, надо раздавить жаб Болота, надо потребовать обратно (redemander) Бильо, Колло, Барера и арестованных монтаньяров и, пока они не прибудут в Париж, держать Конвент в осаде, а очередь до купцов дойдет потом». Она же говорила, что не следует отчаиваться, что войска и предместья — за них. Это одно из очень редких свидетельств, показывающих некоторое умение разбираться в общепри-

нятых конвентских терминах (Гора, Болото), — в прериаляе 1795 г. такое явление не оченьично, когда дело идет о женщинах из народа. Но и эта женщина знает тех со сланных монтаньяров, имена которых столько раз повторялись зимою 1794/95 г., но не поминает ни одного из трех монтаньяров, которые в день 1 прериаля один за другим всходили на трибуну Конвента и делали заявления, за что вскоре заплатили своею жизнью.

Пьяная болтовня тоже нередко вела в эти дни к военному суду — счастлив был арестованный, если отделывался двухмесячным заключением в тюрьму, как, например, рабочий Луи Денуа⁵³⁶. За излишнюю болтливость вообще пострадали многие. Так, 19 прериаля пошли в ссылку наборщик Этьен Гюйо и его жена, — за резкие слова, слышанные от них в очередях перед булочной и за дерзкие замечания, сделанные женой Гюйо, когда она узнала об убийстве Феро. Никаких других улик против них не было, все остальные наветы сводились к голословным обвинениям в подстрекательстве к восстанию и в попытках помешать 1 прериаля раздаче хлеба и т. д.⁵³⁷.

18 прериаля был приговорен к смерти парикмахер Рене Монже, арестованный по доносу, обвинившему его в том, что он был в числе людей, которые носили на пике голсуу Феро⁵³⁸. Он окончательно погубил себя тем, что сам об этом рассказал 2 прериаля нескольким клиентам, пришедшем в его парикмахерскую. Эта последняя деталь очень характерна, — она подтверждает впечатление, которое производят и другие документы: 2 прериаля инсургенты вовсе еще не считали своего дела проигранным. Только этим можно объяснить, что Монже беспечно сообщал первым встречным столь опасные для него вещи. Да и клиенты, с которыми он, на свою беду, так разоткровенничался, донесли на него не сразу, а спустя несколько дней, 10 прериаля. Он был гильотинирован в самый день приговора, 18 прериаля⁵³⁹.

Слесарь Пьер Блонди приговорен 19 прериаля к годичному тюремному заключению за участие в восстании 1 прериаля, причем он был уличен в том, что, находясь с толпой в Конвенте, приблизился к председателю⁵⁴⁰. И его, как и других, спрашивали, не знает ли он вождей восстания. И он, как и другие, тоже отвечал, что не знает. «Вождей» тщетно искал Комитет безопасности; не с большим успехом

допытывалась о них и военная комиссия. Пока что, за не-нахождением настоящих вождей, приходилось их выдумывать.

18 прериаля обвинен и казнен гравер Лим, признанный одним из главарей восстания. Он командовал 1 и 2 прериаля группу инсургентов, причем 2-го заставил военные власти, в Антуанском предместье, выдать часть снарядов⁵⁴¹. В сущности, если внимательно вчитаться в бумаги, относящиеся к делу этого рабочего, мы не найдем никаких доказательств особо выдающейся, предводительской его роли в восстании 1 прериаля: он шел во главе одной из бесчисленных групп, устремлявшихся к зданию Конвента; он требовал снаряды у командира канониров, — вот и все его действия, и комиссия ничего больше не решилась утверждать в тексте приговора. Таких «вождей» было, конечно, очень много, так как толпы народа подходили к Конвенту с разных сторон. Но Лима поспешили произвести в одного «из главных виновников заговора против республики», и он сложил свою голову на эшафоте, потому что установить и арестовать настоящих вождей — если они были — полиции не удалось⁵⁴².

Пьер Дорисе, выvodчик пятен (*dégraisseur*), приговорен 22 прериаля к ссылке за то, что в день 1 прериаля был замечен в толпе, выламывавшей двери Конвента⁵⁴³.

Счастье было тем, кого судили не в первые дни прериаля, а хотя бы недели три спустя. Например, если бы рабочего Эбера судили не 23 прериаля, а, скажем, 8-го или 9-го, он безусловно был бы гильотинирован, хотя против него и не существовало никаких улик, кроме пустейших рассказней «очевидцев». Но 23 прериаля военные судьи уже не так торопились: они оставили его «в сильном подозрении», дело было направлено к доследованию, а Эбер — обратно в тюрьму⁵⁴⁴. Конечно, и это уже было для подсудимого огромным выигрышем, даже и при полном отсутствии улик. В том же заседании 23 прериаля 13 подсудимых (из них 11 рабочих, 1 разносчик фруктов и 1 водовоз) были оправданы за полной недоказанностью какой бы то ни было вины⁵⁴⁵. Точно так же закончились оправданием всех подсудимых процессы 24 и 25 прериаля против десяти рабочих⁵⁴⁶.

Конвентское большинство знало, что гильотина воздвигнута не для нескольких десятков более или менее слу-

чайно выхваченных из толпы, никому неведомых рабочих.

Судьба арестованных членов «вершины», выступавших 1 прериаля, была, собственно, решена уже поздно вечером того же дня. Как мы видели, в адресах и поздравлениях Конвенту то и дело попадаются напоминания, призывы, поощрения поскорее покончить с арестованными депутатами. Пресса, со своей стороны, действовала по мере сил в том же направлении. Наступала последняя неделя прериаля. Все процессы рабочих и других лиц были после 22 числа отложены на мессидор. Решено было без дальнейших проволочек отдать те шесть голов, которых так громко и настойчиво требовали победители.

Фрерон — который поспешил, конечно, популяризировать версию о случайном убийстве Феро, якобы павшего, по недоразумению, вместо заранее намеченного самого же Фрерона, — требовал крови и мщения, вопил об ускорении казни Ромма и других арестованных депутатов. Жалуясь на медлительность, он поучал, что «при заговорах надо разить быстро», и утверждал, что всюду задается вопрос: «почему так долго щадят нечистую кровь» Ромма и его товарищей? ⁵⁴⁷ Фрерон, с полнейшей бессовестностью и бесспорной ловкостью опытного газетчика, умел при случае прикидываться выразителем возмущенного общественного мнения. И все, что возможно было сделать для ускорения казни монтаньяров, было импущено в ход.

От газеты Фрерона не отставал и официальный «Moniteur». Не довольствуясь помещением крайне пристрастного, рассчитанного на то, чтобы повредить арестованным, отчета о заседании 1 прериаля, он напечатал, спустя несколько дней, необычайно резкую и злобную статью, прямо направленную против Ромма и его товарищей ⁵⁴⁸. Как, — с негодованием и укором восклицал автор, — кровь виновных, «истинных виновных», еще не смыла оскорблений, нанесенных отечеству? Заговорщики, мечтавшие об убийстве, побеждены, — их должна постигнуть смерть!

С той дешевой смелостью, которая заключается в укорах правительству по поводу слишком большой мягкости по отношению к его же врагам, публицист казенной газеты напоминал, что, щадя преступников, откладывая «национальное мщение», власть сама делается соучастницей преступления.

Но в этом смысле автор мог не беспокоиться (он, впрочем, только делал вид, что беспокоится): с первого же момента ареста можно было считать, что депутаты, сколько-нибудь заметно выступавшие в Конвенте в те часы, когда он был занят народом, — люди безнадежно погибшие; вопрос ставился лишь о том, как оформить их казнь — кто именно пошлет их на гильотину⁵. Этот, так сказать, чисто технический вопрос был решен 8 прериаля, когда Конвент особым законом предал одиннадцать арестованных депутатов суду военной комиссии ⁵⁴⁹. Вечером того же дня комиссия получила из Конвента соответствующую бумагу ⁵⁵⁰.

При создавшемся положении вещей такое решение было неизбежно. Там, где была бы хоть тень возможности защищаться и аргументировать, обвинение оказалось бы в затруднительном положении. Как казнить депутатов за то, что они, с разрешения, а иные чуть ли не по приглашению законного председателя, предлагали Конвенту те или иные меры, ставившиеся притом на голосование тем же председателем? Ровно ничего больше им в преступление не вменялось, если не считать отдельных слов, восклицаний, замечаний, даже жестов, подслушанных и подмеченных в том же заседании доносчиками и обвинителями. Связать хоть кого-нибудь из арестованных членов «вершины» с самой организацией прериальского выступления — тоже никак не удавалось (и не удалось до конца). Военно-полевой суд, каким была фактически военная комиссия, крайне просто и легко устранил все препятствия, отделявшие подсудимых от уже воздвигнутой и ежедневно работавшей гильотины.

В брошюре, изданной в прериаляе за подпись матери Гужона (но написанной, вероятно, Тиссо), автор, обращаясь к Конвенту, спрашивает, почему не преследуются другие депутаты, тоже выступавшие с речами 1 прериаля ⁵⁵¹. При этом имеется, очевидно, в виду самый слабый пункт обвинения. В самом деле: в речах арестованных депутатов по существу ничего преступного не было; их предложения, так или иначе, выслушивались и принимались Конвентом. Значит, чтобы ускорить их отправку на гильотину, надо приправить к преступлению самы́й факт произнесения речи в заседании 1 прериаля. А если так, то почему же арестуют не всех, а только

некоторых? Нечего и говорить, что этот протест остался гласом вопиющего в пустыне.

Еще 2 прериаля, как мы видели, арестованные депутаты были под сильным эскортом выведены из Парижа и отправлены в крепость Торо, в Бретань (департамент Финистер).

Эдгар Кинэ, единственный из старых историков революции, мысль которого хотя сколько-нибудь задержалась на жерминale и прериале, дает весьма неудовлетворительное толкование факту этого внезапного увоза арестованных монтаньяров в глухую островную тюрьму. Он приписывает эту меру желанию сделать невозможными попытки освободить арестованных или наладить с ними сношения. Возвращение же их в Париж (для суда) он никак не объясняет (*puis par le changement soudain ils sont ramenés précipitamment à Paris*)⁵⁵². Между тем для всякого, кто знакомится с детальною историей 2, 3 и 4 прериаля, вполне ясно, что, пока победа правительства не была решена окончательно, Конвент просто не посмел оставлять в Париже людей, которые прежде всего, в случае хотя бы временного торжества инсургентов, могли бы стать во главе движения.

8 прериаля прошел декрет о высылке из Парижа, в течение 24 часов, жен всех арестованных или объявленных вне закона членов Конвента⁵⁵³. В тот же день Конвент постановил арестовать депутата Эскюдье и наложить печати на его бумаги⁵⁵⁴. Правительство беспощадно боролось против всех, кто был сколько-нибудь причастен к прериальскому восстанию, и в то же время с опаской и растерянностью подходило к грозному вопросу о продовольственной нужде. Среди дышащих местью репрессивных приказов, писем, внушений — Комитет безопасности внезапно рекомендует властям милостивое прощение заблудших, когда речь идет о разграблении голодающими женщинами военного хлебного склада,— деянии, обычно каравшемся особенно беспощадно⁵⁵⁵. Только 9 прериаля Конвент настолько удостоверился в невозможности новых волнений, что решил возвратить арестованных депутатов из далекой крепости Торо в столицу. При выполнении этой меры начальнику бригады Маргарону рекомендовалась особая рачительность⁵⁵⁶.

Об обратном переезде арестованных депутатов в Париж имеются лишь очень скучные данные. Путешествие

было тяжкое и небезопасное. Кое-где по дороге народ, настроенный (по замечаниям одного современника) не так, как в Париже, хотел вырвать арестованных из рук стражи и расправиться с ними. Так было, например, в Авранше. В бумагах Строгановского архива, хранящихся в Ленинградском отделении Центрархива и куда попали кое-какие бумаги, касающиеся Ромма (приобретенные, по-видимому, во Франции вел. кн. Николаем Михайловичем, когда он готовил биографию П. А. Строганова), я нашел два документа, относящихся ко времени пребывания арестованных в крепости Торо. Это письмо к ним директории округа Морле и их ответ, оба помеченные 13 прериаля III года.

Директория округа посыпает арестованным некоторые предметы, о которых они просили; запоздание, как она пишет, произошло оттого, что трудно было достать эти предметы. Она предлагает и впредь извещать ее о всех нуждах арестованных, так как лодка с их острова приходит ежедневно. Директория сообщает также, что у нее нет тех книг, которых они просят, но что она собирает разрозненные томы, имеющиеся в местной публичной библиотеке, и «завтра» пошлет их⁵⁵⁷. Ясно, что, подобно многим местным властям, именно в Бретани и Вандее, где шла гражданская война с роялистами, директория округа Морле была настроена скорее сочувственно к монтаньярам и делала все зависящее, чтобы облегчить участь привезенных из Парижа арестантов. Это предположение еще больше подтверждается ответом Ромма и его товарищей. Они благодарят Директорию за внимание к их нуждам: «друзьям равенства, страдающим за отчество», особенно приятно встретить такое братское отношение у людей, обязанных стеречь их во имя закона. «Такое соединение чувствительности и долга может встретиться только в республиканских душах». Они благодарят за внимание прислать книги и просят еще снабдить их последними выпусками газет, выбрав «самую пространную» и «самую правдивую», чтобы дать им возможность следить за работами Конвента⁵⁵⁸. Ясно, что так можно было писать только к политическим единомышленникам, к людям, сочувственно настроенным, понимающим, как важно прериальским обвиняемым узнать, что творится в Париже.

Если директория округа Морле, как можно думать, сочувственно относилась к арестованным монтаньярам, то

она в этом была не одинока. Среди побежденных, гонимых, готовящихся к гибели якобинцев не редкостью, конечно, были те настроения, следы которых мы встречаем в заметках одного из них, старика Бодо, когда он говорит о жертвах прериальского террора.

Слишком разительная, в самом деле, была противоположность между нравственной физиономией прериальных обвиняемых и их обвинителей и судей, и не один Бодо, считавший Ромма и его товарищей героями и «полубогами», глубоко возмущался уродливым зреющим, каковое являли миру отъявленные воры, казнокрады, взяточники и ренегаты, вроде Барраса, Ферона, Тальена, Ровера, посылающие на гильотину Ромма, Субраны, Бурботта, Гужона, Дюкенуа и т. д.: «это Картуш, приговаривающий своих судей к эшафоту и предписывающий выполнение своего приговора»⁵⁵⁹.

Гильотина ждала своих жертв, но не всех дождалась. К некоторым со временем пришла свобода, иных избавил от рук палача собственный кинжал.

Из числа конвентских монтаньяров, арестованных весною 1795 г., одна группа, как мы знаем, была привлечена не по прериальному, а еще по жерминальному делу. Положение этих обвиняемых с самого начала было лучше, чем положение «прериальцев». Никто из них не погиб на гильотине. Рюан (*Ruamps*), скрывавшийся с 11 жерминаля и добровольно отдавшийся в руки полиции 29 того же месяца, был отправлен в крепость в Безансон, откуда его освободила амнистия, объявленная в брюмере IV (1795) года, в последний день существования Конвента. В той же крепости сидели еще два депутата, тоже арестованные по жерминальному делу, тоже освобожденные по амнистии, Левассер (*de la Sarthe*) и Марион-Монто. Некоторые жерминальцы (Камбон, Бодо) продолжали скрываться на нелегальном положении.

Депутаты Лоран Лекуантр (не смешивать с Лекуантром-Пюираво), Тюрьо, Дюэм, Амар, Шудье, Шаль, Фуссдуар, Юге, Леонар, Бурдон, Франсуа Гранетак и не были отданы под суд, вопреки декрету 2 прериала, ни малейшей юридической возможности к тому не представлялось даже для термидорианского правительства. Тем не менее они просидели в заключении до общей брюмерской амнистии. Из второй группы депутатов, привлеченной в связи с

прериальным восстанием, Лекарпантье, просидев несколько месяцев в тюрьме, был освобожден по той же амнистии. Она же вернула к легальному существованию Пине, которому еще 1 прериала удалось бежать и укрыться в Эльзасе. Точно так же бежал и скрывался до брюмерской амнистии Альбитт Приер (*de la Marne*) был подвергнут 2 прериала домашнему аресту; 10 прериала ему удалось спуститься на улицу по привязанному к окну шарфу и бежать из-под стражи. Брюмерская амнистия спасла его окончательно, она же вернула на свободу арестованных 2 прериала Бори и Файо.

10 прериала депутат Рюль, привлеченный к суду декретом 8 прериала и находившийся под домашним арестом, закололся кинжалом, о чем и было немедленно доложено Конвенту. В связи с этим велено было всех арестованных депутатов, содержавшихся под стражей в Комитете безопасности или у себя на дому, перевести в тюрьму. В том же заседании Лесаж попытался спасти арестованных членов Конвента от военной комиссии с тем, чтобы они были преданы обыкновенному суду. Его осторожно и вяло поддерживали Ланжюине, Луве и даже Ферон. Все говорившие, особенно Ферон, конечно, пересыпали свои речи враждебными выходками против обвиняемых, выражая уверенность в их полной виновности, но все-таки указывали на необходимость обыкновенного трибунала, дающего подсудимым хотя некоторые гарантии, а не военного, где нет ни защиты, ни вообще ничего, кроме произвола военных судей. Но Клюзель, Даривьер и особенно Бурдон сорвали предложение Лесажа после довольно раздраженных, однако не очень долгих прений, во время которых Бурдон пожалел о том, что обвиняемые не были публично расстреляны. На другой же день после 1 прериала Конвент отверг декрет, предложенный Лесажем, вернее, даже отказался его обсуждать по существу.

Группа арестованных депутатов, отправленная 2 прериала в крепость Торо, была доставлена обратно в Париж 20-го⁵⁶⁰, заключена в тюрьму⁵⁶¹ и предана, на основании декрета от 8 прериала, в распоряжение военной комиссии. Трагедия быстро приближалась к развязке.

Доказательство, до какой степени все судопроизводство по делу членов Конвента было простой формальностью, я нашел в книге исходящих бумаг военной комиссии.

Оказывается, Комитет общественной безопасности проводил в комиссию текст закона 8 прериаля (об отдаче Ромма и его товарищей под суд) только 21 прериаля.

На другой же день комиссия сообщает Комитету, что для немедленного начала процесса она ждет «только» улик, которые и просит ей препроводить, равно как «инструкции и особые замечания» Комитета, а также несколько экземпляров «Moniteur'a» с отчетом о заседаниях Конвента 1, 2, 3 и 4 прериаля⁵⁶². 24-го утром уже начался процесс восьми обвиняемых. В таких условиях, разумеется, не могло быть и речи о сколько-нибудь внимательном предварительном ознакомлении с материалами по данному делу.

Как только военная комиссия приступила к суду над членами Конвента, Комитет общественной безопасности решил принять все меры предосторожности на случай волнений. Большая масса народа в самом деле окружала все эти дни здание, где происходил суд⁵⁶³. Но при царившей подавленности не было и речи о новой попытке восстания или хотя бы массового протеста. Да и почему бы рабочие могли особенно волноваться осуждением и казнью нескольких неведомых им депутатов, когда они, начиная с 5 прериаля, молча переносили ежедневные казни своих братьев и близких друзей?

И все-таки в течение целых четырех дней, не столько в начале процесса, сколько к концу его, Комитет безопасности боялся, что рабочее население столицы ответит на предстоящую казнь членов Конвента какой-нибудь демонстрацией. Он получил даже сведения, будто в Антуанском предместье можно ожидать волнений, и предлагал военным властям послать туда патрули Национальной гвардии, причем, памятя недавнюю историю с жандармами, рекомендовал составить эти патрули из «хорошо подобранных людей»⁵⁶⁴.

Опасения оказались напрасными, и суд и казнь прошли беспрепятственно.

Процесс начался 24 прериаля и закончился 29-го. Я уже упоминал, что все это судоговорение было бесплодной и ненужной формальностью. Один за другим подсудимые признавали факт своего выступления в заседании Конвента 1 прериаля; тот же факт в разукрашенном виде подтверждался свидетелями, чем дело и кончалось впредь до приговора. Отметим все же некоторые моменты.

Дюкенуа, как и другие подсудимые, категорически отрицал на суде какую бы то ни было предварительную осведомленность о готовившихся событиях и какое бы то ни было личное знакомство с кем-либо из участников восстания⁵⁶⁵. Но, конечно, это ни его, ни других не спасло: факт выступления в Конвенте был налицо.

Обвинение использовало доносы и показания не только членов Конвента, но и посторонних лиц, очутившихся 1 прериаля в зале заседаний. Таких свидетелей не беспокоили при этом щекотливыми вопросами, вроде того, например, как и почему они сами оказались в этот день в Конвенте, а довольствовались получением от них нужных сведений и отпускали с миром.

В эти страшные дни вся кому бывшему 1 прериаля в зале Конвента легко было попасть на гильотину; поэтому позволительно предположить, что кое-кто из посторонних «свидетелей» покупал собственную неприкосновенность именно ценюю оговоров и наветов. Некоторые даже не умели назвать по фамилии никого из привлеченных к делу депутатов, а довольствовались передачей своих зрительных впечатлений: один был лысый и, кажется, полный; другой, как будто бы, небольшого роста, худощавый и черноволосый, а третий, кажется, был ростом повыше; первые два были больше возбуждены, а третий меньше и т. д.⁵⁶⁶. И все такие наблюдения, как и все подслушанное, выкладывалось перед военным судом и старательно записывалось.

Было несколько добровольцев-обвинителей, явившихся свидетельствовать не против отдельных лиц, а против всех подсудимых вообще (*contre tous*), как отмечают протоколы допросов.

Один из главных свидетелей обвинения, Журдан, сотрудник «Moniteur'a», усердно топил всех подсудимых своими разъяснениями и донесениями. Когда его уличали иногда в противоречии истине, он ссылался на то, что как раз в данный момент выходил из ложи, где сидел 1 прериаля, и что в его отсутствие заметки делало другое лицо. Когда ему пришлось сознаться, что он, по слабости зрения, не может определенно опознать в Дюкенуа то лицо, которое говорило с трибуны, он заявил, что узнает голос подсудимого. Тонкий слух восполнял недостаточную остроту зрения⁵⁶⁷.

Характерно было также поведение Жюллиана, тоже давшего показание «против всех», кроме случайно пристегнутых к делу Пейссара и Форестье. Жюлlian рассказал военной комиссии, кто что говорил, кто что одобрял, кто что поддерживал, кто что крикнул. Если он сам чего не досыпал, он на всякий случай ссылался на то, что ему говорили другие... Его показание было конденсированным, ясно и кратко изложенным обвинительным актом⁵⁶⁸. В таком же роде было и показание еще одного журналиста, Мартенвилля: он тоже все знал, все видел, все слышал, всех уличал, приводил точные слова подсудимых⁵⁶⁹.

Дело главных шести обвиняемых было настолько предрешено, что самое судопроизводство особого интереса не представляет. Подсудимые кое-что отрицали из возводимых на них обвинений, отрицали те или иные приписываемые им слова, жесты, восклицания, но не отрицали, конечно, самого факта своего выступления 1 прериала. А суду больше ничего и не требовалось, чтобы послать их на гильотину. Бывало, например, так: выступает свидетель, депутат Конвента Шарлие, и произносит горячую речь в пользу Дюкену; за ним другой депутат, Боннваль, также хвалит Дюкену за всю его деятельность, за все его заслуги перед республикой. Но оба признают, что видели подсудимого на трибуне 1 прериала и слышали, как он предлагал образовать комиссию. Суд только это и выделяет из обоих показаний, оставляя все прочее без внимания⁵⁷⁰.

Отмечу из документов, сохранившихся от этого процесса, еще кое-какие немногочисленные детали, кое-какие исторически интересные свидетельства подсудимых об их роли 1 прериала. В своих показаниях перед военной комиссией, приговорившей его к смерти, Ромм навряд ли хитрил и утаивал что-либо существенное, не только потому, что всегда отличался полнейшим бесстрашием, но и потому, что участь его все равно была предрешена,— это понимали все и в суде и за дверями суда. Вот как он рисует картину вечерних часов 1 прериала: густая толпа запрудила Конвент до последней крайности; среди всеобщего шума раздаются подстрекательства «злонамеренных» (из дальнейших слов явствует, что, по мнению Ромма, была опасность новых убийств членов Конвента). От правительственные комитетов — никаких сведений, неизвестно,

существуют ли они еще. Конвент отрезан от внешнего мира. никакой надежды на помочь нет, «вся тяжесть этого дня» лежит на самом Конвенте⁵⁷¹. Ромм подтвердил все сказанное им в тот день с трибуны, но подчеркнул, что не только слово было ему дано председателем Верные, но что даже, когда какой-то вооруженный человек, взобравшись на трибуну, хотел его перебить, то он, Ромм, обратился к председателю, прося оградить его право слова. Кроме того, Ромм подчеркнул, что он сам предлагал народу разойтись по секциям, но ему ответили, что все секции находятся в зале Конвента. Уже этот эпизод показывает, до какой степени было мало общего в настроениях между Роммом и народом, ворвавшимся в Конвент. На третий день суда Ромм представил письменную защиту, в которой весьма явно и решительно указывает на провокационный элемент во всем прериальском деле, говорит о «жестоком расчете», об интригах, погубивших его и его товарищей. Конечно, тут прежде всего имеется намек на уже отмеченное нами по другим источникам предательское поведение председателя Верные⁵⁷².

Одновременно с Роммом, 24 прериала, был допрошен и Дюруа, обвинявшийся в том, что он поддержал предложения Ромма, и особенно в том, что требовал освобождения арестованных после 9 термидора и 12 жерминаля; кроме того, он вошел в комиссию четырех, избранную как раз перед входом в Конвент правительственных войск. Система его защиты также заключалась в указании на роль председателя Конвента: Дюруа принял избрание в комиссию четырех после того, как Верные поставил на баллотировку предложенных кандидатов⁵⁷³. И его, как и всех других, усиленно топил журналист и доносчик Журдан, всячески старавшийся представить в более ярком свете революционный характер выступления Дюруа.

Нужно заметить, что термидорианцы давно уже знали, как к ним относится этот член конвентской «вершины»: он сам не делал из этого тайны, не раз выступая в Конвенте в последние месяцы и давая понять, что ему противны все те, кто при Робеспье с полной готовностью отправляли на эшафот жертвы за жертвами, а теперь вдруг распространяются о своей гуманности; он говорил об опасной реакции (*réaction dangereuse*), о неприличной республиканцам роскоши, в которой утопают некоторые лица, об

их сношениях с аристократами, охоте в заповедных лесах и т. д. Все это были намеки, всем вполне понятные; речи Дюруа в Конвенте обычно прерывались раздраженными возгласами. Он заявил, между прочим, что говорит с целью помешать аристократии восстановить в ближайшем будущем монархию (*pour empêcher l'aristocratie de nous présenter un roi d'ici quinze jours*)⁵⁷⁴.

Столь же определенно держал себя всегда и Гужон, молодой, пылкий, благородный энтузиаст. С первого же момента ареста он ничуть не сомневался в полной безнадежности своего положения. В первой же, наскоро составленной записочке, написанной к жене несколько часов спустя после ареста, он просит ее воспитать их ребенка «в памяти отца». По-видимому, он думал, что будет немедленно расстрелян, потому что прощается с семьей как бы в последний раз⁵⁷⁵. Во всех письмах, сохранившихся и напечатанных три года спустя стараниями Тиссо, видна боязнь, как бы не погиб еще кто-нибудь из его семьи, окруженней в тот момент шпионами правительства, от которых он не перестает предостерегать жену и родных⁵⁷⁶. Гужон был моложе своих товарищей, ему было 29 лет (а Ромму, например, 45, Дюкенуа 47, Субраны 42, Дюруа 41), и выделялся своей энергией и активностью. Как мы видели, именно у него (и Бурботта) были, по мнению Левассера, какие-то сношения с Антуанским предместьем. Инкриминируемые ему предложения, сделанные им в заседании 1 прериля, он признал полностью только с некоторыми незначительными поправками. Между прочим, он указал суду на нелепость и недобросовестность как газетных отчетов о заседании 1 прериля, так и свидетельских показаний, претендующих на точность: при том невообразимом шуме, среди которого развертывались события в этот день, невозможно было ручаться за точность услышанного; даже и в официальный протокол заседания за этот день вкрадлись, по утверждению Гужона, явные неправильности⁵⁷⁷. Так, например, мысль образовать комиссию из четырех членов приписана в отчете Дюкенуа, тогда как она исходила от Субраны (который это с самого начала признал). Возражая на показания Журдана (выступившего против него в очной ставке), Гужон тоже указывал на невозможность придавать веру словам, сказанным в таком шуме. Но смутить Журдана было невоз-

можно: он ответил, между прочим, что именно благодаря шуму и крикам он, свидетель, имел достаточно времени, чтобы записать слова оратора с буквальной точностью⁵⁷⁸. Подобные «свидетели» могли быть уверены не только в благосклонном внимании со стороны судей, но и в сочувствии собирающейся в зале суда публики: о безобразном поведении этой публики мы знаем из одного случайного документа — очень почтительного письма некоего Жильбера, заступающегося за Гужона перед председателем военной комиссии, причем автор письма, хлопочая за одного Гужона, не стесняется назвать остальных подсудимых «людьми крови» и даже признает, что публика, по существу, права в своих чувствах, но только слишком уже варварски их проявляет⁵⁷⁹.

При такой обстановке доносчики, толкавшие подсудимых на эшафот, могли себя чувствовать бодро и уверенно. Справедливость требует заметить, что Ланжюине, например, свидетельствовал, напротив, скорее в пользу некоторых подсудимых (Дюруа и Гужона), хотя и делал это очень сдержанно и с оговорками⁵⁸⁰. Были и еще некоторые показания в пользу подсудимых, но все равно спасти их ничего не могло. Уже 26 прериля Гужон написал свое последнее письмо к родным. Он писал, что рад умереть за «конституцию равенства», принятую французским народом. «Я поклялся ее защищать и за нее погибнуть; я умираю, радуясь, что не изменил своей клятве. Я умер бы еще более доволен, если бы был уверен, что она не будет уничтожена и заменена другой конституцией, при которой равенство не будет признано, права человека нарушены, а народная масса окажется вполне порабощеною более богатой кастой, единственной владычицей правительства и государства. Я счастливее тех, кто остается, счастливее тех, кто склонит под этим постыдным яром свое униженное чадо. Я умру, не изменив своему долгу, убитый беззаконно, арестованный, обвиненный и уже почти осужденный, не будучи вовсе выслушан, без присяжных, без соблюдения формальностей, без закона»⁵⁸¹.

Письмо написано 26 прериля, до приговора и смерти оставалось меньше трех суток.

Показание Дюкенуа не дало ничего нового или неожиданного. Я уже отмечал в другом месте, насколько его свидетельство уличает председателя Конвента, Вернье, в

сознательном провоцировании «вершины». Дюкенуа не только, как сказано, не имел понятия о готовящемся выступлении, но даже не знал лично своих товарищей на скамье подсудимых, кроме Дюруа, с которым вместе столзался, и Пессара, с которым был знаком давно. Он вообще редко бывал в Париже, так как всегда почти находился при армии, в качестве представителя Конвента⁵⁸².

В своем предсмертном письме к другу Дюкенуа подчеркивает, что было уже 11 часов вечера, когда он выступил со своим предложением; он думал, что Комитет безопасности уже не существует, так как члены его за весь день ни разу не появлялись в зале заседания⁵⁸³. Дюкенуа пишет об этом непосредственно перед последними строками письма, где, прощаясь с женой, он выражает желание, чтобы кровь его «навсегда скрепила свободу и равенство», а друзьям поручает заботу о своей жене и детях. Не такой это был человек, чтобы лгать в эти последние часы своей жизни. Он только ошибается относительно времени своего выступления: большинство других показаний сходится на том, что монтаньяры выступили не в 11 часов, а раньше, около девяти.

В другом своем письме, написанном тоже в день смерти, Дюкенуа советует жене воспитывать детей в республиканских чувствах, называет себя жертвой своего патриотизма и чужой клеветы и заканчивает восклицанием: «Да здравствует демократическая республика!»⁵⁸⁴.

Бурбонту, кроме того, что он поддерживал предложения Ромма, Дюруа, Гужона и Альбитта, ставилось в вину сще и то, что он попал в предложенную Субраны комиссию четырех, предлагал арестовать журналистов, кричал: «Победа!» и просил не забывать жерминальских дней. В своей защитительной записке, поданной суду, Бурбонту настаивает на том, что он всегда был противником как роялистов, так и террористов; что в эпоху террора он многих спас от смерти в городе Нанте, в годину, когда там действовал Карье; что он всегда был противником смут и беспорядков. Но все эти оправдания никакого значения не имели. Факт его выступления 1 прериала был налицо, а сам он не только не отрицал главных пунктов приписываемых ему заявлений, но даже, как мы упоминали, повторил на суде свое мнение о журналистах, отправляющих общественное мнение⁵⁸⁵.

С первого дня суда, с первого допроса, Бурбонту знал, что он безнадежно погиб. Выражением этой уверенности и начинается письмо, набросанное 24 прериала, «за несколько часов до смерти». Протестуя против возвещенных на него обвинений, он заявляет, что прощает своим убийцам, что умирает, не жался о жизни, «убежденный, что и смерть его будет полезна отечеству»⁵⁸⁶. Ему суждено было прожить не «несколько часов», как он писал, полагая, что приговор будет вынесен в тот же день, а еще пять дней.

После Бурбонту перешли к допросу Субраны.

Согласно показанию одного свидетеля перед военной комиссией, в день 1 прериала Субраны вышел из дома, ничего не зная о начавшемся движении.

Когда же народ начал стекаться к Конвенту, он выразил сожаление по поводу того, что «народ сбит с толку роялистами»⁵⁸⁷. Это вообще очень характерное показание, дышащее правдой. Свидетель (Изар) провел часть утра 1 прериала с Субраны, который все разыскивал кофейню, где ему бы дали кусочек хлеба⁵⁸⁸. Но так же, как и относительно других подсудимых, суд не очень интересовался тем, знал ли Субраны о готовящемся восстании. Все дело и тут было в его выступлении в Конвенте 1 прериала, и в этом смысле у него не могло быть никаких надежд: ведь именно он предложил там избрать комиссию из четырех человек, которая взяла бы на себя функции правительственные комитетов.

Правда, подсудимый, подобно Ромму и Гужону, указывал суду, что он сделал свое предложение, полагая, что комитеты, не подававшие никаких признаков жизни, уже парализованы и бессильны помочь Конвенту, и поэтому нужна новая власть⁵⁸⁹.

Но, конечно, эта система защиты ни к чему привести не могла, да Субраны и не рассчитывал на оправдание. Ведь он мог бы еще спастись в ночь на 2 прериала и сам отдался в руки правительства, когда узнал, что его ближайший многолетний друг, Ромм, арестован. Субраны по натуре отличался таким же врожденным равнодушием к смерти, таким же stoicalским бесстрашием, как и Ромм.

Колебания у судей (или у правительства, волю которого судьи исполняли) явились лишь относительно двух подсудимых: Пейссара и Форестье. Во всяком случае, оба спаслись от смертной казни.

Над Пейссаром тяготело единственное обвинение: когда правительственные войска уже вошли в зал заседаний Конвента, вечером 1 прериаля, создалось было на один момент впечатление, будто инсургенты все-таки отбросят эту атаку, и вот в этот-то момент Пейссар якобы крикнул со своего места: «Победа!» (*victoire!*). Сам он решительно это отрицал. Главным его обвинителем явился все тот же газетчик Журдан. Пейссар был приговорен к ссылке.

Форестье, в сущности, выступил 1 прериаля лишь с предложением не уничтожать правительственные комитеты. В вину ему ставили мотивировку: он убеждал, что комитеты не в состоянии будут пойти против принятых в тот день декретов⁵⁹⁰. Он попал на скамью подсудимых исключительно за эти слова, приписанные ему в отчете *«Moniteur'a*. Он был оправдан, но оставлен под стражей в распоряжении Комитета безопасности.

Между прочим, в показании Форестье встречается факт, свидетельствующий о страшном озлоблении народной толпы, ворвавшейся в зал заседаний, против всего Конвента в целом: женщины, указывая Форестье на голову Феро, кричали ему, что это не единственная депутатская голова, которая будет отрезана в этот день⁵⁹¹.

Процесс подходил к концу. Все судопроизводство сводилось к допросам подсудимых и свидетелей да к очным ставкам. Речей сторон не полагалось.

27 прериаля подсудимым было объявлено, что они могут в последний раз повидаться с родными. Процесс, правда, еще продолжался, но насчет приговора иллюзий ни у кого не было; точно так же было заранее известно, что казнь последует через несколько часов после приговора, а быть может, и немедленно после приговора. К Гужону на это последнее свидание пришла мать с двумя другими своими сыновьями. У младшего, одиннадцатилетнего Антуана, спрятан был в одежде длинный отточенный нож с черной рукояткой.

Тиссо правильно рассчитал, что жандармы старательно обыщут мать и старшего мальчика, но небрежнее отнесутся к обыску маленького Антуана: именно ребенку доверил он поэтому роковую последнюю передачу⁵⁹².

В архивных документах я нашел, однако, свидения, что сестра Гужона на другой же день после его самоубийства явилась к одному из членов военной комиссии и призна-

лась, что именно она доставила брату возможность избегнуть рук палача, т. е., иными словами, успела передать ему нож⁵⁹³.

Не один Гужон заботился о получении оружия для самоубийства. Бурбон, в первые же дни после ареста, точно так же твердо знал, что не выйдет живым из рук военной комиссии; в первом же письме, которое ему удалось тайком переслать одному другу на волю, он просил прежде всего доставить ему кинжал. Очевидно, он уже тогда решил ни в коем случае не попасть в руки палача⁵⁹⁴.

Судьи, как вполне очевидно явствует из приводимого в примечании документа, знали, что подсудимые собираются покончить с собой. 28 прериаля, т. е. накануне ожидавшегося на другой день конца процесса и казни, военная комиссия велела произвести у арестованных тщательный обыск, отнять у них всякого рода оружие и воспретить с этой поры какие бы то ни было сношения с ними посторонних лиц. С ударением указывалось, что ответственность за происшествия, которые может повлечь за собой неточное выполнение этого предписания, падет на офицера, которому приказано руководить обыском⁵⁹⁵.

Судом военной комиссии 29 прериаля III года было осуждено семь человек и один оправдан. Жильбер Ромм был признан виновным в том, что, во-первых, при вторжении народной толпы в Конвент, он потребовал предоставления всем, кому угодно, права говорить с трибуны; во-вторых, в том, что он тогда же предложил немедленно освободить всех арестованных, начиная с 9 термидора, патриотов; в-третьих, в том, что он предложил прекратить все начатые против этих патриотов судебные преследования; в-четвертых, в том, что он предложил немедленно приступить к обыскам; кроме того, в том, что он тогда же предложил поименное голосование, чем давал возможность составить проскрипционные списки (на случай победы восстания), а также замену правительственный комитетов особой комиссией и т. д. Остальные подсудимые признавались виновными в тех же приблизительно действиях, а некоторые еще и в том, что «аплодировали» предложениям Ромма. Один подсудимый (Форестье), «так как ничто не доказывает, что он принял активное участие в событиях 1 прериаля»... был, как сказано, отправлен обратно в тюрьму в распоряжение Комитета безопасности; другой

(Пейссар) — приговорен к ссылке, остальные шесть — Ромм, Дюкенуа, Дюруа, Бурбонн, Субраны и Гужон — приговорены к смертной казни⁵⁹⁶.

В ночь на 29 прериаля состоялся приговор. В ту же ночь, в 2 часа, военная комиссия известила об этом начальника парижского гарнизона, предлагая ему отрядить достаточное количество войск как для охраны места казни, так и для доставки осужденных из места их заключения (т. е. из дома, где заседала комиссия на гре Neuve des Capucines) до площади, где ставили гильотину. Тогда же, в два часа ночи, военная комиссия написала и палачу Сансону, приказывая немедленно воздвигнуть гильотину и ровно в 11½ часов утра быть у здания комиссии с повозкой, где могло бы поместиться шесть человек. Соответственный приказ был отдан и плотнику. Новым письмом Сансон извещался, что казнь должна состояться в 2 часа дня⁵⁹⁷.

Приговор был прочитан подсудимым 29 прериаля в 12 часов дня. Он должен был, как мы видели, быть приведен в исполнение в тот же день, спустя два часа. Осужденных вывели из зала заседаний и отвели в арестное помещение, где они содержались в течение всего процесса. По описанию секретаря военной комиссии, в половине первого, когда заседание уже закрывалось, жандармский офицер, командующий караулом, явился с экстренным доносением: осужденный Бурбонн только что вонзил в себя кинжал. Через мгновенье пришла новая весть: все остальные осужденные последовали примеру Бурбонна. После предписанного накануне личного обыска обвиняемых такая развязка была, как констатирует комиссия, полной для неожиданностью⁵⁹⁸.

Вот как произошло, по-видимому, дело, насколько можно выяснить его при скучности источников. Когда осужденных уже подводили к арестному помещению, откуда их должны были отвезти на гильотину, на площадь Революции, Гужон внезапно выхватил спрятанный в одежде кинжал и закололся. За ним тем же кинжалом, выдернутым из тела товарища, закололся Ромм, за Роммом — Дюкенуа, который, нанеся себе смертельную рану, еще имел силу, перед смертью, сам выдернуть кинжал из раны и передать его Дюруа, но удар, нанесенный себе Дюруа, не повлек за собой немедленной смерти. Точно так же не уда-

лось умереть на месте и Бурбонн и Субраны, поразившим себя не кинжалом, как было донесено, а длинными ножницами. Троим раненым была сейчас же оказана медицинская помощь, после чего, наскоро перевязанные, они были взвалены на телегу, отвезены на место казни, втащены на эшафот и гильотинированы.

Когда Субраны клали на телегу, он был уже при последнем вздохании, и потом положительно утверждали, что он умер по дороге и гильотина обезглавила уже мертвое его тело. Бурбонн и Дюруа, тоже тяжело себя ранившие, спокойно и молча глядели на народ. Первым втащили на гильотину Субраны (или его труп), вторым казнили Дюруа, успевшего перед смертью крикнуть: «Убийцы, наслаждайтесь вашим торжеством!». Последним был обезглавлен Бурбонн. Когда его уже положили на плаху, оказалось, что его голова не входит в отверстие гильотины, так как палач забыл, после предшествующей казни, поднять лезвие. В немногие секунды, которые Бурбонну пришлось еще прожить благодаря этой заминке, он сказал: «Я умираю невинным и хочу, чтобы республика благоденствовала»⁵⁹⁹.

Жюльян,— выступавший, как мы видели, на суде свидетелем со стороны обвинения и, что бы он впоследствии ни говорил, тоже способствовавший своими показаниями их гибели,— стоял в народе, когда тяжело раненных Бурбонна, Субраны и Дюруа везли на казнь, причем топорились из опасения, что осужденные умрут, не доехав до гильотины. И даже этот ярый враг прериальцев, спустя двадцать лет, не может без восхищения говорить о геродизме, с каким эти люди — «герои революционного фанатизма» — встретили смерть⁶⁰⁰.

Народ, собравшийся на площади, молча смотрел на казнь. Полицейские донесения вполне категорически говорят о полном спокойствии, царившем в столице в день казни депутатов и в ближайшие за нею дни. Этому факту нисколько не противоречит сведение, доставленное 29 прериаля одним агентом, о том, что скрывающиеся в Антуанском предместье «террористы» «стараются вызвать сборище...»⁶⁰¹. Более чем вероятно, что среди политических единомышленников и личных друзей приговоренных могло возникнуть желание попытаться ответить демонстрацией на готовившееся и совершившееся 29 прериаля судебное

убийство. Но ни к каким последствиям это не привело. Казнь депутатов была встречена предместьями так же молчаливо, как встречались в течение всего месяца ежедневные казни рабочих. И тотчас после этой казни военная комиссия сочла возможным отказаться от усиленной военной охраны, окружавшей ее с 23 прериала⁶⁰².

В газетах появилось несколько самых беглых и сухих строк, где в двух словах говорилось о том, что трое осужденных закололись кинжалами, а трое только ранили себя и были гильотинированы⁶⁰³; иногда к этому короткому сообщению прибавлялась брань по адресу погибших монтаньяров. «Le Républicain Français», например, приглашал своих читателей подумать о том, что наделали бы эти «изменники» при такой своей энергии, если бы победа оказалась на их стороне⁶⁰⁴.

Любопытен по-своему отчет о процессе, помещенный Журданом в «Moniteur'e» — пять дней спустя после гибели осужденных. Лжеświadodтель, доносчик и клеврет правительственныех комитетов, Журдан продолжает злобно ругать уже погибшего Ромма, который на суде, публично, в глаза обвинил его во лжи. Но, несмотря на все усилия как-нибудь очернить, опорочить, опозорить казненных или покончивших с собой монтаньяров, публицист, против свсей воли, необычайно усиливает блеск трагического ореола этих людей. Даже по этому отчету, писанному рукою озлобленного и лично обиженного врага, все обвиняемые вели себя, как герои, и все, судя по впечатлениям того же Журдана, нисколько не сомневались с самого начала процесса, что они люди погибшие. Последние минуты их жизни проняли даже Журдана, во всяком случае он счел уместным в конце статьи проявить какое-то человеческое движение души и лицемерно взгрустнуть⁶⁰⁵.

Люди, даже очень далекие по своим убеждениям от погибших монтаньяров, но сохранившие способность беспристрастного суждения, возмущались происходившим. Член Конвента Кассани писал в частном письме: «Что несомненно... это то, что военная комиссия, осуждая на смерть наших несчастных коллег, только угождала капризам временщиков (*hommes du jour*), вместо того, чтобы заняться расследованием дела для разыскания истинных виновников мятежа, и образование этой комиссии всегда будет рассматриваться как произвольный, жестокий и ти-

ранический акт». Но эти слова современника увидели свет только больше столетия спустя, случайно попав в руки по-койного Олара, который их и напечатал в своем журнале⁶⁰⁶. Нечего было и думать о том, чтобы публично выступить с подобными заявлениями тотчас после 29 прериала. Писать тогда о процессе и гибели прериальцев можно было только так, как писал Журдан, или вовсе никак не писать.

День и обстоятельства их гибели стали вспоминаться лишь спустя десятки лет. Вокруг их кинжала и их гильотины надолго воцарилось безмолвие.

Глава десятая ПОСЛЕ КАЗНЕЙ

Деятельность военной комиссии в мессидоре и термидоре. Дело Манье. Последние процессы и закрытие военной комиссии. Ближайшие политические последствия прериальских событий

I

После казни депутатов-монтаньяров военное судилище просуществовало еще больше полутора месяцев, но действовало уже не так беспощадно, как в течение всего прериала. Дело было, конечно, не в том, что военная комиссия как бы смутилась «героическим самоубийством» членов «вершины», как думает Герцен, объясняя этим спасение Ральера от гильотины: пятеро офицеров, из которых состояла комиссия, готовы были и в мессидоре и в термидоре продолжать действовать точно так же, как и в прериале. Их в чем угодно можно было заподозрить, только не в угрызениях совести и тому подобных романтических переживаниях. Мало того, они не прочь были казнить не только за прериаль, но и за жерминал. Когда несколько по-освободились руки от ликвидации прериального дела, военная комиссия запросила Комитет безопасности: как же быть с жерминальскими обвиняемыми? Готовность к дальнейшим действиям в прежнем направлении была, таким образом, самая несомненная⁶⁰⁷. И, однако, факт большей синхронности в приговорах — налицо.

Дело объясняется, помимо «смущения» военных судей, во-первых, тем, что после казни членов «вершины» Конвент, Комитет и влиятельные лидеры потеряли интерес к

дальнейшим судебным избиениям, тем более что рабочие предместья были в достаточной степени безгласны и подавлены, и, во-вторых,— и это самое важное — явно нарастала роялистская опасность, надо было освободить гильотину для новой работы.

Прериаль уже отодвигался вдаль; назревали новые события: в течение последних дней прериала и всего мессидора английские суда с эмигрантскими вооруженными силами рыскали по Ламаншу и по океану, крейсировали у берегов Бретани, высматривая удобное место для высадки; вечером 5 мессидора британский флот пристает у Карнака, на полуострове Кибероне, и начинает высаживать эмигрантов; весь мессидор и первые дни термидора генерал Гош осаждает Киберон; только 4 термидора он может оповестить Конвент о своей полной победе над роялистским десантом; на место военных действий выезжает член Конвента Тальен, и с 10 термидора начинаются расстрелы взятых в плен эмигрантов. При такой общей обстановке являлось политически бесцельным и неуместным свирепствовать в Париже против людей, в той или иной (часто крайне слабой) степени связанных с восстанием рабочих предместий, продолжать бой с только что раздавленными левыми врагами.

Необходимо было поскорей кончать с прериальскими обвинениями, тем более что никаких «вождей» восстания так и не нашли, и в тюрьмах томилось много людей, которые даже с точки зрения военных судей были решительно ни в чем неповинны. Правда, совсем без крови не обошлось и в мессидоре. Но это было уже исключением, а не правилом. В общем же военные суды, по-видимому, сразу учили некоторую перемену ветра в правительственные сферах.

Обратимся к сравнительно более интересным процессам, разобранным комиссией в последние времена ее существования. Дела, закончившиеся оправданием, конечно, будут меньше привлекать наше внимание: сплошь и рядом они возникали по недоразумению, некоторые не заслуживают даже упоминания.

Каменотес Нарго, в пьяном виде, 2 прериала, в кабаке или выйдя из кабака, похвалялся (как выяснилось, совершенно облыжно) своим деятельным участием в восстании 1 прериала. Суд официально признал ложность пьяной

похвальбы Нарго и то обстоятельство, что он, будучи пьян, мало сознавал, что говорил. Он был тем не менее приговорен к тюремному заключению на один год⁶⁰⁸.

Парижмажер Антуан Тайорда был предан суду военной комиссии за то, что 3 прериаля, стоя в группе людей на мосту (Pont-Neuf), держал возмутительные речи. Робеспьера и Коммуну, говорил он, принесли в жертву; Людовик XVI за все свое царствование не сделал столько зла, сколько Конвент в один день; пора приступить к новым выборам; к нынешним депутатам нельзя питать доверия, а нужно взять «рабочих и патриотов, которых держат в тюрьме с 9 термидора,— они-то не обманут народ»⁶⁰⁹. Обвиняемый был приговорен к ссылке с предварительным выставлением на эшафоте в течение двух часов. Рабочий Лажуа приговорен к двум месяцам тюрьмы за то, что, будучи в качестве солдата Национальной гвардии в непосредственной близости к месту убийства Феро, ничего не сделал, чтобы помешать этому, и незаконно покинул свой пост⁶¹⁰.

Золотых дел мастер Моран, сказавший в частной компании, при известию об убийстве Феро: «тем лучше», и что он убил бы не одного, а сорок человек, отделался двумя месяцами тюрьмы единственно потому, что по единодушным показаниям свидетелей был пьян почти до потери сознания — что признал в тексте приговора и военный суд⁶¹¹. Оправдан, но отдан под надзор комитета своей секции Андре Александр, тоже обвинявшийся (вполне голосовно) в браин и угрозах. Между прочим, в бумагах по этому делу есть одна характерная черта: подсудимый, по утверждению некоторых свидетелей, говорил, что депутат Феро убит по заслугам за то, что кричал: «Да здравствует король!». Самый слух этот показывает, насколько чужд был роялистским тенденциям народ, вошедший 1 прериаля в Конвент.

Рабочий (по фаянсовым изделиям) Дюкло был арестован 2 прериаля: он сказал в группе граждан, читавших декреты Конвента, что глупо верить этим словам, что надо прогнать депутатов, как преступников, и т. д. Его задержали, и он был предан суду военной комиссии. Судили его 11 мессидора и приговорили к двухмесячному заключению⁶¹². Того же 11 мессидора оправдан каменщик Пьер Бутон, арестованный 4 прериаля в пьяном виде за

слова, сказанные не им, а кем-то другим⁶¹³. Другой каменщик, Комб, приговорен к ссылке за слова, оскорблявшие депутата Бурдана (de l'Oise). Обвиняли его и в том, что он «жестикулировал и угрожал народным представителям, яростно требуя хлеба и конституции 1793 г.»⁶¹⁴. На суде обвиняемый привел свои слова, сказанные им, когда он находился с толпой в зале Конвента 1 прериаля, и показавшиеся оскорбительными Бурдону. Комб сказал ему, что он, Бурдон, заставляет народ умирать с голода, что нельзя жить, питаясь четвертью фунта хлеба, и что это отвратительно⁶¹⁵. Интересно отметить, что, как явствует из свидетельских показаний, Комб говорил, будто, убив Феро, народ ошибся,— имелся в виду другой депутат. Кроме доносов разных лиц, против обвиняемого не было ровно никаких улик. Пришлось даже в тексте приговора приводить эти рассказы доносчиков и, между прочим, поставить в вину подсудимому то, что после 1 прериаля он надел другую одежду, «чтобы не быть узнанным». Приговоренный к ссылке, Комб попал потом под брюмерскую амнистию III года, но год спустя был опять арестован за самовольное возвращение в столицу, так как по закону 21 флореяля IV (1796) года не имел права проживать в Париже и его окружности⁶¹⁶.

Мартин Так, погонщик быков, был арестован 2 прериаля по обвинению в том, что в числе других носил на пике голову Феро. Обвиняемый решительно отвергал возводимые на него обвинения; свидетели тоже больше говорили об оскорбительных словах, произнесенных Таком по адресу Конвента, чем о его участии в убийстве Феро. Дело его долго откладывалось, по-видимому, именно из-за слабости улик. Судили его только 12 мессидора. Он был приговорен к смерти и в тот же день, в 5 часов пополудни, гильотинирован⁶¹⁷.

Пьер Керков (15 лет) был приговорен к месячному заключению за то, что 1 прериаля омочил свою саблю в луже крови, оставшейся после убийства Феро. В самом убийстве он не участвовал, а свой поступок объяснил нетрезвым состоянием⁶¹⁸. Рабочий Мэтюрен Бертело в пьяном виде где-то сказал, будто он участвовал 3 прериаля в освобождении убийцы Феро. Схваченный тотчас же по доносу, он просидел полтора месяца и был оправдан⁶¹⁹.

Плотник Клод Перро утром 1 прериаля пошел к булочной, к которой был приписан, чтобы стать там в очередь; но узнал, что булочника нет, что комиссар отправился в секцию узнать насчет распределения хлеба, так как его имеется только по две унции на человека, и что люди отказались принимать такую порцию. Перро идет в секцию и видит до восьмисот женщин, требующих хлеба. Сам же он третий день уже не получал хлеба и питался рисом. Под военный суд он попал по ложному обвинению и был оправдан (13 мессидора, через несколько недель после ареста)⁶²³. Точно так же решительно без всяких улик и оснований просидел полтора месяца в тюрьме и был оправдан 14 мессидора Жан-Никола Ридд. Даже доносов на него ниоткуда не поступало⁶²¹. Вообще бывало, что человека арестовывали, а на вопрос его о причинах ареста отвечали, что ему об этом скажут впоследствии. А так как аресты шли массовые, то разъяснения и освобождения приходилось ждать около полутора месяцев. Кроме уже упомянутых случаев, так было, например, с Барруа и Трипье, арестованными в Антуанском предместье 5 прериаля и освобожденными по постановлению военной комиссии 14 мессидора⁶²².

Сапожник (и бывший жандарм) Пьер Саланья и бывший жандарм Клод Фуке осуждены были 16 мессидора (первый — на пять месяцев тюрьмы с выставлением у позорного столба, второй — на три месяца тюрьмы) за то, что произносили в прериальские дни мятежные речи, обнаруживали склонность присоединиться к инсургентам, а также побуждали к этому военных⁶²³.

Санитар (*officier de santé*) Кроппе, 58 лет, увидев 2 прериаля, как арестуют какого-то человека, которого он принял за депутата Конвента, крикнул из окна: «Отрежьте ему голову». Напрасно подсудимый силился убедить суд, что он, напротив, рекомендовал снять голову тем, кто осмеливался напастить на Конвент. Военная комиссия ему не поверила, и он пошел в ссылку⁶²⁴.

Рабочий оружейного завода Жак Карре, просидев в тюрьме пять недель (с 12 прериаля по 19 мессидора), предстал перед комиссией по обвинению в том, что, председательствуя 2 прериаля в своей секции, он поддерживал мятежные слова и предложения выступавших там ораторов и обнаруживал враждебные намерения относительно

Конвента. Оправдан за полной недоказанностью обвинения⁶²⁵.

Парижмахер Клод Перрен — один из очень немногих прериальских обвиняемых, которые могли быть заподозрены не в «якобинизме», а в роялизме. 1 прериаля, находясь в здании Конвента, он крикнул, что не надо демократической конституции и что он кровь свою готов отдать за Людовика семнадцатого⁶²⁶. На суде он отрицал приписываемые ему слова, но, несмотря на это, был приговорен к ссылке.

Долго искали женщин, которым можно было бы присвоить инициативную роль в самый первый момент прериального восстания, но никаких доказательств не находилось. Оставалось либо оправдать подсудимых, либо присудить их к тюремному заключению. Если не считать Розы Мигелли, о которой речь будет особо, ни одна женщина не пошла на эшафот.

Три молодые работницы (две гладильщицы и одна прачка, одна 16, другие две 18 лет), обвиненные в оскорбительных словах по адресу Конвента и комитета их секции, присуждены 8 мессидора к двухмесячному тюремному заключению⁶²⁷. Комиссия мотивировала «снисходительный» (по ее мнению) приговор крайней молодостью подсудимых. Конечно, если бы их дело разбиралось в начале или даже в середине прериаля, это соображение навряд ли было бы принято во внимание. За несколько дней до их процесса присудили оставить в тюрьме на три месяца «впредь до дальнейшего расследования» поденщицу Катерину Винью — только на том основании, что 1 прериаля она была замечена в мужском костюме. Правда, комиссия тут же признала, что этот факт ничего против подсудимой не доказывает, так как она 15 лет носит мужской костюм (она работала в кузнице). Тем не менее ее отправили в тюрьму⁶²⁸.

Значительно дольше пришлось просидеть в предварительном заключении Франсуазе Жермен, работнице ветровой мастерской, взятой последней из всех женщин, судившихся по прериальному делу. 27 мессидора она была приговорена к четырем месяцам тюрьмы. Обвинялась она в том, что 2 прериаля, когда по улице провезли корзину, принадлежавшую частному лицу, она громко требовала, чтобы эту корзину вскрыли, так как там спрятан

хлеб. Ее не послушали, и никаких последствий ее слова не имели, только этим военная комиссия могла взвинтить свой приговор, который, очевидно, представлялся ей слишком мягким⁶²⁹.

II

Последние дни мессидора и первые дни термидора военная комиссия была занята разбором дела молодого монтаньера Манье, именовавшего себя Брутом Манье. Сидя в тюрьме города Ренн по другому обвинению, он сам заявил на себя, как на автора того «плана восстания», который, как мы видели, распространялся в Париже перед выступлением 1 прериала. Вот как документы рисуют его дело.

Луи-Бернар Манье, по прозванию Брут, сам бывший в свое время, до 9 термидора, председателем военной комиссии при одной из армий, воевавших против шуанов, был предан суду военной комиссии особым законом от 25 прериала⁶³⁰. Спасся он от смерти и отделался ссылкой, может быть, потому, что, во-первых, в прериальские дни не был в Париже и не принимал поэтому непосредственно участия в восстании, да и вообще установить фактическую его связь с прериальским восстанием было очень нелегко. Во-вторых, что еще важнее, приговор о нем был вынесен 3 термидора, когда военная комиссия доживала уже последние дни, а правительство было всецело поглощено роялистским восстанием на западе и высаждкой эмигрантов на полуострове Клерон. Но сам Брут сделал все от него зависящее, чтобы не миновать гильотины; в течение всего своего предварительного заключения он несколько не сомневался в том, что его песня спета и что ни малейших шансов на спасение у него нет. Только в самом конце проявились кое-какие колебания. Это был очень интересный человек, и в трагической галерее прериальных подсудимых ему нельзя не отвести особое место. Ему было всего 24 года, и все его поведение перед процессом обнаруживает не только неукротимое мужество, но и желание перед смертью успеть высказать ненавистным и презираемым врагам все, что у него накипело на сердце. Он принадлежал к тем монтаньарам, которые иногда негодовали на Робеспьера, когда Робеспьер был всемогущ, но

которые, уже довольно скоро после 9 термидора, стали склоняться к тому мнению, что удар, снесший голову Робеспьера, отрубил и крылья у революции и что республика в опасности. «Я краснею, что аплодировал 9-му термидору», писал впоследствии Брут Манье⁶³¹. Эпоху термидорианской реакции он проводил в тюрьме⁶³². 14 прериала, т. е. в самый страшный момент прериального террора, из Реннской тюрьмы, где, как сказано, он тогда сидел, Брут Манье счел своевременным обратиться к Комитету общественной безопасности с письмом, которое он адресовал так: «Гнусному комитету общего опустошения», а датировал следующим образом: «14 прериала третьего года французской республики, единой и неделимой, но до сих пор проблематической»⁶³³. Обращение к адресатам было формулировано так: «О чудовища, изрыгнутые демонами деспотизма и жестокости, значит кончена свобода моего отечества! Так знайте же, что я дал клятву не пережить ее». И дальше: «Итак, я предаю вашей всепожирающей и неугасимой ненависти новую жертву,—это я. Разите, разите, палачи, я имею благородную гордость сказать вам, что нет француза, который более справедливо заслуживал бы пасть под вашими ударами, чем я»⁶³⁴. И тут-то он спешит заявить, что именно он составил план восстания и передал его «комитету восстания»; что он сам руководил бы движением, если бы был в Париже: «Вы не поверите, какую скорбь я испытываю оттого, что различные попытки, предпринятые, чтобы уничтожить термидорианский деспотизм, не увенчались успехом»⁶³⁵. Как уже было сказано в своем месте, он выражает сожаление о том, что восставшие не сумели использовать положения и не арестовали правительственные комитеты и влиятельных термидорианцев; с горечью говорит он и о том, что был против Робеспьера, поверил в его виновность и не сразу понял, до какой степени 9 термидора подготовило «гибельную реакцию», «дерзость» которой растет с каждым днем⁶³⁶. Он требует, чтобы его присоединили к процессу «благородных граждан» — Ромма, Гужона и их товарищей, которых правительство обрекает на смерть: «до последнего вздоха я буду кричать, что монтаньеры были единственными патриотами», — мало того: «я клянусь отомстить за смерть тех, кого вы убиваете, вонзив Брутов кинжал в грудь любого из вас, кого я встречу,

будь то через тридцать лет». Он предает проклятию «узурпаторскую и контрреволюционную шайку, осмеливающуюся еще именовать себя Национальным конвентом». «Достаточно ли этого письма, жестокие тираны,— заканчивает он,— чтобы направить на меня весь ваш гнев?»⁶³⁷. И прибавляет, что план восстания при нем, и он его покажет суду. Его желание предстать перед военной комиссией было исполнено Конвентом 25 прериала.

Чем больше вчитываясь в бумаги Манье, тем более интересной и необычайно характерной для эпохи и партии представляется эта фигура. Для какой партии? «После этого рассказа и по тому, как он сделан, ты сразу увидишь, к какой партии я принадлежу»,— отвечает на этот вопрос сам Манье в письме, обращенном из тюрьмы к Помму, члену Конвента⁶³⁸. Он — монтаньян чистейшей воды, для него чужая или своя жизнь не стбит в буквальном смысле ни гроша, если речь идет о конституции 1793 г., о республике, как ее понимали в тот момент приверженцы Горы.

К термидорианцам, правящим Францией, он питает непримиримую вражду и открыто заявляет об этом на суде. На вопрос, посодействовал ли бы он осуществлению своих же советов по части восстания, если бы подвернулся благоприятный случай, Манье отвечает, что сделал бы это от всего сердца; сделать же из него друга нынешнего правительства так же невозможно, как обратить в республикансскую веру прусского короля⁶³⁹. Еще за несколько дней до допроса он письменно и весьма отчетливо высказал восиной комиссии свое мнение о ней, а кстати и о правителях. Письмо это написано 16 мессидора; в заголовке, в обычной формуле «Свобода, равенство, братство», последний термин заменен словами: «Демократия или смерть»; отправитель прибавляет к своему имени титул: «бывший председатель комиссии, учрежденной, чтобы судить разбойников»; текст составлен так: «Вырезывателям патриотов, собравшимся в бойне, которую они именуют также военной комиссией. Господа, я прибыл вчера и, воздавая должное усердию, которое вы проявляете, чтобы выполнять виды достойных ваших учителей-правителей, я приглашаю вас не забывать меня. Развите, разите, палачи, я умру, восклицая: да здравствует республика!»⁶⁴⁰.

Свое отношение к 9 термидора, высказанное в письме к Комитету безопасности, Манье поясняет и развивает на допросе в военной комиссии 21 мессидора. В свое время он поверил в виновность Робеспьера, так как его осудил весь Конвент, но он видит теперь, что ошибся: «Ферроны, Тальены, Дюбуа-Крансэ и столько других», которых Робеспьер преследовал, доказывают теперь «своим контрреволюционным поведением», что покойный был прав. К тому же подсудимый считает, что если над Францией тяготела тирания (это слово употребил суд, формулируя свой вопрос), то виновен в этом был весь Конвент, а не один Робеспьер — «одна семисотая часть Конвента»⁶⁴¹. На допросе 23 мессидора Манье, однако, смягчает свою мысль о термидорианцах: если он высказывается за их смерть, то потому лишь, что они намерены, по его мнению, дать Франции «монархическое или, по меньшей мере, аристократическое правление; если же они республиканцы и разнятся от него только относительно «способов установить демократию», он сам «с удовольствием» отдаст свою голову во искупление ошибки, в которую он впал из любви к отечеству»⁶⁴².

Манье может представлять интерес только как один из подсудимых, привлеченных по прериальскому делу; поэтому я намеренно не останавливаюсь ни на предшествующей, ни на последующей его биографии. Не могу, однако, не привести еще несколько черт для характеристики этого человека, его убеждений и настроений. В мае 1792 г. он прибыл во Францию из Кайенны, поступил в армию, воевал, был потом председателем военного суда (в Ренне); через несколько дней после термидорианского переворота был арестован (21 термидора); его обвинили сначала в превышении власти; когда это обвинение оказалось несостоятельным, выдумали новое — в растрате казенных сумм; термидорианское правительство явно решило под тем или иным предлогом не выпускать его из тюрьмы.

«Я не знаю, был ли ты тогда гнусным обманщиком (*fourbe*) или ты переменился с той поры» — так начинает он письмо к Томину, товарищу прежних лет, члену Конвента. Это письмо, писанное из Реннской тюрьмы еще в жерминале (т. е., следовательно, отнюдь не для того, чтобы просить депутата о заступничестве по еще не существовавшему прериальному делу), попало впоследствии

в дела военной комиссии, судившей Манье в мессидоре: оно содержит некоторые, хотя и скучные, автобиографические данные. Манье вспоминает зарю своей молодости, со-впавшую с началом революции. Теперь, когда он сидит в тюрьме и считает свою жизнь конченной, несмотря на то, что ему всего 24 года, Манье пишет о своей молодости, как пишут о далеком прошлом. Он вспоминает бескорыстные восторги прежних лет, счастье, которое давали его поколению пламенные надежды и мечты о свободе, полностью своего сердца в то радостное и невозвратное время, — и так ясно, что никакие бури и грозы никогда уже не изгонят из этой души память о светлом утре, когда так вдохновенно работалось во время свободы отечества⁶⁴³. В личной жизни это утро сменилось безысходной тюрьмой, перспективой гильотины; в революции заря свободы сменилась прериалем, но Манье, даже и в мессидоре, уже привлеченный к делу о восстании, из глубины одиночного заключения продолжает говорить о свободе и благе родины, для которых, по неизменному своему убеждению, он жил и во имя которых жаждет умереть.

Затем в жерминале он пишет товарищу это письмо. Только затем, чтобы тот сделал все от него зависящее для ускорения суда по нелепому и позорному обвинению его в растратах. Но он тут же считает нужным пояснить, что хочет поскорее очиститься и избавиться от тюрьмы для того, чтобы сейчас же приступить к проповеди восстания, открыто выступить против контрреволюционного собрания, в надежде, что тогда его скоро казнят или хотя бы сошлют. По крайней мере он не будет видеть всех гнусностей реакции, а «прозябать в молчании» он считает бесстыдным и преступным⁶⁴⁴.

По-видимому, у Брута Манье не было особенной склонности к отвлеченным рассуждениям и логическому совершенству определений. Он любит санкюотов, он вполне примыкает к монтаньярам. Но кто такие санкюлоты? Под ними «он понимает победителей Бастилии, 10 августа и 31 мая», гласит протокол его допроса, — «а кроме того тех, кого обозначают под именем террористов, кровопийц и людоедов»⁶⁴⁵. Монтаньиры, по его разумению, «это все люди, идущие по стезе демократической республики»⁶⁴⁶, а термидорианцы — те, которые по справедливости заслуживают названий, даваемых «санкюлотам», те, которых

он назвал в своем письме от 14 прериляя, где он поносил членов Комитета безопасности.

Личность Брута Манье, бурная, пламенная, неуравновешенная, его живой ум, его лево-якобинские настроения ярко сказываются в оставшейся после него любопытной «газете», которую он писал, сидя в Реннской тюрьме.

Эта, конечно рукописная, газета называется *Démocrate ou journal de Midi*; состоит она из отдельных сероватых листков — «номеров» газеты, которых сохранилось 25 штук. Первый номер помечен 24 плювиоза, последний — 23 вантоза; следовательно, этот своеобразный орган просуществовал ровно месяц. Характерна вступительная статья Манье, где он объясняет, что его газета будет иметь целью развлечь и подбодрить товарищей по заключению, лишенных волею правящих «заговорщиков» возможности служить своему отечеству, и т. д.⁶⁴⁷.

Так как содержание газеты само по себе не имеет прямого отношения к нашей теме, а интересно лишь для личной характеристики Манье, то я на ней останавливаться не буду. Читатель найдет в примечаниях две характерные выдержки из этих листков. Неукротимая ненависть к термидорианцам и призыв к восстанию против них — вот господствующая идея, проникающая этот тюремный рукописный орган Брута Манье. Он укоряет в трусости тех, кто отказывается от борьбы из боязни гильотины: ведь если они не будут бороться, они будут повешены — намек на роялистскую реставрацию с ее ожидаемыми виселицами⁶⁴⁸.

Манье вообще имел большое расположение к перу, и оно не изменяло ему ни при каких обстоятельствах. Так, 24 мессидора, во время суда, который очень легко мог кончиться казнью, Манье пишет в тюрьме письмо военной комиссии на латинском языке. Делает он это, «чтобы развлечься»: ведь его держат в секретном отделении тюрьмы, не позволяя ни с кем сноситься, ни с товарищами по заключению, ни с друзьями на воле⁶⁴⁹. Латинское письмо требует, чтобы его перевели из секретного отделения, а кончается бранью против правительства и послушных ему военных судей⁶⁵⁰.

Того же 24 мессидора, в ожидании близкой смерти, Манье в своей одиночке пишет большое стихотворение — подражание Марсельезе, которое тоже посыпает членам

войной комиссии. И в этом произведении основные мотивы все те же: ненависть к термидорианцам, полная готовность взойти на эшафот вслед за погибшими прериальцами, уверенность, что жизнь кончена. Неуклюжие стихи, неумелые обороты — все это проладает, когда думаешь, где и когда это написано: серый листок с пожелтевшими строками остается как замечательный памятник психологии этого революционного поколения⁶⁵¹.

На том же листке, пользуясь оставшимся местом, Манье пишет другое стихотворение, где в шутливой форме изображает предстоящую ему, как он думает, на другой день казнь: как палач Сансон приготовится его стричь, как его повезут на телеге к месту казни. И он иронически напоминает, что бретонский поход ему пришлось проделать пешком, а теперь правительство настолько заботливо, что для путешествия к гильотине предоставляет ему колесницу⁶⁵².

После всего приведенного выше для личной характеристики Манье и на основании образчиков тех ответов, которые он давал в военной комиссии 21, 23 и 24 мессидора на допросах, касавшихся его политических убеждений, — читатель будет склонен с известным доверием отнести к ответу подсудимого на основной вопрос, интересовавший военную комиссию, является ли он, Манье, автором того «плана восстания», который распространялся в Париже перед прериальским выступлением?

Еще сидя в Реннской тюрьме, Манье приписал себе сочинение этого плана. На первом допросе, 21 мессидора, Манье подтвердил это заявление, но прибавил, что он не знал, в какое именно время этот план должен быть приведен в исполнение. На вопрос, пересыпал ли он копию этого плана в Париж, Манье отвечал утвердительно, причем пояснил, что переслал план «одному хорошо известному патриоту, который должен был передать его одному народному представителю», но имени этого депутата он не знает, а имени патриота не назовет. План свой он составил под влиянием одной брошюры, где предлагалось всем патриотам представить свои соображения относительно средств безотлагательно устроить «мирное восстание» (*une insurrection pacifique*)⁶⁵³. Но ни о брошюре, ни о ее авторе он ничего больше сказать не пожелал. Судьи обратили его внимание на противоречие между словами «мир-

ное восстание» и выраженным им (в письме к Комитету безопасности от 14 прериля) сожалением о том, что инсургенты не догадались покончить с народными представителями в числе чуть ли не ста человек. На это Манье ответил, что план его был именно планом «мирного» восстания; когда же он потом увидел, что правительство действует все смелее и хочет истребить санкюлотов, он подумал, что для укрепления свободы нужна смерть правителей (пункт 19-й допроса). Ему задали затем чисто провокационный вопрос: кого из членов Конвента он считает истинными санкюлотами? Манье отказался ответить, не желая «открыть обширное поле для проскрипций». На вопрос, не было ли в Париже центрального комитета, куда он послал свой план восстания и откуда должны были последовать соответственные приказания, подсудимый ответил, что он этого не знает; если же раньше утверждал что-либо подобное, то лишь затем, чтобы вернее подвергнуться казни (*afin que sa mort fût plus certaine*, пункт 30). Очевидно, если еще недавно Манье жаждал смерти, то теперь это настроение несколько изменилось. Допрос 23 мессидора подтверждает это предположение: теперь он уже не зовет смерть, а борется против опасности такого исхода. Жалеет ли он, что его план не вполне удался, — спрашивает суд, и, если бы Манье был в Париже, принял ли бы он активное участие в восстании? Манье ответил, что «он составил не план восстания первых дней прериля, так как свой план он выдвинул накануне суда в революционном трибунале, когда он ждал своей гибели, — но что это были советы, которые, умирая, он давал своим согражданам относительно средств спасти свободу». Когда ему заметили, что декреты, проведенные в Конвенте 1 прериля (в часы, когда Конвент был занят народом), кажутся взятыми из его плана, он ответил, что «это весьма возможно, так как он давал план не для того, чтобы этот план ни к чему не послужил». Потом последовало заявление, что к убийству Феро он отнесся с негодованием, и уже приведенное мною в другой связи объяснение, почему он желал смерти правящих лиц. Наконец, его спросили, что именно он понимает под выражением «мирное восстание». Подсудимый заявил, что он не желает играть словами, признал, «что это грамматическая ошибка», но что, как явствует из его плана, под «мирным восстанием»

он понимает «величественное движение народа, говорящего своим уполномоченным: делайте то-то, потому что я этого хочу»⁶⁵⁴.

Допрос кончился. Но на другой день, 24 мессидора, Манье вручил военной комиссии письменное показание под названием: «Мое последнее слово»⁶⁵⁵. В этом документе он берется доказать следующие четыре пункта: во-первых, что не он автор плана восстания первых дней прериала; во-вторых, что, будь он даже автором, его невозможно было бы в этом уличить; в-третьих, что все его поведение после 9 термидора, его рукописный журнал, его письма к Комитету безопасности и Помму, как и другие найденные у него бумаги,—не составляют преступления, в-четвертых, что он, следовательно, не подлежит никакому наказанию. Нас здесь интересуют, конечно, лишь первые два пункта: «Когда я составил свой план восстания? В конце плювиоза, когда я получил извещение, что меня будет судить революционный трибунал, от которого я ждал гибели (*où je m'attendais à être sacrifié*). Зачем вы составили этот план? спросят меня. Я мог бы ответить: к чему вам это?» Но он так не ответит. Он составил план с целью изложить свое мнение о средствах восстания, которое он считал необходимым. «Но, скажут, ход восстания в прериале — почти тот же, что и намеченный вами? Что же, это доказывает, что я не был одинок в своем мнении, — а, впрочем, восстание имеет только тот недостаток, что оно не удалось; ведь, если бы оно увенчалось успехом, вы бы увидели дождь поздравительных адресов, и кто бы их посыпал? Те же, кто теперь сочиняет их в противоположном смысле»⁶⁵⁶.

1 прериала он, Манье, был за сто лье от Парижа, занятый предстоящим ему процессом (по старому делу), ни с кем в Париже не переписывался. Как же он может быть «автором 1 прериала»? Откуда черпаются улики? Из его же письма к Комитету безопасности. Тут он цитирует (по-латыни) римское юридическое правило: нельзя слушать того, кто хочет погибнуть (*nemo audiatur rerire volens*). Если в припадке отчаяния человек сам на себя возводит поклеп, сам на себя поднимает руку, суд не должен этим пользоваться. Он мало надеется, что эти доводы ему помогут: военная комиссия его осудит хотя бы потому, что он отдан под суд по решению Конвента, а для

специально созданного трибунала (*un tribunal de circonstance*) это равносильно приказу осудить. Что же касается самого Конвента, то «в его глазах всякий, кто называет себя монтаньяром, так же виновен, как в прошлом году был виновен тот, кто не был монтаньяром». Кроме того, подсудимому вредят, по его мнению, Бурсо и тому подобные тайные шуаны. Вообще Конвент всемело подчинен своим комитетам и прежде всего Комитету безопасности. Все послание меньше всего похоже на покаянную просьбу о помиловании: тон его резкий, иронический, местами даже саркастический; комитеты, например, сравниваются с Кромвелем, но с той оговоркою, что им не хватает гения английского диктатора.

Какой вывод позволительно сделать из всей этой документации, приняв во внимание характер и настроения молодого монтаньяра? Нет ничего невероятного в том, что «план восстания» действительно был не только составлен Брутом Манье, но и переслан в Париж задолго до прериала ипущен в ход перед самым выступлением Антуанского предместья. Но вместе с тем Манье навряд ли уклоняется от истины, утверждая в своем последнем слове, что написал он этот план не для конкретно подготовлявшегося, именно прериальского, восстания, а, так сказать, вообще, на случай попытки восстанием низвергнуть термидорианское владычество. Лозунги «плана» и тактические его указания настолько общи по своему характеру, что, в самом деле, больше похожи на советы, выраженные в суммарной, схематической форме, чем на детально разработанную тактическую программу действий.

Вообще верить словам Манье можно еще и потому, что, как мы только что отмечали, его «последнее слово» вовсе не является покаянною грамотою: за половину в нем сказанного военная комиссия могла бы отправить его на эшафот и несомненно отправила бы, если бы дело происходило не в конце мессидора и начале термидора, а в прериале.

Но в момент, когда едва кончалась победоносная кампания Гоша против роялистского десанта на Кибероне, было довольно затруднительно послать на эшафот человека, обвинителем которого выступил (в заседании Конвента 25 прериала) Бурсо, скомпрометированный именно по сношениям с шуанами и заподозренный в роялистских

симпатиях. Замечу кстати, что сам Бурсо в упомянутом заседании высказал как будто сомнение (правда, в риторическом стиле), в своем ли уме Манье⁶⁵⁷. Это не помешало Бурсо тогда же настаивать на отдаче Манье под суд военной комиссии. Но теперь, в начале термидора, когда политическая обстановка сильно изменилась, это сомнение насчет уравновешенности подсудимого сыграло, быть может, благоприятную для него роль. Разумеется, и в таком случае это был лишь благовидный предлог; главной причиной оказанного ему «снисхождения» была, повторюю, перемена ветра в правящих сферах.

Отмечу, для полноты картины, что в своем «последнем слове» Манье вполне отчетливо указывает именно на презрение к ренегатству термидорианцев, как на источник своей вражды ко всему, что они делали: «Ведь я видел Тальенов, Феронов, Лежандров, Дюбуа-Крансэ и стольких еще других, когда, вскарабкавшись на вершину Горы, они сами метали громы на так называемых умеренных,— эти-то самые люди преследуют с наибольшей яростью людей той партии, из которой они дезертировали». Уже одна эта выдержка показывает, как мало Манье заботился о том, чтобы вызвать к себе сочувствие в самых могущественных людях, от которых, по собственному его убеждению, всецело зависела его часть и которым рабски подчинялась военная комиссия. Но один из упомянутых им термидорианцев, Тальен, как раз в те же или ближайшие дни собирался в армии Гоша руководить репрессиями против роялистов. Очередной политический зигзаг правительенного курса складывался так, что голова Брута Манье уцелела на плечах. З термидора военная комиссия приговорила Манье к ссылке.

Тотчас по окончании этого процесса комиссия обратилась к последним, еще ожидавшим своей участии, прериальским обвиняемым.

III

З термидора судили плотника Жака Рише и слесаря Пьера Броше. Оба они были арестованы по доносу еще 2 прериала; первый, находясь в толпе, сказал, что при Робеспье было лучше, хоть и лилась кровь, да была еда; второй одобрил и поддержал эти слова. За обоих хлопотали, ручаясь за их поведение, многие лица, свиде-

тельства которых военная комиссия аккуратно регистрировала, — что не помешало ей отправить Рише в ссылку, а Броше на четыре года в тюрьму⁶⁵⁸.

4 термидора, после двухмесячного предварительного заключения, судили и оправдали арестованных по ошибке в прериальские дни Жана Амона, Елизавету Форжо и Марию Гарнье⁶⁵⁹. В тот же день оправдана портниха Монто, арестованная еще в прериале по ошибочному доносу⁶⁶⁰. Старьевщик Жан Симонне, судившийся 5 термидора за то, что 1 прериала он вырвал из рук жандарма возвзвание Конвента к народу, а также собирался кого-то ударить саблей (но не удариł) и вообще возбуждал толпу к восстанию, — приговорен к ссылке. До выполнения приговора он стоял по два часа в течение трех дней у позорного столба на площади⁶⁶¹. Башмачник Жан-Мари Лафон сидел в тюрьме с 3 прериала: двое детей 14 лет донесли на него, будто он предлагал ударить в набат и бить сбор. Он отрицал возвведенное на него обвинение, и военная комиссия выпустила его на свободу, мотивировав свое решение не очень логично: с одной стороны, в приговоре с ударением указывалось, что против обвиняемого свидетельствовали только двое детей (и тем как бы высказывалось недоверие к несовершеннолетним доносчикам); с другой стороны, отмечалось, что подсудимый «достаточно наказан двухмесячным заключением». Выходило, что он и невинен и наказан⁶⁶². Военные суды, впрочем, не очень гнались за строгой юридической выдержанностью в формулировке приговоров.

Точно так же мотивирован, например, и оправдательный приговор по делу полицейского инспектора Жака Брабана, должно обвиненного в том, что он 1 прериала сказал кому-то «мятежные слова». Он решительно отрицал свою вину, и не было никаких доказательств правильности доноса, сделанного на него. Мало того, два доносчика, на основании слов которых подсудимый был арестован, отказались от своих первоначальных заявлений. От самого Брабана поступила в военную комиссию просьба ускорить разбор его дела, так как семья его доведена до нищенства. К концу концов военная комиссия его судила (5 термидора) и освободила опять-таки за недоказанностью обвинения, а с другой стороны, ввиду того, что Брабан «достаточно наказан двухмесячным заключе-

нием»⁶⁶³. Столь же противоречивое обоснование находим мы и в приговоре об освобождении Жана Тевнена: он ни в чем не повинен, так как он не говорил слов против Конвента, приписанных ему доносчиком, да к тому же во время инкриминируемого разговора был пьян, да и сам доносчик стал потом свидетельствовать в его пользу; кроме того, у него два сына, защищающих отчество в рядах армии, и вдобавок жена и двое малолетних детей, корнильцем которых он является; сам же он служит в войсках и сражался против инсургентов в Вандее. К тому же он «достаточно наказан двухмесячным заключением»⁶⁶⁴.

Последний прериальский подсудимый, о деле которого сохранились письменные следы в фонде документов военной комиссии, — бывший жандарм Жан Оже, судившийся и оправданный одновременно с Тевненом, 11 термидора. Мотивировка приговора тоже очень характерна для прериальных арестов: «Принимая во внимание, что он (Оже) предъявил несколько удостоверений в свою пользу; что его никто не обвинял в прямом или косвенном участии в событиях первых дней прериала; что в деле не имеется даже ни одной бумаги, которая бы ставила ему в вину другие факты,—военная комиссия приказывает, чтобы Жан-Венсан Оже был немедленно выпущен на свободу»⁶⁶⁵. Он тоже просидел два месяца, совершенно не понимая, за что его засадили.

Через пять дней после этого последнего процесса декретом Конвента от 16 термидора военная комиссия была уничтожена и ее члены возвращены к своим обычным обязанностям по военной службе.

Собственно, после террора, длившегося около месяца, после казни депутатов-монтаньяров, при усилившихся с последних чисел прериала и с первых дней мессидора слухах о новых предприятиях, затеваемых роялистами, — военная комиссия уже довольно мало интересовала правительство. Опасность слева уже не так тревожила, как нараставшая опасность справа. Военная комиссия еще заседала, судила, изредка еще казнила, но золотое ее время уже миновало. Если и раньше, как мы упоминали в своем месте, ее не всегда снабжали всем, что ей было нужно, то теперь ей даже стали иногда определенно отказывать в выдаче необходимых вещей — например, в нескольких вязанках дров для изготовления пищи⁶⁶⁶.

Фрерон, отлично знавший, что в прериале его личное усердие отправило многих на гильотину, уже в конце мессидора, т. е. месяц спустя после казни последних монтаньяров, с обычным своим цинизмом вопрошал, почему еще существует военная комиссия, и с горечью протестовал против того, что «еще говорят о ненависти и мщении»⁶⁶⁷. Конечно, это внезапное великолдушие к еще уцелевшим прериальцам было вызвано страхом перед обострением роялистской опасности. Никаким другим ходом милосердие в душу Фрерона пробраться не могло.

В последние дни, даже недели, своего существования комиссия часто оправдывала и освобождала подсудимых, — правда, большинство из них были почти сплошь жертвами полицейского усердия и недоразумений. Поэтому-то разбор их дел, как неинтересных, и откладывался так долго.

Любопытен и не совсем ясен конец существования этого учреждения. 11 термидора шло обычное заседание; в 4 часа дня оно было прервано во исполнение постановления Комитета общественного спасения, согласно которому предложено было перенести занятия комиссии в другое помещение (на улице d'Antin). 14-го и 15-го комиссия была занята переездом и не заседала, а 16-го, по-видимому совершенно для нее неожиданно, она была закрыта декретом Конвента⁶⁶⁸. Заканчивая свою деятельность, она сочла своим долгом составить заключительный протокол, нечто вроде эпитафии себе самой. В этом акте комиссия напоминает, сколь тяжела была возложенная на нее важная миссия; однако ее патриотизм и пламенная любовь к свободе помогли ей действовать, не страшась чьего-либо неудовольствия. Она принесла в жертву все частные соображения, пренебрегла всеми влияниями, — «уверенным шагом шла по пути, воистину новому для военных»⁶⁶⁹. Чистая совесть, щепетильная справедливость и прочие свойственные военной комиссии душевые качества и моральные красоты помогли ей. Единственное, чего она желает, это доверия со стороны сограждан и т. д. Сквозь все эти велеречивые фразы просвечивает сознание той страшной роли, которую сыграли эти пять офицеров и, пожалуй, несколько неприятное (или беспокойное) воспоминание о всей той крови, которую они пролили по специальному поручению властей.

После прериальских событий реакция усиливалась настолько быстро, что роялисты даже принялись кое-где заблаговременно и вполне открыто составлять будущие проскрипционные списки, куда помещали лиц, известных своим революционным прошлым и лично им несимпатичных. И это делалось не в медвежьих углах Бретани или Вандеи, а иногда в двух шагах от Парижа, — например в Фонтенебло⁶⁷⁰. Уже цитированный мною член Конвента Кассани определенно говорит, что после прериального террора «торжествующий роялизм» сильно окреп, а казнь членов «вершины», людей энергичных и честных, ослабила «партию истинных защитников свободы и отечества»⁶⁷¹.

Ту же мысль высказывает и старый монтаньяр Бодо. Он должен был быть арестован 13 прериала, но успел бежать, скрываясь некоторое время в Венеции, вернулся после осенней амнистии 1795 года во Францию, но уже никакой роли не играл (умер в 1837 году). Записки его, изданные впервые лишь в 1893 г., видел в рукописи Эдгар Кинэ. Выше мне уже приходилось ссылаться на это очень интересное свидетельство.

По словам Бодо, после прериала в Конвенте осталось не больше 15—20 республиканцев, которые до конца мужественно боролись против подавляющего большинства Конвента⁶⁷². Нет сомнения, что после прериального разгрома «вершины», которая сильно пострадала уже в жерминиале, — убежденных республиканцев в Конвенте уцелело немного. Были, конечно, люди, не желавшие восстановления монархии и только поэтому стоявшие за республику. Но не стало почти вовсе народных представителей, для которых республика была идеальнейшей формой правления, а конституция 1793 г. — лучшею из конституций. Получилось нечто вроде того, что впоследствии было названо «республикой без республиканцев». Так было и в Конвенте, так было и вообще в собственнической Франции, интересы которой отражало конвентское большинство.

Как истый сын XVIII века, тот же Бодо приписывает существование «болота» в робеспьеровском Конвенте «нечестивству»; признавая губительную и бесспорную силу этой части собрания, он считает ее, со своей точки зрения, наи-

худшим злом⁶⁷³. Конечно, не «нечестивством» объясняется наличие «болота» до 9 термидора и не «нечестивству» следует приписать после указанной даты владычество этого «болота» — ставшее, какказалось, особенно прочным и решительным вслед за прериальскими событиями.

Правда, еще в течение прериала проносились, иногда то замирая, то вновь возникая, слухи о новых «беспорядках» в Париже. В середине 20-х чисел прериала, когда шел процесс депутатов-монтаньяров, эти слухи особенно усилились. Но это было не больше чем слухи. Все было тихо и мертво. Пикеты и караулы обезжали и обходили город. Молчаливая толпа провожала взорами отправляемых на гильотину. Власти заботились лишь о том, чтобы департаменты были вполне осведомлены о совершенном спокойствии, царящем в столице⁶⁷⁴. С начала же мессидора они и вовсе перестали беспокоиться.

Почти через месяц после прериальных дней Малледю-Пан получил сведения, что хотя голод в Париже прежний, но там «уже больше не ропщут». Землевладельцы (деревня) на этом бедствии наживаются и довольны режимом. Городское население, правда, в отчаянии, «но это отчаяние не внушиает никакого проекта». Другими словами: эмигранты и их сторонники не предвидели в ближайшем будущем возможности нового восстания в столице⁶⁷⁵. Да и правительство в этом смысле довольно мало тревожилось. Приведу для примера характерный факт.

По требованию правительства, полиция не должна была разрешать кондитерам выставлять в окнах пирожные, сдобные булки и т. д., так как это, разумеется, раздражало живущие впроголодь слои населения. Речь зашла и о том, чтобы вообще запретить публичную продажу всяких сортов хлеба, кроме того, который выдавался у булочников рационно⁶⁷⁶. Но тут дело кончилось одними разговорами, ибо оказалось, что по существующему закону нельзя стеснять публичность торговли. Такое преклонение перед святостью закона со стороны термидорианской полиции, конечно, может вызвать только улыбку. Как бы то ни было, даже из скромнейших пополнений, направленных к тому, чтобы не слишком вызывающе дразнить голодных людей, ничего реального, по-видимому, не получилось. По крайней мере из дальнейшей административной переписки яствует, что полицейские комиссары и не думают беспо-

коить кондитеров: всевозможные деликатесы продолжают по-прежнему красоваться в окнах кондитерских к «большому неудовольствию и беспрестанному ропоту» голодающих граждан⁶⁷⁷. Переписка на эту тему между административными властями длилась целые месяцы: кондитеры делали по-своему, а полиция им мирволовила⁶⁷⁸. Все это — характерное бытовое явление, которое при всей своей незначительности могло иметь свойство раздражать народ. Тем временем роялисты, одушевленные надеждами на киберонский десант, фантазируя о близкой реставрации, все выше поднимали голову, все менее стеснялись в своих выступлениях.

Термидорианская пресса этого времени обнаруживает некоторую двойственность в настроениях: с одной стороны, похваляют правительство за водворение порядка; с другой — все же удручены обнищанием и оскудением городов. Газеты, поддерживающие правительство (а других почти не было слышно), утверждали летом 1795 г., что Конвент по-настоящему существует только с 1 прериала, а все, что делалось до той поры, было «делом безумия или страстей»⁶⁷⁹. Правда, жаль погибшего Феро, но все-таки 1 прериала было полезно в том отношении, что после него завели надежную Национальную гвардию и вообще водворился, наконец, покой. Головой убитого депутата «куплено спокойствие» — нет худа без добра»⁶⁸⁰.

Но среди всех этих словесений и победных кликов неожиданно в том же мессидоре III года (начало июля 1795 г.) и у того же официозного публициста вырывается подлинный крик отчаяния: «Я знаю, что занимаются планом общего надзора за торговлей. Пусть же поторопятся, потому что пока так чудовищно увеличивают все цены, что скоро всем придется положить зубы на полку, ходить без рубах, без башмаков, без шляпы, без чулок, вовсе без штанов»⁶⁸¹.

Эти неутешительные перспективы, однако, не мешали с жаром преследовать всякие следы сколько-нибудь терпимого отношения к побежденным. С голодающими стеснялись еще меньше, чем прежде.

Наоборот, рабочие предместья были и оставались тем подозрительнее, чем более они голодали. А в Конвенте, как и в провинциальных административных собраниях, реакция становилась все сильнее и прочнее. Люди, желавшие

удержать ее в известных рамках, деятели типа Луве, уже оказались не ко двору. Еще в середине прериала Луве, произнося, по поручению Конвента, похвальное слово в память убитого Феро, не пожалел красноречия и пафоса, чтобы громить монтаньяров. А спустя полтора месяца тот же Луве уже оказался слишком революционным с точки зрения «золотой молодежи» и стал предметом очень враждебных демонстраций с ее стороны»⁶⁸².

Однако не вся «золотая молодежь» была так крайне настроена в эти первые месяцы после прериала. У нас есть характерный факт, доказывающий, что один из влиятельнейших ее вождей, известный нам Жюллиан, страшился усиления роялизма после прериальских событий. Остановимся на этом факте, тем более что он хронологически является как бы последним отголоском прериальной бури и связан с последним эшафотом, воздвигнутым под знаком прериала.

Тотчас после прериальских событий Жюллиан стал носиться с мыслью о политической целесообразности такого шага: необходимо свалить на роялистов если не все восстание, то по крайней мере убийство Феро. Если этого не сделать, роялисты могут извлечь из прериальных событий слишком большую пользу⁶⁸³. Жюллиан, надо сказать, принадлежал к числу именно тех термидорианцев, которые в то время не хотели, чтобы реакция довела до реставрации Бурбонов. Чтобы совершить указанный и столь нужный, по его мнению, политический ход, он рекомендовал использовать дело одной странной арестантки, сидевшей с первых дней прериала в тюрьме Консьержери. Насколько вообще можно говорить о политических взглядах этой, явно не вполне нормальной, 23-летней девушки, она была убежденной роялисткой, жаждавшей уничтожения (и даже физического истребления) Конвента и не разбиравшейся притом в оттенках политических партий: все республиканцы, как таковые, были ей одинаково ненавистны⁶⁸⁴. Однако, сравнивая ее с Шарлоттой Корде, Жюллиан явно стремился, во исполнение своего плаха, возбудить особый интерес властей к этой неуравновешенной женщине.

Осенью 1793 г. она сидела в тюрьме и ходатайствовала перед Фукье-Тенвилем о переводе из тюрьмы Отель-Дье в Консьержери, причем обещала раскрыть лиц, подстрекавших ее к произнесению роялистских речей, за которые она

была посажена. Во втором письме к Фукье-Тенвилю она жалуется, что не получает от него ответа. Сидит она, по ее словам, уже пять месяцев, на помилование не надеется, так как требовала воцарения Людовика XVII с Monsieur (братьем Людовика XVI) в качестве регента. Письма совершенно безграмотны, она даже не умеет как следует назвать своего кандидата на престол, а пишет так: *Aiant déemandé le roy dix-sept monsieur frère du ci-devant roy pour régent*⁶⁸⁵. Оба письма — единственные наши документы по данному делу 1793 г. — производят впечатление крайней неуравновешенности их автора. Смысл их, однако, ясен: арестованная домогается, чтобы ее выслушали, обещая на кого-то донести.

Затем следы ее теряются вплоть до вандемьера III года, т. е. до сентября 1794 г. Тут мы находим ее снова в тюрьме в Венсенне. Она требует, чтобы ее судили: вот уже 18 месяцев, как она сидит в тюрьме. Она торговала туалетными принадлежностями, и ее арестовали, по ее словам, по обвинению в скупке белья для эмигрантов, а также за то, что она говорила о восстановлении монархии. Она просит, чтобы ее допросили, и спешит прибавить, что будет защищать свои мнения «до конца». Закон, пишет она, не имеет права так долго держать людей в заключении без допроса, — и она бранит режим и судей, утверждая, что никогда не было во Франции такой тирании и что судят одни только деспоты⁶⁸⁶. Если бы она была знатной особой (*une personne de qualité*), иронически прибавляет она, ее голова давно бы слетела к ее же благу⁶⁸⁷, и заканчивает так: «Усердие доброго республиканца в том, чтобы судить виновного; так как я виновна в глазах закона, я прошу у вас какого-нибудь суда. Ответ тотчас же». Письмо подписано: Мария-Франсуаза Карле-Мигелли, 23 лет отроду⁶⁸⁸.

Спустя три дня она пишет второе письмо в таком же духе. Еще через два месяца оказалось, что полиция, после всех запросов и поисков, ровно ничего не знает об этой женщине: ни за что она сидит, ни кто ее посадил; никаких бумаг о ней не обнаружено. Ее даже судить было невозможно за полным отсутствием не только улик, но и обвинения. С дерзким же письмом, очевидно, решено было не считаться. Ее допросил один из членов революционного трибунала (записи допроса, к сожалению, в деле нет), за-

тем доложил о ее деле в распорядительном заседании трибунала (*le Tribunal assemblé en chambre de conseil*) 13 фримера III года, и трибунал постановил немедленно выпустить ее на свободу⁶⁸⁹.

При массовых арестах после прериальских событий 1795 г. она снова была арестована и попала к Консьержери. Здесь-то она и наговорила таких вещей, что Жюллиану, сгоряча принявшему полупомешанную женщину за Шарлотту Корде, и впрямь могло показаться, будто прериальское восстание устроено не кем другим, как роялистами. Она, мол, лично прикончила раненого Феро; она пробиралась в президиум, чтобы убить самого Буасси д'Англа, что намеревалась сделать уже и раньше; отец ее будто бы служил у принца Конде, а ее любовником был дворянин, погибший на гильотине; в толпе будто бы были переодетые роялисты, которые затратили на устройство восстания много золота, и т. д. Жюллиан был потрясен этими, дошедшиими до него, тюремными разговорами и хотел непременно дать делу огласку, чтобы именно на роялистов пала вся ответственность прериального «преступления»⁶⁹⁰.

Конечно, если бы план Жюллиана удался, то значение прериальных событий для роялистской агитации было бы подорвано: вышло бы, что роялистский агент убил Феро, что роялистка покушалась на Буасси д'Англа, словом, что именно роялисты угрожали Конвенту, а защищали его «люди из предместья» (*les hommes du faubourg*), окружившие Буасси и тем спасшие его от смерти⁶⁹¹.

Сведения о признании Карле-Мигелли дошли до Жюллиана через ее товарищей по заключению. Решив выпытать у нее все подробности, они прикинулись ее единомышленниками. Но ничего существенного от нее не добились. Она говорила о генералах, на которых будто бы могут положиться роялисты, о каких-то особых кинжалах, будто бы изготавляемых в Сен-Жерменском предместье для роялистских заговорщиков, о шести тысячах человек, подготовленных для провозглашения королем маленького дочина Людовика (еще жившего в эти дни), и т. д. Все это больше походило на бес связный бред⁶⁹². У ее собеседников была мысль, которую они и подсказали начальству: выпустить ее из тюрьмы и, установив за ней слежку, добраться до ее сообщников⁶⁹³. Однако, несмотря на хлопо-

ты Жюллиана, девушка не была немедленно предана суду: очевидно, ее разоблачения показались слишком явно фантастическими. Следует заметить, что рассказы Карле-Мигелли сначала записывались ее товарищами, а потом явно подвергались обработке и стилизации. Не могла полуграмотная девушка (какою мы ее знаем по ее собственным письмам) повествовать о себе в таких, например, выражениях: «Я — уроженка Италии, где воображение живо и пламенно». Читая эти бумаги, постоянно приходится вспоминать, что исходили они от Жюллиана, что Жюлlian принадлежал именно к тому течению среди мюскаденов, представители которого отмежевались в то время от роялистов, и что в данном случае он, по собственным его словам, стремился приписать роялистам вину в прериальских событиях. Показание арестованной девушки, будто первый, кто ранил Феро, был роялист, переодетый рабочим, а она сама прикончила раненого; будто вечером 1 прериаля решено было, по сигналу с трибуны, истребить весь Конвент; ее заявление: «скоро у вас будет король» (*bientôt vous ayez le roi*), — все это явно отзывалось расстроенным воображением. К тому же она утверждала, будто 2 прериаля она узнала, что на нее донесут, как на убийцу Феро, и по тому явилась сама с доносом на себя — «для того, чтобы мои враги не заработали на моей шкуре»⁶⁹⁴.

Никто и не думал на нее доносить или обвинять ее в чем-либо подобном. Но она не успокаивалась. Когда ни на ее самообвинение, ни на ее откровенничанье, переданные Жюллиану, не было обращено внимания, она, по-видимому, решила о себе напомнить непосредственно военной комиссии, судившей прериальных обвиняемых. Она обратилась к комиссии с каким-то письмом, которого в делах этой последней я не нашел. Комиссия пожелала узнать, кому именно эта девушка диктует свои письма, для чего и оставила оригинал письма у консьержа тюрьмы; в то же время одному из военных судей было поручено ознакомить с этим делом Комитет безопасности⁶⁹⁵.

Это уже второй раз военная комиссия интересовалась арестанткой: в книге исходящих бумаг комиссии от 17 прериаля имеется еще след какого-то требования о доставке бумаг Карле-Мигелли⁶⁹⁶. Но тогда ничего из этого не вышло, и данных для привлечения девушки к суду не оказалось: очевидно, военная комиссия окончательно утверди-

лась в мысли о ее ненормальности. К несчастью для Карле-Мигелли, она продолжала сидеть в тюрьме и, вероятно, напоминать о себе. Последнее известие о ней относится уже к 1796 г., к прериалю IV года: ровно через год после описываемых событий Карле-Мигелли предстал перед уголовным трибуналом. Тут она уже называла себя не Франсуазой, а Аспазией, и под этим именем процесс ее значится в седьмом томе коллекции Дезессара (вышедшем в 1798 г.)⁶⁹⁷. Здесь мы находим некоторые подробности ее жизни, лишний раз доказывающие ее душевную неуравновешенность. На суде она подтвердила все то, что мы уже знаем из бумаг Жюллиана: и свое якобы участие в убийстве Феро, и покушение на Буасси д'Англа, и заявление, что все депутаты — несчастье для народа. От защиты на суде она отказалась, сообщников никаких не назвала, но признала, что повиновалась внушениям эмигрантов, англичан, итальянцев и роялистов; говорила и о деньгах, потраченных на восстание, и о том, что целью его было провозглашение Людовика XVII королем. «Председатель суда,— читаем мы в отчете Дезессара,— тщетно пытался доставить обвиняемой все средства спастись, настаивая на том, чтобы она назвала вероломных, вооруживших ее руку, и напоминая ей разные черты ее жизни, доказывающие, казалось, что она помешанная; она все отвергала с негодованием». 24 прериаля IV года она была признана виновной и приговорена к смертной казни. Осужденная приняла приговор вполне спокойно и сказала присяжным, что она исполнила свой долг. И на гильотину она взошла, сохранив до последнего мгновения жизни полное хладнокровие⁶⁹⁸.

Во всем этом эпизоде с Франсуазой Карле-Мигелли известный исторический интерес представляет не только попытка Жюллиана придать новую окраску прериальному делу, но и действительная его — на первых порах — уверенность, что арестантка в Консьержери говорит правду: очевидно, умы были в этот момент подготовлены не только к нападению слева, но и к нападению справа. Эта психология очень характерна для времени между прериалем и Киберонской высадкой эмигрантского десанта. Только черезсур уже бредовый характер показаний экзальтированной девушки и явное их противоречие бесспорным фактам уничтожили в самом зародыше планы Жюллиана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жерминаль и прериаль знаменуют последние массовые выступления рабочих предместий Парижа во время французской революции. При этом, в отличие от 14 июля 1789 г., от 5 и 6 октября 1789 г., от 10 августа 1792 г., от 31 мая — 2 июня 1793 г., плебейская масса предместий на этот раз совсем не имела союзников в средней и имела не очень много союзников среди мелкой буржуазии. Эти выступления не вызвали даже и платонического сочувствия в других классах общества. В жерминале и прериале движение направлялось прежде всего против «купцов», скупщиков, спекулянтов, «богатых» и против Конвента, поскольку он в глазах инсургентов являлся орудием этого класса. Класс имущей буржуазии (крупной, средней и отчасти мелкой) в Париже и правительенная машина во главе с Конвентом приняли бои — и выиграли его. В этом конфликте на их стороне оказалось также полное сочувствие как крупных и мелких земельных собственников, так и всех, кто кормился посредничеством между деревенским производителем и городским потребителем. Больше, чем когда-либо за всю предшествовавшую эпоху революции, жерминальское и прериальное восстания были осознаны обоими лагерями, были учтены современниками как борьба неимущих против имущих.

Разоружение парижского рабочего класса после 4 прериала было важнейшим историческим фактом, обессилившим рабочих в том пункте Франции, где они были наиболее сильны и могли деятельно участвовать в политических событиях, а иногда даже играть решающую роль. В этом смысле цитированные мною слова старого монтаньяра о том, что после двух весенних восстаний 1795 г. «народ

подал в отставку», хорошо передают впечатление современников и ближайшего потомства, если тут под «народом» понимать более точно население парижских предместий.

Изучаемые документы позволяют думать, что в Париже 1795 г. — как и в Тулоне 1795 г. — была все-таки руководящая группа людей, какой-то зародыш организации, и что эта-то группа, тот инсуррекционный комитет, который действительно искали, но не нашли после 4 прериала, пытался сообщить движению масс более или менее планомерный характер. Но если такой комитет действительно существовал, то ни в жерминале, ни в прериале ему не удалось использовать с наибольшою целесообразностью те силы, которые явились угрожать Конвенту, вошли в зал заседаний 1 прериала, а затем оставались в боевой готовности вплоть до капитуляции Антуанского предместья вечером 4 прериала. Что касается до конвентской «вершины», до «последних монтаньяров», то ничто не указывает на их причастность к самой организации выступлений в жерминале и прериале, даже об осведомленности хотя бы только двух членов «вершины» (Гужона и Бурботта) относительно предстоящего движения у нас есть всего одно свидетельство, не подкрепленное ни другими мемуарными показаниями, ни архивными документами. Вся обстановка событий обнаруживает оторванность депутатов-монтаньяров от плебеиской массы предместий. Вождями этой массы они ни в коем случае быть не могли и даже не располагали какой-либо программой более или менее радикальной социальной и экономической политики, которая могла бы сулить облегчение положения городской неимущей массы.

Коалиция разнохарактерных собственнических слоев города и деревни — вот кто оказался истинным победителем в жерминале и прериале и вот кто пожал все плоды победы. Что касается реставраторов и идеологов феодально-абсолютистского строя, то их попытка вырвать эту победу, учесть ее в свою пользу, не удалась и не могла удастся. Та же собственническая буржуазия, в состав которой входили и обломки старой буржуазии, и «новые богачи» — купцы, поставщики, спекулянты и приобретатели национальных имуществ, и земельные собственники, — не колеблясь, приняла и выиграла бой при отражении атаки справа, на острове Кибероне в мессидоре — терми-

доре 1795 г., а также на улицах Парижа 13 вандемьера того же года.

Таким образом, 1795 год окончательно выявил и осветил ту дорогу, по которой, согласно с определившейся 9 термидора группировкой социально-экономических сил, предстояло направиться дальнейшей истории Франции в течение ближайших десятилетий. В истории французского рабочего класса события, о которых шла речь в этой книге, сыграли, с одной стороны, роль как бы заключительного аккорда, последней попытки плебейских масс активно влиять на ход французской революции. С другой стороны, эти события, разыгравшиеся почти на пороге XIX столетия, явились как бы предвестием и прообразом отдаленных, грядущих бурь и битв неимущей эксплуатируемой массы против буржуазии, в которых рабочий класс сыграл такую колоссальную роль.

Жерминальское и прериальское восстания были как бы грозным предупреждением, мстительным, гневным ответом голодающей трудящейся массы на вопрос: удовлетворена ли она результатами буржуазной революции, не пошедшей по пути коренного социального переустройства.

Рабочие предместья Парижа ответили на этот вопрос негодящим протестом, который вписали собственной кровью в скрижали истории.

Документы, использованные в моем исследовании, являются яркой иллюстрацией к словам Маркса, установившего прямую логическую связь между бессилием буржуазной революции, обнаруженным в 1794 г., покончить с проблемой нищеты — и крупными восстаниями парижской неимущей массы в жерминале и прериале 1795 г.

«Конвент имел на одно мгновение мужество декретировать уничтожение пауперизма... Каков был результат постановления Конвента? — Результат был тот, что на свете стало одним постановлением больше и что спустя один год после этого Конвент был осажден изголодавшимися женщинами»*, — говорит Маркс, помниая еще старый, дотермидорский Конвент и намекая на позднейшие события в жерминале и прериале.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, изд. 2, стр. 438—439.

ДОКУМЕНТЫ И ЛИТЕРАТУРА*

¹ Национальная библиотека. Le 38—1767 Rapport sur les événements du 9 thermidor an 2. Paris Par Courtois, E. B., député de l'Aube (Germinal an 3, Paris); № XXXIV, p. 207 (показание Dulac'a): «Le 9 thermidor apres avoir assisté à la séance, témoin d'arrestation de Robespierre et de quelques uns de ses complices, je prévis que ses partisans tenteroient d'agiter les faubourgs en sa faveur. Je me rendis à celui d'Antoine, où je trouvais dans la plus parfaite ignorance tous les ouvriers; mais en revenant pour gagner la grève je rencontrais Hanriot et trois de ses aides de camp qui se portoient à toute bride vers le faubourg en criant, le sabre nu: Aux armes, mes frères, les coquins, les scélérats triomphant: ils viennent d'arrêter Robespierre et tous les meilleurs patriotes de la Convention. — Le peuple semblait montrer plus de crainte de l'événement que d'intérêt»

² Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. Recueil de documents, v. I. Paris, 1898, p. 11. 13 thermidor an 2 (31 juillet 1794). Там же, стр. 14 (15 thermidor): «Les ouvriers sont bien disposés à se soumettre avec confiance aux mesures qu'adoptera la Convention». Это предположение не оправдалось.

³ Национальный архив. F⁷—4430. Commune de Paris. Le 9 thermidor an 2: «Ce Barère qui appartient à toutes les factions tour à tour et qui a fait fixer des journées des ouvriers pour les faire périr de faim...».

⁴ Национальный архив. AF. 11—69, plaq. 508: Du 11 vendémiaire an 3 Le Comité de salut public a été informé que plusieurs citoyens se sont plaints de ce qu'il sortoit de Paris une grande quantité de pain. Ils se sont plaints de ce que l'on y faisait entrer de la viande Chacun a cru pouvoir faire cesser les abus et l'on est tombé dans les plus grands inconvénients On a voulu empêcher des citoyens sortant de Paris d'emporter un morceau de pain. Une rigueur si outrée ne justifie pas néanmoins que l'on ait exercé une surveillance active.. Si l'on a empêché par une rigueur injuste la sortie de quelques morceaux de pain, il est évident que l'on n'a pas empêché la sortie des grands approvisionnements La surveillance a été en défaut.

¹ Так как в подавляющем большинстве случаев в тексте моего исследования я цитирую неизданные рукописи Французского Национального архива, то я считал необходимым привести цитируемые места в возможно более полном виде.

⁵ Там же, F¹¹—1236—1238. Compte moral (sic, relatif à l'approvisionnement de Paris (l'Agence des subsistances générales). Frimaire: Dès les premiers jours de ce mois on a cru devoir fixer de nouveau l'attention du Comité de salut public sur la facilité avec laquelle le pain continue à sortir de Paris pour alimenter au loin des districts où l'on éprouve de la peine à se procurer des grains. Le 3, 9 et 28 frimaire on a exposé au Comité les motifs les plus puissants pour le déterminer à prendre des mesures capables de mettre fin à un abus qui déconcerte tous les calculs faits pour assurer l'approvisionnement de Paris et le compromet essentiellement... Le relevé prouve qu'au lieu de seize cents à seize cents cinquante sacs qui auraient été plus que suffisants pour la consommation de Paris, les distributions ont été souvent portées au delà de deux mille sacs.

⁶ Baron Faïn, Manuscrit de l'An trois, Paris, 1828, p. 68: «...La sûreté des transports, la liberté des communications sont compromises. Un relâchement général a succédé à une compression trop forte et la police intérieure n'a presque plus de ressort».

⁷ M. de J. (Jullian), Souvenirs de ma vie depuis 1774 jusqu'à 1814. Paris, 1815, p. 183. «Des émissaires étaient répandus dans les faubourgs pour soulever les ouvriers; les circonstances étaient difficiles. Depuis le 9 thermidor, un extrême relâchement... s'était introduit dans toutes les parties du gouvernement et de l'Administration; une faiblesse excessive avait pris la place d'une rigueur sans mesure. Les subsistances arrivaient difficilement; et comme le même besoin se faisait sentir partout par l'effet de désordre et de la cupidité impunie des entrepreneurs, il arrivait souvent que ceux des départements que les convois devaient traverser pour se rendre à Paris les détournait pour leur propre usage».

⁸ Национальная библиотека. Lb⁴¹—5022. Arrêté du Comité de salut public, du 1 fructidor an 3. Art. I: Les autorités constituées sont chargées de déterminer les quantités de grains qui devront être portées chaque jour de marché et de foire par les cultivateurs, propriétaires et fermiers, en raison de leur exploitation et des quantités de grains qu'ils ont à vendre, de manière que les marchés soient également approvisionnés pendant tout le cours de l'année.—Art. II. Les cultivateurs, fermiers et propriétaires sont tenus et ne pourront se dispenser sous aucun prétexte de porter sur les foires et marchés les quantités de grains déterminées par les autorités constituées et d'en justifier sous peine de confiscation des dites quantités; sans néanmoins qu'ils soient assujettis à porter leurs grains dans un marché plutôt que dans un autre.

⁹ Национальный архив. F¹¹—427. Rapport fait le 26 fructidor (an 2). (Доклад комиссии торговли и продовольствования): «Si l'on juge par les réclamations multipliées qui parviennent journallement à la Commission, la récolte de cette année est bien loin de répondre aux espérances qu'on en avait conçues... la faiblesse des administrations qui, se livrant d'une manière inconsidérée aux alarmes que l'égoïsme et la malveillance se plaisent à répandre, trouvent plus facile de faire des tableaux effrayans que de vérifier l'état véritable de leur situation et trompent ainsi la religion des représentants du peuple qui n'étant pas sur les lieux et croyant à la sincérité des ces tableaux appuient des demandes qui ne sont pas toujours fondées».

¹⁰ F¹²—183. 14 thermidor (an 2). Aux Administrateurs du District de Douai.

¹¹ Там же. 14 thermidor (an 2). A l'Agent national du District de Lamballe.

¹² Там же, 6 fructidor. Au Juge de paix du Canton de Tessy.

¹³ Там же, 28 fructidor. Aux Agents nationaux des Districts de Verbins, Laon, Chauny, Château-Thierry, Soissons.

¹⁴ Национальный архив. F¹²—183. 4 vendémiaire. Aux Agents nationaux des Districts de Moulins et de Gex.

¹⁵ Ibid. F¹²—183. 28 vendémiaire (an 3). A l'Agent national du District de Pont-de-Vaux: «Comment arrive-t-il que ces loix ne soient pas exécutées dans ton district? Ne faut-il pas en rapporter la cause à la négligence, à l'insouciance et à la faiblesse des fonctionnaires publics, chargés de les faire exécuter? La Commission t'invite à leur rappeler à tous leurs devoirs et à mettre sous leurs yeux l'art. 4 de la section 5 de la loi du 14 frimaire. Ils y liront les peines auxquelles s'exposent les membres des corps judiciaires, administratifs, municipaux et révolutionnaires qui se rendent coupables de négligence dans la surveillance et l'application des loix».

¹⁶ Recueil des actes du Comité de salut public, publ. par Aula d'A., t. XV. Paris, 1903, p. 55—56.

¹⁷ Национальный архив. F¹²—183. 12 brumaire. Aux Administrateurs du District de Bar-sur-Ornain: «...Il résulte de ces observations, citoyens, qu'avec de bonnes intentions, sans doute, vous auriez vous mêmes donné l'exemple d'une infraction et vous devez sentir combien les conséquences en pourraient être dangereuses».

¹⁸ Там же.: «...vous avez pensé que les dispositions du dit arrêté ne doivent point s'appliquer aux tisserands ou tissiers qui font des toiles pour leur compte ou pour celui des particuliers».

¹⁹ Там же. 12 brumaire. A l'Agent national du District de Bar-sur-Ornain: Quant à l'observation que tu nous fais qu'il n'existe point dans l'étendue de ton District de manufactures de toiles et qu'il ne s'en fabrique que par des tissiers qui emploient le fil que les particuliers leur remettent...

²⁰ Там же. 28 brumaire.

²¹ Там же. 16 vendémiaire. A l'Agent national du District de Gourney.

²² Там же. F* 12—184. Registre de la correspondance du bureau de maximum. 19 frimaire. A l'Agent national près le district de Pont de Vaux: La position désagréable où tu te trouves ne sera pas vraisemblablement de longue durée etc.

²³ Национальный архив. F*¹²—183. 12 frimaire. Au cit. Agent national du District d'Alençon.

²⁴ Там же. 26 frimaire: Il n'y a que les honnêtes gens qui souffrent de la loi du Maximum, parce qu'ils s'y conforment, tandis que les fripons la violent ouvertement.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. 26 frimaire. A l'Agent national de Montmédy.

²⁷ Национальная библиотека. Lb⁴¹—4833. Édit de Charrette (sic) en faveur des agioleurs, accapareurs, avaleurs, escroqueurs et exterminateurs de la fortune publique. A Cholet, de l'imprimerie royale: «...et que si elle a supprimé le maximum ce n'a été que parce qu'elle avait tout acheté au taux de la loi et qu'elle a tout voulu revendre au centuple et au multiple».

²⁸ Там же. Le³⁸—1323. Rapport sur les opérations du Comité de

salut public relativement aux subsistances et à l'approvisionnement de Paris, présenté au nom du Comité de salut public par Boissy d'Anglas, le 12 germinal, an 3 «Or, le maximum ne peut se concilier avec les achats libres, surtout quand on redoute la disette. Il restait donc celui des réquisitions, moyen forcé, moyen violent, moyen opprəsif moyen excellent sans doute quand le despotisme peut user de toutes ses forces la terreur de toutes ses ressources, moyen enfin en usage chez tous les pachas d'Egypte et de Levant à qui l'ancien comité en a dérobé l'application, mais moyen qui ne peut aller que difficilement avec un gouvernement sage et doux et qui enfin se trouvait paralysé d'avance par la seule révolution du 9 thermidor, par la seule revocation de l'ancien Comité de salut public. C'est pourtant avec lui et avec lui seul que nous avons marché. Dans les premiers moments sans doute même après le 9 thermidor quand Lindet était encore au comité, d'où il n'est sorti que deux mois après la récolte, il était possible de réaliser les réquisitions »

²⁹ «Moniteur», primidi 21 floréal an 3 «Fouquier répondait quelquefois par les plus horribles prédictions. Sa figure était pale et livide, tous ses muscles contractés, ses yeux égarés et animés par la colère»

³⁰ Национальный архив F⁷ 3688—4 Paris, le 22 brumaire an 3 Un citoyen a crié à plusieurs fois qu'il fallait écraser un million d'hommes, sur la demande qui lui a été faite ce qu'il entendait dire par écraser un million d'hommes, a dit encore à plusieurs reprises qu'il fallait écraser un million de marchands qui affament et écrasent les 25 millions d'hommes (Бумага об аресте этого человека, некоего Армонвиля)

³¹ L'acretelle Dix années d'épreuves pendant la Révolution Paris, 1842, p 284 «Tel modeste coiffeur en sortait possesseur de quelques millions, tel millionnaire y perdait en quelques heures le fruit de dix ans de rapines. C'était l'âge d'or des fournisseurs ».

³² Национальный архив. AD III—75 Mémoire sur le commerce, p 12

³³ Mémoires et correspondances de Mallet du Pan, t II, Paris, 1851, p 148 «Les campagnes profitent de cette détresse vendant toutes les denrées à des prix excessifs et sont assez contentes de ce régime»

³⁴ Там же, стр 154 «Les paysans aisés sont devenus calculateurs agitateurs»

³⁵ Национальный архив AD IX—75 Mémoire sur le commerce, p 5 Nos richesses territoriales seroient-elles donc taries dans leurs sources? Non, elles sont dans les salons, dans les boudoirs de royalistes, dans les cabinets obscurs et impénétrables des banquiers, des capitalistes

³⁶ Национальный архив AD IX—75 Conseil des anciens Opinion de Lecoulteux Canteleu Séance du 12 frimaire an 4 (p 5, 8) Замечу, что в официальном издании доклада Жоанно мы находим для жерминаля (точнее, по 30 вантоза) более точную цифру (la circulation réelle) 7 564 941 849 ливров Ср Нац Библ 38/346 25 germinal an 3 Rapport etc par Johannot

³⁷ Национальный архив. F¹¹—240 Extrait du registre du Comité de salut public Paris le 15 prairial an 3 Art I Les citoyens Fontenoy et fils, Levasseur aîné, négociants à Rouen, sont autorisés à acheter

dans l'étranger pour le compte de la République la quantité de cent mille quintaux de grain lesquels devront avoir destination pour les magasins militaires à Rouen Art 3 Pour mettre ces négociants à même de donner à cette opération toute l'attitude et célérité la trésorerie tiendra à leur disposition une somme de dix millions, dont ils deviendront comptables et au moyen de laquelle ils seront tenus de remplir le dit achat sans délai

³⁸ Национальная библиотека. Lb⁴¹—1809 Entretien entre un représentant du peuple et un négociant propriétaire A Paris, l'an troisième «C'est ainsi qu'au milieu d'une énorme quantité de marchandises, on éprouve une cherté qui équivaut à la disette c'est ainsi que les ventes des denrées qui n'avaient lieu à Paris que par les achats directs des consommateurs, ne sont faites aujourd'hui qu'à des spéculateurs qui achètent et revendent sans examiner, sans déplacer»

³⁹ Там же, стр 6 «Si Paris avait pris son rang parmi les grandes villes de commerce de l'Europe, on n'y serait pas le jouet de l'ignorance, des vaines terrefrices, et le gouvernement ne serait pas forcé si souvent d'y souscrire des marchés extravagants et ruineux».

⁴⁰ Thibaud de Mémoires sur la convention et le directoire v I Paris, 1824, p 128—129 «On donna des dîners des bals, des concerts La richesse n'étant plus un crime, le luxe reparut peu à peu, non plus avec sa profusion monarchique, mais assez pour procurer les commodités et les jouissances de la vie La représentation était alors un goût et non un devoir Elle appartenait à ceux qui avaient les moyens d'en faire les frais, comme les banquiers, fournisseurs et gens d'affaires Des familles nobles qui n'avaient point émigré avaient aussi leurs salons ouverts à côté de ceux de ces personnages»

⁴¹ Mémoires de G J Ouvrard sur sa vie et ses diverses opérations financières, v I Paris, 1826, p 23

⁴² Levy A, Un grand profiteur de guerre Paris, 1929, p 107—108

⁴³ Национальный архив F¹¹—290, pl 2 Paris, le 11 floréal an 3 (extrait du registre des arrêtés du Comité de salut public): Art I Le district de Melun est autorisé à prendre cent quintaux de riz sur le premier arrivage qui aura lieu au Havre (Considerant que le district de Melun a rempli toutes ses réquisitions en grains et légumes pour Paris et qu'il est actuellement réduit à la plus grande pénurie de subsistances)

⁴⁴ Там же F¹¹—1236—1238 Compte moral etc. «Cet excédent sur lequel on semblait devoir compter à l'époque du 1 messidor où toutes les réquisitions auraient cessé, présentait des ressources pour plus de quatre mois En sorte que, par cette mesure, l'approvisionnement de Paris semblait assuré jusqu'après la première décade du mois brumaire de l'an 4 Mais la sortie du pain hors des barrières de Paris n'ayant plus rencontré d'obstacles depuis le 9 thermidor, époque où les arrêtés de la Commune conspiratrice tombèrent en désuétude et même dans l'avilissement, la consommation a considérablement et progressivement augmenté et a dérangé tous les calculs pour assurer l'approvisionnement de Paris La Commission redoutant les suites que pourrait entraîner la libre sortie du pain, avait fait part dès le mois fructidor de ses craintes au Comité et avait sollicité des mesures répressives pour empêcher cette sortie et pour maintenir d'ailleurs divers arrêtés de la Commune de Paris relatifs aux subsistances»

⁴⁵ Национальный архив F¹¹—1236—1238 Compte moral etc.

(an 3): «...On rappelle au Comité la pénible situation où s'est vue la commission froissée entre la nécessité de voir l'approvisionnement de Paris compromis par l'inexécution des réquisitions ou de voir les terres incultes et abandonnées, si les réquisitions eussent été à cette époque et antérieurement exécutées avec rigueur. On finit par proposer diverses mesures pour hâter la rentrée des grains et farines et on demande surtout qu'il soit pris une prompte détermination relativement au maximum».

⁴⁶ Там же. «L'arrêté du Comité de salut public du 12 vendémiaire est survenu. La cupidité s'en est servie pour faire sortir du pain non seulement à l'usage des communes environnantes, mais pour le transporter au loin et en faire une branche de commerce très lucrative. Cette consommation surabondante dérangea nécessairement toutes les espérances qu'on devait avoir pour assurer l'approvisionnement de Paris...»

⁴⁷ Arrêtés etc... v. XVII, p. 197. Comité de salut public. Séance du 12 vendémiaire an 3 (3 octobre 1794). Le Comité de salut public, informé que plusieurs citoyens, sortant de Paris pour vaquer à leurs affaires ou pour se rendre à leur domicile ont été arrêtés aux barrières, pour avoir été trouvés saisis d'un pain ou d'un morceau de pain qu'ils emportaient pour leur subsistance journalière; qu'une surveillance exercée avec tant de rigueur peut être plus nuisible qu'utille, qu'elle contrarie les citoyens sans nécessité arrêté que le Comité militaire et invité de changer toute consigne qui aurait pour objet de faire arrêter et saisir le pain que les citoyens emportent de Paris pour leur subsistance journalière, d'avertir que l'on ne doit empêcher que la sortie des approvisionnements en pain qui, par leur quantité, méritent de fixer l'attention et doivent être un objet de surveillance. (Подписано: R. Lindet). Ср. также цитированный выше документ Н. А., AF. 11—69, pl. 508.

⁴⁸ Национальный архив. F¹¹. 1236—1238. Compte moral etc. Les vives inquiétudes qu'inspirait cette lenteur capable de compromettre l'approvisionnement de Paris etc., etc... Les 9 et 10 on a fait de nouvelles instances à la commission des transports pour prendre les moyens les plus expéditifs, pour faire arriver tous ces bleds depuis Ostende jusqu'au Havre etc... Le 12 on lui a envoyé un nouveau tableau des grains à transporter des ports de la Manche à Paris.. Le 14, dans une nouvelle conférence avec cette commission il a été convenu qu'elle doublerait, triplerait les moyens de transports des ports etc., etc... (Подобные же шаги предпринимались и дальше, без конца и без результатов.)

⁴⁹ Там же (frimaire): Cette commission avait annoncé et même affirmé au Comité de salut public que pendant les mois vendémiaire et brumaire il était arrivé à Amiens 61000 q. de grains et qu'il n'en était cependant sorti pendant la même période pour les moulins de Creil, Senlis et Beaumont à la destination de Paris que 7000 q.

⁵⁰ H. D. AD. XVIII—248. Discours prononcé par Lindet, député à la Convention Nationale, 113: «avant le 12 germinal nous avions rempli tous les magasins de Paris».

⁵¹ Национальная библиотека. Lb⁴²—34. Tableau de l'Europe en novembre 1795. A Londres, s. a., p. 56: «...Ce qu'on donne pour prouver qu'un manque absolu de richesses métalliques en France n'est qu'un manque d'habileté à les faire sortir de leurs retraites». P. 57: «Quelle chimère d'imaginer qu'on doive mourir de faim dans le pays le plus fertile et le plus agricole d'Europe, dans un pays, qui, année commune,

produit plus qu'il ne consomme»... И раньше (p. 56): «...de ce que Paris n'est approvisionné, de ce qu'il y a en France des disettes locales, on en conclut qu'il ne s'y trouve plus assez de denrées pour nourrir ses habitants»...

⁵² Национальный архив. F⁷—3022, бумаги 2e Bureau.

⁵³ Там же. 17 pluviose, an 3: Les subsistances sont toujours comme nous l'avons annoncé tant de fois abondantes, mais d'une cherté qui augmente si énormément, qu'il est à craindre si cette augmentation continue, que les citoyens peu fortunés ne puissent trouver le moyen de vivre et qu'il n'en résulte un mécontentement général etc, etc.

⁵⁴ Там же. 28 ventôse an 3.

⁵⁵ Национальный архив. F⁷. 3688—4. Comité du 8 arrondissement, le 27 nivôse, an 3. Situation politique. La disette factice que les malveillants se plaisent à grossir occasionne en ce moment la plus grande fermentation dans les esprits faibles qui se croient d'autant plus fondés à s'affrayer que la rigueur de la saison et la rareté de plusieurs articles de première consommation paraît les autoriser à se plaindre. Les suites de cette fermentation se présentent de la manière la plus effrayante, on se livre aux plus grands excès vis-a-vis des boulangers.

⁵⁶ Национальный архив. F¹¹—427. Tableau du travail de la décade du 15 au 25 nivôse. Des plaintes se sont élevées de toutes parts contre la malveillance des fermiers et des cultivateurs qui refusent de vendre des bestiaux nécessaires à la consommation journalière de la République... La commission... veille sur les communes qui négligent la culture des terres, dénonce leur affreux délit aux administrations supérieures, est inexorable pour l'exécution de la loi qui ordonne le versement des grains en nature.

Там же, décade du 25 nivôse au 5 pluviose, armées: Un fermier mal intentionné—et il n'est pas le seul... emploie ses grains pour l'usage de la volaille.

⁵⁷ Actes, v. XXI. Paris, 1911, p. 606. Au Greuzot, 17 germinal an 3 (6 avril 1795): Je vais vous entretenir principalement des abus que l'on fait de la loi du 4 ventôse (конечно, это описка, как и указывает цит. изд.; речь идет о декрете 4 нивоза, отменяющем максимум). Partout l'égoïsme et la cupidité l'emportent sur la chose publique. Les gens de la campagne notamment, abusent de la liberté du commerce à un tel point que, si cela continue, les habitants des villes seront bientôt réduits à la plus affreuse famine. Déjà partout on murmure sourdement, et on menace d'aller dans les campagnes chercher de vive force les aliments de première nécessité, qu'on ne peut obtenir aujourd'hui qu'avec peine, et même en payant six fois sa valeur.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Национальный архив. F¹¹—1236—1238. Compte moral etc.—Cet état de pénurie a été entretenu: 1. Par les difficultés de faire marcher en même temps les travaux de la moisson et le battage des grains, les bras des cultivateurs et des moissonneurs ne suffisant pas pour se livrer simultanément à ces deux genres de travaux. 2. Par le défaut de moyens de transports, les bestiaux ne pouvant transporter en même temps dans les fermes les grains récoltés dans les magasins, les entrepôts, les moulins, les grains battus. 3. Par l'abus qu'ont fait les cultivateurs de la loi du 26 fructidor. Sous prétexte d'acheter ou de vendre des grains de gré à gré pour les semences, ils les vendoient ou achetaient avec un profit lequel les dédommigeait des pertes que leur occasionnait la loi

du maximum. 4. Par l'interprétation de l'arrêté du Comité de salut public du 12 vendémiaire qui autorisait les possesseurs de grains à ne pas fournir aux réquisitions lorsqu'ils n'avaient que ce qui était nécessaire posséder au delà de leur consommation et de ce qui était nécessaire pour leur consommation et leurs semences. La latitude donnée à cet arrêté était telle qu'à peine trouvait-on des propriétaires qui reconnaissaient posséder au delà de leur consommation et de ce qui était nécessaire pour leurs semences. 5. Par les discussions qui se sont élevées dans la convention nationale depuis le 9 thermidor, relativement aux lois sur le maximum... Aussi plus l'on s'est éloigné de l'époque de la récolte, plus l'arriéré sur la rentrée des contingents est devenu considérable. 6. Par l'insouciance pour ne rien dire de plus de quelques administrations de district et par la faiblesse de quelques autres. 7. Par la libre sortie du pain hors de la barrière. 8. Par les difficultés de toute espèce que présentait le système des réquisitions. Mais comme le patriotisme des français n'était pas son seul appui et que le terreur avait nécessairement coopéré à l'exécution des réquisitions,—du moment où la terreur a été proscrite, les approvisionnements par voie de réquisitions ont eu à surmonter des obstacles sans nombre.—...La liberté de commerce ramenera sans doute l'abondance dans cette grande commune, ainsi que dans toute l'étendue du territoire français. Si à la liberté du commerce dans l'intérieur se réunit la liberté du commerce au dehors quel puissant motif de sécurité pour cet important approvisionnement..

⁶⁰ Там же. Frimaire. Les discussions longtemps prolongées sur les lois du maximum ont encore arrêté la rentrée des contingents. Des cultivateurs ne livraient leurs grains qu'avec une répugnance extrême au prix du maximum, lorsqu'ils ne pouvaient se dissimuler qu'à une époque rapprochée ils en recevoient un prix plus considérable.

⁶¹ Национальный архив. F¹¹—427. Tableau du travail de la décade du 15 au 27 nivôse. Armées: La Commission... veut connaître la nature de leur chargement, le nom des navires et blâme énergiquement la négligence de ceux qui, jusqu'à ce jour, n'ont pas répondu à cette demande... demande l'état exact des magasins où sont versés les produits des domaines nationaux de leurs arrondissements respectifs, demande à connaître les noms, les talents, le civisme des gardes-magasins.

⁶² Национальный архив. F¹¹—427. Tableau du travail de la décade du 25 nivôse au 5 pluviôse: ...On puise à Nayon pour le service militaire, dans les magasins destinés à l'approvisionnement de Paris.

Там же. Tableau du travail du 5 au 30 pluviôse: Pour assurer leurs subsistances, des communes voudroient conserver dans leurs greniers les blés provenants des biens des émigrés; la Commission blâme ce genre de précautions et rappelle à (la) loi.

⁶³ Actes, v. XXI, p. 456, Séance du 13 germinal (2 avril 1795).

⁶⁴ Там же, т. XXI, стр. 464. Le représentant dans la Somme au Comité de salut public, Amiens, 13 germinal (2 avril 1795): «...Ma présence d'ailleurs y serait inutile... car je sais qu'il y a des ordres et des commissaires de la part du Comité de salut public... pour presser l'enlèvement des grains au fur et à mesure qu'il en est de prêts et leur conduite à Paris; je ne pourrai donc en faire prendre pour Amiens qu'en me battant contre ces autorités plus fortes que la mienne»...

⁶⁵ Там же, стр. 487. Amiens, 14 germinal an 3, à midi (3 avril 1795).

⁶⁶ Там же, стр. 563. Amiens, 16 germinal (5 avril 1795).

⁶⁷ Там же, стр. 571. Rouen, 16 germinal an 3 (5 avril 1795): «...de tous côtés l'on n'entendait que ces cris: Du pain et un roi! Vive Louis XVII! A bas la Convention! Avec un roi la paix se fera! et l'on aura du pain! Les anglais prennent toutes nos subsistances, plus de guerre si on avait un roi, etc.».

⁶⁸ Cp., например, Нцп. Библ. Lb⁴¹—1819 (Eusèbe Salverte). Les premiers jours de prairial, (A Paris an 3), p. 60—61: «Il est à propos que nos frères des départements sachent comment se forment les rassemblements de ce genre. Six coquines salariées, autant de femmes enivrées préalablement pour cette expédition, douze ou quinze autres que les premières ont trompées par des bruits mensongers et exaltées par des plaintes insidieuses, appuient de concert le projet mis en avant par un motionnaire soudoyé. Aussitôt elles forcent toutes les femmes qui sont avec elles à la queue et toutes celles qu'elles rencontrent de grossir leur troupe...».

⁶⁹ Там же, Lb⁴¹—1719. Journées des 12 et 13 germinal, p. 43: «L'usage des queues est devenu une fureur. On s'y met aux portes des apothicaires, des églises et de pâtisseries, que dis-je? A la porte d'un magasin de tabac, magasin inépuisable et qui à certaines heures ne voit pas un seul de ces chalands si empressés en d'autres moments. Il se doit bien nécessaire de réprimer cet usage immoral qui fait perdre un temps précieux pour le travail, entretient l'oisiveté, ruine les mœurs et la santé et fournit aux séditieux une occasion si commode de répandre leurs principes dévastateurs».

⁷⁰ Actes, v. XXI, p. 357. Séance du 8 germinal an 3 (28 mars 1795).

⁷¹ Actes, v. XXI, p. 433. Séance du 12 germinal an 3 (1 avril 1795).

⁷² Recueil, v. I, p. 581. 29 ventôse an 3 (19 mars 1795).

⁷³ Национальная библиотека. Lb³⁸—1949. Rapport sur l'état actuel des subsistances de Paris, relatif à la distribution du pain... par Boissy d'Anglas, le 10 ventôse, l'an 3: «Depuis quelques jours les habitants de Paris semblent livrés à une agitation dangereuse; des rassemblements se font à la porte des boulangeries; on proclame partout la disette... Il n'y a pas longtemps que des lettres venues de Suisse et écrites à des émigrés annonçaient que Paris nageait dans le sang et que le manque des subsistances en était la cause; il n'y a pas longtemps que les papiers anglais annonçaient un soulèvement à Paris, occasionné par la disette. Ils avaient préparé tous leurs ressorts, les ennemis qui nous font la guerre... Mais toutes les espérances des ennemis de la liberté seront trompées».

⁷⁴ Национальный архив. AD. I—III. Motion d'ordre, sept germinal an troisième: La famine après avoir parcouru tous les départements s'avancait à son tour sur Paris qui depuis si longtemps était alimenté par eux. Voilà... les fruits des horribles violences exercées depuis deux années contre les propriétés, contre le commerce, contre les cultivateurs eux-mêmes, voilà les suites funestes des dévastations, des pillages, des assassinats, autorisés ou plutôt commandés par la loi du maximum, par le droit de réquisition.

⁷⁵ Национальная библиотека. Lb⁴¹—1689. Avis au peuple sur les subsistances (апсии): «La prudence ou la nécessité viennent de déterminer la Convention à fixer la portion de pain à délivrer chaque jour à chaque citoyen... Il est bien certain que les terroristes ne manqueront

pas de profiter de ces dispositions pour occasionner, s'il est possible, un mouvement favorable à leur parti. Il est vrai que les queues qui se forment aux portes des boulangeries ne sont pas raisonnables, qu'elles occasionnent du désordre dans la distribution du pain. Ce que je dis ici s'adresse à tous mes concitoyens, aux riches comme aux pauvres, à l'ouvrier comme au marchand, ils sont tous peuple, ils forment tous le peuple et il faut repeter souvent cette vérité si simple, afin de détruire l'influence de tous ces charlatans populaires qui n'appellent peuple que la portion des citoyens pauvres et peu éclairés qu'ils peuvent plus facilement tromper. Ces charlatans viennent de repandre deux écrits dangereux dans les faubourgs St Antoine et Marceau, dans l'espoir de soulever ceux qui les habitent. Hommes pauvres, estimables ouvriers, ne sentez vous pas combien est injurieuse pour vous l'affection que l'on met à vous louer exclusivement, à faire résider en vous exclusivement la puissance à quoi veut on vous exciter pour amener soi disant l'abondance? Piller les marchands »

⁷⁶ Там же « Ces marchands, ces rentiers, ces propriétaires qu'on vous représente comme vos ennemis, les croyez vous donc bien plus heureux que vous? Ces marchands qu'on vous dépeint comme très riches, sont souvent chargés de famille, ils gagnent à peine leur subsistance, ils peuvent à peine payer leurs loyers. Ces propriétaires paient à l'Etat, à la Nation, le tiers de leurs revenus en impositions. Ces rentiers éprouvent une diminution du cinquième sur leurs rentes, et tel d'entre eux qui passe pour riche n'a pas à dépenser par jour le prix d'une de vos journées. Défiez vous de tous ceux qui vous parlent le langage que vous ont parlé les terroristes et les jacobins et croyez que ceux qui ne flattent pas le riche aux dépens du pauvre, ni le pauvre aux dépens du riche sont seuls de bons citoyens »

⁷⁷ Национальный архив F⁷-3022 Rapport Le président de la section du Nord en reponse à une circulaire adressée le 18 messidor par le Comité de sûreté générale aux 48 sections « La difficulté qu'il faut vaincre aujourd'hui pour empêcher les boulangeries et leurs surveillants de tromper le peuple ces démarches ont eu pour objet de lui soumettre un mode de distribution du pain qui détruisait les queues aux portes des boulangeries, restituait aux individus 3 à 4 heures qu'ils employent journallement à atteindre leur ration, faisait conséquemment cesser les clabaudages de femmes indisposées tant par la longue attente, que par la faiblesse des distributions d'alors et empêchait ainsi l'esprit public de s'altérer»

⁷⁸ Там же « Il y a reconnu une source d'abus tant dans l'ordonnance des distributions de pain et de riz que dans la perception du prix de ces subsistances et dans la mauvaise fabrication du pain qui trop chargé d'eau afin d'en augmenter le poids pèche dans sa base essentielle de nutrition. L'ignorance extrême des commissaires aux distributions rend leurs fonctions inutiles et même nuisibles. Ils favorisent la fraude par le dfaït de connaissances des loix et d'intelligence de la partie qu'ils surveillent. Il soupçonne encore des causes secrètes d'intelligence entre ces mêmes commissaires et les boulangeries»

⁷⁹ Национальный архив C 338 13 germinal « Vous voyez en ce moment une députation de citoyens et citoyennes de la section de la fraternité. Ce sont principalement des mères de famille qui s'occupent plus particulièrement de leurs enfants que d'elles-mêmes. Elles voient

avec douleur qu'il y ait une grande inégalité dans la répartition des farines. Dans quelques endroits on obtient une demi-livre, dans d'autres, jusqu'à une livre de pain, tandis que dans celle ci elles ne peuvent en obtenir qu'un quartieron. Le besoin de bois et de charbon rend presque nul le supplément en riz. Qu'une égale répartition allège le mal »

⁸⁰ Actes, v XXI, p 468—471 Le représentant dans la Mayenne au Comité de salut public Laval, 13 germinal an 3 (12 avril 1795) « Nos braves frères d'armes sont dans un état réel de souffrance et de misère dans cette division. Indépendamment de l'insuffisance dans la nourriture, le soldat est dans un état de délabrement dans ses habits qui avoisine la nudité. Ce qui est plus intolérable encore, c'est d'être sans souliers. La misère, mes chers collègues, est souvent une mauvaise conseillère. Le gouvernement veut il avoir de bons soldats, des soldats forts, vigoureux, pleins d'énergie et de républicanisme? Il faut qu'il les nourrisse et les mette au dessus des premiers besoins les chouans continueront leurs tentatives de séduction et d'attaque»

⁸¹ Там же « Il est impossible d'avoir des soldats si on les traite comme anachorètes »

⁸² Заседание 11 жерминаля, речь Pinet « pourquoi les hommes qui doivent avoir une livre et demie de pain n'en reçoivent ils qu'une demi livre? »

⁸³ Vedette от 11 жерминаля (Recueil, v I, p 622) « Les queues aux portes des boulangeries sont toujours effrayantes, l'on ne donne guère qu'une demi livre de pain à chaque personne, on remplace le déficit par du riz. Les faubourgs sont un peu mieux traités que l'intérieur de la ville, chaque ouvrier y reçoit sa livre et demie de pain » — Я не нашел этого номера газеты и цитирую его по перепечатке в Оларовском сборнике. Подтверждений факту, сообщаемому Vedette, я в других источниках не нашел (по крайней мере для этих первых 11 дней жерминаля)

⁸⁴ Национальный архив W 547 Bourbotte Désense (sic!) de Bourbotte, représentant du peuple, député pour le département de l'Yonne

⁸⁵ Recueil, v I, p 598 4 germinal an 3 (24 mars 1795)

⁸⁶ Национальная библиотека Le³⁸—1303 Rapport fait par Sieyes Le premier germinal l'an 3 « Il vaut mieux prévenir le crime que d'avoir à le réparer. C'est à atteindre le but que se montrent le talent et la sagesse de législateur. Ici l'expérience a été très utile. On se souvient comment ont commencé les agitations qui nous ont conduit au fatal 2 juin. Quelques différents, quelques contraires même que paraissent être leurs intérêts vos ennemis les confondent tous dans un seul, celui de la haine également ardente qu'ils vous portent factieux, royalistes, tous déjà se rallient et semblent s'apprêter à marcher sous la bannière commune de la révolte et du crime»

⁸⁷ Национальный архив F⁷-308 (register), N 338 Du 9 germinal Vu les rapports faits à la commission administrative de Police, desquels il résulte que le cit Cambray, employé à l'atelier de filature, de la rue St Jacques, est prévenu d'être un terroriste et un partisan du système de Robespierre le Comité de sûreté générale arrête qu'il sera déposé dans une maison de détention»

⁸⁸ Recueil, v I, p 598 4 germinal an 3 (24 mars 1795) « un citoyen s'est jeté à l'eau près des bains ayant été retiré à l'instant, il fut conduit au corps de garde, où interroge sur la cause de son deses

poir, il répondit qu'il n'avait ni pain, ni viande à manger. Les citoyens se plaignent de ne pouvoir se procurer du bois; toutes les marchandises continuent d'augmenter; il n'y a plus de bourses à l'agiotage... plusieurs boulanger... n'ont délivré à chaque citoyen qu'une demi-livre à trois quartiers de pain, faute de farine; malgré cette diminution, ils n'ont pu satisfaire toutes leurs pratiques. Violents murmures à ce sujet...».

Там же, 5 germinal: «...les murmures se font entendre, de ce que le gouvernement ne prend pas des mesures afin de reprimer la cupidité des marchands»... (p. 601): «...une nouvelle affiche incendiaire vient d'être placardée... plusieurs (boulanger) n'ont donné qu'une demi-livre de pain par bouche, et, malgré cette diminution, beaucoup de personnes n'ont point été servies... Le mécontentement causé par la disette de pain est général... ce qui occasionne des queues dès minuit, ainsi que des violents murmures contre les autorités constituées».

⁸⁹ Национальная библиотека, Le³⁸—1316. Rapport fait au nom du Comité de sûreté générale par C. Alex. Ysabeau, le 8 germinal l'an troisième: «Vous n'ignorez pas que le tumulte a pris naissance dans la section de Gravilliers... Quelques femmes... prévenues dès la veille se sont présentées à la porte des boulanger, ont refusé la distribution de pain qui leur était faite sous prétexte de son insuffisance et se sont ensuite répandues avec furor dans les divers quartiers de cette commune entraînant par force avec elles les femmes qu'elles rencontraient et jetant des cris de discorde et de fureur. Tel était leur rôle, elles l'ont rempli sinon avec succès, au moins avec une sorte de fidélité».

⁹⁰ Recueil, v. I, p. 611. 8 germinal an 3 (28 mars 1795).

⁹¹ Национальный архив, F^{7*}—2510. Registre des Assemblées générales de la section des Invalides. Séance du dix germinal l'an 3. — Un membre a fait part de ses réflexions sur les attroupements. Il a démontré l'inutilité qu'il y avait de se rassembler dès neuf et dix heures du soir aux portes des boulanger, puisqu'on ne délivrait le pain que dès le lendemain à 8 et 9 heures, quelquefois même plus tard... les citoyens étaient assurés de recevoir leur contingent; que si le malheur arrivait que quelques uns des citoyens ne pussent obtenir la portion de pain qui leur revient, ils donneraient au commissaire de service leurs noms pour être les premiers appelés à la distribution du lendemain. Il a proposé d'arrêter que tous les citoyens ou citoyennes qui seraient trouvés aux portes des boulanger, bouchers, charcutiers et autres marchands avant cinq heures du matin, seraient traduits au comité de la section, afin d'y être interrogés sur les motifs etc...

⁹² Национальная библиотека, Le³⁸—303. Rapport fait à la Convention Nationale le premier germinal l'an 3 au nom des Comités de salut public, de sûreté générale et de la législation, par Sieyès: Si une telle mesure de précaution avait été prise avant le 31 mai, nous n'aurions peut-être pas à déplorer une des époques les plus cruelles et les plus désastreuses de l'histoire du monde.

⁹³ Mémoires de R. Levassieur de la Sarthe, v. IV. Paris, 1831, p. 7. «D'abord placée dans les mains des hommes de thermidor elle (la réaction) fut dirigée par eux contre quelques ennemis personnels, mais le caractère du gouvernement resta évidemment républicain. Bientôt le char de l'Etat fut dirigé par l'alliance semi-giron-dine, semi-thermidorienne, et alors le passé fut renié, on fit le procès à l'ère dite de la terreur, c'est à dire à l'ère de la grande résistance

nationale. Plus tard, enfin tombée entre les mains des partisans déguisés de l'ancien régime, la réaction se teignit du sang des patriotes: la destruction de la république en devint le but, l'assassinat en fut le moyen...».

⁹⁴ «Tout est coupable ici, tout, jusqu'à la sonnette du président!».

⁹⁵ CM., напр.: Mémoires et notes de Choudieu, publiés par V. Barucard. Paris, 1897, p. 292. «Je demandais un jour à Aubry... comment il se faisait que les hommes comme lui que j'estimais malgré la différence d'opinions qui nous divisait, n'eussent pas de honte de s'allier à des hommes tels que Tallien, Fréron et Bourdon de l'Oise. — Ce sont, me répondit-il, de vils instruments dont nous sommes forcés de nous servir momentanément, mais que nous briserons quand nous n'en aurons plus besoin».

⁹⁶ Baudot, M. A. Notes historiques sur la Convention Nationale. Paris, 1893, p. 15: En immolant les patriotes, il (le Directoire) se trouvait en présence des royalistes, ce qui lui avait fait imaginer son ridicule système de bascule; mais en frappant la virilité de toutes parts, il ne lui restait plus que des eunuques, et il faut de la force pour fonder des républiques.

⁹⁷ Там же, срп. 53: «Une épouvantable révision de la conduite politique, militaire et administrative des représentants du peuple que la Convention avait envoyés soit aux armées soit dans les départements, fut décrétée, et la précipitation d'une aveugle vengeance les confondit et les exposa aux mêmes dangers. Sur quels titres faisait-on les rapports? Sur la dénonciation des royalistes et des ennemis de la république... Certes, jamais mission n'avait été plus déprédatrice, plus meurtrière, plus sanglante que celle de Barras et de Fréron à Marseille et à Toulon. Barras et Fréron étaient parmi les chefs de la réaction, on se garda bien de les attaquer. Tallien et un autre député que je ne veux pas nommer avaient institué la Commission révolutionnaire de Bordeaux; ils avaient autorisé et fait exécuter une foule de spoliations et de meurtres. Aucun des accusés n'avait été si loin mais Tallien s'était donné le sceptre de Thermidor; l'autre était membre du Comité de la sûreté générale. Non seulement ils étaient inviolables pour les personnes, mais, dans leur puissance réactionnaire, ils pouvaient envoyer à la mort sans réclamation...».

⁹⁸ Национальный архив, AD. XVIII—C. 248. Discours prononcé par Lindet, député à la Convention Nationale, 116: Allez-vous désavouer aujourd'hui toutes les lois que vous avez portées, toutes les mesures que vous avez commandées? Allez-vous dire à toute la France que vous étiez frappés de terreur, que vous étiez asservi par Robespierre ou par un comité? Quel nom voudriez-vous que la France vous donnât? Elle se demanderait si tout le courage des Français s'était porté sur les frontières, s'il n'était resté qu'asservissement et terreur dans le sein de la convention... Si ce jugement vous dégrade, vous avilît, vous présente comme des esclaves qui viennent de briser leurs fers, elle vous retirera le droit de la gouverner.

⁹⁹ «...La guillotine et de fortes amendes vont opérer le scrutin épuratoire du commerce et exterminer les agioteurs et les accapareurs...».

¹⁰⁰ «Moniteur», tridi 23 brumaire (четверг, 13 ноября 1794 г.), suite de la séance du 20 brumaire: «Si je voulais me traîner dans des libelles comme font d'autres écrivains, je dirais que tout cela a été

combiné dans les boudoirs de madame Cabarus dont le père a établi la banque de Saint-Charles et voudrait régir nos finances, et qui fait attaquer les meilleurs patriotes par Tallien »

¹⁰¹ Le vasseur de la Sarthe, цит соч., т IV, стр 49 «Les thermidoriens tenant maison ouverte et fréquentant ce qu'il y avait à Paris de grandes fortunes de l'ancien régime, devinrent bientôt hommes du monde Il n'y avait point loin de là à devenir courtisan»

¹⁰² Choudieu, цит соч., стр 289.

¹⁰³ Baudot, цит соч., стр 199. «Il faut avoir été témoin de ces temps de malheurs pour croire que Fréron tout couvert de la lepre du crime, comme disait Isnard, ait pu dominer une Assemblée où il y avait des vertus privées en grand nombre, à la vérité sans science, sans énergie presque tout avait disparu à cette époque Les réacteurs per sécuterent, poursuivirent et firent mettre à mort de sang froid des membres de la Convention qu'on savait gens de bien »

¹⁰⁴ Arnaud R, Le fils de Fréron, 1754—1802 Paris, 1909

¹⁰⁵ Арно повторяет, правда, старую и, конечно, ошибочную, возникшую уже после события, версию, будто Феро был убит 1 прерия, потому что его смешали с Фрероном Самое возникновение такого толкования очень характерно

¹⁰⁶ «L'Orateur du peuple», par Fréron, № LXXVIII, du 1 ventôse, p 627. «Le petit Jullien écrit qu'il appelle partout la méfiance sur les muscadins, les commerçants et les riches Le même écrit à Saint Just que Bordeaux est un foyer de négociantisme (разрядка в подлиннике), que là où il y avait beaucoup de gros commerçants il y a beaucoup de frinons»

¹⁰⁷ Там же, № CXLVI, du 2 thermidor (an 3), p 127 «Telle est aujourd'hui notre situation que le prix des objets de première nécessité est infiniment au dessus des facultés communes La classe des propriétaires fonciers, celle des rentiers et celle des salariés de l'état ne peuvent plus subvenir à leurs premiers besoins Toutes leurs ressources sont éprouvées, et pour peu que le prix des subsistances continue à demeurer au taux effrayant où il s'est progressivement élevé depuis quatre mois ou qu'il éprouve encore de nouveaux surhaussements, il ne restera plus à ces classes nombreuses que la triste perspective d'une ruine absolue et les horreurs d'un désespoir inévitable»

¹⁰⁸ Там же, № CXXX, du 29 prairial «Il n'y avait que des hommes sans terres et sans industrie capables de déclarer cette haine violente, jurée dans ces derniers temps aux propriétaires, aux cultivateurs et aux négociants Eux seuls ont pu dès la fin de 1792 séparer les propriétaires des ouvriers, établir une effrayante scission entre deux classes d'hommes unis par le même intérêt Jamais une assemblée de propriétaires n'auroit souffert qu'on embastillât dans toute la France cent mille cultivateurs »

¹⁰⁹ Там же, № CXXX du 29 prairial «L'ouvrier de bon sens ne sent il pas aujourd' hui que son intérêt ne se sépare pas de celui des propriétaires?»

¹¹⁰ Там же, № CXXIX, du 27 prairial, p 296 «Les grains sont à la nation entière qui doit les fixer à un prix modéré, puisque c'est le seul aliment des pauvres et la classe en est grande, pourquoi ne pas s'en emparer au prix de moitié en sus de celui qui existait avant 1789, payable dans un an en numéraire, et les distribuer à un prix raisonnable, payable en assignats pour la consommation de chaque individu, cer-

tainement ceux qui ont de ces objets au delà de leur consommation sont des accapareurs Le projet avancé de prélever en nature l'impôt foncier sur les terres pourrait être d'une grande ressource, à compter de la récolte prochaine et jusqu'à ce que la cupidité des cultivateurs ait été amortie Il procurerait une concurrence qui forcerait le cultivateur à donner au prix fixé par la Convention les denrées qui lui resteraient, en l'obligeant de porter au marché et en ne lui conservant que ce qui serait nécessaire à sa consommation pour l'année, en sus de ses semences pour l'année suivante, nul ne pourrait avoir chez soi au delà de sa consommation pour une année»

¹¹¹ Там же, № CXXXII, du 4 messidor, p 13 « quelle classe de citoyens a été aussi favorisée par la révolution que celle des paysans propriétaires? Et qui a été et qui est plus ingrat qu'elle envers la révolution? J'ose assurer que dans la commune ou mon petit bien est situé, il n'est aucun paysan propriétaire de qui la fortune n'ait plus que double depuis trois ans et j'ose assurer aussi qu'il n'y en a pas un seul à qui la révolution ait arraché un sacrifice de cent francs, quoique je puisse dire avec vérité qu'il y en a parmi eux plusieurs qui cette année ont retiré de leurs denrées au delà de trente mille livres»

¹¹² Там же, № CXLIV, du 28 messidor (an 3), p 108 « On s'étonne de ce que la Convention n'a pris encore jusqu'à présent aucune mesure pour s'assurer de la moisson dont la cupidité et l'avarice sont prêtées à s'emparer On s'étonne de ce que le gouvernement ne prenne pas des mesures aussi pour réprimer l'agiotage qui va tous les jours redoublant d'insolence et de fureur On s'étonne enfin de ce qu'il y a si peu de surveillance que plusieurs boulangers trafiquent impunément de la farine qui leur est envoyée pour la subsistance du peuple»

¹¹³ Там же, № CXLV, du 30 messidor, p 114 «L'habitant des campagnes traite en ennemi celui des villes, le spéculateur avide détruit la fortune publique et attente journalement à celle des particuliers Non content de conserver ce qu'il possède, si jamais il possède quelque chose, il veut encore accroître ses richesses Les canaux vivifiants de la circulation sont presque tous interceptés, l'or est attiré par l'or, il va s'en fourir dans le trésor caché de quelque sangue publique, à la main de fer, au cœur dessecré L'ancien propriétaire est presque entièrement dépourvu, des fortunes scandaleuses se sont élevées et sapent les fondements de l'égalité qu'on voudrait introduire»

¹¹⁴ Там же, № CXII, du 22 messidor (письмо в редакцию) « un laboureur qui cultive beaucoup de terres doit nécessairement avoir un grand nombre d'ouvriers pour ses moissons, mais ceux ci, fiers du be soin qu'on a de leurs bras, font la loi au laboureur et lui demandent un prix exorbitant ou préfèrent de travailler à d'autres ouvrages, et voici le projet de décret que je propose de même que tout français, capable de porter les armes, est mis en réquisition pour défendre la patrie, ainsi tout individu restant dans l'intérieur et capable de travailler aux moissons est mis en réquisition, excepté ceux dont les fonctions publiques sont indispensables»

¹¹⁵ Le vasseur de la Sarthe, op cit, t IV, p 66 «on lui a entendu répéter «C'était un temps si affreux que nous étions obligés de flatter les décembvirs J'ai souvent caressé le petit chien de Couthon pour me mettre dans les bonnes grâces de son maître»

¹¹⁶ Dubois-Crancé E L Analyse de la Révolution française

Paris, 1883, p. 149: «Le plus exécrable monstre qu'ait enfanté la révolution».

¹¹⁷ Там же, стр. 151.

¹¹⁸ Национальная библиотека. LB⁴¹—4030. Bourdon de l'Oise à ses collègues et à ses concitoyens: «C'est le sort de ceux qui servent bien leur pays et surtout de ceux qui disent des vérités dures et sans ménagement, d'être calomniés...».

¹¹⁹ LB⁴¹—4243. Comte de Montgaillard, l'an 1795. Ham-bourg, 1795, p. 16: «...André Dumont... Bourdon de l'Oise fatiguèrent sa fortune de leurs éloges». Ср. там же, стр. 52 и сл. «Legendre pro- posa au mois de décembre 1793 le massacre général des prisons, — et Bourdon de l'Oise fit tous ses efforts pour le décider...».

¹²⁰ Baudot, op. cit., p. 144—145. Merlin de Thionville après le 9 thermidor: «Merlin de Thionville prit à cette époque la maison de campagne d'un prince (le Raincy) pour se délas-ser de ses travaux parlementaires. Il avait une meute considérable, des équipages de chasse, il courrait le cerf; il avait des voitures pour ses maîtresses, un repas splendide pour ses convives. S'était un nouveau prince surgi du tourbillon démocratique; il avait de bonnes raisons pour ne plus vouloir de l'égalité. Depuis nous avons bien vu autre chose!... il osa dire un jour à la tribune: «il y a encore quarante coquins à la Montagne dont il faut se défaire».

¹²¹ «Le Moniteur», 11 pluviôse l'an 3 (vendredi, 30 janvier 1795). Convention Nationale (séance du 9 pluviôse), peçy Лежандра: «Il est des hommes bien utiles dans les moments orageux d'une révolution; ce sont ces esprits exaltés, ces têtes chaudes, ces coeurs brûlants qui ne connaissent pas de danger, mais ne voient que le but, le bonheur de la patrie; ces hommes sont excellents pour renverser les trônes... Mais lorsqu'il faut rebâtir sur les ruines qu'ils ont amoncelées, ces instru-ments ne sont plus de mise».

¹²² Национальная библиотека. Ln²⁷—2249. La vie de Boissi (sic!) d'Anglas, membre des cinq-cents, traité sans égards et comme il mérite, 6: «Tu n'as jamais rien voté pour le peuple, tu n'as pris que la défense des hommes qui avaient des rentes comme toi. Après les catastrophes qui ont suivi le neuf thermidor nous t'avons vu employer tous les stratagèmes pour affamer la nation... Vil assassin! que faisais-tu dans ces instants d'horreur et de tribulation? Tu t'enivrais dans les plaisirs et dans les jouissances... Tu goûtais à longs traits les fruits de la scélérité dans des repas de sybarites. C'est avec raison qu'on t'a donné le sobriquet de Boissy-famine...».

¹²³ Mémoires de Barras, т. I, Paris, 1895, p. 228: «Paris ne possédait que très peu de farines et encore étaient-elles avariées. Elles étaient fournies par des spéculateurs qui avaient bien payé la haute protection de leur patron. Dans cet état déplorable causé par la négligence de Boissy d'Anglas qui était chargé des subsistances...» etc.

¹²⁴ «Le Moniteur», 13 pluviôse an 3 (dimanche, février 1795), séan- ce du 11 pluviôse, discours de Boissy d'Anglas: «Faut-il ouvrir des plaies encore saignantes et vous retracer ces bataillons nombreux entrant dans Berlin même et, sans le caprice imprévu de Pierre III, anéantissant jusqu'au nom de la puissance prussienne? Ne voyez-vous pas que l'ambitieuse Catherine en donnant de vaines promesses aux émigrés, en enflammant le courroux des princes d'Allemagne contre la liberté française, a su enchaîner ses rivaux à une guerre qui les épouse, pour

s'emparer de la Pologne et s'ouvrir par là les portes de la Germanie? Je sais qu'on peut dire avec fondement que l'empire russe est un colosse aux pieds d'argile; que la corruption y a précédé la maturité; que l'esclavage qui y existe ôte toute solidarité à sa force, toute énergie à ses ressorts; qu'il est immense, mais en partie désert; fastueux, mais pauvre; qu'en s'étendant il avance sa dissolution et que chaque conquête qu'il fait est un pas de plus vers sa ruine... mais ce géant avant de périsse vous écrasera... Appréciez notre gouvernement actuel pour le spectacle qu'il offre au monde: il a reprimé les troubles intérieurs, anéanti les factions rebelles, brisé les échafauds, ouvert les prisons, vengé le sang innocent, voué à la mort et à l'infamie les ministres de la terreur; il a rendu la liberté au commerce, la tranquillité à l'agriculture.

¹²⁵ Замечу кстати, что эта ложная мысль о слабости и непрочности русской империи была, по-видимому, очень распространена во французских дипломатических кругах того времени. Я нашел ее, между прочим, в неизданных документах архива франц. министерства иностр. дел, в серии Russie — см. Russie, № 31, f. 37. Observations politiques sur la Russie par le cit. Guttin, Ventôse an IV (1796): «Qu'en ne craigne rien de la prépondérance et de l'agrandissement de cet Empire; déjà trop vaste pour lui-même et, de plus, despotic, il écroulera sous son propre poids».

¹²⁶ Национальный архив. AD. I—III. Motions d'ordre sept germinal, an 3. «...Ces hommes... qui désespérés de nos triomphes sur l'étran- ger et ne pouvant consentir à la paix (qui ramenant l'ordre semble appeler le châtiment de leurs crimes) sont ceux-là même qui s'appliquent en ce moment à susciter la guerre civile...».

¹²⁷ Mallet du Pan, op. cit., t. II, p. 151 (письмо «Людо-вiku XVIII», 3 juillet 1795): «La ressource de la guerre étrangère n'est pas moins usée maintenant dans le fait et dans l'opinion rien n'égale le mépris qu'on porte en France aux armées et à la politique des alliés si ce n'est la haine non moins générale qu'ils ont inspirée. Lyon, ville la plus royaliste de France, n'est pas moins animée contre l'Angleterre qu'un club de Jacobins. Tout le royaume, sans distinction de parti, se ralliera éternellement contre les étrangers, considérés comme ennemis de la France et non comme ennemis de la révolution».

¹²⁸ Национальный архив. F7—3688—4. Ce messidor an 3. Au ci- toyen d'Albarade, commissaire de la Marine et des colonies. (Подп. Cadron voilier; донос на двух его собеседников): «Vous pouvez me croire, Monsieur, m'ont-ils, dit, que jamais l'Angleterre ne traitera qu'avec un Roy, ni même Espagne».

¹²⁹ Fain, op. cit., p. 157.

¹³⁰ Cp. Forneron H., Histoire générale des émigrés, т. II, Pa- ris, 1884, p. 106.

¹³¹ Déclaration de Louis XVIII, roi de France et de Navarre, à ses sujets. Donnée au mois de juillet de l'an de grâce 1795 et de notre règne le premier: «...pour despotes sanguinaires que vous abhorriez, vous avez eu des despotes hypocrites que vous méprisez, ils cachent leur faiblesse sous une feinte douceur... le règne de la terreur a suspendu ses ravages, mais les désordres de l'anarchie les ont remplacés; moins de sang inonde la France, mais plus de misère la consomme...».

¹³² Tableau de l'Europe, цит. изд., стр. VI: «Parce que j'ai déploré le mal trop réel qu'ont produit quelques points de la pro-clamation de Louis XVIII qui sont généralement reconnus impolitiques

et que j'ai attribués à des conseils peu réfléchis, on voudrait me faire passer pour déserteur de la cause des Princes Bourbons»

¹³³ Fain, op cit, p 142

¹³⁴ Comte de Mongaillard, L'an 1795, Hambourg, 1795, p 256 «Peuple français, c'est pour entretenir l'abondance dans Paris qu'on épouse tes campagnes, c'est pour payer ses crimes qu'on te dépouille de tes propriétés» Там же, стр 263 «Peuple français la Convention t'a tout enlevé, mais dès qu'elle cessera d'exister, tous les souverains de l'Europe te rendront leurs bienfaits, tous les peuples partageront avec toi leurs subsistances»

¹³⁵ Национальный архив АД XVIII —255 Discours prononcé dans la séance de la Convention Nationale du 11 vendémiaire an 4, par J Ch Bailleul «Pendant les temps d'une trop longue tyrannie toutes les conceptions avaient été dépravées, le langage même était devenu inintelligible, les principes sur lesquels se fonde l'ordre social étaient méconnus Ce n'a été que par un progrès lent et pénible que les esprits sont revenus de leur égarement».

¹³⁶ Descostes F, La Révolution française vue de l'étranger Tours, 1897, p 372 «A défaut de pain, la populace vit de vieux harangs, d'oeufs durcis de salade au mauvais beurre, ce qui avec deux onces de pain et autant de riz qu'on distribue journalièrement l'empêche de mourir de faim Avec la diète, dit la multitude, nous atteindrons la moisson et alors nous serons sauvés Nous mangerons plutôt des pierres que de nous soumettre Tel est le langage des charretiers, des forgerons, des garçons cordonniers, imprimeurs, femmes, canailles en général».

¹³⁷ Mallet du Pan, op cit, v II, p 161—162 (1795 год) «La disposition publique la plus générale est en faveur d'un gouvernement analogue à la constitution de 1791, épuree dans la partie démocratique et renforcée d'un gouvernement vigoureux Telle est surtout l'opinion des propriétaires et des capitalistes Les artisans qui travaillent à des prix fous, les fermiers qui vendent à des prix exorbitants, les paysans aisés qui achètent des biens d'émigrés et ne payent aucune imposition, désirent moins un changement qu'un ordre fixe quel qu'il soit Quant au bas peuple, à Paris, surtout, ouvriers, maçons, forgerons, charretiers, porteurs d'eau, petits boutiquiers, — sont encore septembristes par goût, par habitude, et toujours prêts à servir celui qui voudra causer du désordre et du mal» И дальше «Aucun fléau, aucune expérience n'a encore corrigé la masse de la nation»

¹³⁸ Journée des 12 et 13 germinal, an 3, p 38 «Le nom de Muscadins vient de Lyon où il fut originaiement donné aux apprentis épicier Il s'est appliqué depuis à tous les jeunes gens» Замечу, кстати, что словарь Littré (т III, стр 672) дает определение этого понятия, но о происхождении его говорит только, что оно объясняется названием мускусных духов, которыми пользовались эти щеголеватые молодые люди («Petit-maître, homme qui affecte une grande recherche dans son costume, ainsi dit du parfum des muscadins, dénomination qui est née durant la Révolution»).

¹³⁹ Beaulieu C F, Essais sur les causes et les effets de la Révolution de France 1803

¹⁴⁰ Riffaterre, L'origine du mot muscadin («Révolution française» 1909, v 56, p 385—390) Риффатерр говорит о судьбах этого слова лишь в 1792—1793 гг

¹⁴¹ Julian, op cit, p 181 «Nous nous réunissions tous les jours dans un café du Palais-Royal C'était là que chacun racontait ce qu'il avait appris des dessins de l'ennemi commun qu'on se faisait part de ses projets et de ses alarmes et qu'on formait des plans de campagne C'était de là que nous partions quand il y avait quelque grande entreprise à exécuter Tous les jours on s'y réunissait de tous les coins de Paris et quand on organisa des bataillons sacrés, destinés à livrer enfin une guerre de destruction à la tyrannie des jacobins ce fut au Palais Royal, devant le café de Chartres qu'un rendez-vous général fut donné»

¹⁴² Leopold, M, Paris pendant le cours de la Révolution Paris, 1816, p 81 «Ce dernier parti (royaliste) dans lequel figurait l'ardente jeunesse injuria, outragea publiquement les conventionnels qui avaient voté la mort du Roi attaqua de front tous les jacobins, les patriotes à bonnet rouge et sans-culottes, dans les rues, sur les places publiques, dans les spectacles, les cafés, les promenades et les lieux de rassemblement, et les couvrit de huées et de mépris A ce déchaînement prononce, à ces persécutions ouvertes contre les terroristes, les lâches membres de ce parti qui ne se sentaient plus en force parce qu'ils n'étaient plus réunis en masse contre un individu dénoncé, désarmé n'opposèrent que le silence et cherchèrent à se mettre à l'abri des insultes auxquelles ils étaient en butte, en s'éloignant des spectacles, des promenades et des lieux de rassemblements public et en se tenant renfermés dans leur domicile »

¹⁴³ Levassieur de la Sarthe, op cit, v IV, p 11: «Une jeunesse déchaînée par Fréron commit un grand nombre d'excès sous le prétexte de venger d'anciennes injures Ce nom même de jeunesse dorée qu'on lui donna indique assez qu'elle aimait à substituer l'elegance et la mollesse de l'ancien régime à l'austérité républicaine»—12 «Et c'était ce ramas honteux d'hommes qui n'avaient su que se cacher pendant la lutte, qui venaient se lancer contre les vaincus après le combat»—27 «On amena contre les jacobins cette horde de jeunes gens ridicules par leur parure, hideux par leur esprit antipatriotique, atroces dans la ferocité avec laquelle ils se précipitaient sur les amis de la liberté pour les massacrer »

¹⁴⁴ Choudieu, op cit, p 292—293 «Fréron donnait le mot d'ordre à la jeunesse dorée C'est ainsi qu'on désignait la bande qu'il avait organisée On y avait adopté comme signe de ralliement une coiffure A l'imitation des chefs des chouans et de vendéens ils portaient des collets noirs à leurs habits, il n'y manquait plus que la cocarde blanche pour afficher ouvertement la contre-revolution L'armée de Fréron se composait de jeunes gens ardents qui, sans avoir jamais eu rien à perdre, prétendaient être des victimes intéressantes de la Terreur et avoir à venger la mort de leurs parents qui avaient péri sur les échafauds A leur tête figuraient deux adjudants de Fréron, Mechut et Julian, qui tous deux ont servi depuis, l'un — comme préfet de Bonaparte, l'autre — comme employé diplomatique dans la police secrète de Fouché Les fonctions de cette bande étaient de faire chaque jour la police dans le Palais Royal et dans le jardin des Tuileries et de chanter le «Réveil du Peuple» Dans leurs moments de loisir ils s'amusaient à danser une espèce de galoppe qui consistait pour eux à se tenir par la main et à former une ligne composée de tout ce qui se rencontrait sur leur chemin et surtout de ceux qu'ils soupçonnaient

d'être jacobins... Tous ceux qui se refusaient à en faire partie étaient empoignés et jetés dans les bassins...».

¹⁴⁵ Cp. цитированные выше Мемуары Levassieur de la Sarthe: «cette jeunesse dorée... guidée par Fréron contre les sans-culottes». — Choudieus в только что цитированных записках называет мюскаденов «солдатами Фрерона» — «les soldats de Fréron signalaient... leur bravoure quand ils se trouvaient dix contre un».

¹⁴⁶ Baudot, op. cit., p. 65: «Fréron accepta le titre plutôt que les fonctions d'un chef de parti, chef de jeunesse dorée...».

¹⁴⁷ Julian, op. cit., p. 197: «...il faut une fois pour toutes qu'on sache bien que ce peuple dont on a tant parlé dans la révolution et qu'il faut bien que je nomme ainsi, n'était que la réunion de quelques mille ouvriers ou gens de peine, très estimables sans doute lorsqu'ils honorent leur état par des vertus privées, mais que leur peu d'instruction ou de lumière rendra toujours faciles à égarer. Les factions s'en servaient alors comme d'un instrument redoutable pour frapper de terreur et quelquefois de mort tout ce qui s'opposait à elles».

¹⁴⁸ Recueil, t. I, p. 598. 4 germinal an 3 (24 mars 1795): «La députation de douze jeunes gens, qui devait avoir lieu hier pour déjeuner avec les ouvriers du faubourg Antoine, n'a pas été complètement exécutée... ils sont convenus, de part et d'autre, de leurs torts réciproques, que des hommes mal intentionnés s'étaient introduits parmi les deux partis pour les diviser et fomenter la discorde; on s'est juré paix et union, guerre aux royalistes et aux anarchistes... Il a été arrêté... qu'une nouvelle députation de douze membres se rendrait aujourd'hui, 5, pour continuer de serrer ce nouveau lien de fraternité».

¹⁴⁹ «Braves camarades... on vous a dit: les muscadins veulent un roi. Nous voulons la république comme vous, nous la défendons avec vous jusqu'au dernier soupir... On vous a dit: les jeunes gens font la guerre aux sans-culottes; nous ne la faisons qu'au crime, et vous n'êtes pas les défenseurs... Si les assassins de notre pays obtiennent la victoire, vous partagerez le sort qui nous attend: on nous opprimera tous également... La mort, les fers, les bandes révolutionnaires, le pillage, la famine, l'opprobre, voilà ce qui nous est réservé» (Воспроизведено в брошюре, цитированной в следующих примечаниях).

¹⁵⁰ Национальная библиотека. Lb⁴¹—1976. Réponse des ouvriers de Paris à l'adresse des jeunes citoyens.

¹⁵¹ «Frères, ce ne sera jamais parmi nous que vous trouverez de la résistance à l'union et à la concorde; nous sommes trop près du besoin, le travail est pour nous d'une nécessité trop absolue pour ne pas chercher tous les moyens de maintenir le calme dans la République, et pour ne pas sentir que si nous voulions opprimer, nous serions les premiers punis de notre audace. Nous acceptons donc bien volontiers l'offre gracieuse que vous nous faites de fraterniser. Seulement... nous allons vous dire franchement notre façon de penser. Vous dites que l'on nous a trompé sur votre compte... On ne nous a pas trompé, frères, nous avons des yeux... Qu'est-ce en effet que des jeunes gens qui se permettent sans cesse de violer la liberté des lieux publics? qui sont vêtus d'une manière affectée pour ne pas dire ridicule? qui ont des armes offensives à la main? qui en entretenant sans cesse le peuple du besoin qu'il a de se préparer à la réduction des subsistances (chose très bonne, très excellente en soi), laissent violence soupçonner qu'ils

sont suffisamment approvisionnés, ou qu'ils ont une fortune qui les mettra à l'abri de tous les événements?».

¹⁵² «Nous voyons bien que vous appartenez à des parents aisés qui font vraisemblablement de gros commerce et de fortes entreprises puisqu'ils n'exigent pas que vous soyiez du matin au soir à vos occupations mais puisque vous êtes si persuadés de la nécessité de nous rendre heureux les uns les autres, engagez-les donc à faire tous leurs efforts pour diminuer le prix des marchandises et pour donner l'exemple de leur confiance dans les assignats. Car comment voulez-vous que nous puissions vivre quand nous payons tout aussi horriblement cher? Et comment le prix des denrées peut-il diminuer quand on voit les riches s'empresser d'acheter tout ce qu'ils rencontrent, à tel prix que ce soit pour se mettre, disent-ils, à l'abri des événements?».

¹⁵³ «Vous nous proposez, frères, de nous lever pour atteindre, dites-vous, les scélérats qui ont couvert notre patrie de sang, de deuil et de misère. Ils sont bien coupables, sans doute, ces hommes qui en paraissant servir l'état ne faisaient qu'assouvir leur passion brutale et la vengeance atroce... livrons-nous sans réserve à la douce espérance de jouir bientôt de notre chère constitution; elle seule peut faire renaitre parmi nous le calme et l'abondance».

¹⁵⁴ «Quoi! nous avions des tribunaux et vous faisiez ce que vous appeliez les battues à la maison Egalité, pour découvrir ceux qu'il vous plaisait de qualifier de buveurs de sang. Quoi! dans les spectacles vous faisiez et vous faites encore la loi, au point de n'y laisser jouer que des pièces de circonstances, qui font la honte de leurs auteurs par l'esprit de parti, qui les a dicté et d'en exclure tous les airs patriotiques, pour y substituer une provocation à la guerre civile que vous appelez, nous ne savons pourquoï, le réveil du peuple... Et qu'étaient donc rassemblements?.. Avez-vous vu qu'aucun de nous les ait été troublé? Avez-vous vu que nous ayons aussi quitté nos ateliers pour faire des rassemblements? Avez-vous entendu dire seulement qu'il y eut le moindre mouvement dans Paris?.. Quoi! chacun était à son poste et vous faisiez des provocations...».

¹⁵⁵ «Nous savons bien que parmi les jacobins il s'en est trouvé quelques uns qui ont abusé horribllement de la confiance qu'ils avaient su nous arracher, mais nous nous gardons bien de vouloir rejeter sur la masse entière le mépris dont ils se sont couverts, et quand le devoir nous oblige de dénoncer un ou plusieurs citoyens que nous croyons coupables, nous remplissons à regret cette triste mission...».

¹⁵⁶ Национальная библиотека. Lb⁴¹—1974. Un vieillard de la Butte aux Moulins aux Jeunes Gens de Paris. Paris, le 3 thermidor, an 3.

¹⁵⁷ «Je ne vous blâme pas d'avoir frémî, en voyant ressusciter et consacrer l'air, au son duquel vos parents, vos amis ont été traînés à l'échafaud».

¹⁵⁸ «Peut-être la convention en se rappelant que le 1-er prairial zeaux qui voulaient l'anéantir, qui ont massacré Féraud dans son sein, chantaien l'hymne des Marseillais et que vous, brave jeunesse qui l'avez défendue, chantiez le «Réveil du peuple», peut-être, dis-je, aurait-elle dû proscrire l'un pour consacrer l'autre».

¹⁵⁹ «S'ils osent tenter quelque nouveau complot contre votre liberté, que l'heure qu'ils auront choisie pour exécuter soit celle de leur mort. Plus de pitié...» (Там же, стр. 22).

¹⁶⁰ « le ciel veillera sur vous, il protègera la bonté de votre cause Si pendant quinze mois d'une tyrannie sans exemple dans les fastes du monde vous avez pu l'accuser d'injustice, assurez vous, ces écarts de la Providence n'arrivent qu'une fois par siècle et le notre est acquitté. »

¹⁶¹ Recueil, v I, p 581 29 ventôse an 3 (19 mars 1795) «Les jeunes gens du café de Chartres sont venus, selon l'habitude qu'ils ont prise depuis quelques jours, pour dissiper les groupes » Ibid, p 585 (30 ventôse). « les citoyens ont été très mécontents de la conduite qu'on tenue les jeunes gens à cinq heures du soir Ils s'ouvrirent un passage à travers les différents groupes, provoquèrent les citoyens en leur marchant sur les pieds ou les couduoyant Cette provocation excita différents tumultes dans lesquels les provoqués furent traités de Jacobins », Ibid, p 586 « le public se plant d'être vexé par les jeunes gens du café des Cannonniers qui vont au Jardin National, lesquels troubent les citoyens en les poussant à coups de coude, les traitant de Jacobins, les arrachant des compagnies où ils sont et les traînant au Comité de sûreté générale» Ibid, p 594—595 (2 germinal) « plusieurs jeunes gens ont été arrêtés hier, faubourg Antoine, pour s'être permis d'insulter les citoyens et ure citoyenne de canton Quelques ouvriers, sortant de leur journée, ont été arrêtés à la porte Denis par quantité de jeunes gens armés de batons et autres armes, qui criaient «Vive la Convention, a bas les Jacobins!», et qui les prirent au collet »

¹⁶² Levassieur de la Sarthe, op cit, v IV, p 206 «Quand toute la France était un vaste camp, n'était-il pas juste, souverainement juste que le riche nourrit de gré ou de force ceux qui se battaient »

¹⁶³ Там же « Il est vrai que déjà à cette époque la classe qui donne la popularité nous était contraire Le maximum avait frappé les commerçants L'emprunt forcé avait pesé sur les riches »

¹⁶⁴ Там же, т IV, crp 207

¹⁶⁵ Там же, т IV, crp 205 « nous désirions, il est vrai, une insurrection nos discours, nos actes tendaient à en démontrer la nécessité, nous nous préparions à y prendre part et à la diriger, mais nous ne cherchions à nouer aucune trame pour la faire, nous ne conspirions pas »

¹⁶⁶ Там же, т IV, crp 15 «Déjà cependant elle (la Société des Jacobins) avait perdu son influence puisque le peuple, dégoûté d'insurrections qu'on n'avait pas su faire servir à augmenter son bien être réel, avait en quelque sorte donné sa démission La persécuter en haine de sa puissance déchue c'était s'acharner sur un cadavre sans mouvement»

¹⁶⁷ Levassieur de la Sarthe, op cit, v III, p 264 «Malheureusement je retrouverai les plus véhéments de nos collègues tièdes et découragés, à peine il était possible de reconnaître encore cette vigoureuse Montagne dont l'énergie avait fait trembler le monde, il y restait cependant une trentaine de chauds patriotes, décidés à donner leur vie pour leurs principes de ce nombre étaient le véhément Duhamel, Ruhl, Ruamps, Bourbotte, Soubrany et cet intéressant Goujon c'était de leur côté que se trouvait le courage et le dévouement »

¹⁶⁸ Dulaure J A, Esquisses historiques des principaux événements de la Révolution française v IV Paris 1826, p 43—44 «Presque tous avaient la ferveur des martyrs, presque tous étaient de

bonne fois, mais trompés, mais séduits par leur tempérament irascible et violent »

¹⁶⁹ Baudot, op cit, p 75 «Cambon avait aidé prodigieusement à renverser Robespierre, bien plus même que Tallien quoi qu'en ait dit Lorsque Cambon vit les massacres de la réaction et le triomphe de la corruption et des pervers, son ame toute républicaine ne put y tenir, il s'écra un jour «oui, j'aurais dû me faire guillotiner ce jour là plutôt que de me trouver aujourd'hui l'appui d'une journée qui a amené tant de forfait!»

¹⁷⁰ Интересующихся их деятельностью и их биографией вообще я отсылаю, за неимением лучшего, к старой книге J Claretie Les derniers montagnards Paris, 1867, или к справочному изданию Kuczyński, J. Dictionnaire des Conventionnels, Paris, 1916

¹⁷¹ Dix-neuf lettres de Soubrany Clermont Ferrand, 1867 Tiré à cent exemplaires (Наш. библ Lb⁴¹—2157, reserve)

¹⁷² Там же, стр 62 Paris, le 27 nivôse an 3 «La Montagne eût néanmoins lutte avec avantage contre le côté droit, si de malheureuses divisions n'eussent fait naître dans son sein un parti qui, après avoir marché avec elle pendant le cours de la révolution, la poursuit au jourd'hui avec acharnement Je veux te parler de la faction Tallien, Freron, Rovere, Bentabolé etc, etc Le côté droit les connaît comme nous, les meprise, mais il s'en sert pour nous écraser et les écraseraient eux-mêmes s'il n'en avait pas besoin Cette faction renferme ce qu'il y a de plus scelerat dans la Convention Au reste leur conduite est démasquée assez, plonges sans cesse dans les voluptés, passant leur vie dans des orgies scandaleuses au milieu des Phriné, des Laïs, avec toutes les ci devant marquises, comtesses dont ils se sont déclarés défenseurs en s'alliant avec elles Tallien, comme tu le sais, a épousé la Cabarus, veuve d'un Fontenoy émigré et fille d'un banquier du roi d'Espagne Cette femme remplace aujourd'hui Marie-Antoinette, elle affiche le luxe le plus insolent au milieu de la misère publique, paraît au spectacle couverte de diamants, vêtue à la Romaine et donne le ton à tout ce que Paris renferme d'impur dans les deux sexes »

¹⁷³ Там же «Ces hommes osent aussi prendre le ton du jour, en appelant buveurs de sang, terroristes, tous les patriotes purs et énergiques N'est ce pas avoir atteint le comble de la sceleratesse et de l'hypocrisie, lorsque le mot humanité se trouve dans la bouche de Tallien, l'un des auteurs du massacre du 2 septembre, qui porta à Bordeaux les mêmes principes et y vécut en vrai Sardanapale, dans la bouche de Rovere, l'un des héros du carnage de la Glacière à Avignon, dans la bouche de Freron qui fit de son autorité et sans jugement fusiller à Toulon 800 individus, etc ! Je ne finirais pas si je voulais te retracer tous les forfaits de ces nouveaux apôtres »

¹⁷⁴ Там же, стр. 81 Paris, le 29 pluviôse an 3 «Soubrany à son ami Dubreuil, salut Je profite du départ du citoyen Phelut pour te faire parvenir les trois derniers numéros du «Tribun du peuple» L'auteur a été arrêté au moment où il allait publier la trente troisième, le jour où, au mépris des droits de l'homme et de la Constitution, les sociétés populaires des faubourgs Antoine et Marcel furent fermées sous le prétexte d'une pretendue conspiration contre la représentation nationale conspiration dont on ne nous a fourni ni preuves, ni les moins indices »

369.

¹⁷⁶ Эти слова принадлежат не Ромму, как ошибочно думает Кисзунски, цит. соч., стр. 584, а именно Кутону. Произнесены они были в заседании Конвента 14 июня 1793 года, когда было оглашено письмо Ромма, извещавшее об аресте комиссаров Конвента, Ромма и Приера, в Шербурге Депутату Госсюэну показалось, что Ромма заставили приписать post-scriptum к этому письму. Тогда Кутон воскликнул: «Romme serait libre au milieu de toutes les bouches à feu de l'Europe» (*«Moniteur»*, lundi 17 juin 1793. Suite de la séance du vendredi 14 juin).

¹⁷⁷ Граф П. С. Строганов, т. I. СПБ., 1903, стр. 283. № 43: «Madame la Comtesse, pour le bien de votre fils et pour le vôtre, je me vois réduit à la dure nécessité de ne plus paraître chez vous avec Popo en l'absence de M. le comte, à moins que vous ne nous envoyez chercher; c'est l'unique ressource qui me reste pour prévenir toute indiscretion de ma part ou de celle de Popo, qui influerait trop désavantageusement pour lui et pour vous sur son éducation morale...».

¹⁷⁸ Там же. «Je crois aussi nécessaire que lorsque vous ferez appeler votre fils je l'accompagne toujours et que s'il se présentait quelque obstacle pour moi vous veuillez bien me permettre de ne pas laisser aller votre fils seul: je suis trop inquiet lorsqu'il s'éloigne de moi...».

¹⁷⁹ Там же. «Ce voyage est bien fait... pour l'endurcir à la faim, la soif, le chaud, le froid. C'est ce qui me fait préférer le Kibitque à toute autre voiture, c'est ce qui me détermine à ne prendre que très peu de provisions...».

¹⁸⁰ M. de Vissac, Romme le Montagnard. Clermont Ferrand, 1883, p. 62: «...La lecture de Socrate faite à peu de temps de celle de Belisaire l'a aussi profondément troublé. L'injustice de l'aréopage et la mort de ce sage l'ont attendri, et c'est au milieu des sanglots qu'il me dit en poussant un long soupir: tous les gens de bien sont donc persécutés; les plus vertueux sont donc les plus exposés à être tourmentés...».

¹⁸¹ Граф П. А. Строганов, цит. соч., т. I, стр. 301—304. (№ 53): «Vous devez sentir, Monsieur, combien il serait douloureux pour moi de me séparer en ce moment de M. Romme. On croit sans doute qu'on me fera changer d'opinion comme une girouette tourne, lorsque le vent change, mais la girouette s'est fixée sur son pivot, le vent la fera plutôt casser que la fera tourner. Mes opinions dans ce moment sont établies sur les principes de justice, de raison, de sentiment qui ne s'effaceront pas aisément de mon âme. Toutes les horreurs du despotisme ont été dévoilées à mes yeux, j'ai vu tout un peuple en ayant horreur lever l'étendard de la liberté en secouant son joug dans instant; non, je ne l'oublierai jamais cet instant là...».

¹⁸² «Le Moniteur», tridi 23 brumaire (jeudi 13 novembre 1794, séance du 21 brumaire). Ваудин: «Je déclare que Romme seul a été d'un avis opposé à celui de tous ses collègues».

¹⁸³ Национальный архив. W. 547 (Pièces de Romme). Показание Ромма перед военной комиссией 26 прерия: «J'ai fait mon devoir; mon corps appartient à mes juges, mon âme reste indépendante et tranquille au milieu de ces souvenirs, mon dernier soupir en quelque temps, en quelque lieu, de quelque manière que je le rende, sera pour la république une et indivisible, pour ma patrie si cruellement déchirée et

que j'ai servie de bonne foi; pour le malheureux et l'opprimé qu'on abandonne ou qu'on repousse, pour mes amis dont la fidélité et les vertus républicaines honoreront ma mémoire...».

¹⁸⁴ Национальная библиотека. Lb⁴¹—1768. Réponse d'Ernest Duquesnoy, député à la Convention nationale (Paris, le 7 floréal, troisième année révolutionnaire): «Je ne suis pas le seul député qui soit aujourd'hui inculpé, calomnié et honni par ceux qui partageaient autrefois mes opinions et qui même surpassaient en fait de mesures révolutionnaires...».

¹⁸⁵ Levassieur de la Sarthe, op. cit., v. IV, p. 239: «Les débris peu nombreux, mais puissants encore par leur énergie de l'ancienne Montagne étaient à leur poste, calmes et silencieux, attendant le résultat du mouvement que Goujon et Bourbotte leur annonçaient comme le moment de la délivrance».

¹⁸⁶ Tissot, Souvenirs de la journée du 1 prairial an III. Paris, an VIII, p. 151: ...une autre constitution où l'égalité sera méconnue, les droits de l'homme violés et par laquelle la masse du peuple se verrà asservie à une caste plus riche, seule maîtresse du gouvernement et de l'état... (Dernière lettre, du 26 prairial).

¹⁸⁷ Интересующимся личностью Гужона я очень рекомендую обстоятельный его биографию, написанную проф. Раймоном Гюйотом (Guyot R. Le conventionnel Goujon. Paris, 1908).

¹⁸⁸ Recueil, т. I, р. 601, 5 germinal.

¹⁸⁹ Там же, стр. 602, 6 germinal.

¹⁹⁰ Там же, стр. 605, 7 germinal.

¹⁹¹ Dulaure, op. cit., v. IV, p. 50 и сл.

¹⁹² Национальный архив. AF, 11—69, pl. 509. Le sept germinal an 3. Le Comité de salut public... arrête... Art. 3. Les indigens et les ouvriers de peine recevront par préférence la quantité de pain que le décret précité leur accorde.

¹⁹³ «La manière dont l'opinion publique s'est prononcée sur Marat, dans quelques spectacles, lui était présentée comme un crime: on proposait de venger sa mémoire; son buste fut porté en triomphe ou en signe d'alarme, par quelques membres d'une société populaire du faubourg Saint-Antoine» (Dulaure, op. cit., v. IV, p. 14—15).

¹⁹⁴ Национальный архив. AF, 11—69, pl. 509. Le 4 germinal an 3. Art. 1. Les personnes ayant des grains ou farines pour plus de deux mois seront tenues de les prêter pour l'approvisionnement de la commune de Paris. Art. 2. La consommation de chaque individu de toute profession, sexe et tout âge sera indistinctement calculée sur le pied de vingt cinq livres de farine ou de trente livres de grains par mois. Art. 3. Dans chaque ménage on laissera la subsistance de deux mois calculée suivant le nombre des individus et sur les bases ci-dessus. Art. 4. Les deux tiers de tout ce qui sera trouvé d'excédent seront prêtés, livrés sur le champ et transportés dans le chef-lieu de canton par les soins de la diligence de l'agent national de la commune... le tiers restant sera gardé par les propriétaires et mis à la disposition des municipalités pour les besoins locaux.

¹⁹⁵ Там же. Du 6 germinal an 3. Extrait du registre des délibérations de la commission des approvisionnements... Art. 12. Dans le cas où ces inspecteurs ou agents principaux éprouveroient des difficultés... ils se retireront par devers les représentants du peuple à l'effet d'obtenir une force armée suffisante pour soutenir leurs opérations...

¹⁹⁶ Национальный архив. AF, 11—69, pl. 509. Du 6 germinal an 3. Le Comité de salut public arrête... Art. 1. Que les dix mille quintaux de grains formant l'arriére actuel de la réquisition de grains... frappée sur le district de Peronne pour l'approvisionnement des armées, seront appliqués à l'approvisionnement de Paris...

¹⁹⁷ Le 7 germinal an 3: Sur les plaintes portées par les comités civils et de bienfaisance de la section de la Butte des Moulins que différents particuliers se présentaient chez les boulanger pour avoir du pain sur des bons des comités de salut public et de sûreté général, le comité de salut public arrête que les boulanger ne pourront délivrer de pain à aucun citoyen sur des bons des comités de la Convention. Там же, du sept germinal an 3. (Le Comité de salut public arrête): Art. 3. Il sera laissé à chaque marchand en détail la quantité de riz nécessaire à son débit pour un mois. Art. 4. Les riz excédants les quantités portées à l'article 3 sont en réquisition.

¹⁹⁸ Recueil, v. I, p. 619. 10 germinal an 3 (30 mars 1795).

¹⁹⁹ Recueil, v. I, p. 606. 7 germinal.

²⁰⁰ Национальный архив. F⁷—2491. Comité du 6-me arrondissement. Séance du 8 germinal: Le récit détaillé de la situation actuelle des rassemblements des citoyens de Gravilliers et diverses conjectures sur les rassemblements projetés pour décade prochain... Des rassemblements qui recommencent de nouveau... 9 germinal: запрос правительства: «si le comité vouloit avoir un renfort de gendarmerie pour le lendemain afin de maintenir l'ordre et la tranquillité et déjouer les complots des malveillants».

²⁰¹ Levassieur de la Sarthe, op. cit., v. IV, p. 204. La motion de Lecointre fut repoussée par l'ordre du jour, mais le coup était porté. L'invocation de la constitution de 93 eut ses résultats... Deux jours après déjà les faubourgs commencèrent à s'ébranler. Ainsi la motion extravagante d'un homme complètement isolé fit plus d'effet que toutes nos attaques, enfin que toutes les ressources de la politique.

²⁰² Национальный архив. F⁷—2476. Comité du 1 arr. de Paris, séance du 2 germinal:... lettres... toutes relatives aux troubles et rassemblements qui existent et à la surveillance la plus exacte et la plus active, à mettre en pareil cas pour déjouer les intrigues des malveillants... 3 germinal: ... on s'est aussi occupé de la suite des objets urgents recommandés à notre surveillance et à notre activité par le Comité de sûreté générale... 3 germinal au soir: toujours de la suite des objets urgents recommandés par le Comité de sûreté... dont plusieurs de nos membres ont été à la recherche et poursuite très avancée dans la nuit. Раздача ружей. 4 germinal: то же самое. 4 germinal au soir: un rassemblement d'hommes et de femmes. Раздача ружей («délivrance des fusils confisés à notre sagess»: séance du 7 germinal).

²⁰³ Journées des 12 et 13 germinal, цит. изд., стр. 39: «J'ai moi-même entendu ces mots: «nous demandons du pain et la chasse aux Muscadins». En passant dans la rue Honoré des hommes disoient: «Bon! voilà une rue bien riche! ces coquins de marchands! nous allons les visiter!».

²⁰⁴ Levassieur de la Sarthe, op. cit., т. IV, p. 217: Le rappel fut battu dans toutes les sections. La garde nationale, dont on avait expulsé les patriotes, se rassembla sous les ordres des commissaires de la Convention. On vit Paris divisé en deux nations: d'un côté le peuple et de l'autre la bourgeoisie. Le peuple toujours patriote, mais

sans chefs, sans armes, partant sans influence véritable, et la bourgeoisie tout concentrée dans ses intérêts égoïstes, bourgeoisie armée et conduite par des chefs redoutables.

²⁰⁵ Julian, op. cit. Peu de jours auparavant tout ce qu'il y avait de propriétaires et de citoyens honnêtes dans la section des Tuilleries s'étoient réunis et m'avoient prié de faire une adresse à la Convention contre les terroristes, de me charger de la présenter et de la prononcer moi-même. Je fis l'adresse; je la prononçai devant l'Assemblée, à la tête de plus de deux mille habitants armés de la section des Tuilleries, restés en bataille sur la terrasse du château et prêts à marcher à la défense du leur orateur si l'on osait entreprendre quelque chose contre lui.

²⁰⁶ Recueil, v. I, p. 616 (9 germinal).

²⁰⁷ Journées des 12 et 13 germinal. Paris, an 3, p. 10—11.

²⁰⁸ Journées des 12 et 13 germinal. Op. cit., p. 37.

²⁰⁹ Там же, стр. 16: Leur orateur dans un discours insolent où il qualifie ses compagnons d'hommes du 31 mai (разрядка подлинника) dicte des loix à la Convention, apostrophe la Montagne qui tant de fois a sauvé la République dans les moments de crise (тоже) et rappelle à grands cris le règne de la terreur.

²¹⁰ Там же: ... les comités de gouvernement délibèrent ou plutôt le sentiment du péril dicte des résolutions subites. La générale bat dans toutes les sections...

²¹¹ Dulaure, op. cit., v. IV, p. 58.: La conduite du Comité de sûreté générale n'était pas excusable. Ce comité, qui dirigeait la police de Paris, ignore qu'il se forme un rassemblement de deux ou trois mille individus; que ce rassemblement, au bruit du tambour, traverse une partie de Paris... La garde de la Convention qui, en cette circonstance, aurait dû être considérablement accrue, se trouvait confiée à une poignée d'adolescents et de vieillards, incapables d'opposer la moindre résistance aux attaques des rebelles. Cette conduite confirme l'opinion alors généralement établie, que certains membres de ce comité étaient les complices ou les instruments de la faction étrangère.

²¹² Recueil, v. I, p. 624 (11 germinal).

²¹³ Levassieur de la Sarthe, op. cit., v. IV, p. 209: Nous jugeâmes qu'il était temps d'agir et le soir même pendant la séance nous résolutmes de nous mêler le lendemain au mouvement populaire, s'il prenait quelque consistance.

²¹⁴ Recueil, v. I, p. 622—623, 11 germinal (заседание 11 жерминаля).

²¹⁵ «Le Républicain français», № 858, 13 germinal (заседание 11 жерминаля). Ср. также «Le Moniteur», Quartidi 14 germinal an 3 (suite de la séance du 11 germinal).

²¹⁶ Nous demandons qu'on emploie tous les moyens de subvenir à l'affreuse misère du peuple... de mettre promptement en activité la constitution démocratique de 1793. Nous sommes debout pour soutenir la république et la liberté.

²¹⁷ Я имею в виду слова Тибо (Thibault), сказанные им в заседании 1 жерминаля в Конвенте. Так как я их никогда не встречал в литературе, посвященной революции, то приведу их здесь: «он a demandé ce qu'étoient devenus les moissons?.. Il faut le dire, une grande partie a été consommée par cette grande cité qui ne reproduit rien et

dont les immenses besoins ne peuvent se satisfaire qu'aux dépenses de tout ce qui l'entoure; Paris, jusqu'à ce jour, doit ses subsistances à la fraternité, au généreux dévouement des habitants des départements qui aiment Paris parce qu'il a en l'initiative de la liberté et du gouvernement républicain. Ces sacrifices des départements, Paris ne peut les mériter qu'en faisant lui-même, qu'en conservant le calme et la tranquillité qui inspirent la confiance; que les bons citoyens de Paris qui ne veulent pas perdre le fruit de leurs travaux sachent bien une fois pour toutes que plus ils s'agiteront, moins ils auront de ressources, moins les arrivages seront complets».

В «Moniteur» (réimpression, v. 24, p. 108) это заявление передано после первых фраз в сжатом и измененном изложении: «...Paris ne produit rien, il ne subsiste que par les moyens d'échange. Il a eu l'initiative de la liberté; voudrait-il perdre le fruit de ses travaux et des privations qu'il s'est imposées? Non; il sera calme et ne se laissera pas séduire par des agitateurs. Le gouvernement passe des nuits entières pour que Paris soit approvisionné.

²¹⁸ Journées des 12 et 13 germinal, op. cit., p. 17: Les ouvriers furent donc les plus nombreux sous les armes.

²¹⁹ Там же, стр. 15: Huguet, mieux instruit que les rebelles mêmes de ce qu'ils devoient demander, les interpelle de déclarer: «S'ils ne viennent point réclamer du pain, la constitution de 1793 et la liberté des patriotes détenus depuis le 9 thermidor?». Des oui! oui! unanimes répondent à chaque question...

²²⁰ «Ma place est au milieu du peuple! Je ne veux pas que vous l'égariez!».

²²¹ «Citoyens représentants, vous voyez devant vous les hommes du 14 juillet, du 10 août et encore du 31 mai. Il est temps que le peuple ne soit plus la victime des riches et des gros marchands; il est temps que la paix règne dans cette enceinte, le salut du peuple vous en fait un devoir. Vous ne voyez point ici la jeunesse de Fréron, mais une masse de patriotes purs qui n'ont point renversé les bastilles pour en laisser éllever d'autres, destinées, à mettre aux fers des républicains énergiques. Que sont devenues nos missions? Où sont les grains recueillis sur notre territoire? Les assignats ont perdu leur valeur; ce sont vos décrets qui la lui ont fait perdre... C'est à vous qu'il appartient de ramener le calme et l'abondance, en punissant l'égoïste qui ne veut que de l'or, pendant que nous répandons notre sang. Et toi, montagne sainte, — éclate, tonne, dissipe les nuages, écrase tes ennemis: les hommes du 10 août et du 31 mai sont là pour te prêter main-force. Nous vous demandons la liberté des patriotes incarcérés depuis le 9 thermidor, leur crime est d'avoir été des patriotes énergiques lorsque vos décrets leur ordonnaient de l'être».

²²² Séance du 12 germinal. Duhem: La générale bat, le canon d'alarme tire; le tocsin du pavillon de l'Unité sonne en ce moment. Je demande que tous les citoyens ici présents retournent dans leurs sections et nous laissent délibérer.

²²³ Там же. Choudieu: Si le président ne fait pas son devoir, je demande qu'il soit remplacé. Je déclare aux bons citoyens qu'on leur tend un piège en voulant les faire rester ici, parce qu'on dira ensuite que la Convention nationale n'est pas libre; et on fera sonner le tocsin pour qu'elle sorte de Paris.

²²⁴ Retirez-vous, car dans une heure, nous égorgéons tous les jeu-

nes gens et vingt mille hommes sont à nous dans un moment et nous seconderont.

²²⁵ Art. I. La Convention Nationale déclare au peuple français qu'il y a eu aujourd'hui attentat contre la liberté de ses délibérations. Art. II. Le Comité de sûreté générale fera rechercher et traduire devant le tribunal criminel du département de Paris les instigateurs de cet attentat.

²²⁶ Loi qui nomme provisoirement le général Pichegru général en chef de la Garde Nationale parisienne du douzième jour de germinal an trois. La Convention Nationale décrète que le général Pichegru est nommé à l'instant général en chef de la Garde Nationale parisienne, tant que durera (sic!) les périls actuels, et que les représentants Barras et Merlin (de Thionville) lui seront adjoints. В этом подлинном тексте (он находится в бумагах Мерлена, в отд. рукописей Наци. Библ., в регистре f. fr., pouv. acquis. 245) есть отмеченная мною, обличающая спешность и взволнованность, характерная грамматическая ошибка (périls actuels вместо péril actuel!). Эта ошибка признана и исправлена 15 прериала (там же).

²²⁷ Mémoires de Barras, op. cit., v. I, p. 232.

²²⁸ Там же, т. I, стр. 226—227.

²²⁹ Напр., против Амара. «Moniteur», sextidi, 16 germinal. Suite de la séance du 12 germinal (réimpr. v. 24, p. 124).

²³⁰ Баррас доложил вечером, что Конвент «располагает вооруженно силую в 30 000 человек, 40 пушками и любовью всех граждан».

²³¹ Levassieur de la Sarthe, op. cit., v. IV, p. 208. ...Mes amis de la Montagne et moi nous étions plongés dans la plus vive anxiété; sans relations avec les mouvements qui se renouvelaient sans cesse nous comprenions qu'il y avait sympathie entre le peuple et nous. La cause pour laquelle il entreprenait ces promenades armées dans les rues de la capitale était celle que nous défendions tous les jours à la tribune. Cependant nous ne pouvions pas nous prononcer pour lui sans savoir si, dans ses mouvements, il y avait de véritables éléments d'insurrection ou si c'était simplement un mécontentement passager et sans importance. Dans nos réunions particulières nous cherchions à prévoir les événements et nous nous demandions quand et comment il nous faudrait y prendre part. Attaquer nous-mêmes la Convention, c'eût été une imprudence impardonnable; laisser passer les mouvements sans en profiter, c'eût été une faiblesse indigne de notre caractère. Nous résolûmes d'attendre les événements et de prendre parti pour le peuple où il nous presenterait quelques chances de réussite.

²³² La cретельle M. Ch., Dix ans d'épreuves, p. 221. Pendant Pendant ce retard la défense s'organise par le Comité de salut public, mais avec une extrême lenteur... il y avait autant d'irrésolution dans l'attaque que dans la défense.

²³³ Levassieur de la Sarthe, op. cit., v. IV, p. 210.

²³⁴ Там же, т. IV, стр. 215: Merlin se tournant alors de notre côté avec un regard sinistre et un geste menaçant, s'écria: il y a quarante scélérats sur cette Montagne qui méritent le même sort.

²³⁵ Там же, т. IV, стр. 216: ... je les apostrophai à haute voix en m'écriant: Ah, que vous êtes lâches!

²³⁶ «Je suis loin de blâmer un peuple facile à égarer quand la voix impérieuse de besoin se mêle aux clamours de la malveillance».

²³⁷ *Le vasseur de la Sarthe*, op. cit., v. IV, str. 230 (13 жерминаля, утром).

²³⁸ Там же, стр. 218.

²³⁹ «Dussé-je être mis en pièces à cette tribune, je vous signalerai, bourreaux du peuple, assassins des français. Représentants, vous vous plaignez de ce que l'opinion publique a paru s'éloigner de vous, c'est à votre énergie de la relever. De cette séance dépend votre salut; vous ne voulez plus d'échafauds, plus de mort: eh bien, délivrez le sol français des monstres, qui l'ont ensanglanté. Je demande que cette nuit même les trois prévenus soient déportés».

²⁴⁰ «Le Républicain Français», № 860, quintidi 15 germinal. Suite de la séance du 12 germinal. Tallien: J'invite les citoyens qui assistent à cette séance qui sera mémorable, à seconder de leur énergie les mesures qui vont être délibérées par les représentants du peuple.

²⁴¹ *Choudieu*, op. cit., p. 302: En venant au sein de la Convention, votre intention est d'obtenir d'elle la justice que vous réclamez. Mais en restant ici, vous nous empêchez de délibérer sur votre demande. Je vous invite à vous retirer: justice vous sera rendue.

²⁴² *Mémoires de B. Barère*, v. III. Paris, 1843, p. 14—15.

²⁴³ Там же, стр. 268: l'ex-abé Sieyes s'emparaît secrètement du pouvoir. Il avait dirigé les émeutes provoquées le 12 germinal et le 1 prairial.

²⁴⁴ Cp. *Le vasseur de la Sarthe*, op. cit., v. IV, p. 222: Aussitôt Thibadeau accusa la Montagne d'avoir dirigé le mouvement... Les uns voulaient qu'on nous déportât; d'autres demandaient... le décret de hors la loi.

²⁴⁵ Там же, т. IV, стр. 225 (*Moyse Bayle, Thuriot, Cambon, Grenet, Hintz, Maignet, Levasseur de la Sarthe*).

²⁴⁶ Cp., напр., Национальный архив F⁷—2524 (регистр 12-го окруж.) Du dix-huit germinal, l'an 3: est comparu au comité le citoyen Louis Jubin perruquier... lequel a déclaré que le 13 du présent... il a entendu le cit. Vachard dire que l'on voulait assassiner les représentants qui étoient déportés... Таких сведений в разных местах разбросано сколько угодно.

²⁴⁷ Journées des 12 et 13 germinal, an 3, op. cit., (13 germinal): Cependant la section des Quinze-Vingts était en insurrection ou plutôt des scélérats de tous les quartiers de Paris s'étaient emparés de la salle de cette section et discutaient s'il fallait mettre les faubourgs en insurrection. Cette audace eût été le comble du délit, si l'indulgence habituelle du gouvernement n'eût autorisé à tant de confiance ces insolents agitateurs. Pichegru s'avance à la tête de la gendarmerie; tous se dispersent...

...A quoi néanmoins a-t-il tenu qu'ils n'eussent un plein succès? Ils n'avaient à leur disposition ni commune conspiratrice, ni comité central des sections, ni club des Jacobins, ni chef de la garde nationale... et cependant, par la seule tactique des petitions et des rassemblements... ils sont parvenus à se rendre quelques instants maîtres de la chose publique... Qu'on rapproche de cette réflexion les renseignements positifs qu'avaient depuis longtemps les comités sur ce qui se tramait, la connaissance s'est répandue parmi tous les citoyens d'un mouvement pro-

chain, dont les subsistances seraient le prétexte, l'or de l'étranger le mobile, et le retour des jacobins et de la terreur le véritable but...

²⁴⁸ Discours prononcé par le général Pichegru dans la séance de la Convention Nationale du 15 germinal an troisième, etc.: «...Ce sera une bien douce satisfaction pour moi de faire part à mes frères d'armes de l'attitude imposante de la Convention Nationale et des mesures qu'elle a prises pour abattre le reste de la faction tyrannique qu'elle a frappée le 9 thermidor...».

Réponse du président:... les factieux sont aussi dangereux à la République que les autrichiens...

²⁴⁹ «Moniteur», quartidi 14 germinal, an 3.

²⁵⁰ Национальный архив. С. 342. Adresse du Directoire du district de Castellane à la Convention Nationale, le 19 floréal... nous vous conjurons de demeurer fermes à votre poste, de continuer à écraser les têtes de l'hydre à mesure qu'elles voudraient renaître... non, la scélérité ne tricmphera pas, elle a trouvé son tombeau dans les journées des 10 (sic) thermidor et 12 germinal...

²⁵¹ Там же, С. 338. Les citoyens du district de Gez (département de l'Ain) à la Convention Nationale (le 29 germinal, an 3): Le douze germinal sera célébré dans les fastes de la République, nous le regardons comme la fin et le complément du neuf thermidor. Cependant il manque encore quelque chose à la vengeance du peuple outragé; il faut que les représentants de la terreur cessent de représenter le peuple français... Nous demandons qu'ils soient chassés du temple et du sol de la liberté française. Nous ne voulons plus que les scélérats qui se sont alimentés de votre sang pendant le cours de dix huit mois, trouvent en eux des moyens de défense et un point de ralliement... Que la journée du douze germinal devienne le signal de la punition de tous les oppresseurs...

²⁵² «L'Orateur du Peuple», № CXXIII, du 2 prairial (an 3), p. 247: ...vous avez fait la révolution du neuf thermidor... Cette heureuse révolution il est vrai, n'était encore qu'ébauchée... le sanctuaire des lois demeurait encore souillé par la présence de quelques conspirateurs qui méditaient la perte de la liberté, la mort de la patrie! Mais telle est l'influence du génie tutélaire sur le sort des français! plus les factieux conspiraient contre la liberté, plus ils ont montré d'audace et de temérité en levant le poignard qui devait le 12 germinal porter le coup de la mort et consacrer le deuil général de la république, — et plus dans ce même jour la liberté triomph, etc., etc.

²⁵³ Национальный архив. AD. I—III. Discours de Dusault (séance du 17 germinal, l'an 3, imprimé par ordre de la Convention Nationale): Je demande qu'il soit incessamment élevé un autel en signe expiatoire; que sur l'une des faces de cet autel il soit inscrit: la Nation française délivrée de ses tyrans se hâte par ce monument de douleur et de regrets de faire amende honorable à son siècle et à la postérité de tous les forfaits commis dans son sein depuis le 31 mai 1793 jusqu'au 12 germinal 3-e an.

²⁵⁴ Национальная библиотека, Lb⁴¹—1720. La Passion du peuple selon Mathurin Bonapace:... et le douze germinal effaça la honte du trente un mai...

²⁵⁵ Национальный архив. С. 343. District de Billom (dép. Puy de Dôme), ce premier floréal an 3: ...Le dernier coup est donc porté à cette faction monstrueuse et colossale dont nous n'avons jamais bien

penetré toutes les sourdes menées; nous regardons ses derniers efforts comme les mouvements convulsifs d'un monstre blessé à mort qui ne font que précipiter sa fin.

²⁵⁶ Там же, С. 338. Les citoyens de la commune de Thiers à la Convention Nationale (28 germinal): Encore une fois vous avez sauvé la patrie. La 10 août, le 9 thermidor vous avez renversé les chefs de la tyrannie, le 12 germinal vous avez déjoué le complot de ses suppôts... Non, le Terrorisme ne redressera pas ses échafauds... Non, le Royalisme ne relèvera pas son trône...

²⁵⁷ Actes, т. XXI, p. 560. Orléans 16 germinal an 3 (5 avril 1795).

²⁵⁸ Национальный архив. С. 342. Orange, le 17 floréal an 3. Le Directoire du district d'Orange à la Convention Nationale: ... Ordonnez qu'on livre aux tribunaux tous les hommes de rapine et de sang. Le peuple attend impatiemment cet acte de justice. Il peu seul l'empêcher de se livrer à des excès que la loi désavoue et punit, mais qu'elle n'arrête pas, parce qu'elle a au-dessus d'elle dans le cœur du français né sensible, privé de son père, de son époux ou de son fils morts innocents sur l'échafaud, les sentiments invincibles de la nature.

²⁵⁹ Там же, С. 343 (Femur, départ. de la Côte d'Or), 16 floréal an 3. ... Pourquoi laissez-vous subsister au milieu de vous les restes impurs de cette montagne volcanique dont les agitations intestines semblent menacer en ce moment encore la République d'une nouvelle et désastreuse irruption? ... Oui! La mort des tirans est la plus sûre et dans les circonstances difficiles est l'unique garantie de la liberté publique.

²⁶⁰ Там же, С. 338. Bar-sur-Ornain, le 18 germinal an 3 (A la Convention Nationale): Le complot infâme qui a éclaté le douze germinal avait, n'en doutez pas, des ramifications dans les départements, déjà le sourire des hommes de sang semblait présager cette insurrection du crime contre la vertu... Vomissez donc à l'instant tous ces cannibales du territoire sacré de la liberté...

²⁶¹ Там же, С. 343. Les citoyens de la commune de Cherbourg... à la Convention Nationale. Le 13 floréal an 3: En dictant à l'Etranger une paix honorable vous ne perdez pas de vue les moyens d'assurer la tranquillité intérieure et nous avons à vous féliciter d'avoir fait poser en même temps les armes et aux ennemis extérieurs et aux oppresseurs du peuple.

²⁶² Национальный архив. С. 338. Rochefort, 10 germinal an 3. (Les citoyens membres de la Société populaire de Rochefort, départ. de la Charente Inférieure, à la Convention Nationale): Nous avons appris avec le sentiment de la plus vive indignation le danger éminent qui a menacé la Convention Nationale dans les séances des 2 et 3 germinal. Ce tumulte de deux journées ne peut étonner les bons citoyens quand il est provoqué par des brigands qui ont assassiné pendant 14 mois... les citoyens de Rochefort ont juré de se rallier toujours à la majorité de la Convention Nationale, si une destinée cruelle jetait une scission funeste parmi vous.

²⁶³ «Le Républicain Français», № 859, quartidi 14 germinal: La Convention a surpassé par son énergie l'espoir des patriotes; elle a triomphé dans un jour de famine d'une faction qui depuis trois ans exerce la plus odieuse tyrannie...

²⁶⁴ Cp. Cloスマdeuc. T. Quiberon, 1795. Paris, 1899, p. 2—3 и сл.

²⁶⁵ Actes, т. XXI, p. 575. Rouen, 16 germinal an 3 (5 avril 1795). J'attribue tous ces orages au trop grand nombre de prêtres et de religieux insermentés que le Comité de sûreté générale a fait mettre en liberté... à la trop grande importance qui a été donnée au parti de la jeunesse, à la conduite vacillante qu'a tenue la Convention Nationale, à l'espèce d'injustice que l'on a commise en proscrivant de bons citoyens sous le titre de Jacobins ou Buveurs de sang.

²⁶⁶ Adresse présentée à la Convention Nationale au nom de la section des Tuilleries, le 30 germinal, troisième année de la République française, imprimée, affichée et envoyée aux départements, aux armées, etc., par ordre de la Convention Nationale (Jullian): Le cri de la vengeance retentit d'un point de la République à l'autre, et cependant ses assassins souillent encore le jour qui nous éclaire! Quelques uns siégent au milieu de vous!... Générations futures, que direz-vous de nous?.. (La France) vous demande vengeance des traîtres qui l'ont assassinée...

²⁶⁷ Jullian, op. cit., p. 198 и сл. Nous sentions que l'insurrection de germinal n'avait été, en quelque manière, que l'essai des forces de nos ennemis et les escarmouches de l'action générale qu'ils allaient engager. Nous le sentimes et nous n'en fûmes ni étonnés ni découragés; notre cause était celle de tous les propriétaires, de tous les gens de bien.

²⁶⁸ Национальная библиотека. Le³⁹. 286—329. Proclamation (signé: Chambon, Maigron, secrétaire): Citoyens, toujours bons et généreux, méfiez-vous de la perfidie... Vous avez des magistrats, ils ont votre confiance... Laissez leur le soin pénible de fouiller dans les archives du crime... mais plutôt suspendez encore votre excusable impatience de la lenteur des formes contre d'aussi grands criminels.

²⁶⁹ Национальный архив. AF. 11—25. Aix. Rapport (au Comité de salut public, le 22 floréal)... En déplorant le malheureux événement dont il rend compte, le Directoire observe que les menaces, les provocations atroces faites au peuple par les prisonniers pendant leur trajet des prisons au tribunal et pendant les séances des juges, leurs projets de vengeance qu'ils ne dissimulaient point, comme de verser encore des torrents de sang, d'incendier la ville, de rétablir enfin la tyrannie de Robespierre, avaient soulevé contre eux l'indignation publique et rendu impuissants tous les efforts des autorités constituées pour en prévenir les terribles effets.

²⁷⁰ Национальный архив. AD XVIIIe—255. Discours prononcé par le cit. Louvet... dans la séance du 12 floréal: Représentants, on vous parle souvent du terrorisme et sans doute l'horreur qu'il inspire est trop juste; mais je dois vous avouer que ce n'est pas lui qui cause maintenant mes plus vives inquiétudes. Vous l'avez abattu dans ses chefs... le règne des hommes de sang est à jamais passé... Représentants, vos vrais ennemis, les ennemis naturels, les implacables ennemis... qui vous renverseront si vous ne les contentez, ce sont les royalistes. Sans doute on fait bien d'appeler vos regards sur les partisans de la terreur; mais pourquoi vous détournerez-on de les porter sur les hommes aujourd'hui plus dangereux, sur les fauteurs de la royauté?

²⁷¹ Национальная библиотека. Le³⁸. 1365—1445. Séance... du 12

floréal an 3: ... et dans ces groupes nombreux les cris d'anarchie et de royauté sont dans les mêmes bouches; on y regrette à la fois Robespierre et Louis XVI... l'anarchie n'est qu'un moyen du royalisme...

²⁷² Actes, t. XXI, p. 462—463. Le Comité de salut public aux représentants aux armées du Nord et de Sambre-et-Meuse, à Utrecht. Paris, 13 germinal an 3 (2 avril 1795): Depuis quelque temps toutes les correspondances étrangères annonçaient qu'il y aurait un mouvement dans Paris. La pénurie factice des subsistances en était le prétexte, le royalisme levait audacieusement la tête... tous les instigateurs du royalisme et du terrorisme seront recherchés avec soin... Observez avec soin le mouvement des armées qui sont devant vous: nous avons lieu de croire que c'était un mouvement combiné, et il serait possible que l'ennemi eût voulu le faire correspondre avec les mouvements extérieurs.

²⁷³ «L'Orateur du Peuple», № CXXII, du 30 floréal (an 3), p. 237. Adresse à la garnison de Bruxelles par les ennemis du terrorisme: ... Désabusez vous donc, braves frères d'armes; ouvrez enfin les yeux et soyez bien convaincus que ces mêmes hommes qu'on vous désigne sous la qualification insignifiante de muscadins sont comme vous français intéressés au maintien des loix; qu'ils sont unis de cœur et d'esprit avec ceux qui le 12 germinal, aux accents sublimes du chant du «Réveil du peuple», ont sauvé la France, en sauvant la Convention et terrassant les jacobins... sachez enfin que les dénominations de muscadins et autres n'ont été inventées que par les scélérats factieux, qui voulaient organiser des massacres.

²⁷⁴ Choudieu, op. cit., p. 309: Voilà donc quel était le véritable but de l'insurrection du 12 germinal. Et Fréron l'avoua lui-même quand il dit aux applaudissements de la majorité thermidorienne: «La révolution du 9 thermidor va recevoir son complément».

²⁷⁵ Национальный архив, F⁷—4443, pl. 2. Orléans ce 16 germinal an 3. Le représentant du peuple Porcher à la Convention Nationale: ...La présence de Collot avait excité la plus vive indignation... Accablé des malédictions des parents des nombreuses victimes qu'il avait faites, Collot pâlit en se voyant entouré d'elles. Ces craintes n'eussent malheureusement été que trop fondées sans le dévouement généreux de cette jeunesse dont il ne faut que diriger l'esprit au lieu de la calomnier sans cesse. Son intrépidité et l'extrême confiance que le peuple a dans ses magistrats ont empêché un événement désastreux.

²⁷⁶ Там же, pl. 8. Loi qui ordonne l'arrestation de neuf représentants du peuple y dénoncés. Du 16 jour de germinal an troisième (Moyse Bayle, Thuriot, Cambon, Granet, Hentz, Maignet, Levasseur de la Sarthe, Crassous, Lecointre de Versailles).

²⁷⁷ Там же, pl. 10. Ce 24 germinal à 9 h. 1/2 du soir. Bacon aux membres du Comité de sûreté générale: D'après ce que je viens d'apprendre par mes émissaires du faubourg Antoine, j'instruis le gouvernement qu'il se tient des conciliabules, présidés par les députés Ruamps et Levasseur. Ils mettent en avant la disette de pain pour occasionner un mouvement. Ces conciliabules ont lieu sans qu'on puisse encore connaître la localité de leurs séances.

²⁷⁸ Сначала 8 (Duhem, Choudieu, Châles, Léonard Bourdon, Huguet, Amar, Foussedoire, Ruamps); потом еще 9 (Bayle, Thuriot, Cambon, Granet, Levasseur de la Sarthe, Crassous, Maigne, Lecointre de Versailles, Hentz). Если присоединить к ним сосланных Колло д'Эр-

бу, Барера, Бильо-Варенна и Вадье (судьба которого внезапно была решена тоже в ночь с 12 на 13 герминаля), то получится цифра 21 депутат и все из левой части Конвента. Ср. Fain, Manuscript de l'an III, p. 140—141.

²⁷⁹ Национальный архив. F⁷—2476. Comité de l'arrondissement de Paris, séance du 15 germinal... on s'y est occupé des affaires courantes telles que visa des passeports, recherches faites pour renseignements à donner à diverses dénonciations reçues, dont copie envoyée sur-le-champ au Comité de sûreté générale... ainsi qu'une liste nominative de plusieurs individus, reconnus très suspects dans la journée du 13 du courant...

16 germinal: ... différents citoyens de la section des Champs-Elysées qui... nous ont donné des renseignements sur la journée du 13 et sur la conduite suspecte de certains individus... 17 germinal: ... plusieurs citoyens dans le cas de nous procurer des connaissances sur les journées de 12, 13 et 14 dudit, pour sur-le-champ en faire part au Comité de sûreté générale... И ежедневно: la distribution des fusils.

²⁸⁰ Национальный архив. Comité révolutionnaire du I arrondissement de Paris, Séance 13 germinal an 3: Les membres sortis... sont revenus à leur poste... la séance s'est passée... à délivrer les fusils à nos frères d'armes, dignes de notre confiance...

²⁸¹ Forot V, Les Thermidoriens tullois. Paris, s. d., p. 86: ...interrogé s'il avait appris avec plaisir les mouvements arrivés à Paris le 12 germinal...

²⁸² «L'Orateur du peuple», № CII, du 19 germinal: Mais elle (la Convention) les surveillera, elle les tiendra en respect. Au reste ils profiteront sans doute de la leçon et leur liaison avec les coupables doit les rendre responsables de la première sédition qui s'élèverait. Ils restent dans la Convention, mais ils y sont en otage.

²⁸³ Там же, № CI, Du 17 germinal. Nouvelles données par le télégraphe du Luxembourg sur l'intérieur de cette maison d'arrêt pendant le cours des journées des 10, 11 et 12 germinal et de la nuit suivante.

²⁸⁴ «(Le 12 germinal)... A 8 heures. On croit qu'on délivre les détenus de Plessis, parce qu'on entend du bruit de ce côté; chacun s'apprete... A 10 heures. Tout est calme, on commence à ne plus espérer que pour le lendemain, on arrête de ne pas se coucher. A 11 heures. Chacun se retire tristement».

²⁸⁵ Национальный архив. C. 337. Séance du 14 germinal an 3 (Convention Nationale): Des citoyens de la commune de Rennes réunis en société populaire demandent un prompt échange des prisonniers français contre ceux des despotes afin que les premiers jouissent avec leurs frères du bonheur que la Convention prépara à la France.

²⁸⁶ Fain, op. cit., p. 154: Il vient de recevoir un premier avis des troubles de Paris. On a tout lieu de craindre que ces mouvements populaires, exagérés par l'éloignement et l'intrigue, ne refroidissent à Berlin le désir qu'on a d'en finir.

²⁸⁷ Национальный архив. p. 337. Procès verbal de la Convention Nationale. Séance du 13 germinal an 3: La Convention Nationale décrète que de demie-heure en demie-heure le Comité de sûreté générale rendra compte à l'Assemblée de l'état de pain.

²⁸⁸ Actes, t. XXI, p. 587—588. Séance du 17 germinal an III (6 avril 1795): ... considérant qu'il importe de mettre la plus grande régularité dans la distribution des farines entre les boulangers et du pain

entre les citoyens, considerant qu'il importe à la tranquillité publique que chaque individu soit assuré d'avoir la portion qui lui se a assignée sans être exposé à une perte de temps considérable et à la fatigue d'une trop longue attente

²⁸⁹ Национальный архив F7*—2523 Registre des délibérations du Comité du 12 arrondissement Séance du 24 germinal un rassemblement de fermiers s'est fait au Comité civil de la section du Panthéon demandant qu'il leur soit livré une livre de pain au lieu d'une demi livre que l'on leur voulait livrer en vertu d'un arrêté des deux comités—civil et de bienfaisance réunis

²⁹⁰ Письма D'yez найденные и опубликованные Raphaël Larquier «La Revue de France», 1926, novembre décembre Paris, le 30 floréal an 3 (19 mai 1795) ici c'est une horreur de l'agiotage qu'on se permet Au Jardin Egalité un pain d'une livre dans un instant pas se de main en main et va depuis 12 jusqu'à 12 et 20 livres par cette opération infâme il est certain que cet état de choses ne peut pas durer longtemps (R de F, 1926, 15 décembre, p 685)

²⁹¹ Peltier Paris pendant l'année 1795 Londres, 1795, p 125

²⁹² Levasseur de la Sarthe, op. cit., v. IV, p. 237
Dans l'intervalle de deux mois qui séparent la journée de germinal de l'insurrection de prairial, il n'eut point de conspiration arrêtée, seulement les esprits irrités davantage par la récente lutte et par notre proscription sentaient qu'il serait fait un nouvel appel aux armes A dehors de club des jacobins les patriotes exposaient avec énergie leurs griefs dans les clubs des sections tout annonçait enfin une grande crise sans l'avoir provoquée les Montagnards la désiraient et se promettaient d'en profiter La disette était parvenue au point le plus effrayant, il fallait passer une partie de la journée à la queue, aux portes des boulangers, pour obtenir quelques onces de pain et de riz La chute des assignats, sans modification dans leur cours force, le relâchement des lois en faveur des pauvres, le manque d'ouvrage dans toutes les classes ouvrières avaient mis le peuple dans un état de détresse difficile à décrire

²⁹³ Национальный архив AF 11—50 Meaux, le 2 prairial an 3 Le Directoire de Meaux aux représentants du peuple composants les Comités de sûreté générale et de salut public et militaire réunis Des nuages s'élèvent dans quelques communes qui manquent absolument de subsistances mais ils se dissipent généralement et nos administrés sentent que l'insurrection ne leur donnerait pas ce qui leur manque et les plongerait dans l'abîme

²⁹⁴ «L'Orateur du peuple», № CXI, du 7 floréal Tout est parfaitement tranquille Les passions semblent pour jamais assoupies Le peuple continue à souffrir la disette avec une patience sublime et une héroïque résignation Les gens aisés font des sacrifices un commerce de bénêfices et de reconnaissance s'établit entre toutes les classes de citoyens

²⁹⁵ Thibaudieu, op. cit., v. I, p. 165 Les républicains honnêtes par amour de la liberté les gens qui avaient quelque chose à perdre par la crainte du pillage, les royalistes même pour sauver leurs têtes arriveront au secours de la Convention

²⁹⁶ Julian, op. cit., p. 199 Quoique nous n'issions point de rassemblement légal, nous nous retrouverions partout et même au milieu de cette foule

²⁹⁷ Correspondance intime du conventionnel Ro vere avec Goupilieu de Montaigu en mission dans le midi après la fermeture Nîmes, 1908, p. 184 Rovere à Goupilieu Paris le 7 prairial an 3 Tu auras sans doute déjà appris la crise violente que nous venons d'essuyer Jamais la Convention n'a couru de si grands dangers Notre malheureux collègue Feraud a été la seule victime Nous ne devons notre salut qu'à l'énergie des bons citoyens choisis un à un dans chaque section Si nous n'avions pas élagué la canaille nous étions perdus Ce qui n'aurait pas manqué d'arriver, si nous avions fait lever les sections en masse, ou les scélérats dominaient, parce que les honnêtes gens rougissaient de se mêler avec eux Heureusement nous y avons fait attention Nous avons donné l'éveil aux hommes probes aux bons citoyens qui avaient une fortune à conserver Nous les avons appels de chaque section, et tout d'un coup nous avons eu une armée de 50 mille hommes qui avec la cavalerie que nous avons fait venir nous ont sauvé, et avec nous la chose publique

²⁹⁸ Там же Voilà un moyen sur de terrasser les scélérats Tu feras bien d'y avoir recours si le cas t'exigeait

²⁹⁹ Национальная библиотека Отделение рукописей MSS, fonds français nouv. acq. 244 (Бумаги Мерлен де Тюонвиля Письмо, подпись санное David) Paris le 7 prairial Le 4, l'elite des citoyens de Paris, rassemblés par avertissements personnels au rombre de 30 à 40 mille hommes, tous armes de fusils accompagnés de deux régiments de cavalerie, de quelques détachements de volontaires de canons et de mortiers ont encerclé le faubourg Saint-Antoine Cette fermeture et les préparatifs militaires leur ont imposé Ils ont voulu entrer en négociation, l'assembliée a refusé de les entendre enfin ils se sont soumis vers le soir Le 5 toutes les sections furent assemblées pour déclarer les terroristes et faire arrêter les plus coupables Tous les citoyens ont exécuté cette mesure avec une ardeur incroyable On fait déposer toutes les piques

³⁰⁰ Национальный архив С 342 Les mémoires concernant le tribunal criminel du département de l'Hérault à la Convention Nationale le 13 prairial an 3 il faut faire aux méchants une guerre continue il n'est point de traiter avec le crime Représentants votre collègue Olivier Gerente à raison de vous annoncer qu'à votre ordre on verra accourir du département de l'Hérault des phalanges de républicains propriétaires déterminés à protéger le sanctuaire des lois Un grand nombre est déjà soumis les révoltes de Toulon

³⁰¹ Actes, t. XXIII Paris, 1913, p. 369 (pour sauver la chose publique horriblement menacée par les hommes de sang et de carnage)

³⁰² Национальный архив Г7 4441—B Du 2 prairial an 3 Comité de sûreté, etc au comité militaire —Nous vous prévenons, collègues, que nous venons de recevoir l'avis qu'il se formait dans le faubourg Saint-Antoine de ces rassemblements qui prenaient un caractère vraiment inquiétant c'est principalement dans les sections de Popincourt, de Quinze-Vingts et de Montreuil avec plus d'audace Nous venons de vous encourager quelques jeunes gens pleins de zèle et de bonne volonté qui nous ont assuré qu'il se formait encore des rassemblements de femmes aux Tuilleries, semblables à ceux d'hier Nous vous invitons à donner des ordres pour dissiper le plus promptement que faire se pourra ces groupes qui peuvent alarmer la tranquillité publique et avoir les suites les plus fâcheuses pour la liberté

³⁰³ Levasseur de la Sarthe, op. cit., t. IV, p. 237.

³⁰⁴ Там же, т. IV, стр. 239.

³⁰⁵ «L'orateur du peuple», № CXXIII.

³⁰⁶ Национальный архив. F⁷ 4411—B. Comité de sûreté générale à la commission de police administrative. Du 1 prairial an 3. Citoyens administrateurs, nous apprenons que votre surveillance ne soit point assise active, on nous assure qu'il existe un Comité d'insurrection, indépendamment du rassemblement séditieux qui y est réuni...

³⁰⁷ Национальный архив. F⁷ 2523. (Les opérations du Comité révolutionnaire du douzième arrondissement composé des sections du Panthéon français, du Finistère, de l'Observatoire et des Sanculottes, etc.), 43: Séance du 1 prairial l'an 3. Le président averti qu'il se forme des rassemblements dans les sections de l'arrondissement, que le tocsin sonne, convoque à l'instant le comité lequel réuni arrête qu'il restera en permanence jusqu'à la cessation des troubles. — Les cit. Leboy, secrétaire du Comité civil de la section de l'Observatoire, avertit le Comité d'un rassemblement des citoyens de ladite section, dans le lieu des séances ordinaires sous la dénomination d'assemblée générale de section. — Le cit. Diot annonce le même rassemblement dans la section du Jardin des Plantes et ajoute qu'après la lecture faite de la loi par l'agent national cette prévue assemblée s'est dissipée... Les commissaires du Comité civil de la section du Panthéon français préviennent le Comité sur un rassemblement de citoyens dans le lieu ordinaire des séances de la section sous la dénomination d'assemblée générale permanente et que pour communiquer avec les autres portions des sections insurgées ils avoient reçu une députation à la tête de laquelle étoit un nommé Pignaud, qui en vertu de ses prévus pouvoirs avoit requis du comité l'apposition du timbre sur des arrêtés pris par ce rassemblement ce à quoi ledit comité s'est refusé.

³⁰⁸ Levasseur de la Sarthe, op. cit., v. IV, p. 239.

³⁰⁹ Julian, op. cit., p. 199: ...cette foule dirigée par les chefs malhabiles qui ne lui avaient donné qu'une impulsion générale et qu'on avait laissée sans instructions particulières pour agir suivant les circonstances...

³¹⁰ Национальный архив. W. 547. Bourbotte, déposition à décharge (допрос 26 прерияля, показание свидетеля Paul Forestier): ...le déclarant répondit que l'on lui avoit dit que c'étoit un rappel, parce que les faubourgs Antoine et Marceau se proposaient de venir en masse à la Convention pour demander du pain...

³¹¹ Национальный архив. F⁷—2491. Comité du 6 arrondissement, séance du 1 prairial an 3: A onze heures du matin le comité informe que ses craintes se réalisent, que plusieurs groupes se forment pour marcher à la Convention, que la générale bat dans plusieurs quartiers de Paris, arrête que sa séance est perméante, arrête de plus qu'il entretiendra une correspondance très active avec les comités de gouvernement... — A quatre heures de relevé deux membres se rendent au Comité de sûreté générale pour le prévenir que le bataillon de Gravilliers voulait marcher sur la Convention...

³¹² Национальный архив. AF. 11—50. Le Comité révolutionnaire du neuvième arrondissement de Paris, le 3 prairial l'an 3. (Начало: 1 prairial): A une heure et de minuit... le membre envoyé en mission au faubourg Antoine fait part que les boutiques en sont fermées, que les femmes en descendaient et se portaient à la Convention, que les hom-

mes y étaient en groupes et armés, plusieurs ayant sur leurs chapeaux les mots: du pain ou la mort. (Комитет заседал непрерывно, в permanence, а потому общий протокол помечен третьим числом прерияля, когда заседание окончилось).

³¹³ Вот этот документ в том (сокращенном) виде, в каком Пьерре (Pierret) доложил его Конвенту по поручению Комитета общественной безопасности, при открытии заседания 1 прерияля: Le peuple considérant que le gouvernement actuel est tyannique, qu'il affame le peuple, que des citoyens énergiques sont incarcérés par ses ordres, transférés de communes en communes et égorgés dans beaucoup d'autres; considérant que ce gouvernement n'a de force que par notre faiblesse, c'est à dire qu'autant qu'on a la lâcheté de lui obéir; considérant enfin que lorsque l'oppression est insupportable, l'insurrection est le plus sacré des devoirs et un besoin de première nécessité, le peuple arrête ce qui suit: Aujourd'hui sans plus tarder les citoyens et les citoyennes de Paris se rendront à la Convention nationale pour y demander: 1. Du pain; 2. L'abolition du gouvernement révolutionnaire dont chaque parti abuse au gré de ses intérêts et de ses passions; 3. La constitution de 1793; 4. L'arrestation de tous les membres du gouvernement et mise en liberté de tous les patriotes incarcérés pour avoir réclamé des subsistances en faveur du peuple, ou pour des opinions énergiques; 5. La convocation des assemblées primaires au 25 prairial, et celle de l'assemblée nationale au 25 messidor; 6. Les propriétés et les personnes seront mises sous la sauvegarde du peuple; les barrières seront fermées; personne ne pourra sortir de Paris, excepté les citoyens chargés de l'approvisionnement. On s'emparera des postes et messageries, ainsi que du télégraphe; les courriers pourront entrer, mais ne pourront sortir; 7. Les représentants qui seraient surpris en fuite, seront avec tout le respect qui leur est dû ramenés dans le sein de la Convention; 8. Il sera conservé pour la Convention Nationale tout le respect qui est dû à la représentation du peuple français; 9. Tout pouvoir non émané du peuple est suspendu; tout agent du gouvernement qui n'obéira sera puni comme tyran...

³¹⁴ «La pièce qu'on vient de lire n'est point faite pour effrayer les représentants du peuple; ils sauront mourir à leur poste».

³¹⁵ Dulaure, op. cit., v. IV, p. 52.

³¹⁶ Национальная библиотека. L^e 38—1446. Projet de procès-verbal de la séance du premier au 2 prairial de l'an troisième, etc., p. 7.

³¹⁷ Salverte, Les premiers jours de prairial. Paris, an III.

³¹⁸ «Le Moniteur» (quintidi, 5 prairial, 24 mai 1795), излагая это происшествие, явно путает, дабы усилить впечатление от поведения Форо. По маловероятной версии этой газеты выходит, будто толпа сначала «прошла через тело» депутата («on passe sur son corps»), который все же остался жив и продолжал действовать, а убит был уже спустя некоторое время.

³¹⁹ Thibaud, op. cit., v. I, p. 163—164 утверждает, что тело Форо было вытащено из здания Конвента на улицу, где у трупа была отрезана голова и затем на пике внесена обратно в Конвент. Луве в ниже цитированной речи, напротив, говорит, быть может, впрочем, только для красоты слога, что Форо пал «у подножия трибуны».

³²⁰ Discours de J. B. Louvet dans la séance du 14 prairial an 3, pour célébrer la mémoire du représentant du peuple Féraud, etc., ...

sans armes, à peu près seul, Féraud, l'intrépide Féraud reste devant eux... Eh bien, vous passerez sur mon corps, s'écrie-t-il. Il a dit, il se jette; les barbares vont le fouler aux pieds. Quelques amis le relèvent à peine et l'entraînent. Il rentre couvert de sueur, chargé de poussière, brisé de fatigue, hors d'haleine, haletant, épuisé... voici l'instant fatal... Le président donne des ordres; l'adjudant-général Lieubault les recevait... trente sabres sont levés sur lui. Féraud voit l'innocent menacé, il retrouve des forces, il vole au secours de l'inconnu. Entre la victime et les assassins il s'élance... les bras étendus, les bras désarmés... c'est là qu'ils l'ont frappé... au pied de cette tribune il est tombé sans dire un mot, sans pousser un cri! c'est là qu'ils se sont acharnés sur lui, qu'ils l'ont criblé de leurs piques et de leurs baïonnettes! c'est là qu'ils l'ont traîné par les cheveux...

³²¹ Salverte, op. cit., p. 66—67. «Il faudrait la plume de Plutarque pour retracer un pareil trait avec les couleurs qu'il mérite», — прибавляет умиленный автор. В том-то, разумеется, и дело, что историку весь этот рассказ именно и представляется умышленно стилизованным «под Плутарха», с молчаливого согласия самого Буасси д'Англа. Победители в подобных случаях вообще редко противоречат своим восторженным Плутархам. (Ср., например, Николая I и описание декабрьских событий 1825 г. в просмотренном императором изложении графа Модеста Корфа).

³²² Там же, стр. 68.

³²³ Проект о процессе-вербаль, etc., p. 14: ...Ils poussent l'impudeur et l'infamie jusqu'à appuyer les insolents réclamations des révoltés, jusqu'à provoquer eux-mêmes des délibérations et rendre avec ce ramas de brigands ce qu'ils appellent des décrets.

³²⁴ Mathiez, A. La réaction thermidorienne. Paris, 1928.

³²⁵ Guyot, R. Le conventionnel Goujon, op. cit., p. 170.

³²⁶ «Mais comme le mot d'ordre secret était de gagner du temps autant que possible, pour donner le loisir à ceux qui étaient dehors de dégager la Convention, je me dirigeai entièrement sur ce point de vue».

³²⁷ «Moniteur», quintidi 15 prairial an 3. Suite de la séance du 10 prairial: Je suppose, par exemple, que notre respectable collègue Vernier qui tenait le fauteuil dans cette soirée aïfreuse, soit accusé devant la commission; il sera condamné si l'on n'examine pas l'intention pour avoir mis aux voix propositions qui étaient faites par Duroy, Romme et autres; cependant nous sommes tous persuadés qu'il n'a pris ce parti que pour sauver la Convention et la république d'une perte totale.

³²⁸ Национальный архив. W. 547. Pièces de Duquesnoy. Défense de représentant du peuple Duquesnoy: je déclare n'avoir parlé qu'une fois et l'un des derniers dans la soirée du premier prairial, je ne l'ai fait ainsi que tous ceux qui ont parlé avant moi qu'après l'invitation réitérée qui nous en fut faite par le président et croyant faire le bien.

³²⁹ Mémoires de M. de La Rocheboucauld v. IV. Paris, 1862, p. 527: De concert avec les comités de gouvernement s'il (Vernier) paraissait seconder les délibérations des factieux, il ne tendait qu'à gagner du temps à empêcher des violences qui eussent prévenu ces mesures salutaires que la nuit seule pouvait rendre efficaces.

³³⁰ «Le Révolution Française», v. 19, p. 238: «Leur fallait-il dix heures de temps pour s'affubler de leurs costumes et se mettre à la tête d'un simple détachement qui pourtant a suffi, quand on l'a vu, pour

mettre en fuite un tas de bandits que trente hommes bien armés pouvaient arrêter dans sa marche».

³³¹ «Le Moniteur», quintidi 5 prairial an 3: ...Cependant le tocsin sonnait au pavillon de l'Unité; la cour, le jardin du Palais-National, tout était rempli de gardes nationales et d'artillerie. Les bataillons qui attendaient des ordres voyaient défiler au milieu d'eux des hommes armés qui pénétraient dans la Convention sans qu'on sût ce qu'ils allaient y faire.

³³² Там же. Il est 7 heures un quart; on est parvenu à obtenir un peu de silence.

³³³ Там же.

³³⁴ Национальный архив. W²—547, pièce 130. Paris le 25 prairial l'an 3. Déposition de Julian contre tous.

³³⁵ «Тем, что он называл Конвентом» (par ce qu'il appelait la Convention), презрительно формулирует Жюльиан. По официальной теории Конвент формально не существовал и не действовал в течение всех часов, когда в зале находилась народная толпа.

³³⁶ «...afin que les tyrans du 12 germinal ne renouvellassent pas la même nuit».

³³⁷ Национальный архив. W. 547. Pièces de Romme. Допрос 24 прериля... qu'il y a été d'ailleurs vivement sollicité par ses collègues voisins de lui.

³³⁸ Там же (показание Ромма): ...n'ayant pas le talent d'improviser si l'est tu, que le silence lui a valu des outrages et des menaces de plusieurs personnes de la mêlée qui étaient au bas de la tribune...

³³⁹ Там же (показание Ромма 24 прериля): ...que les comités de gouvernement gardoient le silence depuis sept à huit heures quoiqu'un décret rendu le matin les chargeait d'éclairer la Convention d'heure en heure sur ce qui se passait à Paris, que la force armée, dirigée par le gouvernement et qui auroit reçu l'ordre de faire respecter la Convention en repoussant même s'il le falloit la force par la force, ne paraissait plus, que toutes communications avec l'exterieur étoient interrompues... les comités de gouvernement étoient-ils assiégés? étoient-ils dissous? Le sang ne coïloit-il dans les rues de Paris? que voilà les causes de l'anxiété cruelle qu'il éprouvoit, que les doutes le poursuivoient à chaque instant, qu'il voyait la Convention qui s'était déclarée le matin en permanence réduite à la seule puissance morale, dénuée de tous moyens de répression intérieure pour se faire respecter, qu'il crut devoir profiter de la première lueur de confiance pour obtenir le soir ce qu'on n'avoit pu obtenir le matin, que les citoyens se rendissent dans leurs sections.

³⁴⁰ Tissot, op. cit., p. 178—179. Вот текст этих предложений: 1) Les comités civils des sections feront un recensement des farines et grains qui se trouvent chez les traiteurs, restaurateurs, pâtissiers, boulangers de Paris, et tous ceux qui emploient des farines pour le commerce. 2) Les visites qui seront faites à cet effet n'auront lieu que pour les farines et grains seulement (Cet amendement est du président). 3) Les comités civils seront préalablement renouvelés. 4) Ce renouvellement sera fait par les assemblées de section. 5) On ne procédera à ce renouvellement qu'après la mise en liberté des patriotes incarcérés. 6) Les farines provenant du recensement seront converties tout de suite en pain. 7) Il est défendu jusqu'à nouvel ordre de faire des brioches et autres pâtisseries. 8) Il ne sera fait qu'une seule espèce de pain qui sera réparti également. 9) Une commission de cinq membres sera nom-

mée dans le sein de la Convention pour veiller à l'exécution de ces mesures 10) Il sera présenté, dans la séance prochaine, un projet de loi relative à un recensement des grains dans toute le république

³⁴¹ Национальный архив W 547 Записка Ромма суду, 26 prairial, l'an 3 Подписано Роммом Dès l'instant où les représentants du peuple ont été réunis dans un même lieu de la salle, l'ordre s'est restauré, le respect et le silence ont régné, les représentants du peuple seuls ont parlé Le résultat principal a été tel que nous le désirions, la confiance a été rétablie, la foule s'est écoulée peu à peu tant de la salle que des tribunes Il a été facile d'évacuer ce que restait encore lorsque la force armée a été à minuit, dirigée par le gouvernement

³⁴² Там же Extrait du procès-verbal de la Convention Nationale du 8 jour de prairial an 3 de la République française — Romme, représentant du peuple — La salle de la Convention Nationale était envahie depuis plusieurs heures par une foule nombreuse de femmes et d'hommes armés, le représentant Feraud avait été assassiné Romme demanda de la parole au nom du peuple, dit qu'il ne voit dans cette enceinte que des républicains Il réclame le silence au nom du peuple souverain, demande que la tribune soit libre à ceux qui voudraient parler et assure qu'il est tout dévoué à la cause du peuple Il demande que le président mette aux voix à l'instant les propositions qu'il fait comme représentant du peuple, de mettre en liberté les patriotes, et que le décret soit envoyé par des courriers extraordinaires Il propose ensuite la suspension de toutes les procédures commencées contre les patriotes incarcérés Après avoir dit que le comité de gouvernement a dû prendre des mesures pour l'arrivée des subsistances que l'abondance régne pour ceux qui ont beaucoup d'assignats tandis que l'indigent est obligé de mourir de faim, qu'il ne doit y avoir qu'une seule espèce de pain pour tous, il demande qu'il soit fait à l'instant des visites domiciliaires pour chercher la farine Il ne suffit pas, dit-il, de rendre des décrets salutaires, il faut s'assurer des moyens de les faire exécuter Il propose en conséquence la convocation et la permanence des sections de Paris, que les citoyens reprennent leurs droits qu'ils reviennent les commissaires pour les subsistances et que les commissaires civils soient renouvelés au gré du peuple Enfin il demande que ce décret ne soit exécuté qu'après que les patriotes incarcérés auront été mis en liberté

³⁴³ Национальный архив W 547 Le représentant Couzon (Pièces) Extrait du procès-verbal de la Convention Nationale du 8 prairial

³⁴⁴ Tissot, op. cit., p. 202—203 Peu de temps après des femmes furieuses remplissaient nos tribunes en réclamant à grands cris du pain et la constitution Plusieurs membres demandent que l'on fasse évacuer les tribunes, l'ordre en est donné et exécuté sur le champ

³⁴⁵ Там же «Et sans doute il l'aurait fait si un grand nombre d'ouvriers, à qui un pareil crime faisait horreur, ne l'eussent empêché» Бурбон не поясняет точнее, почему он считает спасших его людей именно рабочими, и не говорит определенно, к какому классу причисляет les hommes affreux, жалавших истребить Конвент

³⁴⁶ Национальный архив W 547 Bourbotte Défense (*sic!*) de Bourbotte, etc Personne ne put se dissimuler que depuis quelque temps l'esprit public a été perverti par quelques journalistes dont les feuilles étaient remplies de maximes liberticides Je demande en conséquence l'arrestation de ceux des journalistes qui ont perverti l'esprit public

³⁴⁷ Там же Pièce 140—141 Paris le 25 prairial, l'an 3 Déposition de Martinville et ensuite en s'adressant au sans culotte il lui montra les loges des journalistes qui étaient vides et lui dit vois tu ces coquins là? ils ont pris tous les armes contre le peuple, mais nous le empêcherons de jamais rentrer dans leur repaire

³⁴⁸ Там же Приписка к Extrait du procès verbal du 8 jour de prairial an 3 Dans le séance du vingt trois prairial un membre observe, etc il ajoute que dans la séance calamiteuse du premier prairial et dans le temps où la Convention étoit sous les poignards, après la motion faite de revoquer le comité de sûreté générale pour ses fonctions en être attribuées à une commission, sur les murmures excités par cette motion, Bourbotte se trouvant à la tribune dit nous ne devons pas oublier les journées des douze, treize et quatorze germinal, nous ne voulons pas être transférés au château de Ham

³⁴⁹ Там же Pièces de Duquesnoy Défense du représentant du peuple Duquesnoy je n'ai été ni l'auteur, ni fauteur, ni complice et de claire de n'avoir participé en aucune manière aux attentats et atrocités commises le premier prairial, d'avoir au contraire été pendant sept à huit heures sous les poignards des assassins, accablé d'injures, de menaces de tout genre et maltraité par les factieux

³⁵⁰ Национальный архив W 547 Paris, le 25 prairial an 3 Déposition de Jullian, очная ставка с обвиняемыми («en confrontation»)

³⁵¹ Там же То же дело

³⁵² Там же Extrait du procès verbal, etc Le représentant Soubry invita ses quatre collègues qui venaient d'être nommés pour remplacer le Comité de sûreté générale à se réunir sur le champ et à prendre toutes les mesures nécessaires pour empêcher que les tyrans de 12 germinal ne fissent encore une pareille journée (подчеркнуто в подлиннике)

³⁵³ Discours prononcé par J B Louvet, etc (op. cit.): Oh, si le crime savait en effet combiner tous ses plans et calculer tous ses moyens! Mais un génie protecteur des gens de bien ne le souffre pas, il veut que les méchants soient frappés d'un esprit de vertige qu'au sein même de leurs succès ils s'embarassent dans leur marche Tandis qu'ils vous tenaient esclaves, vos comités demeuraient libres, vos comités préparaient votre délivrance Ce de cette troupe impie seulement le tiers fut présent pour les dissoudre, c'en était fait Plus de moyens de ralliement pour les citoyens fidèles, pour la patrie plus de salut, pour nous plus d'autre destinée que la mort Les conjurés n'y songèrent pas, ou plutôt ils y songèrent trop tard

³⁵⁴ Национальный архив W 548 № 67 Brutus Magnier à l'instant Comité de destruction générale (puisque les insurgés ont eu la maladresse de ne pas faire main basse sur les membres des comités de gouvernement)

³⁵⁵ В заседании участвовали в этот день Камбасерес, Трельяр, Снейс, Тальен, Мерлен (de Douai) и др

³⁵⁶ Actes, т. XXIII, p. 368—369 Séance du 1 prairial

³⁵⁷ Там же

³⁵⁸ Thibaudeau, op. cit., v. I, p. 165

³⁵⁹ «La Convention ne peut tarder à faire justice des scélérats qui l'ont assassinée Il ne faut pas que le soleil se lève et que ces hommes vivent encore»

³⁶⁰ Suite de la séance du 2 prairial Duguet-Bassé Je de-

mande que pour le cas dont on parle, on prononce le hors le loi...—Thibaud de la... Cependant je trouve la mesure de l'arrestation insignifiante (on applaudis), pernicieuse même. Ceux que vous avez arrêtés sont, tant qu'ils vivent, les causes d'une réaction sans cesse renaissante.—André Dumont: Je demande que ce décret soit étendu à ceux qui ont été arrêtés le 12 germinal (vifs applaudissements).—La Convention Nationale décrète d'accusation les représentants du peuple Dumesnoy, Duroy, Bourbotte, Prieur de la Marne, Romme, Soubrany, Goujon, Albitte ainé, Peyssard, Lecarpentier, Pinet ainé, Borie et Fayau, décrétées d'arrestation dans la séance du 1 prairial; et les représentants Ruamps, Thuriot, Cambon, Maribon-Montaut, Duhem, Amar, Choudieu, Chasles, Foussedoire, Huguet, Léonard Bourdon, Granet, Levasseur de la Sarthe, Lecointre (de Versailles),—décrétées d'arrestation dans les séances du 12 et 16 germinal.

³⁶¹ Thibaud de la..., op. cit., v. I, p. 172: Enfin, si nous avions été vaincus, c'est nous qui aurions été coupables, c'est nous...

³⁶² Revue de France, 1926, 15 décembre, p. 687. Письмо, помещенное Paris, le 2 prairial, an 3: Hier citoyens, nous avons eu une journée dont le 9 thermidor n'était qu'un faible échantillon.

³⁶³ Национальная библиотека. Lb 41—2239. N. L. Desessarts, Procès fameux jugés depuis la Révolution. A Paris, an 7 de la République, v. VII, p. 1: L'histoire de la révolution si féconde en événements extraordinaires et en catastrophes sanglantes, n'offre aucune époque où la fureur des factions se soit développée avec plus d'audace que dans la fatale journée du premier prairial de l'an 3.

³⁶⁴ «Moniteur», № 246, sextidi 6 prairial an 3. De tous les attentats commis contre la représentation nationale il n'est point de plus atroce dans son but, de plus cruel dans ses moyens que le complot qui a éclaté le 1 prairial... La Révolution française, ce drame si second en événements terribles et sanglants, n'avait point encore présenté de scène aussi effrayante par les catastrophes qui devaient en résulter... etc., etc. Замечу кстати, что эта статья (в числе еще нескольких) подпала к делам военной комиссии, судившей Ромма и его товарищем (Н. А. 547).

³⁶⁵ Julian, op. cit., p. 201.

³⁶⁶ Revue de France, 1926, 15 décembre, p. 689. Письмо Dysez от 23 прериля... le 1 prairial on a été à un point qu'un peu d'action de plus renversait tout. Il n'a tenu à rien que ce mouvement n'ait réussi; et je ne conçois pas comment, sous les yeux d'un gouvernement armé de tous les pouvoirs, il a pu s'organiser. C'est une énigme pour moi.

³⁶⁷ Там же, стр. 687, письмо от 2 прериля:... Ce fut une espèce de miracle que, dans cette attaque, le sang n'eût pas coulé à grands flots... j'ai vu que nous avons couru les plus grands dangers.

³⁶⁸ Национальный архив, F⁷*—2513. Second registre des délibérations du Comité révolutionnaire du onzième arrondissement du département de Paris. Séance du 1 prairial: A cinq heures du soir le comité envoie deux de ses membres au Comité de sûreté générale pour s'informer des ordres qu'il auroit à transmettre au comité et pour s'instruire de ce qui se passe à la Convention, le comité envoie aussi dans divers endroits de son arrondissement pour s'assurer si tout est calme. Les membres de retour du Comité de sûreté générale apprennent au comité que des factieux se sont introduits en armes dans le sein de la Convention et qu'ils y dictent les loix.

³⁶⁹ Там же. F⁷—2476. Comité de l'arrondissement... Séance du 1 prairial an 3. Des mouvements extraordinaires se manifestant vers la Convention, le comité s'est déclaré en permanence, en jurant de périr à son poste plutôt que de souffrir que la représentation nationale soit violée, de faire tout ce qui sera en son pouvoir pour empêcher tous attentats publics et privés. La salle de la Convention ayant été forcée le Comité de sûreté générale étant investi, le comité reste dans l'anxiété en se voyant dans l'impossibilité de communiquer avec les comités de gouvernement... Le comité passe le reste de la soirée et la nuit, jusqu'à trois heures sans pouvoir juger de l'état des choses que d'une manière vague. A trois heures il reçoit une lettre du Comité de la sûreté générale qui lui annonce que la représentation nationale était délivrée de ses oppresseurs par la courageuse énergie de plusieurs sections de Paris...

³⁷⁰ Национальный архив. F⁷—2523, p. 45: Le comité arrête qu'il sera répondre à l'administration que toutes les opérations du comité ont été exactement envoyées au Comité de sûreté générale comme seule autorité avec laquelle il doit correspondre.

³⁷¹ Там же:... pour demander que les armes des citoyens désarmés leur fussent rendus et que, sur le refus du comité, ces citoyens avaient forcé les portes et les avoient repris...

³⁷² Национальный архив. F⁷ 4411—B. Comité de sûreté générale. Du 1 prairial (ширкуляр по всем комитетам округов Парижа): la représentation nationale seconde de la courageuse énergie de plusieurs sections de Paris, vient de rentrer dans le lieu de ses séances, dans le libre exercice de ses fonctions, etc.. Vous ne doutez pas que votre zèle et vos moyens de persuasion n'aient puissamment concouru dans cette journée au maintien de la tranquillité publique dans chacun de vos arrondissements; par vous le feu sacré s'est conservé; votre correspondance et vos communications avec les comités de gouvernement ont attesté votre patriotisme.

³⁷³ Там же. Les Comités de sûreté générale, de salut public et militaire réunis aux administrateurs du district de... (ширкуляр). Du 2 prairial, deux heures de nuit, an 3. Nous sommes informés, citoyens, que des lettres parties hier ou avant hier de Paris et dictées par la scélératesse la plus contre-révolutionnaire et la plus noire ont invité les citoyens des communes de votre district à s'assembler cette nuit pour prendre des mesures conséquentes au crime que leurs coupables auteurs méditaient contre la représentation nationale et par la consommation duquel ils se flattaien de renverser la république... La représentation nationale affranchie de l'oppression sous laquelle elle a gémi pendant une partie de la journée d'hier, a repris son attitude fière et majestueuse... empêchez et dissipez les rassemblements... éclairez les citoyens sur les événements qui viennent de se passer.

³⁷⁴ Там же. Comité de sûreté générale. Du 1 prairial an 3. Aux commandants de forts de l'Isle Oléron, Besançon, Séダン, Château St. Michel, fort de Ham. Nous te prévenons, citoyen, que la Convention Nationale a été violée dans le lieu de ses séances, un de ses membres a été assassiné dans son sein; au milieu de ces affreux désordres la violence a arraché quelques décrets que la Convention libre s'empressera de rapporter. Ainsi si tu reçois les ordres de mettre en liberté les individus qui sont soumis à ta garde, nous t'enjoignerons d'attendre des ordres ultérieurs. Réponse — par le courrier que nous te dépêchons.

³⁷⁵ Actes, t. XXIII, p. 362. Séance du 1 prairial (20 mai 1795).

³⁷⁶ Национальный архив. F⁷ 4411—B. Du 3 prairial an 3. Le Comité de sûreté générale à la commission administrative de police. Le comité a besoin de recevoir dans le plus bref délai des renseignements sur la position actuelle des 48 sections de Paris. En conséquence il vous invite à lui faire parvenir d'heure en heure des rapports très exacts et des citoyens sûrs. Il compte sur votre exactitude.

³⁷⁷ Национальный архив. F⁷ 4411—B. Du 2 prairial an 3. Comité de sûreté générale à la commission de police administrative. Du 2 prairial, an 3. Que font (sic!) à cette Maison Commune? quel caractère a ce rassemblement? quelle dénomination prend-il? quels paraissent être ses projets? Réponse sous demi-heure au plus tard. Correspondez avec nous de demi-heure à demi-heure.

³⁷⁸ См. цитированное выше отношение комитета безопасности от 3 прерияла.

³⁷⁹ Там же. Du 3 prairial, an 3. Le Comité de sûreté générale au Comité de salut public. Nous vous faisons passer, citoyens collègues, une déclaration qui vient de nous être adressée pour qu'il y ait une exactitude scrupuleuse dans le payment des troupes stationnées à Paris et dans les environs ainsi que dans le service de tout ce qui tient aux besoins de la vie.

³⁸⁰ Там же. Le Comité de sûreté générale au comité civil de la section (циркуляр): —Que votre patriotisme devienne celui de tous vos concitoyens, que partout ils réunissent les esprits, etc., tout présage que cette journée sera heureuse pour les amis de la liberté, des lois et de la représentation nationale...

³⁸¹ Perrin (des Vosges): Je dois annoncer à la Convention que l'esprit des citoyens qui l'entourent est excellent. Il n'est pas une section qui ne soit animée de la plus grande ardeur pour détruire les cannibales; la cavalerie partage les mêmes sentiments.—Henri L'arivière: La force armée qui entoure la Convention vient de prêter le serment de faire une guerre à mort aux terroristes et aux buveurs de sang.

³⁸² «La malveillance dit aussi que la Convention Nationale a mis hors la loi le peuple de Paris; comme si on mettait le peuple hors la loi... Fermes à vos postes, maintenez-nous libres dans le nôtre et, par un dernier effort, nous assurerons aux satellites du brigandage, aux amis de la terreur, aux secrets partisans de la royauté leur châtiment et à vous le maintien de vos propriétés, la sûreté de vos personnes et la liberté.

³⁸³ «Moniteur», septidi 7 prairial, an 3. Suite de la séance du 2 prairial. Marec: Jamais les Jacobins ne nous eussent donné cette paix.

³⁸⁴ Там же, речь Doucet.

³⁸⁵ Национальный архив. С. 341. 1 prairial. Proclamation de la Convention Nationale aux citoyens de Paris:... Citoyens, les provocateurs des troubles se gardent bien de vous dire leurs secrets. Ils abhorrent la paix qui pourrait ramener l'abondance et vivifier l'industrie. Un traité de paix devait être et fut signé à Bâle le seize germinal: le douze germinal ils excitèrent une révolte. Des négociations suivies avec activité et prudence ouvrent au gouvernement une perspective heureuse... ces mêmes provocateurs s'efforcent d'étouffer à la naissance le germe de votre bonheur...

³⁸⁶ «Journal des hommes libres», № 242, 2 prairial. Séance du premier 1 prairial: Un autre fait, ajoute Merlin de Douai, c'est qu'à peine la paix avec la Prusse était conclue, qu'une des puissances coalisées a fait remettre à la diète de Ratisbonne un mémoire, dans lequel on faisait un crime au roi de Prusse d'avoir signé la paix dans un moment où la fermentation qui régnait en France faisait espérer une crise prochaine.

³⁸⁷ A. D. I—III. Discours prononcé par Boissy d'Anglas... dans la séance de la Convention Nationale du premier thermidor l'an troisième... il faut le dire à la France entière à l'Europe, à l'univers, le cabinet de Londres use en ce moment de ses dernières ressources... Désespérant de triompher de nous par la force des armes et craignant d'être bientôt forcé de céder aux volontés de sa nation, le génie machiavélique de la cour de Londres cherche à porter dans notre propre sein un germe d'anéantissement; c'était lui qui tout à l'heure provoquait les crimes du premier prairial...

³⁸⁸ «Moniteur», № 247, septidi 7 prairial. (Suite de la séance du 2 prairial). De la haye: Des événements plus fâcheux que ceux qui nous ont environnés hier nous menacent peut-être encore; je demande que les comités de gouvernement viennent nous rendre compte.

³⁸⁹ Там же. (Genisseux).

³⁹⁰ Там же. Perrin: Je dois annoncer que les factieux ont quitté la commune, qu'ils se rassemblent au faubourg Antoine et qu'ils disent attendre les habitants de campagne qui se joindront à eux... Bourdon de l'Oise: Il faut marcher dessus. Dès qu'il y a une rassemblement, il faut aller en avant. Garnier: ...il faut marcher contre les coquins... Legendre: On a chargé les comités de prendre des mesures, ils agissent sans doute, il est inutile de rien proposer ici.

³⁹¹ La Roche Foucauld, op. cit., v. IV, p. 532.

³⁹² Actes, t. XXIII, p. 402. 2 prairial (21 mai 1795).

³⁹³ La Roche Foucauld, op. cit., v. IV, p. 537—538.

³⁹⁴ Une lettre du général Alexis Dubois sur les journées de Prairial. («La Révolution Française», 1904, v. 47, p. 180 и сл.).

³⁹⁵ «Voilà ma conduite... lorsqu'il s'agit de sauver sa patrie l'homme est capable de tout, jusqu'à se vaincre lui-même».

³⁹⁶ Fain, op. cit., p. 194.

³⁹⁷ Suite de la séance du 2 prairial (Legendre).

³⁹⁸ Вот этот декрет: La Convention Nationale, en déclarant qu'elle continue à s'occuper sans relâche des subsistances des citoyens de Paris, décrète que la commission des Onze lui proposera les lois organiques de la constitution 1793 quintidi 25 du présent mois. Le présent décret sera proclamé sur-le-champ aux citoyens qui entourent la Convention Nationale, publié dans toutes les sections de Paris et envoyé aux départements et aux armées par des courriers extraordinaires.

³⁹⁹ Suite de la séance du 2 prairial.

⁴⁰⁰ Там же.

⁴⁰¹ La Roche Foucauld, op. cit., t. IV, p. 545. (...la consternation et les regrets des patriotes, la joie et les espérances des séditions...).

⁴⁰² «Moniteur», octidi 8 prairial an 3. Séance du 3 prairial (Bourdon).

⁴⁰³ Национальный архив. С. 341. La Haie (sic!), le 7 prairial an 3. Les représentants du peuple près les armées du Nord et de Sambre

et Meuse. nous nous sommes occupés sur-le-champ avec le général en chef Moreau et les généraux Eblé, Delmas et Dumonceau des mesures à prendre soit pour délivrer la Convention Nationale de ses oppresseurs, soit pour la venger si elle avait succombé sous leurs coups. Des ordres ont été expédiés sur-le-champ pour faire mettre en mouvement tout ce que nous avons de troupes disponibles et les diriger vers la France.

⁴⁰⁴ Le Comité de sûreté générale. Du 3 prairial, an trois, etc. Le Comité de sûreté générale arrête que chacun des douze comités révolutionnaires de Paris mettront en arrestation les individus notamment connus comme agents ou provocateurs de l'anarchie, et porteront dans cette mesure autant de célérité que de prudence.

⁴⁰⁵ «Moniteur», septidi 7 prairial an 3 (mardi, 26 mai 1795). Suite de la séance du 2 prairial.. la proclamation.. présentée par Auguis au nom des comités

⁴⁰⁶ Национальный архив. F⁷—2476 Comité du 1 arrondissement. Séance du 2 prairial an 3: La matinée se passa à entendre les déclarations des citoyens armés amenaient au comité des citoyens et des citoyennes qui préchaient le désordre, provoquaient à des moyens sanguinaires contre la Convention.

⁴⁰⁷ Julian, op. cit., p. 202.

⁴⁰⁸ Национальный архив F⁷—2523, 46 Séance du 3 prairial an 3. Le citoyen Jumiliard se déclarant président du rassemblement d'individus de la section du Panthéon français sous le nom d'assemblée générale, se présente au comité et demande à protester sur la conduite qu'il a tenue dans les journées du 1 et 2 prairial. Le comité après avoir délibéré sur ladite demande a arrêté qu'il n'y avait lieu à délibérer, motivé sur ce que ledit citoyen ne pouvait ignorer la loi qui défend ces sortes de rassemblements pour recevoir une protestation de cette nature...

⁴⁰⁹ Национальный архив. F⁷—2491. (A onze heures du soir dudit jour trois prairial, etc.). Самая характерная фраза в устах председателя комитета общественного спасения... que les bons citoyens n'avaient plus de ressource que dans leur courage et leur énergie...

⁴¹⁰ Le vasseur de la Sarthe, op. cit., t. IV, p. 235

⁴¹¹ Actes, v. XXIII, p. 404. Séance du 2 prairial an 3 (21 mai 1795).

⁴¹² Recueil, v. I, p. 738; 3 prairial an 3 (22 mai 1795).

⁴¹³ Там же.

⁴¹⁴ Национальная библиотека. Lb⁴¹—1826. Détails circonstanciés de ce qui s'est passé le 4 prairial au faubourg St Antoine, par le général Kilmaine: ...il est nécessaire que je dise un mot du bataillon des jeunes gens, qu'on a tant et si souvent calomnié, qu'on a tant accusé de royalisme et qui cependant ont tant rendu de services depuis le neuf thermidor.

⁴¹⁵ Антуанское предместье входило, собственно, вовсе не в 6-й, а в 8-й округ, но комитет этого последнего округа был в глазах властей довольно подозителен по своему составу, поэтому и пришлось воспользоваться услугами чужого, но зато вполне «благонадежного» комитета.

⁴¹⁶ Национальный архив. F⁷—2491^t. Registre (ff. 103—107). A singe heures du matin quatre prairial, etc.:... les autorités constituées avoient été prévenues et avoient averti le gouvernement que l'on y proposait d'enlever les condamnés et de les soustraire au supplice.

⁴¹⁷ Там же. Il sembloit que tous les habitans fussent membres du comité du 8 arrondissement étant tous profondément endormis.

⁴¹⁸ Там же:... traitant de muscadins et d'aristocrates tout ce qui n'est point habitant du faubourg Antoine...

⁴¹⁹ Национальный архив. F⁷ 4411—B. Du 4 prairial. Le Comité de sûreté générale au Comité révolutionnaire du 8 arrondissement. La victoire se prononce en faveur de la loi, citoyens, l'ordre triomphe de l'anarchie et la loi du canon. Nous invoquons, citoyens, votre patriotique et courageuse véracité pour faire placer sous la main de justice les auteurs et provocateurs de la conspiration qui a aujourd'hui failli de perdre la république. Il ne faut pas que la patrie soit chaque jour exposée à des convulsions qui atteignent toutes ses ressources et la nettent aux portes du tombeau;achevons de concert le salut de la France.

⁴²⁰ Национальный архив. C. 341. 9 prairial Rapport (Delamas, Gillet, Aubry):... les rebelles se voyant investis de tous côtés par la force armée et pressés dans le même moment par les bons citoyens du faubourg Antoine n'ont pas tardé à faire des propositions de paix... a dix heures du soir le faubourg était désarmé, les coupables livrés à la commission militaire et tout était rentré dans l'ordre sans avoir fait couler une goutte de sang.

⁴²¹ Национальный архив. AF. 11—57. Loi contenant des mesures répressives contre les factieux du faubourg Antoine. Le 4 prairial an troisième, etc... Considérant que les factieux du faubourg Antoine ont dans les journées des 1 et 2 de ce mois marché en armes sur la Convention Nationale et braqué leurs canons contre le lieu de ses séances à l'effet d'arracher aux représentants de vingt-cinq millions de français des décrets qui dans aucun cas ne doivent être l'ouvrage de la contrainte, mais toujours celui de voeu libre de la majorité, considérant que les factieux menacent de présenter encore à la France le spectacle d'une faible portion du peuple voulant faire la loi à la majorité de la nation, qu'ils menacent la France entière de la couvrir de nouveau de crêpe funèbre que la révolution du 9 thermidor doit avoir déchiré pour jamais, que leurs projets liberticides sont évidemment de reculer l'époque heureuse ou la France enfin doit jour d'une constitution libre et démocratique, consolidee par les traités de paix déjà conclus et ceux qui sont prêts à être consommés.. Considerant.. qu'un des assassins, condamné par les lois, a été arraché par la force des mains de la justice au moment où il devait subir le châtiment du au plus grand des forfaits; que les factieux du faubourg Antoine ont eu l'audace inconcevable de promener en triomphe ce scélérat et lui donnent retraite de sûreté dans le sein de leurs sections.. décreté ce qui suit.

⁴²² Национальная библиотека. MSS, fonds fr., nouv. acquis. 245. Paris le 4 prairial, an 3. Les Comités de salut public, de sûreté générale et militaire réunis—aux représentants du peuple près les armées et dans les départements et aux Administrations de département: La loi que vous avez reçue contenant des mesures répressives contre les factieux du faubourg Antoine, a reçu son entière exécution; il a suffi de déployer l'appareil imposant de la force pour ramener les factieux à l'obéissance. Plusieurs des chefs ont été saisis, la journée de demain éclairera leur supplice, le désarmement des autres les mettra hors d'état de nuire, et les bons citoyens peuvent espérer que leur tranquillité ne sera plus troublée. Les Représentants du peuple, signé: Cam-

бакерс, президент; Treilhard, Defermon, Fourcroy, Sevestre, Bernaud, Doulcet, Roux, Merlin (de Douai), Gillet.

⁴²³ Национальная библиотека. Lb⁴¹—1827 Histoire du bataillon des jeunes citoyens à l'attaque du faubourg Antoine le 4 prairial, an 3, par Louis Costaz... et que dans le cas où les événements tourneroient en faveur des jacobins les notes deviendroient des tables de proscription... p. 5.

⁴²⁴ Lacretelle, op. cit., p. 226

⁴²⁵ Там же.

⁴²⁶ Там же, стр. 223—224.

⁴²⁷ Kilmaine Ch. J., général. Détails circonstanciés de ce qui s'est passé le 4 prairial au faubourg Saint-Antoine Брошюра без места и года. Отмечу, что есть некоторая несогласованность в показаниях участников насчет часа экспедиции. Луи Коста (Costaz L. Histoire du bataillon des jeunes citoyens à l'attaque du faubourg Antoine, le 4 prairial an 3. Paris, s. a. p. 6) утверждает, что выступили они не в 5½ часов, а в 3 часа утра и около пяти уже были в предместье.

⁴²⁸ Costaz, op. cit.

⁴²⁹ Там же, стр. 5.

⁴³⁰ Национальная библиотека. Le³⁸—1459. Rapport fait par le représentant Aubry sur les événements militaires 1, 2, 3, 4 et 5 prairial. Imprimé par ordre de la Convention Nationale — В сокращенном изложении этого отчета, напечатанном в «Moniteur», говорится лишь о двадцати («Moniteur», séance du 9 prairial). Но цифра 25 000 дается в официальном издании отчета, который я тут цитирую.

⁴³¹ Costaz L., op. cit., p. 14.

⁴³² Recueil, t. I, p. 741. 4 prairial an 3 (mai 1795). Rapport du 5 prairial.

⁴³³ Национальная библиотека. С. 341. Du 4 prairial. Rapport du représentant du peuple Sieyès sur le traité de paix et d'alliance conclu à la Haye, le 27 floréal, etc. ... Des nouveaux moyens, de nouvelles sources de propriété s'ouvrent devant vous... La Tamise doit voir avec inquiétude les futures destinées de l'Escaut. Londres est trop éclairé sur ses intérêts pour ignorer que Bruges et Anvers doivent acquérir sur son commerce la supériorité que nos armes ont remportée sur nos ennemis.

⁴³⁴ «Les révolutions des 9 thermidor et 12 germinal ont reçu aujourd'hui leur complément».

⁴³⁵ «Moniteur», Suite de la séance du 4 prairial (№ 249, nonidi 9 prairial an 3): «Quelques murmures suivent ce rapport».

⁴³⁶ Там же. Grégoire: En révolution frapper vite et frapper fort est un moyen de salut. Rappelez-vous le moment où les poignards étaient levés sur vous. Ici sont les balles destinées à la tête de votre précédent, là les bancs où vous êtes assis sont marqués de coups de sabre. A cette tribune, sur cet escalier, je vois encore le sang de notre collègue.

⁴³⁷ Там же. (André Dumont).

⁴³⁸ Национальный архив. F⁷ 4411—B. Du 4 prairial l'an trois. Le Comité de sûreté générale à la Commission militaire: ...Nous présumons, citoyens, d'après quelques renseignements qui nous sont parvenus que le nommé Tinel, serrurier, que a été condamné hier par le

Tribunal Criminel pour avoir concouru à l'assassinat du représentant du peuple Féraud et avoir porté sa tête au bout d'une pique, est du nombre de ceux qui ont été arrêtés aujourd'hui et traduits à la commission, si ce n'est pas Tinel, ce pourrait être le nommé Jueg, son complice. Nous vous invitons de vérifier...

⁴³⁹ Национальный архив. F⁷ 4411—...Nous vous adressons, citoyens, les déclarations et notes, relatives à un grand nombre de gendarmes à pied et particuliers qui ont été arrêtés aujourd'hui près le faubourg Antoine par ordre des représentants du peuple et des commandants de la force armée... Nous y joignons les cartes de sûreté, portefeuilles et papiers trouvés sur eux, qui pourront vous fournir des renseignements sur la conduite de ces individus. Nous nous envoyons aussi les armes et les porte-manteaux des gendarmes.

⁴⁴⁰ Там же. Du 4 prairial l'an 3. Le Comité de sûreté à la Commission de police administrative. La Convention Nationale, citoyens, est dans une juste impatience de ce que les principaux auteurs de la rébellion dans le faubourg Antoine ne sont point livrés; les designer sera utile, les faire arrêter sera nécessaire; nous vous engageons à ne rien négliger pour saisir tous les fils, tout l'ensemble et tous les agents de la conspiration.

⁴⁴¹ Национальная библиотека. Le³⁸ 1490—1545. Proclamation de la Convention Nationale au peuple français du 1 thermidor an troisième, etc.: Le 9 thermidor la Convention Nationale a frappé les chefs de cette faction coupable; le 12 germinal elle a bravé ses poignards; le 4 prairial elle a terrassé ses débris...

⁴⁴² Национальный архив. F⁷ 4411—B. Du 4 prairial. Le Comité de sûreté générale au Comité révolutionnaire du 8 arrondissement (...la conspiration qui a aujourd'hui failli perdre la république...)

⁴⁴³ Национальная библиотека. Le³⁸ — 1458. Rapport... par M. J. Chenier du 6 prairial l'an 3.

⁴⁴⁴ Национальный архив. С. 342. Les administrateurs du district de Port-Malo à la Convention Nationale (9 prairial)... la probité, le courage, le savoir et l'industrie—ces vraies colonnes des républiques fondirent à la fois sur le monstre... et le 4 prairial, jour à jamais mémorable, y vit toutes ses têtes rouler à la fois dans la poudre. Oh, la belle journée! Vaste univers, qu'elle soit inscrite dans tes fastes! elle prononce sur tes destins ..

⁴⁴⁵ Costaz, op. cit., p. 15.

⁴⁴⁶ Faïn, op. cit., p. 198.

⁴⁴⁷ Baudot, op. cit., p. 79.

⁴⁴⁸ Levassieur de la Sarthe, op. cit., v. IV, p. 236.

⁴⁴⁹ Там же, т. IV, стр. 246.

⁴⁵⁰ «Annual Register», 1795, p. 92: They looked upon themselves as a conquered people over whom their victorious fellow-citizens would henceforth exercise that empire, which their more prudent conduct entitled them.

⁴⁵¹ Там же. Газета «Morning Chronicle», обсуждая прериальские события, уверяла, что власть Конвента окрепла и что новое восстание уже невозможно. Приводя это мнение, «Journal du bonhomme Richard» (№ 2, p. 29) с похвалою отзывается об английской пропагандистности.

⁴⁵² Discours prononcé par... J. B. Louvet, op. cit., p. 22.

⁴⁵³ «Annual Register», 1795, p. 93: The spirit that promoted this

insurrection had been more active than was at first suspected and the Convention knew not the full extent of the danger they had escaped until it was entirely overcome

P 92 Thus after a doubtful conflict of the days torture declared at least for the Convention

⁴⁵⁴ Correspondance de Rovere, op cit p 182 и сл Rovere a Gouville Paris, le 4 prairial an 3 en ce moment la Convention ne peut s'occuper que de se sauver elle même Jamais de puis le commencement de la Revolution il ne s'est passe rien de pareil a ce que nous eprouvons depuis quelques jours Une force imposante est actuellement occupee a contenir les faubourgs et principalement le faubourg Antoine ou est le foyer de la revolte On va essayer de les desarmer sil est possible Je crains bien que cette revolte qui n'avait ete organisee que pour egorger tous les bons deputes de la Convention, ne s'etende jusque dans les departements meridionaux qui ne sont deja que trop malheureusement agites

⁴⁵⁵ Recueil, v I p 746 6 prairial an 3 (25 mai 1795)

⁴⁵⁶ Там же, стр 755 10 prairial an 3 (29 mai 1795)

⁴⁵⁷ Национальная библиотека Lb⁴¹—4375 Adresse aux departemens et aux armées de la République Française, presentee a la Convention Nationale au nom des comites de gouvernement, le 8 prairial de l'an troisieme de la République par E B Courtois deputé par le departement de l'ube La discorde chassée du centre de Paris s'était refugiee dans les faubourgs la elle agitait ses serpents la elle meditait, en aiguisant ses poignards l'assassinat des vrais patriotes et des representants du peuple, la aussi elle armait les bras des jacobins pour l'exécuter

⁴⁵⁸ Национальный архив F⁷—4411 Le Comite de sûrete generale Du 6 prairial l'an trois, etc Aux Procureurs généraux syndics des départemens Un décret du 30 floréal citoyens rappelle au Comité de sûrete générale l'obligation de se conformer à celui qui lui enjoint de rendre compte toutes les décades des noms des émigrés arrêtés sur le sol de la République et punis conformément à la loi si la Convention Nationale poursuit sans relâche les assassins et les fripons, elle est aussi inexorable pour les émigrés, etc (Подписано) Les membres du Comité de sûrete générale Deneuf Bergoëm Monnayon, P Guyomar, Pierret, Courtois Augus, Cales

⁴⁵⁹ Национальная библиотека MSS, 1 fr, nouv acquis 245 Paris le 15 prairial an 3 Le Comité de salut public a ses collègues en mission près l'armée du Rhin Le Comité est instruit, citoyens collègues qu'on remue encore dans une des armées de la république les cendres des jacobins, il vient d'en sortir un écrit séditieux artificiellement présenté qui ne tend à rien moins qu'à faire intervenir les armées en faveur des terroristes, dans la guerre à mort que nous leur avons jurée On a pris tous les moyens convenables pour arrêter l'effet de cette levée de boucliers Il en est un pour lequel nous avons le soin de votre concours, et nous nous empressons de vous le faire connaître parce qu'il dépend d'une part de votre vigilance et d'autre du bon esprit qui vous anime pour le triomphe de l'ordre de la justice et de cette exacte discipline dans les troupes sans laquelle les victoires les plus brillantes ne sont que des titres dangereux dont les vainqueurs étaient toujours leurs prétentions Il consiste à empêcher dans les armées la circulation de cet écrit ou d'en atténuer l'effet dès sa première

apparition Cette double précaution, citoyens collègues, est confiée à votre zèle et vous en sentez trop la conséquence pour ne pas employer tous les moyens qui sont dans vos mains au succès des mesures de prudence que nous vous indiquons Salut et fraternité Les membres du Comité de salut public Cambaceres Raubell, Gillet Rabaud, Treilhard

⁴⁶⁰ Там же A Paris le 1 messidor an 3 Comité de salut public au citoyen Merlin de Thionville La Convention Nationale nous a renvoyé, citoyen collègue, la lettre du 7 prairial par laquelle tu lui transmettras les sentiments d'indignation dont la brave armée du Rhin et Moelle a été penetrée en apprenant les attentats commis contre la Révolution nationale dans les premières journées de ce mois

⁴⁶¹ Adresse par Courtois Ils demandaient du pain et ils se nourrissaient dans leurs voeux impies de la propriété du riche des fruits de l'industrie de l'honnête artisan, de la sueur du cultivateur paisible Cette bataille gagnée sur le terrorisme et le royalisme réunis, nous assure à nous aussi un traité de paix solide dans l'intérieur

⁴⁶² Национальный архив AF 11—50 Les administrateurs, etc., de Rozoy, département de Seine et Marne (3 prairial an 3) La journée du 1 de ce mois a éclairé le plus noir attentat contre la liberté et la République Des scélérats pour qui le crime est l'élément et le désordre un besoin, les complices sans doute et les continuateurs de l'insurrection contre révolutionnaire qui éclata à Paris le 12 germinal dernier, ont fait de nouveaux efforts

⁴⁶³ Национальная библиотека Le³⁸ 4446—1489 Bresson, député des Vosges à ses collègues

⁴⁶⁴ Национальный архив AD I—III Adresse des administrateurs, etc., de Seine et Oise le 4 prairial an 3 Réponse du président La Convention reconnaît qu'un système de clémence serait dangereux envers les ennemis de la tranquillité, elle fera respecter les lois en livrant une guerre à mort aux assassins, aux buveurs de sang et aux facieux Les mesures anéantiront les scélérats vendus aux tyrans

⁴⁶⁵ Национальный архив C 343 Tourneville (à la Convention Nationale), 7 prairial O Pitt! tu vas crever de rage et de désespoir en apprenant que ton or n'a pas eu plus de succès que tes armes

⁴⁶⁶ Национальная библиотека Lb 41—4378 Proclamation Bergerac du 9 prairial an 3 (Le représentant du peuple Dulaure aux citoyens du département de la Corrèze) Ainsi les conspirateurs reconnus des trompeurs à gages et des trompes, forment la masse des rebelles qui viennent de faire éclater le plus affreux des complots

⁴⁶⁷ Национальный архив C 342 Pons, 12 prairial an 3 Le Directoire du district de Pons à la Convention Nationale Aucune mesure compressive n'a suivi les révoltes du 9 thermidor et 12 germinal Si, à ces glorieuses époques vous eussiez terrassé les royalistes et les buveurs de sang, vous n'auriez pas à regretter la perte d'un collègue mort sous le fer des assassins

⁴⁶⁸ Там же C 343 La section des Amis de la Patrie à la Convention Nationale ce 11 prairial an 3 N'oubliez pas que c'est le peu d'énergie du gouvernement qui a creuse le précipice sous nos pas, que si l'eût puni sur le champ les complices de Robespierre au 9 thermidor, les journées du 12 germinal, des 1 et 4 prairial, ne fussent point arrivées

⁴⁶⁹ Там же C 342 Le conseil général d'Auxonne (dép de la Côte d'Or) à la Convention Nationale (8 prairial an 3) Représen-

tants, si vous n'avez pas connu tous les ennemis le 9 thermidor pour les frapper du même coup, l'expérience du 12 germinal eût dû vous tenir en garde contre leurs abominables complots. Nous le disons avec franchise, trop d'indulgence, trop de lenteur à punir ont failli vous perdre et peut-être avec vous la République... Les événements monstrueux des premiers jours de Prairial tournent du moins à son profit en hâtant le supplice des tigres qui ont tenté de l'anéantir.

⁴⁷⁰ Там же. С. 341. Toulon le 19 prairial. Chiappe, représentant du peuple près les armées des Alpes et d'Italie... à la Convention Nationale: Vous avez sauvé la liberté dans les premiers jours de ce mois: cette époque mémorable attestera aux générations futures et vos principes et votre énergie... tous les départements, tous les bons citoyens vous contemplent, ils s'étonnent de votre indulgence, prenez garde qu'elle ne devienne pas fatale à la liberté... jamais plan plus horrible n'a été combiné...

⁴⁷¹ Национальный архив. С. 343. Les citoyens d'Agde à la Convention Nationale, 28 prairial an 3: ... L'impunité de la première révolte en a produit de nouvelles... à celle du 12 germinal les assassins vous menacent, le 1 prairial ils ont frappé, mutilé, tué... Représentants, vous temporisez et ils agissent... vous discutez et ils assassinent... non, non les complices de Robespierre ne peuvent plus vivre avec leurs victimes sur le même sol, il faut qu'eux ou nous le vidosions—ou que nous périssons.

⁴⁷² Национальный архив. AF 11—25. Rapport (au Comité de salut public). Département de Vaucluse. Du 18 prairial an 3: Les terroristes y lèvent une tête audacieuse et tous nos efforts ne peuvent les réprimer. Les complots de cette secte abominable à Toulon ont ranimé leur esprit et ses succès momentanés ont redoublé leur audace... O vous, législateurs, qui avez terrassé cette horde exécutable le 9 thermidor; le 12 germinal, le 1 prairial, vous nous retenez votre assistance...

⁴⁷³ Национальный архив. С. 342. Les officiers municipaux et membres du conseil général de la commune de Dinan (14 prairial). A la Convention Nationale:... La Révolution du premier prairial comme celle des 9 thermidor et 12 germinal fera époque dans notre histoire ou plutôt elle en est le complément.

⁴⁷⁴ Национальный архив. AF. 11—25. Rapport du 2 messidor an 3. Département de l'Ardèche:... Partout on attribue l'excès de leur audacieuse atrocité à l'impunité des auteurs de la journée du 12 germinal.

⁴⁷⁵ Там же. Du 7 prairial an 3. Département de l'Orne. Rapport. Le procureur syndic du district de Mortagne annonce au Comité de salut public en date du 4 courant que l'événement arrivé à Paris était connu d'avance par les intrigants de son canton. Depuis huit jours ils répandaient que la Convention nationale et les affaires changeraien bientôt de ton, que les modérés régnaient depuis trop longtemps, etc. L'assassinat du Représentant du peuple Féraud a rempli de joie ces scélérats.

⁴⁷⁶ Там же. Rapport du 2 messidor an 3. Département de l'Ardèche: Cette conspiration, la plus inouïe qui ait paru jusqu'ici, était tellement ourdie qu'elle avait des confidents dans les divers pays... ce fut surtout à la nouvelle de la révolte de Toulon que leur joie prit un nouvel éclat, mais heureusement elle n'a pas été de longue durée, la nouvelle de la défaite des conspirateurs à Paris arriva aussitôt que celle de leur conspiration... de toutes parts l'indignation éclate contre les monstres et leurs complices...

⁴⁷⁷ Actes, т. XXIII, p. 795. Nice, 13 prairial an 3. Подписано: Dumaz, Réal.

⁴⁷⁸ Строгановский архив. «Papiers Biauzat». Adresse des citoyens de Clermont-Ferrand, département de Puy-de-Dôme, à la Convention Nationale. Du 6 prairial, l'an troisième:... Hâtez vous donc, représentants, de sortir de cette cité corruptrice et corrompue où de nombreux scélérats veillent sans cesse, tandis que les bons citoyens dorment trop souvent... Nous le répétons, vous ne serez rendus à vous-mêmes, au caractère auguste dont le peuple souverain vous a revêtus, que lorsque vous siégez dans une ville médiocrement populeuse... Nous vous demandons... que vous consaciez constitutionnellement le principe que dans aucun temps, des assemblées nationales ne pourront siéger dans une ville dont la population soit au-dessus de cinquante mille âmes.

⁴⁷⁹ Национальный архив. С. 342. (Lons-le-Saunier). A la Convention Nationale, 19 prairial:... Et que veut le faubourg Antoine, que veulent ses adhérents? est-ce donc en abandonnant leurs ateliers pour suivre l'étandard de la révolte qu'ils auront du pain? ...Ils souffrent! Et sommes-nous dans l'abondance et a-t-on entendu nos murmures quand nous avons conduit nous-mêmes nos récoltes aux défenseurs de la liberté publique?

⁴⁸⁰ Национальный архив. С. 342. (District de Lamarche). A la Convention Nationale, 16 prairial: ...Et ces hommes gorgés du sang humain vivent encore?.. Représentants du peuple, il est un terme à la clémence...

⁴⁸¹ Там же. (La Commune de Couches, départ. de l'Eure). A la Convention Nationale, 17 prairial:... une loi sévère et prompte qui anéantis et pulvérise tous les terroristes...

⁴⁸² Национальный архив. С. 343. Les citoyens de la commune de Belley à la Convention Nationale. (21 prairial an 3): ...Nous apprenons qu'ils sont enchaînés ces cannibales; demain sans doute nous apprendrons leur jugement et leur mort. La mort! Ah! ne serait-elle pas un supplice trop doux pour ces êtres féroces...

⁴⁸³ Национальный архив. С. 342. Les administrateurs etc. du district de Salins-libre à la Convention Nationale (10 prairial an 3):... frappez de mort les traîtres, constituez les terroristes, les hommes sanguinaires dans l'impossibilité de nuire; dirigez des peines sévères contre les agitateurs dont le commerce ne présente que piraterie et exaction, faites renaître la confiance que des spéculateurs avides ont enlevée aux assignats...

⁴⁸⁴ Choudieu, op. cit., p. 297: Fréron en changeant de bannière n'avait pas changé de caractère.

⁴⁸⁵ Национальный архив. AF. 11—57. pl. 418. Paris le 4 prairial an 3. Les comités... réunis aux représentants du peuple près les armées, etc:... il a suffi de déployer l'appareil imposant de la force pour ramener les factieux à l'obéissance. Plusieurs des chefs ont été saisis, la journée de demain éclairera leur supplice. Le désarmement des autres les mettra hors d'état de nuire et les bons citoyens peuvent espérer que leur tranquillité ne sera plus troublée.

⁴⁸⁶ Национальная библиотека. №³⁸—1460. Projet de décret sur le licenciement de la gendarmerie de Paris, etc. (art. II).

⁴⁸⁷ Национальная библиотека. №³⁸—1461. Projet de décret sur la légion de police générale proposé... par le citoyen Aubry, membre du Comité de Salut public (9 messidor an 3).

⁴⁸⁸ Национальный архив F⁷—2523, 51 Séance du 7 prairial an 3 Le Comité reçoit l'état nominatif de tous les citoyens gendarmes domiciliés sur les sections de l'arrondissement, à l'effet de prendre tous renseignements possibles sur le civisme, les moeurs et fréquentations habituelles des gendarmes et de suite communiquer les renseignements au cit Delmas

⁴⁸⁹ См., например, протокол заседания комитета XII округа за 8 прерналя (Н А F 7—2253, стр 53—55)

⁴⁹⁰ Ср., например, Национальный архив F⁷—2476 Comité du I arrondissement, séance du 4 prairial et след дни

⁴⁹¹ Национальный архив F⁷—2523 Séance du 4 prairial (Comité révolutionnaire du XII arrondissement)

⁴⁹² Там же. «La loi qui met hors la loi les individus formant le rassemblement organisé à la Maison commune ou ailleurs en prétendue autorité»

⁴⁹³ Национальный архив F⁷—4411—B Du 23 messidor an 3 Le Comité de sûreté générale au Comité de surveillance du I arrondissement Le Comité, citoyens, vous invite de lui faire parvenir le plus tôt possible les motifs d'arrestation de Thierry père que vous avez fait arrêter et conduire à la Grande Force dans la nuit du 4 au 5 prairial

⁴⁹⁴ Национальный архив F⁷—4411—B Le Comité de sûreté générale à la commission administrative de police Du 4 prairial, 2 heures après minuit, an 3 Tisiot (sic!) attaché à la commission d'agriculture et des arts, fut mis en état d'arrestation comme prévenu d'avoir participé aux mouvements de la journée du 12 germinal, ayant produit des pièces justificatives et sur la garantie de son beau-frère Goujon il a obtenu la mise en liberté, nous pensons cependant que les circonstances commandent qu'il soit mis sous une surveillance bien active Vous voudrez, citoyens, remplir les vues du comité avec toute la prudence convenable

⁴⁹⁵ Actes, t. XXIII, p 480. Séance du 5 prairial an 3 (24 mai 1795)

⁴⁹⁶ Там же, стр 582 Séance du 8 prairial an 3 (27 mai 1795)

⁴⁹⁷ Там же

⁴⁹⁸ Национальный архив F⁷—2509 Registre des Assemblées générales de la section de la Fontaine de Grenelle Séance extraordinaire en exécution de la loi du 4 prairial an 3 Du 5 du dit mois, 10 heures du matin il a été fait lecture plusieurs fois de la dite loi, portant que les sections procéderont sur-le champ au désarmement des assassins, des buveurs de sang, des voleurs et des agents de la tyrannie qui précéda le 9 thermidor, les autorise même à arrêter ceux qu'elles croient devoir être traduits devant les tribunaux

⁴⁹⁹ См., например, Национальный архив F⁷—2510 Registre des Assemblées générales de la section des Invalides, séance du cinq prairial 1 Le citoyen Guigard a été dénoncé par plusieurs membres comme terroriste et buveur de sang, qui depuis 4 ans n'a cessé de manifester des principes contraires à l'humanité et tendants à l'essusion de sang L'assemblée a arrêté qu'il serait désarmé sur le champ

⁵⁰⁰ Mallet du Pan, op cit, т II, p 146 (письмо, полученнное Малле дю Паном из Парижа) Le 6 prairial, ordre de remettre les piques à la section c'est à dire désarmer les trois quarts des habitants sous peine de prison. tout cela se fait sans murmure, on est

à la queue pour attendre son tour, moi-même j'ai attendu trois quarts d'heure pour donner ma pique On désarmerait ainsi toute la France sans coup ferir

⁵⁰¹ Национальный архив F⁷—4411—B Du quatre prairial an 3 Le Comité vient d'apprendre que des hommes justement suspects se présentent aux comités pour obtenir des passeports, nous pensons que la prudence exige d'examiner avec attention à qui on les délivrera, jamais il ne fut plus instant de surveiller les ennemis de l'ordre et des lois, du courage, citoyens, et la République triomphera nous vous autorisons de suspendre momentanément les passeports de ceux qui ont été compris dans les listes de désarmement

⁵⁰² Там же. Du 13 messidor an 3 Au Comité de surveillance du I arrondissement—Jean François Massé, compagnon menuisier a fait exposer au comité qu'étant dans le cas de retourner avec sa femme et ses enfants à Dieppe au milieu de sa famille pour y trouver de l'occupation et des secours, vu que le produit de son travail ne peut suffire pour le faire subsister à Paris il a ajouté que vous n'aviez pas cru devoir deferer à sa demande, attendu qu'il se trouve sur la liste des citoyens désarmés un plus long séjour à Parisacheverait de le ruiner et ne lui laisserait peut être pas le moyen de faire son voyage

⁵⁰³ Национальный архив AD XVIIIC—255. Rapport fait au nom des Comités de salut public, de sûreté générale et militaire, par Marie-Joseph Chemier De 6 prairial an 3 Ce n'est pas au saubourg Saint-Antoine qu'ils ont délégué le pouvoir législatif,—c'est à vous Cette fois sans doute la République et la représentation nationale seront vengées de nombreux attentats médités, entrepris, exécutés contre elles L'impunité du 2 septembre a produit le 31 mai, l'impunité du 31 mai a produit des forfaits et des calamités sans nombre

⁵⁰⁴ Национальный архив F⁷—4411—B Aux membres des comités révolutionnaires des douze arrondissement Du 13 prairial an 3 Aussitôt la présente reçue vous voudrez bien faire rechercher parmi les papiers qui vous ont été déposés par les anciens comités révolutionnaires et en faire extraire ceux qui pourroient avoir quelque rapport aux journées du 10 mars 31 mai et jours suivants 1793 Vous les adresserez sur le champ au Comité de sûreté générale

Там же Sect on de Brutus, le 13 prairial, au Comité de sûreté générale quoiqu'il soit a presumer qu'on a soustrait les parties, celles relatives aux iniques mystères

⁵⁰⁵ Там же Le Comité de sûreté générale à la Commission de police administrative de Paris, du 13 prairial. Vous voudrez bien faire arrêter et traduire dans telle maison d'arrêt qui vous paraîtra convenable les signataires de la trop mémorable circulaire de septembre 92.

⁵⁰⁶ Национальный архив F⁷—4411—B Du 6 prairial an 3 Au cit Lambinel, secrétaire de la section de l'Unité Instruit que tu es nanti des pièces intéressantes relatives aux journées du 2 septembre et 31 mai, le Comité de sûreté générale t'invite à les lui communiquer ainsi que 'e travail dont tu t'est occupé la dessus

⁵⁰⁷ Национальная библиотека. Lb⁴¹—1823 Albitte l'ainé, représentant du peuple, à qu'il appartiendra Paris, le 2 prairial an 3

⁵⁰⁸ Национальный архив F⁷—2523 Séance du 16 prairial

⁵⁰⁹ Национальный архив. F⁷—4411—B Du cinq prairial an 3 Comité de sûreté générale à la Commission de police administrative, de Paris

⁵¹⁰ Séance de la Convention Nationale du 4 prairial.

⁵¹¹ Национальный архив. W. 548.. Elle requiert en conséquence le citoyen Samson, exécuteur des jugements criminels, de se transporter sur-le-champ dans son local pour y recevoir et exécuter ses ordres.

⁵¹² Там же. Registre de la commission militaire: La Convention Nationale décrète que la Commission militaire est investie du droit de juger tous les faits relatifs à la conspiration du premier de ce mois et à la révolte qui en a été la suite.

⁵¹³ Там же. Registre, etc, ... seront sur le...

⁵¹⁴ Национальный архив. AD I—III. Motion d'ordre faite à la Convention Nationale, dans la séance du 14 thermidor, par Delahaye, député de Seine-inférieure: Vous luttâtes aux premiers jours de prairial contre le torrent de la rébellion et vous eûtes le bonheur de triompher. Vous dîtes alors établir sur la brèche encore teinte du sang de notre courageux collègue un tribunal redoutable, capable de porter l'épouvante dans l'âme de vos assassins. Le salut du peuple vous commanda impérieusement cette grande et terrible mesure de l'action rapide du pouvoir militaire.. Sous le rapport du jugement de l'histoire votre gloire est intéressée à supprimer la commission militaire... que dira l'histoire si vous conservez davantage cette cour du pouvoir militaire? Elle dira que vous avez surpassé non en cruautés, mais en institutions violentes et dangereuses les decemvirs qui vous opprimèrent si indigne-ment.

⁵¹⁵ Национальный архив. W. 548. Registre № 1. Avis aux citoyens que les séances de la commission sont publiques: La commission militaire informée que la malveillance qui ne s'endort jamais, se plaît à repandre qu'elle tient ses séances et rend ses jugements portes closes, déclare à ses concitoyens qu'elle les tient maison de Noailles, rue Honnoré, qu'elles ont toujours été et seront toujours publiques.

⁵¹⁶ Национальный архив. BB³—4. Paris le 27 prairial an 3. La Commission militaire invite la commission des administrations civiles, police et tribunaux à donner des ordres pour qu'il lui soit fourni de la bougie et de la chandelle dont elle manque totalement.

⁵¹⁷ Национальный архив. F⁷—4411. Etat des Révoltés des journées des 1, 2, 3 et 4 prairial qui ont été jugés à mort par la Commission militaire.

⁵¹⁸ Там же.

⁵¹⁹ «La Révolution Française», т. 50, р. 538 (Gustave Herrmann, Note sur deux condamnés de prairial).

⁵²⁰ Национальный архив. W. 546. Affaire contre Guillaume Delorme.

⁵²¹ Там же. № 3. Affaire de Jean Jacques Legrand.

⁵²² Национальный архив. W. 547, № 4. Nicolas Joseph Gentil condamné à la peine de mort.

⁵²³ Национальный архив. W. 546. № 6. Affaire des 23 gendarmes.

⁵²⁴ Le Comité de sûreté générale à la Commission militaire du 4 prairial an 3 (текст этого документа см. выше, стр. 195).

⁵²⁵ Национальный архив. F⁷—4411—B. Du 5 prairial l'an 3. Comité de sûreté générale à l'accusateur public près le tribunal criminel du département de Paris: Vous êtes prévenu, sans doute, citoyen, que l'individu qui a promené la tête du représentant du peuple Féraud a été traduit aux prisons de la Conciergerie; cet homme a été condamné par votre tribunal et soustrait par des brigands au glaive de la loy. Il

n'appartient qu'à vous de reconnaître l'identité de l'individu sur lequel vous avez prononcé. Après cette reconnaissance votre devoir est de le livrer à l'exécuteur pour qu'il subisse la mort sur la place de Grève. Vous préviendrez le Comité de sûreté générale de l'heure de l'exécution afin qu'il puisse prendre les mesures de police convenables assez à temps pour que ces mesures puissent avoir leur plein et entier effet.

⁵²⁶ Национальный архив. W. 546, № 9. Ignace Nicolas Dupuy. (Протокол доноса). Paris, le 7 prairial an 3: Hier 4, à 7½—8 heures du matin s'est présenté de nouveau le cit. Dupuy... il me dit qu'il voulloit fraterniser avec moi. Je lui donnai la main dans le sentiment de conserver ma propriété. Il me suivit dans une salle et là il me dit en me découvrant sa poitrine qu'il n'avoit pas de chemise et qu'il falloit que je lui en donne; je l'ai ajourné au lendemain, il persista... il me dit: bon, à demain pour les chemises, mais qu'il lui falloit dix francs...

⁵²⁷ Национальный архив. W. 546, № 8. Jean Nicolas Hennequin.

⁵²⁸ Там же. № 16. Jean Louis Chauvel.

⁵²⁹ Там же. № 17. Nicolas Estienne Cherbrier.

⁵³⁰ Национальный архив. F⁷. 4411—B. Du 11 prairial l'an 3, le Comité de sûreté générale au Comité militaire... Nous venons d'être informés, citoyens collègues, qu'il s'est rassemblé un assez grand nombre de femmes dans le jour auprès du bâtiment où les gendarmes sont détenus rue de Grenelle, nous nous hâtons de vous en prévenir et de vous inviter à prendre les mesures que vous jugerez convenables pour dissiper le rassemblement et maintenir l'ordre. Там же. du 11 prairial an 3, le Comité de sûreté générale à la commission de police administrative: Nous vous prévenons que Prieur de la Marne s'étant évadé par la négligence de ses gardes, il est urgent que vous donnez les ordres nécessaires pour qu'il puisse être arrêté. Mettez à cette recherche le plus grand nombre d'agents..

⁵³¹ Национальный архив. W. 546, № 20. Michel Sorette. Заседание военной комиссии 12 прерия.

⁵³² Там же. № 22. Charles Simon Lagesse, mis en liberté et, néanmoins, renvoyé sous la surveillance du comité civil de la section: ...attendu que ledit Lagesse est très inconséquent... (13 prairial).

⁵³³ Там же. № 21. Antoine Paradis condamné à une année de détention, etc. (13 prairial).

⁵³⁴ Там же. № 23. Marie Jeanne Adélaïde Legrand и др. (Séance du 15 prairial l'an 3).

⁵³⁵ Там же. Séance du dix-huit prairial: 2... d'avoir été reconnue depuis longtemps pour une des furies jacobines...

⁵³⁶ Там же. W. 546, № 25. Louis Devoyes. (Séance du seize prairial).

⁵³⁷ Там же. № 33. Etienne Guyot et Claude Françoise Humbert, sa femme. (Séance du 19 prairial).

⁵³⁸ Там же. № 28. René Monger. (Séance du 18 prairial).

⁵³⁹ Там же. W. 546. Procès-verbal d'exécution du nommé René Monger.

⁵⁴⁰ Там же. № 34. Pierre-André Thoma Blondy.

⁵⁴¹ Там же. № 30. Jean-Baptiste-Pierre Lime, condamné à la peine de mort.

⁵⁴² Там же. Вот как зарегистрировано решение военной комиссии по делу Лима:

Jugement qui condamne Jean-Baptiste Pierre Lime à la peine de

mort. Suite de la séance du dix-huit prairial. La commission... ayant fait comparaître devant elle... le nommé... Lime âgé de 23 ans, graveur, natif de Paris... arrêté le deux de ce mois, conduit au Comité de la Sûreté générale et renvoyé à la commission... déclare ledit... Lime atteint et convaincu d'avoir le premier prairial marché contre la Convention Nationale à la tête des séditeux, dont il se disoit commandant provisoire, de s'être encore trouvé le deux à la tête d'un autre rassemblement au faubourg Antoine, d'avoir forcé le commandant des canonniers à leur délivrer des cartouches sur un ordre signé de lui commandant provisoire, déposé en sa section et renvoyé par elle à la commission, et de s'être pour ces faits montré un des principaux auteurs de la conspiration qui a existé contre la République à l'effet de dissoudre la Convention Nationale et d'assassiner ses membres; pour réparation de quoi la commission militaire condamne ledit Jean-Baptiste-Pierre Lime à la peine de mort.

⁵⁴³ Там же. W. 546. № 38. Pierre Dorisse. (Séance du 22 prairial).

⁵⁴⁴ Там же. № 39. François Jérôme Hébert. (Séance du 23 prairial).

⁵⁴⁵ Там же. № 40.

⁵⁴⁶ Там же. № 41 и 42.

⁵⁴⁷ «L'Orateur du peuple», № CXXIV, du 17 prairial: Oh, Féraud, le rapport des noms m'associa pour ainsi dire un moment à ton illustre trépas; les cannibales ont cru prendre ma tête en prenant la tienne... On sait comment les factieux ont été réduits, comment leurs crimes ont été punis, comment leurs chefs sont dans les fers en attendant le supplice qu'ils ont mérité; ce supplice est trop lent! déjà leurs têtes auraient dû tomber. Dans les conspirations il faut frapper rapidement... La Convention Nationale doit donc hâter la punition de Romme et de ses complices. On se demande partout pourquoi leur sang impur est si longtemps respecté... qu'ils perissent! etc., etc.

⁵⁴⁸ «Moniteur», sextidi 6 prairial (статья Trouvé).

⁵⁴⁹ Национальный архив. W. 547. Loi qui décrète d'accusation onze représentants du peuple, du huitième jour de prairial, l'an troisième, etc. La Convention Nationale accuse Ruhl, Romme, Duroi, Gougeon (sic!), Forestier, Albitte ainé, Bourbotte, Duquesnoy, Soubrany, Prieur de la Marne, Peyssard, représentants du peuple, d'être auteurs, fauteurs ou complices de la rébellion du premier prairial et jours suivants contre la représentation nationale et la République française, les renvoie pour être jugés devant la commission militaire établie à Paris par la loi du 4 prairial et charge le Comité de sûreté générale de surveiller et accélérer l'exécution du présent décret.

⁵⁵⁰ Национальный архив. W. 548. Registe, etc. A neuf heures du soir le dit jour huit prairial an 3.

⁵⁵¹ Национальный архив. AD. I—III. La citoyenne Ricard veuve Goujon aux représentants du peuple (prairial an 3): ...Il est encore d'autres membres de l'assemblée qui ont aussi parlé le même jour et n'ont été ni accusés ni arrêtés; s'ils sont exempts de blâme, comment mon fils serait-il un grand criminel? est-il deux poids et deux mesures pour juger les actions et les hommes?

⁵⁵² Quinet E., La Révolution, 14 éd., т. III. Paris, 1909, p. 137.

⁵⁵³ Национальный архив. F⁷ 4411—B. Du 8 prairial an 3. Comité de sûreté générale à la commission de police administrative.

⁵⁵⁴ Там же, того же числа. Rapport de Diancourt, officier de paix.

⁵⁵⁵ Национальный архив. F⁷. 4411—B, того же числа. Au représentant Bourchen.

⁵⁵⁶ Там же, du 9 prairial. Au chef de brigade Margaron.

⁵⁵⁷ Стrogановский архив. 13 prairial an 3. Le Directoire du district de Morlaix aux représentants du peuple Bourbotte, Duroy, Duquesnoy, Soubrany, Peyssard, Goujon, Romme, Le Carpentier.

⁵⁵⁸ Там же, 13 prairial an 3: ...Votre empressement à pourvoir à nos besoins nous a fait éprouver une satisfaction que nous ne pouvons nous empêcher de vous exprimer. Il est doux pour des amis de l'égalité condamnés à souffrir pour la patrie de trouver les attentions de la fraternité dans ceux qui doivent les surveiller au nom de la loi. Cet accord de la sensibilité et du devoir ne peut se trouver que dans des âmes républicaines.. Nous vous prions de nous donner communication de quelques papiers nouvelles (sic!) pour nous mettre au courant des travaux de la Convention. Vous voudrez bien choisir le plus étendu et celui que vous croirez le plus véridique.

⁵⁵⁹ Baudot, op. cit., p. 16. (Надо кстати отметить, что Баррас тут назван, так сказать, для полноты картины, так как он не принимал личного участия в декретировании ареста преринальцев и даже почему-то посвятил их памяти несколько прочувствованных слов). (Картуш — знаменитый вор.). Ср. также стр. 225. Romme, Soubrany et leurs collègues ce sont des demi-dieux, et il y a vingt héros dans Plutarque qui n'ont eu ni leur courage, ni leurs vertus.

⁵⁶⁰ Национальный архив. F⁷. 4411—B. Du 20 prairial an 3. Le Comité de sûreté générale. Aux représentants du peuple Delmas, Aubry et Gillet, chargés de la force armée. (...des mesures pour l'arrivée de Bourbotte, Duquesnoy et autres).

⁵⁶¹ Там же. Du 21 prairial an 3: A la Commission militaire (...les représentants du peuple Romme, Duroi, Goujon, Forestier, Bourbotte, Duquesnoy, Soubrany et Peyssard.. sont actuellement à la maison d'arrêt des 4 Nations).

⁵⁶² Национальный архив. W. 548. Copie des lettres, №. 1. 22 prairial. Au Comité de sûreté générale: La Commission n'attend pour les mettre en jugement que les pièces de conviction qu'elle vous invite à lui faire passer avec vos instructions et observations particulières, etc.

⁵⁶³ Там же. F⁷ 4411—B. Le Comité de sûreté générale au Comité militaire. Du 24 prairial an 3. La Commission militaire est occupée du jugement des représentants du peuple décrétés d'accusation le 8 prairial; nous vous invitons à prendre toutes les précautions qui dépendent de vous pour que l'ordre public ne soit pas troublé. On annonce que la foule est très nombreuse aux environs du lieu où se tient cette commission.

⁵⁶⁴ Там же. Du 29 prairial l'an 3. Le Comité de sûreté générale aux représentants du peuple chargés de la direction de la force armée de Paris: ... suivant quelques renseignements qui nous sont parvenus celles (sections) du faubourg Antoine notamment celle des Quinze-Vingt, pourraient être agitées; nous pensons qu'il conviendrait d'y faire passer des patrouilles d'hommes bien choisis dans la garde nationale; leur apparition (sic!) ne pourrait que maintenir l'ordre.

⁵⁶⁵ Национальный архив. W. 547. Pièces de Duquesnoy (Défense): ...Déclare n'avoir eu aucune connaissance de l'insurrection qui a eu lieu le premier prairial... Je déclare faux et calomnieux l'acte d'accusation.

cusation porté contre moi.. en ce qu'on m'y fait dire encore que si on ne prenait pas cette mesure on ferait le lendemain ce qu'on a fait le 12 germinal... déclare n'avoir jamais eu de relation ni directe ni indirecte avec aucun des révoltés..

⁵⁶⁶ Там же. № 6, допрос Galbos: ...un ayant la tête chauve et lui ayant paru avoir l'embonpoint, le second lui a paru d'une taille médiocre, assez mince, les cheveux plats et un peu noirs et le troisième lui a paru d'une taille assez grande et mince...

⁵⁶⁷ Там же. W. 547. Pièces de Duquesnoy. Очная ставка 28 прерияля Журдана с Дюкенуа: ...la faiblesse de sa vue ne lui permit pas de reconnaître les traits du cit. Duquesnoy; mais qu'il crut reconnaître sa voix, qu'il crut aussi reconnaître sa personne à la taille et à la grosseur de l'homme qu'il voyait...

⁵⁶⁸ Там же. W. 547, pièce 139. Déposition de Jullian contre tous. Paris le 25 prairial l'an 3.

⁵⁶⁹ Там же. Déposition de Martinville contre tous les prévenus. Paris, le 25 prairial l'an 3.

⁵⁷⁰ Там же. W. 547. Pièces de Duquesnoy. Показание Charlier; показание Bonneval'я (оба 27 prairial). Характерна отмечка, резюмирующая показание Бониваля и сделанная уже в комиссии: à l'égard de Duquesnoy fait éloge de sa moralité, mais (déclare) l'avoir vu proposer à la tribune l'organisation de la commission, etc. (Подчеркнуто в тексте).

⁵⁷¹ Там же. W. 547. Pièces de Romme. (Показание Ромма перед военной комиссией): ...Le tumulte continue, les demandes se multiplient, se croisent, le spectacle hideux de désordre et de confusion se prolonge jusqu'à l'entrée de la nuit. Autour de moi des femmes enceintes, des mères de famille, des ouvriers faisaient entendre le cri de douleur, gémissaient des maux qu'ils souffroient et de ceux dont ils ne pouvoient garantir leurs malheureux enfants. Les esprits déjà exaspérés s'irritoient du désordre même qu'ils avoient produit; les malveillants les excitoient encore par des propositions criminelles qui sur les hommes sans défiance pouvoient faire des impressions funestes. Les événements du matin faisoient redouter les suites de l'impatience qui éclatoit de toute part. Il n'étoit plus possible aux femmes de se retirer à cause de l'engorgement qui existoit à toutes les issues et c'est elles qui avoient le plus à souffrir. L'anxiété des représentants du peuple augmentoit par le silence des comités du gouvernement. Etoient-ils assiégés? étoient-ils dissous?... Enveloppés au dedans par une multitude aigrie, égarée; sans espoir de secours au dehors, la Convention portoit seule tout le poids de cette journée.

⁵⁷² Там же. Записка Ромма суду, 26 prairial an 3: ...Mais si je cherche hors de moi, si je rapproche les événements, si je fouille dans les ressorts cachés de l'ambition et de l'intrigue, je suis frappé du tableau de notre position. Elle a été calculée avec une profondeur et une atrocité qui n'échapperont pas à l'histoire...

⁵⁷³ Там же. W. 547. Pièces de Duroy (Dossier 43). Paris, le 24 prairial an 3. Interrogatoire du cit. Duroy:... a dit qu'il a été effectivement un des quatre nommés sans sa participation, car la nomination fut faite au bureau où il n'était plus depuis quelques instants, ce qu'il n'a accepté que parce que le cit. Vernier, président, mit la nomination aux voix.

⁵⁷⁴ «Moniteur», duodi 22 brumaire an 3 (mercredi 12 novembre 1794), séance du 20 brumaire.

⁵⁷⁵ Tissot, op. cit., p. 133. Lettres écrites par Goujon à sa famille.—Premier prairial an 3: Adieu, embrasse notre enfant, élève le dans mon souvenir. Ma mère, je te salue et t'embrasse. Ma soeur et mon frère, ne m'oubliez point... Vivez en paix et en union tous ensemble.

⁵⁷⁶ Там же, стр. 134—145. Даже старух-матери: je vous recommande la prudence...

⁵⁷⁷ Национальный архив. W. 547. Le représentant Goujon. Paris le 24 prairial. Допрос Гужона: ...qu'il déifie à qui que ce soit qui ait une âme d'avoir un souvenir aussi exact au milieu de pareille scène...

⁵⁷⁸ Там же. Confrontation du cit. Jourdain avec le représentant Goujon, Paris le 28 prairial.

⁵⁷⁹ Там же. Paris le 26 prairial. Подписано: Gilbert, membre d'agence de la commission d'agriculture et des arts:... personnes qui forment votre auditoire ou au moins du plus grand nombre: elles crient avec raison contre les hommes de sang et elles montrent une impatience barbare de voir couler celui des accusés.

⁵⁸⁰ Там же. Pièces à la décharge. 27 prairial an 3. Déposition de Lanjuinais.

⁵⁸¹ Tissot, op. cit., p. 151.

⁵⁸² Национальный архив. W. 547. Pièces de Duquesnoy. (Défense, etc.)... je déclare n'avoir jamais eu de relations ni directe ni indirecte... avec... mes collègues arrêtés excepté Duroy avec qui je mangeois depuis neuf mois et Payssart que j'ai connu étant en mission il semble il y a environ vingt mois.

⁵⁸³ Там же. Paris le 29 prairial 3-me année républicaine. Au citoyen Lefebure-Cayet: ...nous sommes restés sous les poignards des factieux, accablés d'injures et de menaces en tous genres jusqu'au moment où le président fit inviter tous les membres de la Convention qui étaient restés fidèlement à leur poste à se rassembler en face du Bureau afin de pouvoir délibérer. Je croyais le Comité de sûreté générale dissous et j'étais d'autant plus porté à le croire, qu'il était plus de onze heures de la nuit, qu'il n'avait pas encore paru à la Convention, c'est ce qui me fit faire la demande de son renouvellement Voilà tout mon crime et je meurs. Je vous recommande ma pauvre femme et mes chers enfants... Je vous fais à tous un éternel adieu. J'ai l'âme calme, je n'ai rien à me reprocher, je pardonne aux auteurs de ma mort et désire que mon sang consolide à jamais la liberté et l'égalité dans ma patrie pour le salut de laquelle j'ai constamment combattu depuis l'origine de la révolution. Vive à jamais la république démocratique!

⁵⁸⁴ Там же. W. 547. Paris, le 29 floréal (sic!, описка вм. prairial), 3-me année républicaine. Ma chère amie, je vous fais passer ci-inclus ma justification. Elle contient la plus exacte vérité. Cela n'empêche pas que je meurs victime de mon patriotisme et de la calomnie... Tâchez de conserver vos jours afin de pouvoir faire donner à nos infortunés enfants une éducation républicaine; rappelez leur souvent ceci: ne faites jamais à un autre ce que vous ne voudriez qu'on vous fît (подчеркнуто в рукописи). Je vous embrasse mille et mille fois de tout mon coeur, embrassez bien tendrement pour moi nos chers enfants et recevez mes tendres et éternels adieux. Faites de ma part mes adieux à tous mes parents et amis que-

vous verrez et dites leur que tel qu'ils m'ont connu, tel je meurs. Je vous conseille de vendre une partie du bien pour rembourser la lettre de rente de quatre mille livres que j'ai contractée à Arras il y a environ dix-huit à vingt mois. Je vous embrasse de nouveau, adieu, ma tendre et fidèle amie, je ne vous reverrai plus, c'est le seul regret qui me tourmente. Vive la république démocratique! Votre sincère et fidèle ami Ernest Duquesnoy.

⁵⁸⁵ Национальный архив. W. 547. Le représentant Bourbotte. Interrogatoire de Bourbotte, Paris le 24 prairial an 3.

⁵⁸⁶ Там же. Paris le 24 prairial an 3. Bourbotte, convaincu d'avance qu'il va être assassiné, a tracé ces lignes quelques heures avant sa mort. Je déclare à toute la France, à l'Europe entière, à la postérité que jamais je ne fus coupable du crime qui me fut imputé d'avoir participé en quelque chose au soulèvement qui eut lieu le premier prairial... je déclare donc que je meurs innocent et assassiné, mais je pardonne à ceux qui m'arrachent la vie. Je la perds sans regret parce que je suis convaincu que ma mort sera encore utile à la patrie... Je recommande mon malheureux fils aux soins obligeants de tous ceux que ses malheurs et les miens pourront intéresser... Vive à jamais la liberté, l'égalité et la république française une et indivisible!

⁵⁸⁷ Там же. W. 547. Le représentant Soubry. Paris le 27 prairial an 3, показание Isar'a:... il me témoigna combien il voyoit avec peine que le peuple étoit égaré par les royalistes et que cette démarche contribuoit plutôt à priver Paris de ses subsistances.

⁵⁸⁸ Там же... arrivé dans l'avant-dernier café il se fit verser du chocolat qu'il ne put prendre faute de pain...

⁵⁸⁹ Там же. Допрос 24 марта: ...affirme de plus qu'il n'a proposé cette mesure que parce que ne recevant plus de nouvelles du Comité qui avait promis de rendre compte de ce qui se passoit d'heure en heure, ne sachant absolument rien de ce qui se passoit dehors, il dut croire que les comités étaient eux-mêmes ou paralysés ou dans l'impuissance d'agir...

⁵⁹⁰ Там же. W. 547. Extrait du procès-verbal de la Convention Nationale du 8 prairial an 3. Forestier, représentant du peuple. Il a dit que la suspension des comités de gouvernement pourroit être funeste à la chose publique, ils ne peuvent pas aller contre les décrets que vous venez de rendre; ainsi je demande qu'ils restent en place et qu'ils rendent compte de leurs opérations.

⁵⁹¹ Национальный архив. W. 547. Le représentant Forestier (допрос 8 марта): ...les mêmes femmes lui dirent que ce ne se seroit pas la seule tête de représentant qui seroit coupée dans le courant de la journée.

⁵⁹² Генар и Гюйо, авторы биографии Гужона, лично слышали рассказ об этом из уст дочери Антуана Гужона (Le conventionnel Goujon, p. 210, прим. 4-e).

⁵⁹³ Национальный архив. F'—4429. Paris le 1 messidor l'an 3. La Commission militaire, établie en vertu de la loi du 4 prairial de l'an III, aux membres composant le Comité de sûreté générale:... Le citoyen Fabri, un de nos membres vient de nous faire le rapport qu'hier matin la sœur du condamné Goujon s'est présentée chez lui et qu'après diverses plaintes de ladite citoyenne contre la commission elle lui a avoué que c'était elle qui lui avait fourni les moyens pour empêcher qu'il ne tombât entre les mains de l'exécuteur.

⁵⁹⁴ Tissot, op. cit., p. 199—201. Ce 4 prairial an 3. Bourbotte à son ami: Surtout aie bien soin de joindre à tous les effets que tu m'enverras le petit meuble oriental qui peut m'être si nécessaire pour échapper à barbarie des hommes. Tâche de le cacher adroïtement et si tu ne trouves pas celui-là dans mes effets quoique je l'y aie caché, envoie moi en place ce qui peut me rendre le même service.

⁵⁹⁵ Национальный архив. W. 547. Paris le vingt huit prairial an 3. La Commission militaire ordonne à l'officier des grenadiers de faire aussitôt après la séance levée une visite exacte sur les représentants du peuple en jugement devant elle. Il fera à cet effet appeler dans la pièce qui tient au lieu des séances, chaque accusé l'un après l'autre et ils resteront après être fouillés dans cette même (sic!). Ensuite on ira visiter la chambre où ils couchent. Avant de les y introduire on leur retirera toutes espèces d'armes: L'officier fera faire cette opération par le concierge et en sa présence et celle de huit grenadiers. Cette opération faite qui que ce soit ne pourra communiquer avec eux. L'officier est personnellement responsable des événements qui pourra (s i c l) résulter de l'inexactitude de cette mesure. Les membres de la Commission: P. Beaugrand, Capitain.

⁵⁹⁶ Национальная библиотека. Lb⁴—1862. Jugement de la Commission militaire. Fait et jugé à Paris, le 29 prairial, l'an troisième de la République Française une et indivisible.

⁵⁹⁷ Национальный архив. W. 548. Copie des lettres. № 1. Du 29 prairial, 2 heures du matin. Au chef de l'Etat major de la force armée parisienne.—Там же. Du dit jour, 2 heures du matin, à Samson.—Там же, Au charpentier.—Там же. Du dit jour, à Samson (второе письмо).

⁵⁹⁸ Национальный архив. W. 547. Liberté, Egalité, Justice, Humanité. République française. Suite de la séance du 29 prairial an 3. Fait ledit jour vingt neuf prairial an 3, etc. Signé: M. J. Capitain, vice-président, Verger, adjudant général, Talmet, chef d'escadron, Fabre, capitaine de cavalerie, Deville, volontaire et Rouhière, secrétaire général.

⁵⁹⁹ «Je meurs innocent et je veux que la République prospère».

⁶⁰⁰ Julian, op. cit., p. 203: «Ils furent jetés sur les charrettes et traînés à l'échafaud. J'ai vu les uns déjà morts; j'ai suivi les autres au lieu de supplice. Jamais on n'a montré un plus sublime courage dans une cause plus coupable. Il est impossible que ces héros du fanatisme révolutionnaire ne fussent pas de bonne foi...»

⁶⁰¹ Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. Recueil de documents, т. II, Paris, 1899, p. 20 и сл. 29 prairial an 3 (17 juin 1795).

⁶⁰² Национальный архив. W. 548. № 1. Au chef de l'état major de la force armée parisienne (du 29 prairial): La commission vous prévient, citoyen, que la force armée tant à pied qu'à cheval, qui fait le service auprès d'elle depuis le vingt trois du courant, peut être re-tirée.

⁶⁰³ «Journal des hommes libres», 1 messidor.

⁶⁰⁴ «Le Républicain français», № 934, decadri, 30 prairial: Qu'on juge par l'énergie de ces traitres le sort qui nous était réservé s'ils eussent triomphé.

⁶⁰⁵ «Moniteur», Quartidi, 4 Messidor an 3: Tout homme sensible qui lira ces détails pensera sûrement comme moi, que quels

qu'aient été les crimes des coupables,— de pareils tableaux finissent par fatiguer l'imagination, contrister l'âme et faire souffrir l'humanité.

⁶⁰⁶ «La Révolution française», t. XIX, p. 238 (Низд. письма Кассани).

⁶⁰⁷ Национальный архив. W. 548. Copie des lettres, № 1. Du 12 messidor. Au Comité de sûreté générale: Citoyens représentants, en vertu de la loi du 6 prairial, dont nous joignons ici la copie, le tribunal criminel s'est cru obligé de nous renvoyer toutes les affaires relatives à la journée du 12 germinal. Vous verrez que cette loi ne donne pas une attribution directe à la commission et qu'il faudrait nécessairement une loi précise pour qu'il puisse s'occuper de ces affaires; nous vous invitons à faire cesser nos incertitudes qui nécessitent des retards à la mise en jugement des prévenus, en nous faisant passer ou un arrêté explicatif ou en provoquant une autre loi qui détermine d'une manière positive notre compétence.

⁶⁰⁸ Национальный архив. W. 547. № 45. Affaire de François Nar-gaud condamné à une année de détention par jugement de la commission militaire de 2 Messidor.

⁶⁰⁹ Там же, № 47. Séance du deux messidor, an 3: ...qu'il étoit impossible d'avoir confiance aux députés actuels, qu'il falloit prendre des ouvriers et les patriotes incarcérés depuis le neuf thermidor, que ceux-là ne tromperoient pas le peuple...

⁶¹⁰ Там же, № 48. Séance du 4 messidor.

⁶¹¹ Там же. W. 547. № 50. Louis Jean Morand. (Séance du 7 messidor).

⁶¹² Там же, № 53. Louis Duclos (11 messidor).

⁶¹³ Там же, № 54.

⁶¹⁴ Там же. W. 547. № 56. Jean-Baptiste Combes. Séance publique du 12 messidor an 3... d'avoir gesticulé, menacé les représentants et demandé avec fureur du pain et la constitution de 1793...

⁶¹⁵ ...qu'avec un quartieron de pain il ne pouvoit pas vivre et que c'étoit abominable...

⁶¹⁶ Там же. W. 547. (Bureau central du canton de Paris).

⁶¹⁷ Там же. W. 547. № 55. Martin Tacque. Paris, le 12 messidor an 3. (Séance publique.) Там же, Paris, le 12 messidor (протокол казни).

⁶¹⁸ Там же, № 57. Pierre Kerkove (séance du 12 messidor):... a dit qu'il ne sait comment cela s'est fait, qu'il étoit gris et qu'il ne sautoit pas ce qu'il faisoit.

⁶¹⁹ Там же, № 61. Mathurin Berthelot (16 messidor).

⁶²⁰ Там же. W. 547. № 58. Claude Perreau. (Séance du 13 messidor).

⁶²¹ Там же, № 59. Jean-Nicolas Ridde (14 messidor).

⁶²² Там же, № 60. J. A. Barrois et François Trippier.

⁶²³ Там же. № 62. Pierre Salagniat et Claude Antoine Fouquet (Séance publique du 16 messidor an 3).

⁶²⁴ Там же, № 63. Robert Croppé (16 messidor).

⁶²⁵ Там же, № 65. Jacques Sulpice Carré (19 messidor).

⁶²⁶ Там же, № 64. Claude Perrin, Paris le 13 messidor an 3: ...prévenu d'avoir dit le premier prairial au sein de la Convention Nationale: point de constitution démocratique, au péril de son sang qu'il vouloit Louis Dix-Sept (подчеркнуто в подлинной рукописи протокола заседания 18 мессидора).

⁶²⁷ Там же. W. 547. № 52. Josephine Rouyère, etc. (8 messidor).

⁶²⁸ Там же. W. 547. № 46. Catherine Louise Vignot (2 messidor).

⁶²⁹ Там же, № 66. Françoise Ribo femme Germain (29 messidor).

⁶³⁰ Национальный архив. W. 548. Loi portant que le nommé Magnier dit Brutus etc. 25 Prairial an 3.

⁶³¹ Там же. W. 548. № 67. Antoine-Louis-Bernard Magnier, dit Brutus. Допрос 21 мессидора: Je rougis d'avoir applaudi au neuf thermidor. Ср. дальше письмо к Помму.

⁶³² Там же. В письме от 21 жерминаля (из Реннской тюрьмы) члену Конвента Помму пишет: C'est aujourd'hui le deux cent quarante sixième (jour) de ma captivité. Значит, к 21 жерминаля (10 апреля 1795 г.) он уже просидел в заключении 8 месяцев и шесть дней.

⁶³³ Там же. De la prison Porte-Marat à Rennes. L'infâme comité de dévastation générale... Le quatorze prairial troisième année de la République française, une et indivisible, mais jusqu'à présent problématique.

⁶³⁴ «Je livre donc à votre rage dévoratrice et inextinguible une nouvelle victime, c'est moi. Frappez, frappez, bourreaux, j'ai le noble orgueil de vous dire qu'il n'est pas un français qui ait plus justement mérité de tomber sous vos coups que moi».

⁶³⁵ «...Nous ne sauriez croire quelle douleur je ressens de ce que les différentes tentatives que l'on a fait (sic!) pour anéantir le despotisme thermidorien n'ont pas été couronnées de succès».

⁶³⁶ «Je frémis encore en parlant de Robespierre et je me reproche continuellement l'erreur où je suis tombé involontairement en croyant un instant qu'il étoit coupable, mais cette erreur a été bientôt dissipée, quand je me suis aperçu de la funeste réaction que l'horrible événement du neuf thermidor a préparé et que je vois compléter de jour en jour avec plus d'effronterie».

⁶³⁷ «Il est de votre intérêt de me joindre à ces généreux citoyens que vous faites envoyer à la mort pour avoir conspiré votre perte, car jusqu'à mon dernier soupir je m'écrirai que les montagnards étoient les seuls patriotes, bien plus je jure de venger la mort de ceux que vous assassinez, en plongeant le poignard de Brutus dans le sein du premier de vous que je pourrois rencontrer ne fut ce que dans trente ans. Je vous à l'exécration la bande usurpatrice et contre-révolutionnaire qui ose encore se nommer Convention nationale. En est-il assez de cette lettre, cruels tyrans, pour diriger sur moi toute votre colère... J'ai fini, scélérats, puisse-t-elle, cette lettre, être pour vous tous la tête de Méduse».

⁶³⁸ Там же. W. 548, № 67. Magnier... à Pomme... actuellement membre de la Convention nationale: d'après ce narré et la manière dont il est fait, tu vois tout de suite de quel parti je suis.

⁶³⁹ Там же. Допрос 21 мессидора, пункт 31: ...et qu'il est aussi impossible de faire de lui l'ami du gouvernement actuel que de républicaniser le Roi de Prusse.

⁶⁴⁰ Там же. De la maison d'arrêt des Quatre-Nations, le seize messidor 3-me année républicaine. Liberté, Egalité, la Démocratie ou la mort. Brutus Magnier ex-président d'une commission établie pour juger les brigands.— Aux égorgeurs des patriotes, réunis dans une étale qu'ils appellent aussi commission militaire. Messieurs, je suis arrivé d'hier et tout en rendant justice au zèle que vous employez pour

remplir les vues de vos dignes instituteurs les gouvernants; je vous invite à ne pas m'oublier; frappez, frappez, bourreaux, je mourrai en criant vive la République! L. B. Brutus Magnier.

⁶⁴¹ Там же. Допрос 21 мессидора, пункт 27.

⁶⁴² Там же. Допрос 23 мессидора, пункт 7: ..a dit... qu'il ne vote leur mort que parce qu'il les croit dans l'intention de donner à la France un gouvernement monarchique ou tout au moins aristocratique; mais s'ils sont républicains et qu'ils ne diffèrent avec lui, répondant de sentiment que sur les moyens d'asseoir la démocratie il verra avec plaisir tomber sa tête en expiation d'une erreur où il n'est tombé que par amour pour sa patrie.

⁶⁴³ Там же. W. 548. № 67. De la maison d'arrêt de Rennes, le 21 germinal, troisième année de la mort de titan (sic!) et de la république française jusqu'à présent et aujourd'hui plus que jamais problématique: ...c'est nous rappeler à tous les deux ces temps heureux et ces lieux chéris où dans l'abondance du cœur et dans les sentiments du plus pur désintéressement nous aspirions par nos voeux et nos travaux à la liberté de notre patrie...

⁶⁴⁴ «Je termine, Pomme, en te conjurant au nom de la justice de faire en sorte que le tribunal me juge promptement; quand je me serai lavé des dilapidations qui me sont imputées — car je ne veux pas laisser la moindre tâche sur ma réputation, surtout du côté de la probité — je prêcherai partout l'insurrection du peuple contre les tyrans, j'irai à la barre du sénat contre-révolutionnaire faire ma profession de foi et j'espère qu'il m'épargnera la douleur de voir plus longtemps tant d'infâmes en me faisant assassiner ou du moins en m'accordant les honneurs de la déportation...».

⁶⁴⁵ Там же. W. 548. № 67. Допрос Magnier. Paris, le vingt un messidor, an 3.

⁶⁴⁶ Там же. Допрос 23 мессидора: ...que c'est tous les hommes qui marchoient dans le sentier de la république démocratique.

⁶⁴⁷ Там же. W. 548. Démocrite ou journal de Midi. Du 24 pluviose. Prospectus. C'est un homme de sang qui se fait gloire d'être du nombre de ces patriotes énergiques qu'on entasse chaque jour par milliers dans les prisons, qui veut aussi se mêler de faire un journal lequel paraîtra tous les jours à midi. Charmer ses ennemis, encourager ses compagnons d'infortune à la patience voilà son but; analyser les papiers publics, présenter des réflexions critiques sur les événements voilà son plan de travail. Le titre de cette feuille périodique paraîtra singulier; je semble plaisanter quand tout ce qu'on voit aujourd'hui n'est fait que pour arracher des larmes; je conviens que les conspirateurs sont aujourd'hui au pinacle, mais quelques puissants qu'ils soient on ne peut que rire les vils moyens qu'ils emploient pour anéantir la liberté... que ceux qu'on a mis hors d'état de servir la patrie autrement que par leurs voeux soient toujours en belle humeur...

⁶⁴⁸ Démocrite, n°l, du 24 pluviose:... Ah, que maintenant tout est bien changé! Qu'au'tum mutatus ab illo! Patriotes, patriotes, qu'avez vous fait depuis ce maudit neuf thermidor... eh! quoi? vous avez souffert que des nobles, des prêtres, des fédéralistes prissent sur vous le dessus, que dis-je? vous le souffrez encore. Poltrons, vous avez peur d'être guillotinés si vous montrez de l'énergie. Eh! ignorez-vous que si vous n'en montrez pas et si vous vous laissez subjuguer, vous serez tous pendus, oui, oui, pendus.. Que faut-il faire, me direz

vous? Jouir de vos droits et vous insurger contre ceux qui les violent quels qu'ils soient. Je vous donnerai mes idées sur les moyens d'opérer une insurrection immanquable dans sa marche, comme dans ses effets...

⁶⁴⁹ Национальный архив. W. 548. № 67. 24 messidor, 3 année républicaine. Brutus Magnier à la commission militaire (...je vous conjure au nom de l'humanité de lever l'ordre qui me tient au secret...)

⁶⁵⁰ Там же. Ex carcere quator gentium 24 die messidori mensis anno respubicae tertio. Brutus Magnier Martialis Comitatus judicibus: ...atque generalis utilitatis non offertur ulla causa ut in secretis remaneam nullula quidem allegari portest. И дальше: Sin minus dicam alta voce vos omnes esse plus quam perversorum gubernantium instrumenta caeca.

⁶⁵¹ Там же. Du dépôt de la Commission militaire le 24 messidor, etc. 4-я строфа: Tremblez, thermidoriens perfides, — Redoutez notre désespoir, — Tremblez, vos projets parricides — Ne rempliront pas votre espoir. — Si la Montagne libre et fière — Succombe, vous triompherez, — Mais certes vous ne régnerez — Que sur un vaste cimetière. Характерна и 9-я строфа: Avec quelle fureur impie — Ces insatiables Caesars — Envoyent à la boucherie — Les intrépides montagnards! — Je rougirais de vous survivre — O généraux républicains! — Heureusement vos assassins — M'accordent l'honneur de vous suivre. — Ни тени уныния в нем нет (ср. 7-ю строфу). Mais c'en est fait des patriotes — Les thermidoriens ont vaincu; — Eh bien, malheureux sans-culottes! — Votre cœur est-il abattu? — Pour moi, je reste imperturbable... — Tel j'ai vecu, tel je mourrai — Mon serment est inviolable, — Bourreaux de mon pays, frappez je vous attends! — Brutus jusqu'à la mort maudira les tyrans!

⁶⁵² Там же. Je m'en vins de Rennes à pied — Convenez-en, la chose est dure; — Le Sénat n'avait pas pensé — De m'accorder une monture. — Voyez à présent — qu'il est prévoyant: — Je vais au supplice en voiture.

⁶⁵³ Там же. W. 548, № 67. Допрос 21 мессидора, пункт 16-й.

⁶⁵⁴ Там же. W. 548. № 67. Допрос 23 мессидора, пункт 7-й (...le mouvement majestueux d'un peuple qui dit à ses mandataires, faites cela parce que je le veux).

⁶⁵⁵ Там же. Mon dernier mot (Déposé sur le bureau de la commission militaire par Magnier, en séance publique le 24 Messidor an 3).

⁶⁵⁶ «...vous eussiez vu les adresses de félicitations pleuvoir, et qui sont ceux qui les auroient envoyés? Ceux mêmes qui en rédigent aujourd'hui en sens contraire»..

⁶⁵⁷ «Moniteur», 28 prairial an 3. Suite de la séance du 25 prairial: ...le style extravagant de cette lettre, le délire sanguinaire qui l'a dictée pourraient vous faire croire que cet homme ne jouit pas de la plénitude de sa raison...

⁶⁵⁸ Национальный архив. W. 548. № 68. Jacques-François-Louis Richer et Pierre-Désiré Brochet (3 Thermidor).

⁶⁵⁹ Там же. № 71. Jean Harmon Elisabeth Forgeot, Marie Duquilleux femme Garnier (4 Thermidor).

⁶⁶⁰ Там же. № 72. Hyacinthe Compagne femme Montot.

⁶⁶¹ Там же. № 731. Jean-Marie Simonnet condamné à la déportation, etc.

⁶⁶² Там же. № 74. Jean Marie Lafond mis en liberté... (8 Thermidor).

⁶⁶³ Там же. № 75. Jacques Brabant mis en liberté par jugement du 5 Thermidor.

⁶⁶⁴ Там же. W. 548. № 76. Jean Thevenin mis en liberté par jugement du onze thermidor.

⁶⁶⁵ Там же. № 77. Jean Vincent Augé mis en liberté par jugement du 11 thermidor.

⁶⁶⁶ Национальный архив. BB⁷—4.—Paris le 3 messidor de l'an 3. La Commission de revous nationaux à la Commission des administrations civiles, police et tribunaux: Le dénouement absolu de bois à brûler dans lequel nous nous trouvons, citoyens collègues, nous empêche d'en envoyer sur-le-champ quelques brassées à la Commission militaire... nous vous observons, citoyens collègues, que malgré notre empressement à pourvoir aux besoins de cette commission, nous ne pouvons lui fournir que les objets mobiliers qui sont à notre disposition.

⁶⁶⁷ «L'Orateur du peuple», № CXLIV du 28 messidor 107: On parle encore de haines, de vengeances; on parle de cette commission militaire qui n'est point encore abolie et qui cependant suivant son but et son essence, n'aurait dû subsister que quelques jours; pourquoi ce glaive n'est-il pas rentré dans le fourreau?

⁶⁶⁸ Национальный архив. W. 548. Registre № 2, предпоследний лист.

⁶⁶⁹ Там же. Procès-verbal de clôture des séances de la Commission militaire. Du Dix-sept thermidor an 3: ...elle a marché d'un pas assuré, dans une carrière, à la vérité, neuve pour les militaires.

⁶⁷⁰ Национальный архив. F⁷. 4411—B. Aux citoyens composants le Comité de salut public de la Convention nationale. Fontainebleau, 2 messidor an 3. (Подписано: Adam, secrétaire de la commune de Fontainebleau): Le citoyen Adam s'aperçoit que depuis le premier prairial dernier il y a dans la commune quelques hommes égarés qui se réunissent et lui paraissent chercher à troubler l'ordre social. Il veut citer notamment le citoyen Quevanne, homme d'esprit ayant appartenu à la ci-devant reine... il est en ce moment d'autant plus dangereux qu'il est président de la Société populaire. Le 20 prairial dernier il y a lu un mémoire anonyme et une liste sur laquelle étaient dénoncés les patriotes qu'il n'aime pas.

⁶⁷¹ La Révolution française, т. XIX, p. 238.

⁶⁷² Baudot, op. cit., p. 162: Après le 1 prairial il ne resta dans la Convention que quinze à vingt républicains au plus qui lutèrent avec courage jusqu'à la fin contre l'immense majorité qui mettait à profit ses victoires contre la République.

⁶⁷³ Там же, ср. 67—68: Il y avait un grand instinct de liberté à la Convention nationale, mais aussi beaucoup d'ignorance; les ignorants votaient avec la Montagne contre les girondins, et avec les débris de la Gironde en faveur de la réaction. Ils voyaient toujours le parti le plus sage dans le parti le plus fort. C'est ce qu'on appelait le Marais... Soit à la Convention, soit plus tard cette espèce a toujours été le pire de tous les maux politiques.

⁶⁷⁴ Национальный архив. F⁷ 4411—B. Paris le 26 prairial an 3. Le Comité de salut public... au Comité de sûreté générale: Les bruits qui s'étaient répandus depuis quelques jours et qui nous menaçaient

de quelque désastre pour le 25, ayant pu se propager, ne penseriez-vous pas qu'il serait à propos d'annoncer par une lettre circulaire à toutes les administrations des départements que la tranquillité publique n'a point été troublée.

⁶⁷⁵ Mallet du Pan, op. cit., v. II, p. 148, 17 juin 1795: La disette est toujours au même point, on s'y habite, on n'en murmure plus. Le louis d'or valait le 13e à Paris cinq cent soixante francs... Les campagnes profitent de cette détresse, vendent toutes les denrées à des prix excessifs et sont assez contentes de ce régime. Les villes sont au désespoir; mais ce désespoir n'inspire aucun projet.

⁶⁷⁶ Национальный архив. BB³—82. Commission de police administrative de Paris aux membres composants la commission des administrations civiles police et tribunaux. Paris, le 19 messidor de l'an 3: Nous avons reçu la lettre... par laquelle vous nous faites part de votre sollicitude relativement aux gâteaux, brioches et pâtisseries que les pâtissiers et même d'autres professions étaient sur les dehors du boutiques; nous avons eu connaissance de cette infraction à la loi, etc... Quant au second objet de votre lettre, relativement à la vente publique du pain autre que celui distribué par les boulangers, nous pensons avec vous que cela présente de grandes difficultés, mais avons nous le droit de resserrer ces ventes dans les boutiques et d'en empêcher la publicité?

⁶⁷⁷ Национальный архив BB³—82. Paris le 25 messidor de l'an 3. La Commission de police administrative de Paris à la Commission des administrations civiles, etc. (черновик): Citoyens, nous vous croyons mal informés si l'on vous a assurés que les commissaires de police font leur devoir pour empêcher conformément à la loi que les pâtissiers ne fassent et ne débîtent des brioches, pâtés et gâteaux, car la plupart depuis cette loi n'ont pas cessé un moment d'en vendre publiquement et s'il fallait en nommer un entre cent nous (nommerions) celui établi entre la ci-devant porte des Jacobins et la rue de la Fourdière. Ce pâtissier n'a sans doute jamais été repris puisqu'il continue d'étaler un grand nombre de ces mets de luxe au grand mécontentement et aux murmures sans cesse répétés des citoyens... ces exemples frappants de négligence des commissaires de police etc., etc.

⁶⁷⁸ Там же. Paris le 2 thermidor. Commission administrative de la police de Paris au chargé de pouvoir de la commission, etc.: Nous avons écrit plusieurs fois au commissaire de police de la section de la Butte des Moulins pour la négligence qu'il met dans l'exécution de la loi du premier prairial contre les pâtissiers qui exposent en vente des mets de luxe. Nous lui avons écrit de nouveau en lui signalant le pâtissier établi rue Honoré, etc..

⁶⁷⁹ Journal du bonhomme Richard, № II (messidor an 3): Il n'existe vraiment de Convention Nationale que depuis le premier Prairial. Tout ce que nous avons vu avant cette époque ne fut que l'ouvrage du délire ou des passions.

⁶⁸⁰ Там же. № III, ср. 23: A quelque chose le malheur est bon. Peut être sans la mort de ce pauvre Féraud qui étoit mon camarade et que je regretterai toute ma vie, auroit-on tourné longtemps encore autour du pot pour se décider à prendre de grandes et vigoureuses mesures... Falloit-il que nous achetassions au prix de ta tête le calme dont nous jouissons aujourd'hui!

⁶⁸¹ Там же, № XIII, ср. 101: Mais qu'on se dépêche donc, car en

attendant on augmente tout si prodigieusement que bientôt il faudra que tout le monde mette ses dents au crochet, qu'on aille sans chemises, sans souliers, sans chapeaux, sans bas, sans culottes tout-à-fait...
⁶⁸² Recueil, v. II, p. 89—90. 29 messidor an 3 (17 juillet 1795).

⁶⁸³ Бумаги Jullian'a, No 18. Détails des aveux importants qui sont échappés à la femme Carle, complice des assassins de la Réprésenta-tion nationale: Puisqu'un député a été assassiné dans le sein même de l'assemblée et sa tête sanglante percée au bout d'une piue devant le bureau du président: puisque cet acte atroce et inouï est attribué au peuple et ne peut que révolter la France entière et affaiblir la haine contre les royalistes: n'est-il pas essentiel de publier la preuve matérielle qui fait rejallier sur eux toute l'horreur de ce crime. Ces monstres assassinent les députés pour accuser Paris de leurs assassinats, soulever contre Paris les départements indignes et allumer la guerre civile. (Эти рукописи Жюллиана являются личной собственностью известного историка Жоржа Буржена, который с обычной любезностью предоставил их мне для использования).

⁶⁸⁴ Там же: Elle regrette le gouvernement d'un seul, elle voit du même oeil tous les députés. Elle annonce froidement leur mort prochaine. Elle développe les sentiments non cachés d'un fanatique royalisme. Elle est pour le caractère et la résolution comme une autre Corday... Elle a pris du café avec nous et n'a voulu en goûter qu'après que nous en avons goûté nous-mêmes. Elle paraissait redouter le poison et tout autre genre de mort que la guillotine avec laquelle son imagination s'était d'avance habituée.

⁶⁸⁵ Национальный архив. W¹—Q^a 5. № 241. Pièces faisant partie de l'affaire de la fille Carle. Одно письмо помечено: Paris ce 3 septembre 1793. Другое — без даты, но, по смыслу, писано позже первого.

⁶⁸⁶ Национальный архив. W. 490, Pl. 444. Ce 3 vendémiaire, etc.: il me semble que nous sommes dans une tyrannie plus grande que jamais, que nous ne pouvons être jugé que par des despotes.

⁶⁸⁷ «...il y a longtemps que ma tête serait en bas pour mon bien»...

⁶⁸⁸ В написании имени этой женщины документы часто разнятся: Miguelliv, Miquelly, и даже: Michelly.

⁶⁸⁹ Национальный архив. Pièce 8. Tribunal Révolutionnaire. (Fait et jugé en la chambre du conseil le treize frimaire an trois.)

⁶⁹⁰ Бумаги Jullian'a. Paris, ce 5 prairial: c'est aux royalistes seuls qu'appartient l'horreur de ce crime.

⁶⁹¹ Там же. Sur le 1 prairial.

⁶⁹² Бумаги Jullian'a: Notes remises au Comité de sûreté générale les 20, 21 et 22 prairial par des républicains détenus à la Conciergerie, etc.

⁶⁹³ Там же. Observations générales et particulières.

⁶⁹⁴ Там же. Le lendemain j'ai su que l'en allait me dénoncer pour avoir acheté Féraud et pour que mes ennemis ne tirassent pas profit de ma peau et ne réussissent pas le prix de leur dénonciation, j'ai mieux aimé m'aller dénoncer moi-même.

⁶⁹⁵ Национальный архив: W. 548. Copie des lettres № 1. Du 23 messidor. Au Comité de sûreté générale: La Commission militaire ayant recu du concierge de la maison d'arrêt des Quatre-Nation copie d'une lettre écrit à la Commission par la nommée Charlotte Miguelly et dont l'original est resté entre les mains du concierge pour lui ser-

vir à découvrir celui qui serv de secrétaire à la d. Miguelly, arrête que le chef d'escadron Taimet, un de ses membres, se retirera sur l'heure auprès du Comité de sûreté générale pour lui donner connaissance et copie de cette lettre.

⁶⁹⁶ Там же. Du 17 prairial. Au Comité de sûreté générale: Ecrit au Comité pour lui demander les pièces de Françoise Carie Michelly (sic!), détenue à la Conciergerie.

⁶⁹⁷ Des essarts, op. cit., v. VII. Procès et supplice d'Aspasie, l'un des assassins du représentant du peuple Féraud.

⁶⁹⁸ Там же. v. VII, p. 57.